

Писатели мира детям

ПРОСВЕЩЕНИЕ

2 р. 70 к.

Писатели мира детям

ХРЕСТОМАТИЯ
ПО ЗАРУБЕЖНОЙ ДЕТСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ

Составитель Э. И. Иванова

ББК 83.8
П34

Рецензенты: член Союза писателей СССР И. П. Токмакова; член-корреспондент АПН СССР, доктор филологических наук В. Я. Лакшин.

Писатели мира детям: Хрестоматия по зарубеж. дет. лит./Сост. П34 Э. И. Иванова.— М.: Просвещение, 1991.—383 с.: ил.— (Б-ка воспитателя дет. сада).— ISBN 5-09-003531-8.

В хрестоматии представлены образцы мирового фольклора, поэтические и прозаические произведения зарубежных писателей XIX—XX вв. для детей младшего, среднего и старшего дошкольного возраста.

Книга адресована воспитателям детского сада.

П-4305000000—889
103(03)—91 подписное

ББК 83.8

ISBN 5-09-003531-8

© Иванова Э. И., 1991

Уважаемые воспитатели!

Цель хрестоматии «Писатели мира детям» — помочь юному слушателю-читателю овладеть начальными знаниями в области мировой литературы для детей, познакомить с произведениями классической литературы, вошедшими в круг детского чтения; воспитать его эстетически на лучших образцах, созданных талантливыми писателями разных стран, развить чувство подлинного интернационализма, уважения к достижениям культуры народов мира.

Еще на ранних этапах истории человечества люди не только заботились о поддержании своего существования, но и стремились сохранить свое племя, свой род. Все, что способствовало воспитанию сильного, ловкого, смелого человека, стало содержанием колыбельных песенок, потешек, загадок, сказок. Жизненный опыт, мудрость взрослого, своего рода поучение преподносились детям в простых и доступных их пониманию формах, о чем свидетельствует фольклор любой страны. Поэтому в устном народном творчестве самых разных, даже весьма отдаленных друг от друга стран много общего.

Памятники древней литературы — мифы, легенды, сказания — отражают высокое представление о человеке и его призвании на Земле, эстетические идеалы; звучат подлинным гимном труду, разуму, истине, добру и красоте.

Собственно детская литература возникает в XVII—XVIII веках, первоначально как литература дидактическая, поучительная, однако постепенно в лучших своих образцах она выходит за рамки назидательности. Авторы произведений для детей обращаются прежде всего к устному народному творчеству. Так, Шарль Перро впервые сделал литературно обработанную народную сказку достоянием детей.

XIX век с деятельностью романтиков, открывших широкой читательской публике устное народное творчество, национальные истоки литературы каждого народа, способствовал дальнейшему развитию детской литературы. Появляются сборники народных и литературных сказок братьев Гримм, Х. К. Андерсена и многих других писателей. Маленький читатель получает также книги, которые показывают ему подлинную жизнь его сверстников, запечатленную в художественных картинах. Так детская литература становится самостоятельной отраслью большой литературы.

Романтизму принадлежит и открытие детства как самоценной стадии духовного развития человека. Детство в произведениях романтиков осмысливалось как драгоценный мир в себе, глубина и прелесть которого притягивают взрослых. Взрослость же трактовалась как пора, утратившая непосредственность и чистоту детства. Однако романтизму принадлежит не только открытие детства, но и его идеализация, умиление перед ним. Ребенок в литературе какое-то время был фальшиво-совершенным, с него снималась ответственность за собственные поступки и чувства. Тем самым малышу отказывалось в главном — в уважении, признании его как личности, как человека, со всей мерой ответственности перед обществом.

С развитием реалистических тенденций, углублением психологизма в детской литературе утверждается объемный, многогранный образ детства. Писатели

открывают в детстве истоки развития человечества, проникают во внутренний мир ребенка, постигая сложность и глубину характера юного человека, показывают, как формируется личность в противоборстве светлых и темных начал, как она воспринимает радость и горечь мира, его гармонию и противоречия. Основное, что определяет творчество лучших писателей, — доверие к детству, уважение к растущему человеку, умение видеть в нем потенциальные возможности и задатки, перспективы развития.

XX век с его революциями, войнами, социальными контрастами, жесточайшими противоречиями, политическими страстями изменил детскую литературу. Тревоги мира ворвались на страницы книг для детей. Герои их — существа социальные, они по-своему бунтуют против бесчеловечности, отстаивают свое право на детство, на любовь, понимание и дружбу.

Проблемы современности проникают не только в реалистические произведения, но и в литературную сказку. Она видоизменяется как жанр, но по-прежнему заключает в себе надежду на торжество человечности, доброты и милосердия, которое требует и нравственных, и действенных усилий.

Век научно-технической революции породил жизненно важную для всего населения Земли проблему — экологическую. Поэтому в современной детской литературе значительное место занимают книги о природе, животных. Воспитывать в ребенке любовь ко всему живому, бережное отношение к природе — такие задачи решают писатели-натуралисты.

Сегодняшняя детская литература необычайно разнообразна жанрово и тематически. Лучшие писатели мира отдают свой талант детям, ибо понимают, что будущее в руках подрастающего поколения.

При подготовке хрестоматии составитель, как уже говорилось, руководствовался целью познакомить детей с литературой разных эпох и разных жанров. В книгу включены образцы мирового фольклора, произведения писателей-классиков, не предназначавшиеся первоначально для детей, но со временем вошедшие в круг детского чтения, и, конечно же, литературные произведения прошлого и современности, непосредственно адресованные детям.

Отбор литературных текстов определялся и возрастными особенностями детей-дошкольников. В хрестоматию вошли произведения и для самых маленьких, и для пяти-шестилетних.

Для удобства читателей литературный материал расположен в книге в алфавитном порядке географических названий стран. Принцип размещения художественных текстов внутри разделов хронологический — от фольклора к произведениям современных авторов.

Секрет воздействия художественных произведений — в представлениях, которые они вызывают у слушателя-читателя, заставляя его мыслить, сопоставлять, делать выводы, познавать красоту, мудрость и силу вымысла, в эмоциях, ими порождаемых. И самое главное: с помощью литературы юный человек, по выражению Поля Элюара, поднимается в своем мирознании «от горизонта одного к горизонту всех». Поэтому так важно после прочтения сказки, рассказа, стихотворения побеседовать с ребенком, обменяться впечатлениями, растолковать непонятное, может быть, что-то перечитать, что-то заучить наизусть, а то и поиграть в прочитанное.

Надеюсь, что путешествие, которое совершат дети с вашей помощью по страницам этой книги, окажется для них увлекательным и полезным.

ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ

ЧАРОДЕИ ДЖЕДИ

В других странах царей называли царями. В одном лишь Египте называли их фараонами. А все оттого, что жили египетские цари в огромном дворце. Второго такого не выстроили в целом мире. Каменных статуй стояло там больше, чем в войске иного царя числилось лучников. Среди колонн, как в пальмовой роще, заблудиться было не трудно.

Хозяевам честь воздается по дому. Как же таких величать, чей дом в три дня ногами не обойдешь, на колеснице за день не объедешь? Вот и стали хозяев дворца называть фараонами. «Фараон» то же самое означает, что и «большой дом». А чтобы не спутать одно с другим, говоря о его величестве, добавляли почтительно: «Да будет он здрав, силен и могуч!»

Когда умирал бедняк, его зарывали в яму. Для вельможи в скале вырубали гробницу. Когда умирал фараон, саркофаг с его мумией помещали в пирамиду, огромную, словно гора.

Выходило, что снова владыка оказывался в «большом доме».

Пирамиды такие огромные, что за вершинами вечером прячется солнце. Птицам приходится огибать каменные громады. Но ни одна пирамида не сравнялась по высоте с пирамидой Хеопса. Двадцать лет строители громоздили камни, укладывали над рядом ряд, пока не поднялась пирамида под стать фараоновой славе и не коснулась вершиной лазуритовой синевы небес.

«Владыкой, великим мощью», «яростным львом» и «могучим быком» называли Хеопса. Люди, земля и вода были ему подвластны. По его слову скалы сдвигались с места. По его велению Нил выходил из берегов и вновь возвращался. Только с одним не умел совладать фараон — с собственным сердцем.

Запала однажды в сердце его тоска и невыносимая скука.

Мрачный, без цели бродил Хеопс по дворцу. И там, где звучала поступь тяжелых шагов, становилось так тихо, что делался слышен звон золотой змеи на короне владыки.

— Звезда, предвестница бури, появилась на небосводе, — шепотом говорили придворные, и в страхе прятались за колонны и статуи.

— Жди стрелу, коли лук натянут,— говорили другие, жавшиеся вдоль стен.

Пока они так шептались, Хеопсу наскучило ходить из одного зала в другой. Он опустился в кресло и, положив ладони на соколиные головы золотых подлокотников, вымолвил властно:

— Царевичей сюда.

Придворные отделились от стен и бросились исполнять приказание. Они побежали с такой поспешностью, словно хотели обогнать собственные тени.

Царевичи прийти не замедлили.

Первым вошел старший царевич Хефрэн. Был он рослый и сильный. Пробить стрелой с костяным оперением бронзовый щит толщиной в три пальца для него не составляло труда.

Вторым явился средний царевич, по имени Бауфрэн. О его красоте и статности шла молва по всему Египту.

Вслед за старшими братьями явился и третий сын фараона, ласковый и приветливый Дедефгór. Крепким сложением младший царевич не отличался, зато говорили, что не найти такого папируса, который бы не прочитал Дедефгор.

Вошли царевичи в зал, и показалось, что ярче полился свет из окон под потолком. Это лица у всех просветлели. Один фараон оставался по-прежнему мрачным: лоб рассклели глубокие складки, глаза недобро смотрели из-под сведенных бровей.

— Скучно мне,— промолвил Хеопс, и змея на короне отозвалась тревожным звоном.— Позади меня вечность, и впереди меня вечность. Воздвигли для меня пирамиду под стать моему могуществу. Слава о моей силе вышла за пределы Египта. Не обращал я спину к врагам, но встречал их лицом к лицу, как подобает воину. Стойко сердце мое в миг схватки, тверже скалы в миг опасности. Но вот запала в него тоска и невыносимая скука. Потешьте меня, царевичи, рассказами о чудесах, случавшихся в старину.

Царевичи ослушаться не посмели, начали вспоминать.

Первым предстояло вести речь старшему из сыновей.

— В давние времена,— начал Хефрен,— жил чародей по имени Убайнер. Он сотворил немало чудес, но одно прославило его навеки. Вот как это случилось.

Повадился в дом Убайнера похаживать злой человек, а попросту говоря, вор.

Только хозяин из дома — вор в дом. То платье новое унесет, то в беседку у пруда заберется и самые вкусные яства прихватит.

Убайнер такое бесчинство долго терпеть не стал, кликнул слугу:

— Эй, малый! Поддай мне ларчик из черного дерева, окованный золотом, да принеси кусок самого чистого воска.

Слуга исполнил, что велено.

— Вот, господин, черный ларчик в оковке, вот и воск. Поутру взяли его из улья.

— Положи все, а сам ступай.

Оставшись один, Убайнер принялся разминать светлый воск. Он мял его и давил, вытягивал и сворачивал, пока не вылепил крокодила. Словно живой получился Хозяин воды: зубастая пасть приоткрыта, длинный хвост струной вытянут, глаза круглые, злые. Только крокодил был не зеленый, а желтый.

Но Убаинер знал, как делу помочь. Он поместил восковую фигурку в чашу с водой, достал из ларчика свиток папируса и принялся читать заклинания:

— Спустись яд скорпиона Тётет, всплыви яд скорпиона Чётет. Схватите вора, схватите вора!

Много страшных слов произнес чародей. Вслух их лучше не повторять.

Вода замутилась, вскипела, пошла пузырями. Потом успокоилась. Убаинер склонился над чашей и видит: на дне, словно в маленьком озере, лежит крокодил. Вылепил он его желтым, стал крокодил, как в жизни, зеленым. Даже черные пятна на спине обозначились.

Чародею другого и не нужно было. Он снова кликнул слугу:

— Эй, малый! Возьми восковую фигурку из чаши, а когда появится вор, забрось ее далеко в пруд.

Слуга исполнил, что велено. Только вор прокрался к беседке, он бросил фигурку в пруд. Что началось тут! Вода замутилась, вскипела, пошла пузырями. Волны вздыбились, словно ожившие скалы, с силой забили о берег. На гребне самой большой волны всплыл на поверхность Хозяин. Был он из воска — стал настоящим. Был размером в семь пальцев — стал в семь локтей. Увидел он вора, раскрыл зубастую пасть, хвостом по воде ударил.

— Страшный, уйди! Заглатывающий живое, скройся! — завопил не своим голосом вор.

Да не тут-то было. Крокодил схватил его и уволок на дно. Ни того, ни другого никогда больше не видели...

— Вот что за чудо сотворил Убаинер, живший в давние времена. Подобное до него не свершалось.

Царевич Хефрен закончил рассказ, поклонился отцу и встал по правую сторону кресла.

— Воистину Убаинер был мудр, и никто не сумел превзойти его в знании тайного. Пусть принесут в память о нем жертву из хлеба, мяса и благовоний, — промолвил Хеопс. Но взгляд владыки не прояснился, морщины на лбу не разгладились. Золотая змея продолжала звенеть невесело.

Видя такое, заговорил средний царевич, Буафрен.

— Я расскажу твоему величеству — да будешь ты здоров, силен и могуч! — о чуде, которое сотворил мудрец Джаджаманх, живший в давние времена. Вот как это случилось.

Плыла по озеру золоченая ладья с лотосом на корме. Сидели в ней двадцать красавиц, разодетые словно на пир. Платья из тонкого белого льна расцветали блестками и узорами. Ожерелья радугой переливались. Золотые браслеты вились, словно быстрые змейки. Но особенно удивительными казались подвески из самоцветных камней. Камни сверкали в пышных прическах, напоминая нарядных бабочек или блестящих жуков.

— Ветер затеял игру
В пышных ветвях сикомора,
Путнику весело слушать
Шелест зеленой листвы.

Красавицы пели и поднимали в лад песне маленькие весла с золочеными рукоятками. Тихая заводь воды расступалась. Деревья — акации и сикоморы — склонялись над водой.

Вдруг одна из красавиц неосторожно встряхнула косицами. Тут же с ее прически сорвалась подвеска из бирюзы. Не успели опомниться, подвеска рыбкой скользнула в воду.

— Ой!— всплеснула руками красавица и перестала грести.

Пришлось и другим бросить весла. Лад сбился, песня замолкла. Ладья качалась на месте.

Подружки стали предлагать красавице другие подвески.

— Возьми мою малахитовую. Посмотри, она словно трава под чистой росой.

— Возьми мою лазуритовую. Она точно синее небо в полуденный час.

— Вот эту — из красного сердолика.

— Вот эту — из крапчатой яшмы.

— Не хочу, не хочу,— твердила, плача, красавица.— Не нужна мне другая подвеска! Верните мне прежнюю.

Что было делать?

Подружки думали-думали и придумали. «Надо позвать мудреца Джаджаманха»,— решили они.

Сказано-сделано. Послали рабыню за Джаджаманхом, а когда тот пришел, рассказали ему о случившемся.

Джаджаманх встал над озером, голову запрокинул, глазами в небо уставился, ладони к воде обратил. Что он при этом шептал, разобрать никто не сумел, да и опасно вникать в смысл заклинаний. Только расслышали, что чародей повторял то и дело:

— Пади на дно яд скорпиона Тетет, всплыви на поверхность яд скорпиона Четет. Вода расступись, дно откройся.

Вдруг озеро разошлось на две половины, словно воду ножом рассекли. Страшно всем стало. Дальше и того чудесней озеро себя повело.

В одной стороне воды оказалось в два раза больше, чем было обычно. В другой стороне воды не стало совсем. Тут все увидали подвеску. Она лежала на самом дне, словно светящаяся голубая рыбка.

— Вот моя подвеска!— закричала красавица, и слезы высохли на ее щеках.

— Возьми,— сказал Джаджаманх.

Потом он снова руки вытянул, ладони к воде обратил и зашептал тайные слова. Вода не стала противиться заклинаниям, тут же вернулась на место. Озеро сделалось ровным, как прежде. Красавицы сели в ладью, взмахнули весельцами и запели:

— Гладкие листья на солнце
Дух источают медовый.
Веток сплетенных узор
Дарит прохладу и тень.

— Вот какое чудо сотворил Джаджаманх. Подобное до него не случилось,— такими словами закончил царевич Бауфрен и, поклонившись отцу, встал по левую сторону кресла.

— Воистину Джаджаманх был мудр и никто не сумел превзойти его в знании тайного. Пусть принесут в память о нем жертву из хлеба, мяса и благовоний,— промолвил, выслушав все, Хеопс. Но взгляд исподлобья при этом не прояснился. Змея на короне продолжала качаться печально.

Понял младший царевич Дедефгор, что наступил его черед. Он вышел вперед и сказал:

— Твое величество — да будешь ты здоров, силен и могуч! — довольствуется историями, случившимися в давние времена. Что в них правда, что — ложь, уже не проверить. Не лучше ли вспомнить о чародее, живущем в наши дни?

— О ком ты говоришь, царевич?

— О чародее Джеди. Ему минуло сто десять лет, а он за один присест съедает пять сотен хлебов, полтуши быка и выпивает сто глиняных кружек виноградного сусла. Джеди может приставить на место отрубленную голову. Повести за собой без всяких пут льва или быка такой для него пустяк, что об этом и говорить не стоит.

— Где проживает такой объедала и опивала? Должно быть, за краем Египта, за Великой Зеленью моря?

— Не за краем Египта, не за Великой Зеленью — в твоей стовратной столице, на берегу Нила живет чародей.

— Сын мой, я хочу видеть Джеди немедленно.

Сказано-сделано. Дедефгор сел в носилки из черного дерева с лазуритовыми узорами. Рабы подхватили золоченые ручки, и носилки поплыли по городу. Вот миновали дворец, вот позади остались дома богачей в листве сикоморов и акаций. Вот кончились мощные улицы. Пошли пустыри да свалки, жалкие, крытые пальмовыми листьями лачуги медников и гончаров. Старый Джеди жил на самом краю стовратной столицы.

Вот поравнялись носилки с покосившимся глиняным домиком. Вот и сам чародей развалился на рваной циновке возле порога.

Царевич поздоровался с Джеди почтительно, словно с наставником, и сказал:

— Я приехал за тобой, почтенный Джеди, по повелению моего отца, фараона, — да будет он здоров, силен и могуч! Его величество хочет видеть тебя. Отправляйся со мной во дворец, там ты будешь жить припеваючи, а еду получать со стола самого Хеопса.

Такое предложение пришлось Джеди по душе. Он сказал:

— Счастья тебе, счастья тебе, царевич. Пусть возвеличит тебя отец, пусть возвысит над всеми вельможами. Я готов.

Царевич помог Джеди взобраться на носилки и во время пути заботливо поддерживал старика. Когда же носилки прибыли во дворец, царевич немелля доложил о Джеди его величеству фараону.

— Отец, вот доставил я чародея, как ты велел.

— Пусть войдет.

Когда Джеди вошел, Хеопс задал ему вопрос:

— Почему я не видел тебя раньше?

— Не приходят к владыке без зова. Но вот ты позвал — и я тут.

— Говорят, ты можешь приставить на место отрубленную голову. Так ли это?

— Могу.

— Приведите преступника, осужденного на смертную казнь.

— Нет, твое величество фараон, — да будешь ты здоров, силен и могуч! — хоть меня самого казни, а чародействовать над человеком не буду. Вели принести птицу или доставить сюда кого-нибудь из домашней скотины.

По слову фараона принесли гуся. На глазах у всех ему отрезали голову.

Голову положили у стены, где стояли гранитные статуи. Тело отнесли к противоположной стене. Там в жаровнях курились благовонные смолы. Джеди встал посередине, голову запрокинул, руки вытянул ладонями от себя и зашептал заклинания. Смысл тайных слов понять никто не сумел, зато все увидели, что тело гусиное ожило, поднялось и заковыляло на перепончатых лапах в сторону статуй. Соединились тело и голова, гусь восторженно как ни в чем не бывало:

— Га-га-га!..

Все заулыбались.

Никогда во дворце до сих пор не звучали подобные звуки. У самого фараона просветлел взор. Заметив это, вельможи поспешили послать за уткой. Когда утку принесли, чародей проделал с ней то же, что с гусем: сначала ее обезглавил, потом оживил. Утка почесала перышки клювом и пошла вперевалку.

— Кря-кря-кря,— раздалось за колоннами.

Трудно было удержаться от смеха. У самого фараона разгладились складки на лбу.

Тогда привели быка, такого свирепого, что два раба с трудом удерживали его на веревке. Быку отрубили голову и положили на пол. Но Джеди произнес заклинания, и голова вернулась на место.

— Мууу,— замычал бык и, взбрыкнув, словно теленок, подбежал к Джеди и стал лизать ему руку.

Все, кто присутствовал в зале, расхохотались в голос. Рассмеялся сам фараон. Он смеялся так громко, что золотая змея на его короне закачалась и залилась радостным звоном.

— Поселите почтенного Джеди в доме моего младшего сына, царевича Дедефгора,— сказал Хеопс, насмеявшись вволю.— И давайте почтенному Джеди ежедневно тысячу хлебов, тушу быка и двести глиняных кружек виноградного сусла.

Так и сделали, как приказал фараон.

Его величество фараон Хеопс прожил до старости. А когда он умер, престол унаследовал старший царевич Хефрен. Став фараоном, Хефрен приказал возвести для себя пирамиду рядом с отцовской. Двадцать лет громоздили строители камень на камень. Поднялась пирамида Хефрена выше самой высокой горы. Но не коснулась она лазуритовой сини небес, не сравнялась с пирамидой Хеопса, а стала по высоте второй среди пирамид.

Перевод с древнеегипетского *С. Фингарет*

ДЕДАЛ И ВЕАР

В те далекие времена, когда у людей еще не было ни инструментов, ни машин, жил в Афинах великий художник Дедал. Он первый научил греков строить прекрасные здания. До него художники не умели изображать людей в движении и делали статуи, похожие на запеленатых кукол с закрытыми глазами. Дедал же стал высекать из мрамора статуи, изображающие людей в движении.

Для своей работы Дедал сам придумал и сделал инструменты и научил людей пользоваться ими. Он научил строителей здания, как проверять — камнем на нитке, — правильно ли кладут они стены.

У Дедала был племянник. Он помогал художнику в мастерской и учился у него искусствам. Рассматривая однажды плавники рыбы, он догадался сделать пилу; придумал циркуль, чтобы чертить правильный круг; вырезал из дерева круг, заставил его вращаться и стал лепить на нем глиняную посуду — горшки, кувшины и круглые чаши. Однажды Дедал с юношей взошли на вершину Акрополя, чтобы с высоты посмотреть на красоту города. Задумавшись, юноша ступил на самый край обрыва, не удержался, упал с горы и разбился.

Афиняне обвинили Дедала в гибели мальчика. Дедалу пришлось бежать из Афин. На корабле он добрался до острова Крита и явился к критскому царю Миносу.

Минос был рад, что судьба привела к нему знаменитого афинского строителя и художника. Царь дал пристанище Дедалу и заставил его работать на себя. Дедал выстроил ему Лабиринт, где было столько комнат и так запутаны ходы, что всякий, кто входил туда, уже не мог сам найти выход. До сих пор на острове Крите показывают остатки этого великолепного сооружения.

Долго жил Дедал у царя Миноса пленником на чужом острове среди моря. Часто сидел он на морском берегу, глядя в сторону родного края, вспоминал свой прекрасный город и тосковал. Уже много лет прошло, и, наверное, уже никто не помнил, в чем его обвиняли. Но Дедал знал, что Минос никогда не отпустит его и ни один корабль, отплывающий от Крита, не посмеет взять его с собой, опасаясь преследования. И все-таки Дедал постоянно думал о возвращении.

Однажды, сидя у моря, он поднял глаза в широкое небо и подумал: «Нет для меня пути по морю, но вот небо открыто для меня. Кто может мне помешать на воздушной дороге? Птицы рассекают крыльями воздух и летят куда хотят. Разве человек хуже птицы?»

И ему захотелось сделать себе крылья, чтобы улететь из плена. Он стал собирать перья больших птиц, искусно связывал их льняными крепкими нитками и скреплял воском. Скоро он сделал четыре крыла — два для себя и два для своего сына Икара, который жил вместе с ним на Крите. Перевязью крест-накрест прикрепились крылья к груди и к рукам.

И вот наступил день, когда Дедал попробовал свои крылья, надел и, плавно махая руками, поднялся над землей. Крылья держали его в воздухе, и он направлял свой полет в ту сторону, куда хотел.

Спустившись вниз, он надел крылья сыну и учил его летать.

— Спокойно и ровно взмахивай руками, не спускайся слишком низко к волнам, чтобы не смочить крылья, и не поднимайся высоко, чтобы лучи солнца не опалили тебя. Лети за мной следом. — Так говорил он Икару.

И вот рано утром они улетели с острова Крита.

Только рыбаки в море да пастухи на лугу видели, как они улетали, но и те подумали, что это крылатые боги пролетают над землей. И вот уже далеко остался позади скалистый остров, и широко раскинулось под ними море.

День разгорался, солнце поднялось высоко, и лучи его жгли все сильнее.

Осторожно летел Дедал, держась ближе к поверхности моря, и боязливо оглядывался на сына.

А Икару по душе был вольный полет. Все быстрее рассекал он крыльями

воздух, и ему захотелось подняться высоко-высоко, выше ласточек, выше самого жаворонка, который поет, глядя прямо в лицо солнцу. И в ту минуту, когда отец не глядел на него, Икар поднялся высоко вверх, к самому солнцу.

Под жаркими лучами растаял воск, скрепляющий крылья, перья распались и разлетелись вокруг. Напрасно взмахивал Икар руками — уже ничто больше не удерживало его на высоте. Он стремительно падал, упал и исчез в глубине моря.

Оглянулся Дедал — и не увидел в синеве неба летящего сына. Он глянул на море — лишь белые перья плыли на волнах.

В отчаянии опустился Дедал на первый встретившийся ему остров, сломал свои крылья и проклял свое искусство, погубившее его сына.

Но люди запомнили этот первый полет, и с тех пор в их душах жила мечта о покорении воздуха, о просторных небесных дорогах.

ГЕРАКЛ ОСВОБОЖДАЕТ ПРОМЕТЕЯ

Много подвигов совершил Геракл, и имя его прославилось по всей Греции.

Когда Язон построил быстроходный корабль «Арго» и созвал героев Греции, чтобы плыть за три моря, в Колхиду, добывать золотое руно, могучий Геракл отправился в поход вместе с отважными аргонавтами.

Но по дороге, на одной из стоянок «Арго» у берега неведомой земли, Геракл ушел далеко в прибрежный лес, не вернулся вовремя на корабль, и аргонавты отплыли без него. А Геракл сухим путем отправился в глубь страны и скоро пришел в горы.

Дикий и величественный край открылся перед ним. Грядой встали высокие горы, у подножия поросшие частым лесом, а на вершинах покрытые вечными снегами. Чем выше поднимался герой, тем суровее и неприступнее были горы. Наконец он взобрался на голую скалу, обрывавшуюся над морем.

Вдруг Геракл услышал голос, зовущий его, и увидел прикованного к скале титана.

Геракл узнал Прометей — сына Фемиды, богини справедливости, и титана Иапета, от которого начался на земле род людской.

Когда-то, в давние времена, людей было мало на земле. Как звери, бродили они по лесам, гоняясь за добычей, ели сырое мясо, дикие плоды и корни, покрывались звериными шкурами и от непогоды прятались в пещерах и дуплах деревьев. Разум у них был как у малых детей; они были беспомощны в устройстве своей жизни и беззащитны против хищных зверей и грозных сил природы.

Прометей сжалился над людьми и захотел помочь им.

Он отправился к своему другу Гефесту, сыну Зевса, божественному кузнецу и мастеру. На острове Лемнос, в глубине огнедышащей горы, была мастерская Гефеста. Жарко горел в огромном горне священный огонь, без которого невозможно никакое искусство и мастерство. Три одноглазых великана — Киклопы — работали в мастерской Гефеста. Две статуи, которые он сам отлил из золота, двигались, как живые, по мастерской, и хромым бог-кузнец опирался на них при ходьбе.

Прометей застал Гефеста за работой — бог-кузнец ковал огненные стрелы-молнии для Зевса Громовержца. Прометей стоял и смотрел на искусную работу Гефеста. Когда же Киклопы стали мехами раздувать огонь в горне и сверкаю-

щие искры разлетелись по всей мастерской, Прометей поймал священную искорку и спрятал в пустой тростинке, которую держал в руке. Эту тростинку с искоркой священного огня Прометей принес людям, и люди зажгли от нее повсюду на земле костры, очаги и горны. Люди научились бороться с природой, добывать и обрабатывать скрытые в недрах земли медь и железо, золото и серебро и делать себе из них домашние вещи, оружие и украшения. Люди стали строить себе жилища из дерева и камня и корабли, окрыленные парусами, чтобы плавать по рекам и морям. Люди приручили диких животных и заставили коня носить на себе человека, а козу и корову — кормить его и от овцы стали брать теплую прочную шерсть для одежды. Свет от священного огня прояснил мысли людей, пробудил их дремлющий ум, зажег в их сердцах стремление к счастью.

И многому еще научил Прометей людей с помощью священного огня. Он научил их варить целебный сок растений, который помогает при болезнях и ранах, и люди избавились от постоянного страха смерти. Прометей открыл им науку чисел и научил записывать знаками слова, чтоб передавать свои мысли тем, кто живет далеко. С гордостью смотрел Прометей, как люди становились сильнее, разумнее и искуснее во всяком труде.

Но владыка мира Зевс разгневался на Прометея и решил сурово покарать похитителя священного огня. Царь богов послал своих слуг Силу и Власть схватить Прометея и отвести его на край света, в пустынную горную страну, а Гефесту приказал приковать титана к горе. Горько было Гефесту выполнять это — ведь Прометей был ему другом, но такова была воля Зевса. В железные кольца заковал Гефест руки и ноги Прометея, неразрывной цепью приковал его к каменной громаде, острым алмазным клином пробил ему грудь, пригвоздив его к скале.

И повелел Зевс, чтобы навсегда, на веки веков, остался Прометей прикованным к этой скале.

Прошли века. Много изменилось на земле. Но не прекращались муки Прометея. Солнце жгло его иссохшее тело, ледяной ветер осыпал его колючим снегом. Каждый день в назначенный час прилетал огромный орел, разрывал когтями тело титана и клевал его печень. А ночью раны заживали вновь.

Но не даром носил он имя «Прометей», что значит «предвидящий»: он знал, что настанет время, и среди людей на земле явится великий герой, который совершит много подвигов, чтобы очистить землю от зла, и придет освободить его.

И вот наконец Прометей услышал шаги идущего по горам человека и увидел героя, которого ждал все время. Геракл приблизился к скованному Прометею и уже поднял меч, чтобы сбить оковы с титана, но высоко в небе раздался орлиный крик: это Прометеев орел в урочный час спешил на свой кровавый пир. Тогда Геракл схватил свой лук, метнул стрелу в летящего орла и убил его. Мертвый орел упал с высоты в море под скалою, и волны унесли его.

Геракл разбил цепь, сковывавшую Прометея, и вынул из его груди алмазное острие, которым он был прибит к скале. И освобожденный Прометей распрямился, вздохнул всей грудью и просветленными глазами смотрел на землю и на героя, принесшего ему свободу и мир с богами.

Зевс приказал Гефесту сделать кольцо из звена Прометеевой цепи и вставить в него камень — осколок скалы, к которой был прикован титан. Это кольцо Зевс велел Прометею надеть на палец и всегда носить его в знак того, что не нарушено слово владыки мира и навеки Прометей прикован к скале.

Пересказ В. Смирновой

АВСТРАЛИЯ

Лесли Ринс

(1905)

Автор книг о природе и животных. Писатель учит детей бережному отношению к животным, внушает им любовь к природе, резко осуждает жестокость браконьеров и легкомыслие туристов, наносящих природе огромный вред.

ПРИРОДА И ЖИВОТНЫЕ

ВЕСЕННИЕ ЛИСТЬЯ

Пришла та самая пора, когда деревья одеваются листвою: зеленые почки лопаются, и из них в сиреновой тени ветвей появляются красновато-коричневые, янтарные и рубиновые крохотные вестники весны. Наступает счастливейший на свете час рождения нежной, со сладким запахом листвы.

Ушастику было уже несколько месяцев от роду, когда он впервые высунул голову из материнской сумки. И... зажмурился. Все кругом блестело золотом. Он глянул вверх. Оказалось, что он высоко на дереве. Над головой сияло небо. А вокруг были ветки, на которых, чуть дрожа, покачивались листья. Он посмотрел вниз. Ой, даже голова закружилась — как далеко земля!

И он так напугался, что спрятался опять в сумку и не вылезал из нее целых два дня.

Но вот его охватило беспокойство. Ему вспомнились молоденькие листья, похожие на опущенные острием вниз стрелочки, их душистый аромат, и ужасно захотелось рассмотреть их поближе.

«Хватит сидеть в сумке», — сказал он себе. Ему надоело жить на одном молоке. Когда-то он был величиной всего с фасолину, голый, слепой, беспомощный. А теперь стал пушистым, подвижным, ростом в семь дюймов¹.

— Да, мама, пора мне выбираться из сумки!

¹ Дюйм — мера длины, равная 2,5 см.

К его удивлению, мать сама помогла ему вылезти. Но вскарабкаться на ветку не позволила.

— Нет, нет,— сказала она ему,— подожди. Ты еще не готов к этому, сынок!

И, взяв на руки, прижала к груди, чтобы глаза его тем временем привыкли к свету, тело — к ветрам, а уши — к лесным звукам. С соседнего дерева, приветствуя появление нового обитателя леса, переливчато заголосили медоеды, застрекотала болтунья-сорока, захотела кукабарра, затрещала трешотка.

Ушастик со страху вцепился в мать, но она вовсе не рассердилась. Мех у нее был густой, длинношерстный, пушистый, а его пальчики были как раз приспособлены для хватания. Ушастик не терпелось сделать многое, но прежде всего попробовать на вкус те темно-красные листочки, что блестели на кончике веток. Но нет! Еще несколько дней, когда он чувствовал голод, он должен был, засунув голову в материнскую сумку, довольствоваться молоком. А насытившись, развлекался, докучая своей матери тем, что лазил по ней — через голову по носу спускался на грудь, — цепко держась за ее мех черными когтями.

Больше всего ему нравилось сидеть у нее на спине. Прямо дух захватывает, когда ты так высоко над веткой, на которой пристроилась мама!

Утомившись от мирозерцания, он принимался зевать: ему хотелось спать. И тогда мать — ее звали Пушистые Ушки — брала его на руки, и он засыпал, положив головку ей на грудь.

Но ни ночью, ни днем у них с мамой не бывало долгого сна. Не проходило и часа, как они просыпались от голода. Мать карабкалась дальше по ветке, пока не натыкалась на новый пучок сочных эвкалиптовых листьев. Лапкой она притягивала их к себе и с жадностью принималась жевать, начиная со стебля и оставляя нежную стрелку напоследок. Защечные мешки помогали ей лучше пережевывать пищу.

А юный Ушастик тем временем пристраивался у нее на спине и тоже пытался схватить листья. Мать следила, чтобы и ему кое-что досталось. Попадались не только молоденькие красновато-янтарные, нежные и сладкие на вкус стрелочки, которые ему нравились, а порой и прошлогодние, жесткие, словно окостеневшие, какого-то серовато-зеленого цвета.

— Подожди, пока я сам начну срывать листья, — злился Ушастик. — Тогда буду есть только самые молоденькие!

— Тэч, тэч! — строго останавливала его мать и легонько шлепала.

Вскоре Ушастик стал понимать, какое огромное дерево служит им убежищем. Теперь он ясно различал громадные, тянущиеся вверх сучья, с которых под палящими лучами солнца местами слезала кора, и голая, растрескавшаяся древесина казалась мертвой на фоне яркого неба. А вот увидеть, что дерево это растет на огромном полуострове, вдоль и поперек изрезанном зелеными холмами и окаймленном извилистой линией уходящих на многие мили вдаль песчаных пляжей и отвесных скал, он еще не мог, как не мог и разглядеть бескрайние просторы сверкающего под солнцем океана, с грохотом обрушивающего на песчаный берег свои волны.

Но зато очень скоро всем своим существом он уловил, что нет для коал лучшей страны, чем та, где он родился, ибо от края до края она покрыта густыми лесами, в которых, теснясь, тянутся к свету своей пышной кроной эвкалипты.

Ушастик обнаружил, что на их деревьях живут еще три взрослых коалы. Самым большим и сильным был старый Лежебока, отец Ушастика. У Лежебоки было только два занятия: он либо ел, либо спал. А на спине каждой из двух других коал сидел свой малыш.

Однажды Ушастик увидел, что его отец проснулся, зевнул, огляделся по сторонам и вдруг одним прыжком перемахнул на другую ветку, в трех футах¹ ниже первой.

Ушастик был в восторге. Вот это прыжок!

— Вот если бы ты могла так прыгать!— сказал он на ухо матери, со спины которой так и не спешил слезть.— Но разве мамы что-нибудь умеют!

— Тэч, тэч! Так уж и не умеют!— послышалось в ответ. И не успел Ушастик вцепиться в мамину шерсть острыми черными коготками, как уже летел по воздуху. На мгновение ему даже показалось, что он оторвался от мамы. Но мать спокойно опустилась на ветку в добрых шести футах от той, где они сидели.

— З... здорово!— заикаясь, произнес Ушастик.— А... а мне можно попробовать?

— Попробуешь, но не сейчас,— строго ответила мать.

С тех пор, заметил Ушастик, его мать стала все чаще перебираться с одной ветки на другую. Но делала она это вовсе не для развлечения. Она объяснила ему, что коалы, в отличие от наземных животных, мало двигаются. Когда живешь высоко на дереве, любое движение связано с опасностью. Перебираться же с ветки на ветку приходится тогда, когда становится все труднее и труднее найти вкусные листья. Наступало лето, яркое солнце пекло немилосердно, и большое дерево не могло спасти свою листву от его жгучих лучей.

К ночи после одного из таких жарких, безоблачных дней взрослые коалы стали проявлять все большее беспокойство. Особенно энергичным, как ни странно, казался коала-отец. Обычно Лежебока сидел на самой верхней ветке, а нынче он поочередно спустился к каждой из своих трех жен, чтобы сообщить им нечто важное.

— Хрр! Хрр!— ворчал он, издавая низкие, гортанные звуки.— Хфф! Хфф! Сегодня мы уходим с этого старого дерева и пойдем... хрр... хфф... на поиски нового!

Все были в сборе. Но, увы, планы не всегда сбываются. Когда сумерки окрасили ставшие совсем голыми ветки в ярко-розовый цвет, Пушистые Ушки, мама Ушастика, уловила внизу под деревом какой-то еле слышный звук. Будто кто-то тихо-тихо ступал по листьям на земле.

Вглядевшись, Пушистые Ушки рассмотрела под тенистым кустом темно-зеленой медуницы рыжевато-коричневый хвост какого-то животного. Динго или лиса? И тот и другой были заклятыми врагами коал. И кто бы из них ни оказался там, внизу, они будут терпеливо ждать, не спустится ли с дерева какой-нибудь глупый малыш.

Пушистые Ушки знала, что на вершине камедного дерева коалы почти в безопасности, им страшен только орел, а вот на земле...

О своих опасениях она поведала другим коалам, и Лежебока взялся следить сам, пока не заснул. На следующий день зверь опять сидел под кустом медуницы и, облизываясь, поглядывал вверх, надеясь, что кто-нибудь из коал спустится. Да, это была лиса.

И коалы не слезали с дерева еще день, еще ночь, и так целую неделю.

К тому времени листьев на дереве почти не осталось. Голым стояло оно и под звездным ночным небом, и под безжалостно палящими лучами солнца. Коалы голодали. Ушастик плакал и просил есть.

¹ Фут — мера длины, равная 30,5 см.

Затем дня два лисы не было видно. Лежебока проснулся и решил, что пора отправляться в путь.

ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ УШАСТИКА

Коалы поочередно спустились с большого дерева. Спускались они так, как обычно слезают мальчишки: прижавшись животом к стволу. Когда Пушистые Ушки сидела на ветке, она казалась уютным мохнатым клубочком со вторым клубочком поменьше на спине. А теперь выяснилось, что у нее сильные мускулистые передние лапы, которые она широко расставляла, цепляясь когтями за кору и легко скользя вниз по дереву. И задние лапы у нее тоже были на удивление длинные, хотя и короче передних.

В местах, где ствол был слишком отвесным и гладким, мама Ушастика высматривала, куда бы ей получше поставить лапку. На полпути у нее зачесалось в боку. Вот беда-то! Она остановилась, вонзила когти левой задней лапы глубоко в кору и, закинув правую, презабавно почесала ею левый бок.

Сидя у мамы на спине, юный Ушастик видел все это, и ему тоже, конечно, захотелось почесаться. Вот он и потянулся одной из задних лап к мордочке, в то время как другой крепко вцепился в мать. К счастью, у коал суставы очень подвижны. Он дотянулся до того места, которое чесалось, и с удовольствием поскреб его.

Наконец все коалы, что жили на большом дереве, очутились на земле и в полном безмолвии тронулись в путь по лесным тропам. Впереди, оглядываясь и озираясь, шел отец Ушастика. Стояла ночь, но в темноте коалы видят еще лучше, чем днем. Тусклый свет луны серебрил листву, отбрасывая фантастические тени на сухую землю, или играл на глянцевитой поверхности буйно разросшегося папоротника. Коалы двигались неуклюже, на всех четырех лапах, но, натываясь на пенёк, на ствол поверженного дерева или большой камень, приподымались на кривых задних лапах и, положив передние на дерево или камень, внимательно рассматривали, что именно лежит перед ними. А трое детенышей тем временем цепко впивались в материнские спины.

Лежебока шел впереди, вслушиваясь в шорох сухих листьев и травы, зорко высматривая, нет ли кого чужих, обнюхивая каждое дерево на пути. Вокруг теснились тенистые дубы; сучковатые, с острыми листьями камедные деревья; смоковницы с широкими, закругленными ветвями, черным стволом и глянцевитыми в лунном свете листьями; гладкие яблочные эвкалипты, растущие прямо из скал, и высокие шершавые серые эвкалипты. Но Лежебока почти не обращал на них внимания. Он искал камедное дерево с особым, непохожим на другие соком. Кроме того, нужно было найти дерево такой высоты, на которое было бы не под силу взлезть другим животным.

Поэтому его семейству пришлось порядочно попутешествовать. К счастью, лисы поблизости не было. В этой местности водились клещи, и лиса побоялась, что они заберутся ей в шубу. Но хоть лиса и убежала, других опасностей оставалось немало. Прямо перед носом у Лежебоки проползла, скользнув куда-то под черный пенёк, змея. Из-под чайного дерева зашипел варан, а потом откуда-то появились два кенгуру и запрыгали по темному подлеску.

Наконец Лежебока остановился и с ворчанием полез вверх по прямому толстому стволу. Он не очень беспокоился за свое семейство, зная, что все последуют за ним. В свете луны дерево казалось серебристым и таинственным, но гла-

за коал ясно его различали. Лежебока лез все выше и выше, пока не добрался до первого разветвления футах в двадцати от земли. И вдруг, отчаянно напугав его, из веток, махая прозрачными крыльями, вылетел летяга. Наверху, где было совсем темно, прохладно и пахло эвкалиптом, Лежебока остановился, пожевал несколько листьев и, решив, что они вкусные, удовлетворенно заворчал.

Через полчаса три его жены одна за другой тоже добрались до дерева и устроились каждая на отдельной ветке на порядочном расстоянии друг от друга.

Обессилив от утомительного ночного перехода, мама Ушастика чуть пощипала листву и, откинувшись на спину, поудобнее уселась в развилке ветвей. Ушастик забрался к ней на руки, и не успела блуждающая звездочка дважды мигнуть, как мать и сын крепко заснули.

На новом месте Ушастик начал быстро расти. Листья этого дерева ему пришлись по вкусу. Иногда вместе с мамой он спускался вниз, и они рылись в коричневой земле у подножия ствола, отправляя в рот то кусочек глины, то камушек. Это было полезно для пищеварения.

Мама показала Ушастика, что, хотя первый и второй пальчики на каждой его лапке срослись, коготки на них были разделены. Из этих коготков получалась чудесная расческа, которой можно было удалять из быстро густеющей шубки грязь и кусочки коры. И Ушастик каждый день чистил свою шерсть.

Его живо интересовали другие обитатели леса, и он задавал множество вопросов, пытаясь разузнать все, что можно, про опоссумов, кенгуру, солдаток, бабочек, кукабарр, сорок, голубых крапивников, зябликов, гоанн, сцинков и сов. Он быстро понял, что птицы по природе своей друзья коал, ибо они склеивают тех насекомых, что тоже охочи до молодой листвы. Он вслушивался в неугомонный звон сидящих на камедных деревьях цикад, которые как безумные стреко-тали именно в самые жаркие часы дня. Он расспрашивал у мамы и про коал; больше всего его занимало, почему у коал нет хвоста.

— Зачем коалам хвост?— рассеянно отвечала мама.

— Но у всех, кто живет на деревьях, есть хвост,— упорствовал Ушастик.

— Вот как! У кого же, например?

— У кольцехвостых кускусов, у летающих опоссумов, у гоанн и у птиц.

— А тебе бы тоже хотелось... тэч... тэч... иметь хвост?

— Конечно. Им можно было бы держаться за ветки, правда, мама?

— Господи, неужели тебе мало твоих когтей? Только коалы из всех животных на свете могут хватать не только первым, но и вторым пальцем на каждой лапке. Спроси хоть у папы. Тэч!

Ушастик приставал со своими расспросами и к отцу, и к каждому встречному. Но никто не мог дать ему вразумительный ответ на вопрос, почему у коал нет хвоста.

Большинство обитателей дерева считало Ушастика очень смышленным, но чересчур уж любопытным. Сам Ушастик тоже был о себе недурного мнения... но только до той поры, пока не приключилась с ним беда.

Ему уже было девять или десять месяцев от роду, а он по-прежнему большую часть времени проводил у матери на груди или на спине. И вот однажды он решил действовать самостоятельно. Мама заснула, Ушастик слез с ее спины и пополз вверх по ветке, конец которой кудрявился гроздью махровых желто-белых цветов. Взрослым коалам очень нравились эти цветы, но никто из них ни разу не отважился добраться туда, где они росли.

Ушастик продвинулся вперед на целый ярд¹, когда проснулась мать.

— Вернись! Сейчас же вернись!

Но Ушастик ничего не ответил и даже не оглянулся. Он упорно полз вперед в полной уверенности, что доберется до цветов. Зеленая гладкая ветка была здесь толщиной всего в три четверти дюйма и совсем прогнулась под тяжестью его тела.

Мать поползла было за ним, но очень скоро ей пришлось остановиться.

— Ушастик! Тэч, тэч! Вернись! Остановись! Ты слышишь, что я тебе говорю?

И вдруг Ушастик стало страшно. Горячий ветерок налетел на дерево, закачал его ветки, заиграл зеленой листвой. А до цветов, желтовато-белых, со сладким запахом, оставалось лишь несколько дюймов. Наверху было ярко-синее небо, а внизу головокружительно далеко — земля. Страшно или нет, но Ушастик решил продолжать свой путь. Он сделает то, что ему предстоит делать еще много раз в жизни, — он рискнет. Крепче вцепившись в тонкую ветку, он продвинулся еще на шаг, и ветка, казалось, совсем прогнулась под ним. Он еще не умел, как взрослые коалы, соразмерять свой вес с тяжестью, какую может выдержать ветка. А тут снова налетел ветер... Листья заволновались, затрепетали буйным шелестом, распугивая вокруг все живое.

Он обернулся. Крак! Хрустнула под ним ветка.

Ушастик испуганно хрюкнул и вцепился в листья. Он услышал, как вскрикнула мама, почувствовал, как царапнул его по глазу сучок, и серым беспомощным комочком полетел вниз. Он успел лишь перевернуться и — плюх! — ударился оземь.

Несколько секунд он лежал неподвижно на сухой земле, раздумывая, не пришел ли ему конец. Каруселью кружился над ним куст. Но у коал, к счастью, очень крепкие кости, особенно кости черепа. Ушастик, разумеется, ушибся, и прельно, поцарапался, испачкался, но все его косточки были целы и невредимы. Он встал и заковылял к подножию дерева.

И тут до него донеслись звуки. Это был голос его матери. И звучал он не очень ласково. Он взглянул вверх и увидел, что, перебирая лапками, с дерева спускается мать. Она схватила его на руки, он прижался к ней, и она быстро-быстро полезла наверх, не обращая внимания на то, что порой он стучается о ствол. Вскоре они очутились у себя на ветке.

Не говоря ни слова, мама повернула Ушастика к себе спиной, чтобы задать ему такую трепку, какую, по ее мнению, он заслужил. И как следует, не жалея собственной лапки, его нашла. Со стороны это, наверное, выглядело смешно, но Ушастик было не до смеха. Он кричал и плакал, как маленький ребенок.

Потом вдруг она перестала его шлепать, позволила влезть к ней на спину, потянулась к листьям и безмятежно принялась их жевать. Она знала, что Ушастик получил хороший урок. Больше он никогда не упадет с дерева.

ЛЕСНОЙ ПОЖАР

Детство Ушастика кончилось. Ему уже был почти год, да и весил он столько, что маме не под силу было таскать его на спине. Шерсть у него стала такой густой и пушистой, что, казалось, будто по ветке ползет мохнатый клубок. Круг-

¹ Ярды — мера длины, равная 91 см.

лые, как бусинки, коричневые глазки его не были опушены ресницами и из-за этого выглядели еще более выпуклыми. Днем зрачки превращались в узенькую вертикальную щелочку. А взгляд был ласковым, простодушным и беззаботным.

Самый кончик черного, похожего на резиновую кнопку носа там, где находится перегородка между ноздрями, был розовым и мягким. Таким же мягким был его розовый серпообразный ротик, который постоянно жевал, сильными мерными движениями перетирая сочную листву, которая так же мерно исчезала. Ну и аппетит!

Теперь их семья из шести взрослых коал жила на нескольких деревьях. А иногда они размещались поровну на двух деревьях. Друг с другом они общались мало. Если представлялась возможность, перебирались с дерева на дерево, не ожидая, пока вся листва будет истреблена, что было крайне разумно, ибо оставить дерево совсем без листьев — значит погубить его. Если же уничтожено не слишком много зелени, это не только пойдет дереву на пользу, но и сделает его крону на будущий год более густой.

Там, где деревья стоят тесно, коалы предпочитают перебираться с дерева на дерево, не спускаясь на землю. Так безопаснее.

Как только Ушастик научился передвигаться самостоятельно, он стал очень ловко лазить по деревьям. Он даже умел спускаться по нижней стороне толстого сука спиной вниз. Иногда в самый разгар такого передвижения, желая показать, что это совсем не трудно, он останавливался и начинал чесаться. Но теперь по слишком тонким для его веса веткам он уже больше никогда не лазил!

Лето выдалось безоблачное, и раскаленное докрасна солнце пекло немилосердно. Почти такой же оказалась и долгая осень. Трава обрела цвет ржаного хлеба и, как фольга, шуршала под ногами. Листья уныло свисали с деревьев, обратив к солнцу тыльную сторону, чтобы сохранить хоть часть живицы. Со стволов эвкалиптов облезла кора. Наземные животные, такие, как кенгуру и синезыбые ящерицы, в изнеможении лежали в тени, если им удавалось ее отыскать. Вместо ямок с водой в земле остались одни трещины.

Коалы знали, чего можно ждать от такой жары. В один прекрасный день, когда особенно пекло, старый Лежебока проснулся, поднял голову и принялся громко фыркать. Он возвещал об опасности. И все коалы, кто услышал его, навострили свои пушистые уши.

— Хрр! Хрр! — ворчал Лежебока. — Хрр! Слезайте с деревьев. Не теряйте времени, спасайтесь!

Ушастик огляделся и втянул в себя воздух. Как у всех коал, у него было острое чутье. Пахло чем-то непривычным. Дым! Едкий, удушливый дым, напоенный чадом от жженого эвкалиптового масла и запахом горелой листвы.

Вслед за матерью и двумя уже почти взрослыми братьями он начал поспешно спускаться с дерева.

Коалы двинулись в ту сторону, куда дул ветер. Но ходочки-то они были неважные. Вскоре их обогнали передвигающиеся огромными прыжками кенгуру, длиннохвостые попугаи, похожие на еле различимые в дыму разноцветные молнии, которые громко кричали на лету, испуганно мечущиеся среди кустов ящерицы и другие пресмыкающиеся. Инстинкт подсказывал им, что дым предвещает опасность. Для коал нет большей беды, чем лесной пожар.

Вскоре Ушастик потерял своих родных. Впервые он остался совершенно один и с громким плачем пробирался через кустарник, с трудом ступая кривыми лапами по сучьям, корням и сухой траве.

Ушастик шел целый день и устал так, что ему казалось, он вот-вот упадет. В лесу стало еще жарче, припекало все сильнее, и духота стояла нестерпимая; белый дым, гонимый ветром, все густел. Ушастик уже задыхался.

И вдруг его ухо уловило новый звук: сзади что-то трещало. За ним гналось пламя лесного пожара. Вот-вот оно настигнет его.

Ушастик оглянулся и не мог оторвать взгляда от яростного блеска пожара, полыхавшего всего в нескольких шагах от него. Огонь прыгал с ветки на ветку и мчался по земле, разбрасывая по пути снопы оранжево-желтых искр. Все животные куда-то исчезли. Либо погибли в огне, либо оказались далеко впереди. Ушастик еще раз огляделся. Он позабыл про все и думал лишь о том, как бы взобраться на дерево. Он знал, что дерево всегда служит для коалы прибежищем.

В двадцати ярдах от него стояло стройное камышовое дерево. Оно росло прямо из расселины в скале. Ушастик взобрался на скалу, вонзил когти в ствол и полез вверх. Но не успел он одолеть и десяти футов, как дым и жара стали невыносимыми.

С громким ревом налетело пламя на камышовое дерево. Листья сразу стали коричневыми и, корчась, треща и шипя, огненным дождем посыпались на землю. Секунда-другая — и пламя умчалось дальше, прочесывая лес в поисках новых жертв для своей ненасытной огненной пасти.

А что же случилось с Ушастиком? Его спасла расселина в скале у подножия камышового дерева. Увидев, что пламя летит прямо на него, он решил укрыться в расселине и с дерева камнем упал в нее.

Здесь, в проломе, ему был не страшен бушующий огонь.

Он долго лежал в забытьи. Шерсть его была опалена, нос стал сухим, как кора, а глаза слезились от едкого дыма.

Когда с наступлением сумерек он вылез из своего убежища, совсем чужим показался ему лес. Лишенный привычного зеленого убора и вечного шелеста листвы, он был гол и нем. Вокруг высились лишь черные стволы — они еще дымились. И земля стала голой: ни травы, ни кустарника. И вся засыпана пеплом: белым, серым и мертвенно-черным. Резкий запах жженой листвы и горелого масла наполнял ноздри Ушастика, причиняя ему жгучую боль. Стояла полная тишина, птицы и звери молчали.

Ушастик заплакал. Он почувствовал себя таким одиноким и все вокруг выглядело так чуждо и безнадежно, что он не мог не заплакать. Даже на камедных деревьях не осталось ни одного листочка.

Он все еще продолжал плакать и, потеряв всякую надежду, прижался к почерневшему, растрескавшемуся стволу молодого дерева. Тогда его заметил человек в тяжелых башмаках и грубых штанах. У человека в руках была корзина со старыми вещами. Осторожно прокладывая себе путь по белому горячему пеплу, оставшемуся от сожженных деревьев, он возвращался домой на другую сторону полуострова.

Он улыбался, испытывая жалость, удивление и радость одновременно, когда, оторвав Ушастика от ствола дерева, посадил его осторожно в свою корзину.

Поначалу Ушастик сопротивлялся и отбивался. Но вскоре одумался. Из корзины ему было не удрать, и он решил лежать спокойно и ждать, что будет. Человеку пришлось проделать большой путь, оставив пожар далеко позади. Дом его находился в не тронутой огнем зоне. Коттедж окружали сад и ограда из ползучих толстокорых ветвей перечной мяты.

У мистера Андерсона было двое детей, близнецы. В его говоре нет-нет да и слышались нотки урожденного шотландца, но дети его всю свою жизнь провели на этом полуострове. Войдя в дом, не выпуская из рук корзины, он крикнул:

— Джуди, Малькольм, вы где? Ну и страшный пожар разгулялся! Посмотрите-ка скорей, что я вам принес!

Джуди на стареньком пианино разучивала гаммы, а Малькольм корпел над примерами из домашнего задания. Оба тут же подлетели к отцу.

— Что ты принес, папа? Покажи — что?

Мистер Андерсон достал из корзинки и посадил на пол полумертвого от страха коалу.

— Ой, какой хорошенький! — восторженно завизжала Джуди. — Какой миленький!

— Чур, он мой! — заявил веснушчатый Малькольм, щелкая пальцами над ухом нахохлившегося серого зверька и свистом подзывая его к себе.

— Подожди, подожди, — остановил его отец. — Нам придется скрывать, что у нас живет коала.

— А почему, папа?

— Никто не имеет права держать в доме коалу — таков закон, как вам известно.

— Значит, нам придется его отдать? — надулся Малькольм.

— А вдруг у него здесь недалеко мама? — предположила Джуди. — Если его увезут в зоопарк или еще куда-нибудь, он ее навсегда потеряет.

— Может, ты и права, — задумчиво согласился отец.

Вдруг коричневые глазки Ушастика заблестели, он поднялся на ноги и осмотрелся. Малькольм сделал шаг вперед. Ему страшно хотелось взять зверька на руки, но он боялся: а вдруг укусит? Заметив Малькольма, Ушастик бросился на него. Мальчик попытался увернуться и обеими руками оперся на открытую клавиатуру пианино. Раздался резкий, раздражающий уши звук. Но Ушастика это не остановило. Он кинулся Малькольму в ноги и, вонзив когти сначала в гольфы мальчика, а потом в его штаны, полез по нему вверх. Малькольм завизжал от страха, а Джуди — от восторга. Ушастик полз вверх, но, к удивлению Малькольма, кусать его не собирался.

— Успокойся, — сказал отец. — Посмотрим, что он будет делать дальше.

— Все это хорошо, папа, — возразил Малькольм, — но посмотри, во что превратились мои штаны! Что скажет мама?

Как раз в эту минуту в комнату вошла миссис Андерсон и действительно кое-что сказала...

Из того, что Ушастике довелось увидеть за последние часы, Малькольм больше всего запомнил дерево. С перепугу он и принял мальчика за дерево. Только добравшись до плеча Малькольма, он понял, что ошибся. Но к этому времени и Малькольм сообразил оторвать его когти от своей рубашки и, глядя Ушастика, говорил:

— Хороший, хороший коала... Малькольм не будет тебя обижать.

Еще долго Ушастик не мог оправиться от испуга. Потом он начал понимать, не сразу, конечно, что никто его не обидит. Ему будет здесь хорошо.

— Дадим ему попить,— предложил Малькольм, сажая Ушастика на стул.

— Глупый!— заверещала Джуди.— Ты что, не знаешь, что коалы не пьют воды? Говорят, слово «коала» означает «не пьющий воды».

— Тогда давай принесем ему листьев.

Дети побежали и нарвали с мятного дерева самых молодых листочков. Они разыскали ящик с верхом из проволочной сетки, поставили ящик в сарай и, положив в него листья, посадили туда зверька.

Прошло два дня, но Ушастик не дотрагивался до листьев. Джуди и Малькольм приносили ему все новые и новые, но Ушастик, хоть и понюхал их, есть все равно не стал и неподвижно лежал в ящике.

— Он погибнет, если не начнет есть,— огорченно сказала миссис Андерсон.— Может, дать ему молока?

Ко всеобщей радости, Ушастик, понюхав поставленное перед ним блюдо с молоком, принялся его пить или, скорее, жевать, потому что с тех пор, как он стал взрослым, он научился пить.

Но очень скоро опять научился. Ежедневно он выпивал два больших блюда молока.

Прошла неделя, и семейство Андерсонов начало верить, что Ушастик выживет. Они решили оставить его у себя, по крайней мере до той поры, пока он не поправится окончательно и не окрепнет. Поэтому мистер Андерсон и Малькольм соорудили вокруг одного из мятных деревьев ограду из порожних бидонов изпод керосина (они были скользкие, и Ушастик не мог на них влезть) и посадили зверька на ветку. К их восторгу, коала, понюхав листья, принялся жевать.

— Теперь,— решила Джуди,— он может у нас остаться. Молоко и мятные листья — вот все, что ему нужно.

Это было не совсем верно. Листья мятного дерева отнюдь не лучшая пища для коал. Раза два, когда ворота ограды из бидонов были открыты, Ушастик делал попытку убежать, но оба раза был задержан в саду на полпути. Тогда Ушастик решил использовать свое пребывание в доме Андерсонов наилучшим образом. По крайней мере, он попробует.

Он поправился, окреп, постепенно привязался к Андерсонам и легко узнавал их среди людей, которые приходили им полюбоваться.

Ушастик позволял Малькольму, Джуди и их родителям брать себя на руки и гладить. Только если его гладили против шерсти, он злился и мрачнел.

НА КРАЮ ГИБЕЛИ

Постепенно семейство Андерсонов так привязалось к Ушастике, что мысль о том, что придется с ним расстаться, приводила их в уныние.

— Зачем спешить сообщать властям о нашем коале?— говорил мистер Андерсон.— Успеем сказать в следующем месяце.

И дети подхватывали:

— Да, да, папа, в следующем месяце или через два месяца.

Ушастик научился сидеть у Джуди на плече и у Малькольма на голове. Он быстро осваивал всякие трюки: умел влезать на совершенно гладкий столб, а потом молниеносно спускаться с него винтом; научился сидеть за столом на высоком

детском стульчике, а потом даже приучился не трогать молока с хлебом, пока ему не подвяжут нагрудничек. В сырые зимние ночи он теперь спал у кого-нибудь на постели, крепко прижав к себе игрушечного медведя.

Но большую часть времени Ушастик проводил на мятном дереве. Ему приносили из лесу свежие листья с камедных деревьев и клали их в банки из-под джема, привязанные к нижним ветвям. Ушастик поудобнее устраивался в развилке и обнюхивал каждый листочек. Иногда он ел листья с жадностью, в другой раз отвергал, даже не попробовав, что приводило Андерсонов в крайнее недоумение. Им страшно хотелось узнать, что же Ушастик любит больше всего. Загадка была непостижимой и порядком их тревожила.

Однажды Малькольм бродил по лесу, где на обгорелых деревьях и кустах стала появляться нежная бледно-зеленая листва. Домой он вернулся с охапкой свежих, круглой формы листьев, которые сорвал с поверженного пожаром синего эвкалипта.

«Вот это будет настоящее лакомство для Ушастика», — решил он. И более страшной ошибки не мог совершить.

Понюхав листья, Ушастик решил их попробовать. Они и впрямь таяли во рту. Но есть их нельзя — это он сразу понял. А Малькольм рассердился. Он так далеко ходил за ними!..

— Придется тебе их есть, — сказал Малькольм, впервые по-настоящему разозлившись на Ушастика. — Больше ты ничего не получишь.

Итак, круглые молодые листочки остались на дереве. Спустя час Ушастик страшно захотелось есть. Он принялся хныкать и кричать, но поблизости никого не было. И, заглушив внутренний голос, твердивший ему, что эти листья есть нельзя, Ушастик с аппетитом сжевал их и поскорее проглотил.

В ту же ночь Ушастик заболел. Он лежал на ветке, и его била дрожь. Когда ему стало совсем плохо, он поднял голову и издал шелкающий вибрирующий низкий звук, сопровождаемый фырканием, похожим на хрюканье. Малькольм услышал его и, выбежав во двор прямо в пижаме, унес Ушастика в дом. Но Ушастик не нужна была ласка. Он царапал Малькольма, и тот поскорее положил его на ковер. Вскоре вокруг него собралась вся семья.

На следующий день мистер Андерсон позвонил ветеринару, который жил довольно далеко от их дома. Доктор приехал, но, увидев, в каком состоянии Ушастик, с сомнением покачал головой.

— Боюсь, надежды нет, — сказал он.

— Но что случилось? — спросил мистер Андерсон.

— Покажите-ка мне еще раз листья, которые вы давали ему.

Малькольм, двигаясь как во сне, принес ему круглые молодые² листочки.

— Понятно, — сказал доктор. — Это ювенильные листья.

— Ювенильные листья? — в один голос переспросили Малькольм и мистер Андерсон.

— Маленькие листочки, которые выбрасывает камедное дерево совсем молодым или когда у него начинают расти боковые побеги.

— Ну... Ну и что здесь плохого? — спросил Малькольм, чувствуя себя виновным.

— В них есть яд, вот и все.

— Яд в камедных листьях? — Мистеру Андерсону это утверждение показалось нелепым.

— Синильная кислота, — ответил доктор. — Как вам известно, из нескольких

сотен видов камедных деревьев лишь очень немногие годятся для коал. Но вам, наверное, неизвестно, что листья даже этих немногих видов не всегда съедобны. В определенное время года они вырабатывают ядовитую кислоту. Возможно, таким путем природа по-своему охраняет деревья. Что же касается ювенильных листьев, то они всегда опасны для коал.

Еще доктор рассказал, что даже с одного дерева коалам нужны разные листья. Таким деревом может быть взрослый медвяный эвкалипт, серый эвкалипт, синий эвкалипт или красное камедное дерево. И коалы едят, чередуя, то молодую листву, то старые листья, то даже кору с веток. А когда приходит пора, перебираются на другое дерево.

— Между прочим, известно ли вам, что, держа в доме коалу, вы нарушаете закон? — спросил доктор.

Малькольм и Джуди побледили.

— Почему? — спросил Малькольм.

— Потому что осталось очень мало коал. Представляете, что будет, если все люди захотят иметь у себя в доме коал и отправятся за ними в лес? Тогда на воле их совсем не будет.

Ветеринар уехал. Андерсоны в растерянности смотрели друг на друга. Они поняли, что им придется расстаться с их любимцем.

Дня через два Ушастик стало лучше. А Андерсоны не могли решить, чем его кормить.

В субботу Джуди, Малькольм и мистер Андерсон отправились в лес. Ушастик сидел в корзинке и не видел, куда его несут. Та часть леса, где был пожар, снова оделась нежной зеленью, хотя среди листвы то тут, то там проглядывали покрытые копотью стволы и обгорелые сучья. Стояла весна. Миновав заросшее лесными цветами и папоротником место, где когда-то, повинувшись ветру, пламя повернуло назад, Андерсоны очутились в густой роще пышных синих эвкалиптов, у подножия которых буйно разросся папоротник.

Малькольм вынул Ушастика из корзинки. На свету зверек заморгал, потом не спеша огляделся.

Каждый из Андерсонов погладил его и поцеловал в пушистую головку. Затем мистер Андерсон взял его на руки и понес к эвкалипту, который показался им самым лучшим из всех деревьев.

Сначала Ушастик не трогался с места, а затем медленно пополз вверх по гладкому серебристому стволу. В голове у него царил неразбериха. Он не понимал, куда лезет и зачем.

— До свиданья, — вздохнул Малькольм.

— Всего хорошего, — добавил мистер Андерсон.

Джуди ничего не сказала, но, когда она повернулась идти домой, ресницы у нее были мокрыми.

Ушастик был в полной растерянности. Он не умел жить один в лесу. Он привык, чтобы о нем заботились люди. Когда небо совсем заволокло облаками, он слез с дерева и заковылял в сторону дома Андерсонов.

И добрался бы до них в ту же ночь — обоняние у коал на удивление острое, — если бы не встретил в лесу двух мальчишек с ружьем, которым они развлекались. Им не удалось убить кролика, поэтому они обрадовались, заметив среди деревьев ковыляющего на кривых лапах маленького пушистого коалу.

К счастью, Ушастик еще раньше заметил ребят. Они чем-то ему не приглянулись, и он стал поспешно карабкаться вверх на дерево.

Он преодолел всего футов тридцать, когда мальчишки добрались до дерева. Один из них наставил дуло ружья на Ушастика и выстрелил. Пуля чуть не задела нос зверька. Прицелившись получше, мальчишка выстрелил вторично. На этот раз пуля проложила огненную дорожку в густой шерсти Ушастика. И он стал скорее карабкаться вверх, перебираясь с ветки на ветку. Тогда второй мальчишка потребовал дать ружье ему. Он стрелял лучше.

Трудно поверить, что кому-нибудь захотелось лишить жизни такое безобидное, простодушное и милое существо, как коала. Мальчишки просто не подумали, они развлекались, как умели. К счастью, в Ушастика не так-то легко было попасть. Серый круглый комочек почти слился с деревом и в свете сумерек был едва виден. Может, беда и произошла бы, если бы не дождь. Крупные холодные капли дождя застучали по листьям, косыми струйками побежали по папоротнику.

Еще один выстрел — и ребята бросились домой.

В лесу стало тихо, и Ушастик вздохнул свободно. Но с дерева он слезать не собирался. Ему было там спокойнее, даже если эти листья и не окажутся подходящими для еды. Сплошная сетка дождя повисла над лесом, быстро стемнело. Дождь мочил шубку Ушастика, и прохладные ручейки, струясь по ветвям и стволам деревьев, поили пересохшую землю.

УШАСТИК — ГЛАВА СЕМЕЙСТВА

Ушастик недолго задержался на этом дереве. От мысли вернуться к Андерсону он отказался. Если бы не ребята с ружьем, он бы вернулся, но теперь он несколько утратил доверие к людям. Ему трудно было им верить.

Внутренний голос шептал ему, что нужно идти дальше, попытаться отыскать других коал. Он уже плохо помнил своего отца Лежебоку, свою мать Пушистые Ушки и тех коал, с которыми он вместе жил полгода назад.

Три ночи он бродил по лесу, ковыляя по земле от одного дерева к другому. Он держался настороже, приглядываясь и принюхиваясь, не появятся ли змея, лиса или человек, и застывал в неподвижности, если какая-нибудь ночная птица задевала его крылом. И все время слушал, не раздастся ли где-нибудь знакомый голос коалы. Если он уставал или был голоден, он снова влезал на синий эвкалипт. Ему было очень одиноко. Он не мог понять, куда делись люди и вещи, когда-то его окружавшие.

Еще несколько дней и ночей он, грустный и одинокий, просидел на самой верхней ветви дерева, что росло на вершине холма. Перед ним чуть ли не до самого побережья простиралась роща пышных эвкалиптов. Днем медно-красное солнце превращало синюю гладь океана в сверкающее ослепительным блеском серебро, а на закате вода была испещрена золотисто-красными, розовыми, оранжевыми и янтарными бликами. Иногда холмы вдали тонули в длинных, тяжелых облаках, которые, не торопясь, подобно огромным улиткам или медведям-ленивцам, наползали на глухую лесную чащу.

В любое другое время Ушастик, само олицетворение безмятежности, получил бы удовольствие от этой гармонии и безмолвия, но сейчас он был не в состоянии насладиться ими.

Он снова двинулся в путь и уже почти не надеялся когда-нибудь вновь увидеть, услышать или учуять коал, как вдруг однажды ночью на дереве, не очень

высоко над землей, заметил знакомое туловище и услышал фыркание. Он принялся разглядывать дерево. Еще один коала, еще один.

И ему сразу стало легче.

Он не полез на дерево, потому что знал, что его там не ждут. Ему было известно, что каждое семейство живет обособленно и глава семьи вовсе не приветствует появление чужих коал-самцов. Ушастик нашел неподалеку высокое камедное дерево, на котором коал не было. Приятно возбужденный соседством, он с аппетитом поел, отыскал себе ветку поудобнее, позевал и заснул.

Со своего дерева ему было видно, что творится на соседнем. Там жило с десяток зверьков. Крупный, толстый отец, две-три мамы с детенышами и две уже почти взрослые коалы-дочки.

Уже несколько недель Ушастик обитал на своем дереве или на других поблизости. Все это были отличные деревья с гладкой корой и стволом, испещренным сотнями похожих на картофелины наростов, что очень помогало взбираться вверх. На некоторых молодой листвы не было, зато на них красовались сотни цветочных бутонов, прикрытых розовато-зелеными колпачками, которые вот-вот должны были слететь, предоставив окружающим возможность любоваться круглыми зонтиками молочно-кремовых цветов.

«Вот это еда!» — восхищался Ушастик.

Внизу земля переливалась радугой всех оттенков и красок. Лохматые нити сассапарели обвивали поверженные деревья, украшая их маленькими лопатообразными листочками и пурпурными побегами. Белые гроздья дикого ломоноса огромными пауками висели на кустах, превращая их в непроходимые заросли. Все кругом дышало бодростью, свежестью, сверкало яркостью красок, благоухало лесными запахами.

Однажды ночью Ушастик, которому надоело пребывать в состоянии ожидания, запел любовную песню. «Попробую», — решил он. Слуху человека эта песня вовсе не показалась бы приятной, но молоденькая коала с соседнего дерева тотчас наострила свои пушистые ушки. Ее эта песня очень заинтересовала.

«Приходи, моя пушистая красавица, — пел Ушастик, — на высоком зеленом дереве, залитом солнышком, слишком скучно одному. Что бы ни было суждено нам в дальнейшем, эта весна с ее душистыми листочками — наша судьба».

Прошло еще несколько ночей, и молоденькая коала не устояла перед фырканием Ушастика. Она осторожно спустилась со своего дерева, переваливаясь, прошла по заросшей кустарником земле до синего эвкалипта, на котором сидел Ушастик, и полезла наверх. Вот так Ушастик снова превратился в дикое животное и принялся ухаживать за своей подругой.

Бежали месяцы, шли годы. Ушастик вырос, стал бесстрашным, сильным, любил хорошо поесть и хорошо поспать. У него были четыре жены и шестеро детей: двое новорожденных и четверо больших.

Ушастик вообще-то был добродушным, но порой злился, а то и впадал в ярость. Раз два-три он вступал в единоборство с другими самцами, которые хотели занять его место. И дрался он отчаянно, пуская в ход зубы и когти. Раз в два года у каждой из его жен рождался новый детеныш. И почти год уходил на то, чтобы младенец превратился в самостоятельное животное. Коалы рождаются в начале осени. Без чьей-либо помощи детеныш добирается до материнской сумки и живет там целых шесть месяцев, пока его розовая кожа не покроется полностью шерстью и не разовьются как следует конечности.

Ушастик хоть и любил своих детей, но предпочитал держаться от них подальше и не участвовать в их воспитании. Порой малыш, цепляясь за мех, взбирался ему на спину, но очень быстро слезал и отправлялся на поиски матери. Коалы-самки, по-видимому, действительно получают удовольствие, когда нянчат и растят младенцев, причем они проявляют заботу не только о собственных, но и о чужих детях.

Однажды ночью в начале лета одна из подруг Ушастика слезла с дерева и пошла по лесу на поиски новых деревьев с более душистыми листьями. Своего малыша она поручила заботам другой жены Ушастика. Ей, разумеется, было невдомек, что незадолго до ее похода люди проложили в этой стороне леса дорогу, на которую она вышла как раз в тот момент, когда из-за поворота вынырнула машина с горящими фарами. Бедняжка коала остановилась как вкопанная и уставилась на страшное чудовище, которое, приближаясь, слепило ей глаза. Шофер попытался объехать зверька, но ему это не удалось.

Когда мать вовремя не вернулась, осиротевший малыш принялся горько плакать. И тогда другая самка посадила его к себе на спину вместе со своим детенышем.

Иногда дули такие ветры, что дерево чуть не сгибалось пополам, а дождь, просекая длинные остrokонечные листья, ручьями бежал по ветвям и стволам. Но коал это мало беспокоило. Они никогда не искали убежища в дупле или под большим суком. Им было очень хорошо в их излюбленной развилке среди ветвей. Они только прятали голову. А шерсть пусть дождь мочит. Она у них почти не пропускает воду.

В ясные дни Ушастика можно было видеть на самой верхушке дерева. На мордочке его было написано полнейшее спокойствие — словно он над чем-то глубоко задумался. А в действительности все мысли его были сосредоточены на собственном носе. Его обоняние можно назвать истинным чудом природы. Он мог на значительном расстоянии учуять дерево со съедобными листьями. Быть может, в одну прекрасную ночь коалы снова отправятся в путь в поисках нового пристанища. И знать, куда именно пойти, входило в обязанности Ушастика как главы семьи. Инстинкт, унаследованный от предков, существовавших на земле миллионы лет назад, помогает умному коале распознать, на каком дереве растут самые вкусные листья и в какое время года их следует искать.

По запаху Ушастик мог определить и присутствие других коал. У самцов на белой пушистой грудке есть коричневое пятно, которое появляется в результате активной деятельности сальной железы и имеет свой особый запах. Когда коала лазают по деревьям, этим пятном он касается коры. Поэтому взрослое животное может по запаху определить, были ли здесь другие коалы и какие деревья они занимают.

У Ушастика теперь уже насчитывалось много детей и даже внуков. Он превратился в довольно крупного зверя с большой головой, постоянно торчащими вверх ушами, с большим, закругленным книзу носом и дымчато-серой шубой. Он издавал глубокие, грудные звуки и громко фыркал. Как только его сыновья становились самостоятельными, Ушастик прогонял их с дерева. «Уходите, уходите, хрр-хрр! — Урчал он, и голос его был удивительно похож на голос старого Лежебоки. — Убирайтесь отсюда, заводите собственную семью! Хрр!» И сын уходил за десять, а то и двадцать миль и только там отыскивал подходящее для себя место или встречал других коал.

Беда состояла в том, что на полуострове, как и во всех остальных частях

страны, люди все больше и больше заселяли землю, распугивая коал и сгоняя их с излюбленных мест, поэтому зверьков становилось все меньше. Давно прошли те времена, когда человеку разрешалось убивать коал, чтобы торговать их шкурами. Тем не менее оставались нерешенными еще много других проблем.

Наступило время, когда Ушастик и его семья, живя в лесу, перестали чувствовать себя в безопасности.

СЧАСТЛИВАЯ ЖИЗНЬ

Андерсоны долго не могли утешиться, отпустив на волю своего любимца, и часто ходили в лес, мечтая встретить его. А возвращаясь домой, нередко думали, что вот, мол, сейчас они войдут в сад, а Ушастик сидит на дереве и ждет их.

Но этой мечте не суждено было осуществиться.

Однажды вечером уже почти взрослые Малькольм и Джуди пошли на лекцию, которая читалась в зале местной общины. Заезжий лектор, энергичный и моложавый, оказался специалистом по коалам.

— Уверю вас, леди и джентльмены, — говорил он, и голубые глаза его сверкали, — уверю вас, девочки и мальчики, что на дальнейшее существование коал почти нет надежды, если не будет — причем безотлагательно — осуществлен один важный замысел. Неужели эти красивые и ласковые животные должны погибнуть? Навсегда исчезнуть с лица земли? И тем не менее это произойдет, если мы с вами не создадим для них заповедники — большие лесные массивы, обнесенные оградой, куда не смогут проникнуть ни лиса, ни динго, ни собака, ни кошка, где можно будет посадить сотни любимых коалами медвяных, серых, красных, синих, болотных, капустных и яблочных эвкалиптов...

Лектор рассказал, что несколько таких заповедников уже создано, что коалы там отлично живут, и призвал всех, кому по душе эти зверьки, содействовать охране их существования.

Спустя полгода Джуди и Малькольму удалось побывать в одном из заповедников. Малькольм теперь стал широкоплечим, ростом почти шесть футов, а Джуди превратилась в совсем взрослую девушку. Она уже не визжала от восторга, как прежде. Но идя между рошицами кудрявых молодых деревьев, оба они думали только об Ушастике и не спускали глаз с сидящих на ветках коал. И всякий раз вот-вот готовы были воскликнуть: «Вот он, вот он, наш коала!»

А что же за это время произошло с Ушастиком?

За несколько месяцев до этого, в один прекрасный весенний день, Ушастик тихонько и почти совсем безмятежно покачивался на вершине серого эвкалипта неподалеку от побережья. На ярком солнце вода манила голубизной и прохладой. Со стороны маленького ручья, который, журча, бежал по камням, поднимались запахи цветов: ириса и фуксии, солнечной орхидеи и золотистого горошка, дикой розы и медунцы с крошечными трубочками цветов в окружении жестких зеленовато-серых листочков. Вокруг кружились птицы и роились пчелы. И Ушастик, сидя у себя на ветке, размышлял о судьбе своих друзей и детей.

Почему получилось так, что на его дереве не осталось ни одного коалы?

Он не знал, что незадолго до этого одна из его дочерей погибла в огне во время пожара, ибо была так ошеломлена и испугана, что не сумела, когда пламя приблизилось, уйти с дерева. А другая разбилась, когда большое дерево, на которое она влезла, свалили лесорубы. Две его жены зимой застудили легкие, и их тоже не стало.

И остальные коалы ушли от Ушастика глубже в лес, решив, наверное, что он недостаточно умен для главы семьи, хотя, разумеется, его никак нельзя было винить во всех этих бедах.

Ночью Ушастик отправился на поиски новой подружки. Хотя он и заметил, что по лесу, осматриваясь по сторонам, бродят люди, тем не менее решил попробовать отыскать подружку в полосе высоких деревьев вдоль моря. Он спустился со ствола и заковылял среди папоротника. В темноте шла какая-то возня: промелькнул не то кролик, не то опоссум, проползла ящерица. Ушастик уже миновал чайное дерево и синий эвкалипт, еле различимые во тьме, как вдруг произошло нечто ужасное! Остановившись на секунду, чтобы оглядеться, он оперся передними лапами на гладкий пенек, а заднюю левую поставил на что-то холодное, твердое и непонятное, и в тот же миг капкан захлопнулся. Острые зубы его безжалостно вонзились в лапу Ушастика. Громко крича от боли, он пытался выдернуть ногу, но не тут-то было. Лапа была сломана.

Всю ночь он в мучениях пролежал возле капкана. Лапа болела так, что он не мог даже думать.

Капкан ставили на кроликов. И утром, когда пришел человек — Ушастик приподнял голову и застонал, — он лишь выругался, увидев в капкане коалу. И уже собрался прикончить Ушастика, как появился второй человек. Это был лесничий.

— Не смей! — сказал он браконьеру. — Я заберу его с собой. Ушастик очутился в машине, которую лесничий быстро погнал по лесной дороге, а потом в заповеднике, в лечебнице для коал.

Работавшие там люди любили коал и старались спасти жизнь заболевших или пострадавших при несчастных случаях животных. Ушастика было так плохо, что казалось, он никогда не поправится. Но врачи решили сделать все возможное, чтобы сохранить ему жизнь.

Его посадили на резиновую подушку, из середины которой торчал деревянный столбик, и широко раздвинули задние лапы. Тогда передними он крепко ухватился за столбик. И врачи занялись его сломанной лапой. Сначала, не понимая, что с ним делают, он кусался и царапался, но операция скоро закончилась, и ему стало легче. Сломанную кость соединили, на лапу наложили лубок и плотно забинтовали.

Пока кость срасталась, ему не позволяли лазить по деревьям. По правде говоря, он вряд ли способен был этим заниматься.

Он сидел на земле или на специальной деревянной подставке и жевал листья серого эвкалипта.

Постепенно он стал замечать других коал. У одних были сломаны лапы, у других поврежден таз, у третьих травма головы. И оказалось, что не все коалы были похожи друг на друга. Были среди них и маленькие коалы из Куинсленда, обросшие густой шерстью, и крупные коалы из Виктории, в коричневых шубках с длинным и прямым ворсом, и дымчато-серые небольшие зверьки из различных частей Нью Саут Уэльса. И все они были добрыми друзьями.

Ушастика кормили на славу. Вот тут-то он и припомнил, что и прежде люди желали ему добра, только они не знали, какая еда ему по вкусу.

Наконец боль в ноге утихла. Он опустил лапу на землю, и оказалось, что он может на ней стоять. А вскоре ему разрешили и лазить по деревьям в загоне для выздоравливающих, где специально были посажены деревья с самыми вкусными листьями.

Здесь и разыскали его Малькольм и Джуди. С самым деловым видом он сидел на нижней ветке и, ритмично работая сильными челюстями, энергично жевал. Близнецы не сомневались, что перед ними Ушастик: они бы узнали его везде. Если всмотреться попристальнее, то коалы вовсе не одинаковы.

— Здравствуй, маленький! — радостно закричала Джуди. Малькольм замал шляпой.

— А вот и наш коала! Привет, старина!

Ласковый, простодушный взгляд коричневых глаз Ушастика обратился на близнецов. Конечно, он помнит эти голоса! Помнит! И эти розовые, обращенные к нему лица!

Еще целых двадцать лет прожил Ушастик в заповеднике. Здесь у него всегда была вкусная еда, как в те далекие дни, когда белый человек еще не появился в лесу.

Шли годы, но Малькольм с Джуди по-прежнему навещали своего любимца. Он их узнавал. Коалы долго помнят тех, кто был с ними ласков. Ушастик позволял брать себя на руки, и ему очень нравилось, когда его гладили.

Были у Ушастика и новые жены. Он выбирал их среди коал, когда-то тоже доставленных в заповедник либо со сломанной лапой, либо с воспалением легких. Рождались у него детеныши, постепенно коал становилось все больше и больше, и можно было надеяться, что его потомки не переведутся на земле.

Порой, когда солнце озаряет своими ласковыми лучами пучки зеленых листьев, придавая особый блеск их острым янтарным или рубиновым кончикам, высоко на дереве можно видеть уютно устроившегося в развилке Ушастика, который сидит, подняв навстречу ветру крупную голову с квадратными ушами. Теперь это умиротворенный, добродушный старик, который прожил долгую и счастливую жизнь. Ему на долю выпало немало приключений, но он сумел одолеть все беды.

И вот он сидит, наслаждаясь запахами эвкалиптов, и вынюхивает, кто из коал с ним рядом, а кто далеко. Дерево под ним чуть колышется, в цветущей кроне его мечутся медоеды, а небо наверху отлиывает золотом.

Перевод *Н. Емельяниковой*

АВСТРИЯ

ОТКУДА В АЛЬПАХ СТОЛЬКО КАМНЕЙ

(народная сказка)

Была в Альпах долина, где одни лишь дикие звери жили. Кругом такие болота, что даже волки с медведями, бывало, в тех болотах тонули. И вот явился в долину могучий великан. Огляделся и надумал там поселиться.

Нашел себе великан пещеру, вырыл глубокие рвы, осушил болота, лес выкорчевал и отправился жену искать. Побродил великан по свету и нашел себе жену-великаншу. Была она сильная, как и он сам, во всякой работе ему помощница.

Ровно через три года у великана с великаншей три сына родилось. Пришлось им еще одну пещеру в скалах вырубать. Подросли детки, стали отцу помогать новый дом строить. Деревья для дома великан в Альпах рубил. Ходьбы туда человеку часа полтора. А сыновья великана за несколько минут к тому месту добирались. Но силенок у них было маловато, и каждый мог только по одному стволу тащить. Лишь младший великан, по прозвищу Бородач, порой два дерева сразу брал. Радовался отец: хороший сынок подрастает!

Однако хотелось великану над всеми родичами возвыситься и такой дом построить, равного которому во всем великаньем королевстве не сыскать. Нанял он на подмогу нескольких «мушек» да «букашек» — так он людей величал. Они в плотницком деле толк знали и обтесывали деревья; рубил же их сам великан. В подсобниках у людей были младшие великаны.

Болото, которое великан осушил, люди «Лошадиное болото» прозвали, а великана — «великаном с Лошадиного болота». Новый дом стал «усадьбой на Лошадином болоте».

Как построили дом, почувал великан, что старость близится, а силы убывают. И надумал он свое добро одному из сыновей завещать. Но не знал — которому: ведь все трое были ему одинаково дороги. Попросил великан совета у жены, а она и велит:

— Отдай усадьбу самому сильному!

Сели великаны обедать.

— Стар я, детки, в доме молодой хозяин нужен,— говорит великан сыновьям.— Давайте так сделаем. Кто дальше всех камень закинет, тому усадьба достанется!

Отобедали великаны, взял старик огромный камень и отнес его на пятнадцать шагов от усадьбы. Пятнадцать шагов великана — пятнадцать минут человеку идти. А камень тот 40 пудов весил и был железным кольцом опоясан. Одно кольцо на три пуда тянуло. Камень-то великаны по-своему швыряли, испокон веков они обычая своего придерживались. Тот, кто камень за кольцо держал, сначала его вверх поднимал, потом кидал. На этот раз бросали великаны камень в сторону собственного дома. Должен был камень над домом пролететь.

Первым вышел старший; поднял он камень и как его швырнет! Но камень и до дому-то не долетел. Попал он в изгородь и разбил ее вдребезги.

Настал черед среднего сына камень кидать. На этот раз камень о переднюю стену дома ударился. Да так, что затрещала она и рухнула.

Младший сын бросил камень так далеко, что крышу дома пробил, все в доме переколотил и разметал.

— Эй, Бородач, силен ты, однако!— закричал старый великан и расхохотался. От хохота его деревья задрожали.— Тебе дом достанется, можешь теперь его заново отстраивать.

— Эх вы, хвосты свинячьи! Гляньте на меня старого, слабого великана. Ну-ка, жenuшка любезная, сбегай-ка да принеси мне камень!

Побежала великанша за камнем и принесла его на безымянном пальце левой руки. Встал старик как положено, левой ногой в землю уперся. Ух! Взлетел камень высоко-высоко над крышей усадьбы на Лошадином болоте и далеко-далеко от нее на землю грохнулся. Вдохнул старый великан и говорит:

— Иссякла нынче у молодых сила великанья! В мои времена не такие силы бывали! Помнится мне, как я однажды камень на Кольбентальскую лесопильню закинул! А камень тот пятьсот пудов весил! Он и поныне там лежит.

Понятно теперь, откуда в Альпах столько огромных камней.

Перевод Л. Брауде

Феликс Зальтен

(1869—1947)

Автор многочисленных романов, пьес, рассказов, эссе о музыке, театре, литературе. Особой любовью во всем мире пользуется его «Бемби» — сказка о маленьком олененке.

ДЕТСКАЯ СКАЗКА

(отрывок)

Он появился на свет в дремучей чащобе, в одном из тех укромных лесных тайников, о которых ведают лишь исконные любители леса.

Его большие мутные глаза еще не видели, его большие мягкие уши еще не слышали, но он уже мог стоять, чуть пошатываясь на своих тонких ножках, и частая дрожь морщила его блестящую шкурку.

— Что за прелестный малыш! — воскликнула сорока. Она летела по своим делам, но сейчас разом обо всем забыла и уселась на ближайший сучок. — Что за прелестный малыш! — повторила она.

Ей никто не ответил, но сорока ничуть не смутилась.

— Это поразительно! — тараторила сорока. — Такой малютка — и уже может стоять и даже ходить! В жизни не видела ничего подобного. Правда, я еще очень молода, что вам, наверное, известно, — всего год, как из гнезда... Но нет, это поистине изумительно и необыкновенно! Впрочем, я считаю, что у вас, оленей, все изумительно и необыкновенно. Скажите, а бегать он тоже может?

— Конечно, — тихо ответила мать, — но извините меня, пожалуйста, я не в состоянии поддерживать беседу. У меня столько дел... к тому же я чувствую себя немного слабой.

— Пожалуйста, не беспокойтесь, — поспешно сказала сорока. — У меня самой нет ни минутки времени. Но я так поражена!.. Подумать только, как сложно проходят все эти вещи у нас, у сорок. Дети вылупляются из яиц такими беспомощными! Они ничего, ну ничего не могут сделать для себя сами. Вы не представляете, какой за ними нужен уход! И они все время хотят есть. Ах, это так трудно — добывать пропитание и следить, чтобы с ними чего не приключилось! Голова идет кругом. Разве я не права? Ну согласитесь со мной. Просто не хватает терпения ждать, пока они оперятся и приобретут мало-мальски приличный вид!

— Простите, — сказала мать, — но я не слушала.

Сорока улетела. «Глупое создание! — подумала сорока. — Удивительное, необыкновенное, но глупое».

Мать не обратила никакого внимания на исчезновение сороки. Она принялась мыть новорожденного. Она мыла его языком, бережно и старательно, волосок за волоском, вылизывая шкурку сына. И в этой нежной работе было все: и ванна, и согревающий массаж, и ласка.

Малыш немного пошатывался. От прикосновений теплого материнского языка им овладела сладкая истома, он опустился на землю и замер. Его красная, влажная, растрепанная шубка была усеяна белыми крапинками, неопределившееся, детское лицо хранило тихое, сонное выражение...

Лес густо порос орешником, боярышником и бузиною. Рослые клены, дубы и буки зеленым шатром накрыли чашу; у подножий деревьев росли пышные папоротники и лесные ягоды, а совсем внизу ластились к смуглой, бурой земле листочки уже отцветших фиалок и еще не зацветшей земляники.

Свет раннего солнца проникал сквозь листву тонкими золотыми нитями. Лес звенел на тысячи голосов, он был весь пронизан их веселым волнением. Без усталости ворковали голуби, свистели дрозды, сухонько пощелкивали синицы, и звонко бил зяблик. В эту радостную музыку врывались резкий, злой вскрик сыча и металлическое гуканье фазанов. Порой всю многоголосицу заглушало звенящее, взхлеб, ликование дятла.

А в выси, над кронами деревьев, неумолчно гортанными голосами ссорились вороны и, прорезая их хриплое, назойливое бормотанье, долетали светлые, гордые ноты соколиного призыва.

Малыш не различал голосов, не узнавал напевов, он не понимал ни одного слова в напряженном и бурном лесном разговоре. Не воспринимал он и запахов, которыми дышал лес. Он чувствовал лишь нежные, легкие толчки, проникающие сквозь его шубку, в то время как его мыли, обогревали и целовали. Он вдыхал лишь близкое тепло матери. Тесно прижался он к этому мягкому, ароматному теплу и в неумелом голодном поиске отыскал добрый источник жизни.

И пока сын пил из нее благодатную влагу, мать тихо шептала: «Бемби». Она вскидывала голову, прядала ушами и чутко втягивала ноздрями воздух. Затем, успокоенная и счастливая, целовала своего ребенка.

— Бемби,— говорила она,— мой маленький Бемби!

Пересказ Ю. Нагибина

Мира Лобе

(1913)

Писательница, владеющая «высшими тайнами» литературного мастерства. Ей в равной степени удаются проза и поэзия, книжки-картинки для самых маленьких, литературная сказка для детей среднего школьного возраста и психологически мотивированный роман для подростков и юношества. Самая известная ее книга—«Бабушка на яблоне».

КАК БЫЛО ДЕЛО С МОХНАТКОЙ

Сегодня Фреди первый раз пошел в школу. Вернулся он в полдень, и, как только распахнул калитку, его младшая сестренка со всех ног кинулась ему навстречу:

— Ну, как, Фреди?

— Отлично!— заявил Фреди.— И запомни раз и навсегда: с сегодняшнего дня меня больше нельзя звать Фреди, а только Альфред.

— Как?!— изумилась сестренка.— Тогда и меня надо звать не Геди, а Гед-виг. Нет, так я не играю...

И она запрыгала на одной ножке по кругу. Но Фреди не обратил на нее никакого внимания и направился к дому.

— Подожди! — закричала Геди. — Давай поиграем в джунгли. Львом будешь ты, я тебе уступаю.

— Нет, с сегодняшнего дня я не буду больше львом. И няней твоих кукол тоже не буду. И вообще никем я больше не буду.

Геди перестала прыгать.

— И принцем не будешь, когда я буду Спящей Красавицей?

Фреди покачал головой.

— И капитаном, если решим играть в пиратов? — спросила Геди.

Фреди заколебался.

— Ну, капитаном, так и быть, буду, — сказал он нерешительно.

Геди озабочено посмотрела на него.

— А играть в «кто дальше плюнет» ты тоже больше не хочешь?

— Нет. Мне все это уже не подходит. Наш учитель сказал, что мы теперь большие, мы — школьники и не должны заниматься всякими глупостями.

Геди пришла в бешенство.

— Ну, подождите! — закричала она. — Если учителя такие, что нельзя ни плюнуть, ни быть львом, ни даже принцем, да еще надо, чтобы тебя звали Альфред, то я никогда — слышишь, никогда! — не пойду в школу.

— У тебя еще есть время об этом подумать, — ответил Фреди и решительно двинулся к дому.

Собственно говоря, это был не дом, а скорее домик: красивый белый домик с красной крышей, сверкающими чистотой окнами и маленьким садиком, где росли цветы и овощи. Справа и слева от него были такие же домики с такими же садами. И напротив — тоже. Дело в том, что Фреди и Геди жили в поселке, на дальней окраине большого города.

Фреди сразу же побежал на кухню, где его мама терла морковь.

— Здравствуй, Фреди! Ты уже вернулся из школы? Ну, расскажи! Тебе там понравилось?

Геди прискакала вслед за братом и громко объявила:

— Его теперь зовут уже не Фреди, а Альфред, и с сегодняшнего дня он стал такой большой, что не может быть ни львом, ни принцем...

— Ну нет, — смеялась мама, — для нас ты всегда будешь Фреди!

— Даже когда он вырастет большой и у него будет борода?

— Да, и тогда тоже.

— Вот, слышал? Так тебе и надо! — обрадовалась Геди и дернула брата за ковбойку так, что она у него вылезла из штанов. А он этого терпеть не мог.

— У меня никогда не будет бороды! — закричал он зло и снова заправил рубашку в брюки.

Чтобы его успокоить, мама дала ему погрызть морковку: ведь он был так взволнован и так устал после первого дня в школе. Морковь и в самом деле подействовала на него умиротворяюще. Он вынул из ранца свой новый букварь с разноцветными картинками и показал маме.

У Геди глаза стали круглыми — она была просто ошеломлена великолепием этой книги и сказала:

— Раз каждый получает в школе такую книгу, я, может, все же пойду учиться. Но только, если учитель разрешит мне плевать сколько захочу.

Фреди сунул букварь под мышку и с важным видом сообщил:

— Теперь мне надо делать уроки.

Мама удивилась:

— Как странно! Первый день — и вам уже что-то задали?

Фреди кивнул:

— Мы должны выбрать в букваре самую красивую картинку и придумать к ней рассказ, а потом пересказать его учителю.

— А разве учитель сам не умеет выдумывать рассказы по картинкам? — спросила Геди, и ей тоже захотелось погрызть морковку. — Послушай, Альфред, — сказала она, побежав вслед за братом в их комнату. — Может, мне тебе помочь? Выбирать картинки и придумывать рассказы я умею не хуже тебя, а может, даже лучше.

— Уж никак не лучше! — сказал Фреди тоном, не терпящим возражения, но все же подвинулся, чтобы Геди могла сесть рядом с ним. Они долго листали букварь и спорили до хрипоты, какая картинка лучше — с подъемным краном или со свиньей и кучей розовых поросят.

После обеда они пошли играть в парк. Там всегда собиралось много ребят. Парк был огромный. Вдоль посыпанных гравием дорожек пестрели клумбы с чудесными цветами. Старые деревья затемняли аллеи, и разросшийся кустарник посреди зеленого газона, казалось, был просто создан для игры в прятки. Надо было только не попадаться на глаза сторожу, когда бежишь по газону, чтобы первому крикнуть: «Палочка-выручалочка, выручи меня!» Или когда лезешь на дерево, чтобы спрятаться в его кроне. Впрочем, прятаться там было скучно, потому что в густой листве ничего не было видно. Правда, даже если сторож ловил ребят, это было не так уж страшно, потому что его племянник Петер всегда играл с ними. А Петер в таких случаях стоял перед дядей с таким виноватым видом и так умолял: «Прости, дорогой дядечка, прости!», что всякий раз все обходилось благополучно не только для самого Петера, но и для всех остальных тоже. К тому же дети никогда не играли в центре парка, где прогуливались мамы с колясочками, а старики и старухи сидели на скамейках и грелись на солнышке, они облюбовали себе его дальний конец, такой тенистый, что называли его лесом.

— Я так рада, — сказала Геди, когда они бежали по улице в парк, — что хоть в прятки ты еще можешь играть.

Фреди промолчал.

— А я — я всегда хочу играть в прятки! — продолжала она. — Если мне не разрешат играть в прятки, когда я вырасту, то уж лучше я навсегда останусь маленькой.

Она задыхалась — ей было трудно на бегу говорить такими длинными фразами.

— Не выйдет, — твердо сказал Фреди. — Хочешь не хочешь, а ты все равно станешь большой.

Они добежали до каштановой аллеи. Петер, завидев их еще издали, крикнул:

— Быстрее! Мы как раз считаем, кому водить.

Они стали в круг, и Петер начал.

— Они дони раба,
Квинтер, квантер, жаба...

Первой вышла Геди, потом один за другим все остальные. Последним остался сам Петер, и ему пришлось водить. Он подошел к большому каштану, согнул руку в локте, уткнулся в нее и начал считать. А все ребята кинулись врассыпную и попрятались за деревьями и в кустах. Было много старых, надежных мест, чтобы спрятаться. Но Фреди был честолюбив и не хотел идти по проторенным дорожкам, он, как всегда, искал новое место, а Геди побежала за ним.

— Найди сама, где прятаться!— ворчал он.— Навязалась мне, да еще в красном платье! Если Петер нас найдет, то только из-за тебя, помидор несчастный!

Геди по опыту знала, что лучше всего промолчать. Не проронив ни слова, она поползла за Фреди в самые густые заросли и там притаилась. Она натянула платье на колени и вся сжалась в комочек, да к тому же зажмурилась, чтобы ее никто не увидел.

— Меня видно?— спросила она.

Но Фреди в последний момент решил залезть на дерево и спрятаться в густой листве.

— Тсс!— зашептала Геди.— Он пошел искать...

Петер как раз громко выкрикнул: «Сто! Я иду искать!»— и стал осторожно оглядываться по сторонам. Потом двинулся к большому деревянному ящику, в котором его дядя-сторож хранил садовые инструменты. Кто-нибудь всегда прятался за этим ящиком.

Геди все еще сидела, сжавшись в комочек, она боялась пошевелинуться. По ее голой ноге полз красный жук с черными пятнами на крыльях. Это было очень щекотно, но из страха, что зашуршит ветка, она не решалась его стряхнуть. Ноги Геди были покрыты золотистым пушком, и жук пробирался через него, как сквозь заросли, выбивался из сил, терял направление. Геди все дивилась, зачем он так трудится. «Если бы я была жуком,— думала она,— я ни за что не стала бы ползать по людям».

И вдруг в царившей вокруг тишине она отчетливо услышала какой-то странный звук. Это был совсем особый звук — жалобный, похожий на самую верхнюю ноту губной гармошки. Но Геди, конечно, прекрасно понимала, что это не гармошка: не могла же она лежать здесь в кустах и сама по себе издавать эти жалобные звуки!

Геди затаила дыхание и прислушалась: снова раздался тот же жалобный писк. Геди забыла, что должна сидеть в кустах тихо, как мышка. Она поползла дальше, туда, откуда доносилось это повизгивание, и увидела нечто маленькое, мохнатое, черное: оно лежало в траве и тихонько скулило.

У Геди заколотилось сердце быстро и громко. Она испугалась. Не того, что этот черный клочок шерсти ей что-нибудь сделает — для этого он был слишком мал,— ее охватил какой-то особый страх, в котором были и жалость и любопытство. Кто знает, что сейчас происходит с этим непонятным существом? Может, ему больно? Может, оно уползло сюда, в густую траву, чтобы умереть? Сердце Геди стучало все громче. Она наклонилась вперед, ветка затрещала у нее под ногами.

— Тсс!— зашипел Фреди с дерева.— Ты что, с ума сошла?

Черный комочек шерсти снова завизжал; на этот раз так громко, что его услышал и Фреди.

— Кто это?— спросил он шепотом.— Какой странный, жалобный писк.

— Здесь под кустом кто-то лежит,— зашептала ему в ответ Геди.— Спустись, Фреди, я боюсь.

— Сейчас, во время игры? Исключено.

Геди протянула в сторону черного шарика указательный палец. Она очень осторожно придвинула палец совсем близко к зверьку, но дотронуться до него не решалась.

— Фреди, как ты думаешь, может быть, это заяц?

— Глупости! Зайцы не пищат.

Геди в конце концов все же коснулась пальчиком комочка. Зверек испуганно взвизгнул, задрожал всем телом; было ясно, что он крайне возмущен этим прикосновением. Фреди не выдержал и переполз на самый край ветки, чтобы лучше видеть происходящее.

— Раз, два, три! Фреди, выходи!— крикнул Петер с каштановой аллеи. Сквозь листву он увидел клетчатую рубашку Фреди.

Фреди слез с дерева — все равно сидеть там дальше уже не имело смысла — и присел на корточки рядом с Геди.

— Покажи, что это!— скомандовал он, набравшись мужества, потому что и у него сердце колотилось учащенно.

Геди раздвинула ветки.

— Осторожно... Может, ему больно,— прошептала она.

Фреди решительно протянул руку. Клубок задвигался, и дети увидели влажную мордочку, на которой блестели большие, ясные, карие глаза, окаймленные пучками мохнатой шерсти.

— Какая прелесть!— забыв все, громко воскликнула Геди.

И сразу же в ответ раздался голос Петера:

— Раз, два, три! Геди, выходи!

Но ребята не обратили на это никакого внимания.

— Ты такого когда-нибудь видел?— спросила Геди брата.— Какой миленький! Дай мне его, Фреди, дай, пожалуйста!

Но Фреди не дал ей щенка. Он крепко, хоть и бережно, держал его обеими руками и позволил Геди только его погладить.

— Хотел бы я знать, как он сюда попал,— сказал Фреди.

— Наверное, заблудился. Кто-нибудь принес его в парк погулять, а он сбежал. Давай отдадим его сторожу.

Фреди упрямо глядел на комок черной шерсти, по-прежнему не выпуская его из рук. Лоб его прорезала глубокая складка — он думал.

— Но ведь мы его нашли!— сказал он хмуро.

— Ну и что?— спросила сестра.

До них снова донесся голос Петера:

— Эй вы, Геди и Фреди! Я вас давно выручил. Чего вы не выходите?

Фреди осторожно положил щенка под кусты.

— Вот именно о таком я всегда мечтал,— сказал он.— Всю свою жизнь я мечтал о таком вот маленьком, черном, мохнатом щенке.

— Я тоже!— подхватила Геди.— Я тоже всю жизнь мечтала иметь вот точно такую собачку.

Тем временем у каштана собралось уже много ребят. А Петер снова закричал, на этот раз уже сердито:

— Эй вы, двое! Вы, видно, маленько того!.. Если сейчас же сами не выйдете, я вас живо вытащу из кустов...

Когда Петер говорит кому-нибудь, что он «того», это значит, он в бешенстве, а раз он в бешенстве, он тут же отнимет у них щенка.

— Подожди нас здесь, никуда не уходи,— внушал Фреди черному комочку.— Мы сейчас вернемся.

— И, пожалуйста, постарайся, чтобы тебя больше никто не находил,— быстро добавила Геди.

Они выбежали из своего тайника, пронеслись вихрем мимо деревьев и скамеек и тут же оказались у каштана. Петер все еще злился:

— Вы что, грибы нашли? Никак вас из кустов не выманишь! Я теперь тоже буду там прятаться, может, и я найду грибы.

— Нет, не надо!— испуганно закричала Геди.

— Наоборот!— поспешно выпалил Фреди.

— Что наоборот?— спросил Петер.

— Наоборот, мы не нашли ни одного гриба. И прятаться там совсем неинтересно. На твоём месте я бы ни за что туда не пошел.

Петер с удивлением посмотрел на них.

— Не бойтесь, я всегда сам нахожу место, где спрятаться,— сказал он. К счастью, на этом разговор кончился.

Когда игра возобновилась, Фреди и Геди побежали на прежнее место не сразу, а сделав большой крюк, чтобы не вызвать у ребят подозрения. Щенок лежал там, где они его оставили, и, казалось, был рад, что они вернулись. Он приветливо помахал им своим крошечным хвостиком и высунул розовый язык.

— Он хочет пить,— сказала Геди.— Давай понесем его домой и дадим ему молочка.

— Гм!— произнес в ответ Фреди. Он прекрасно понимал, что все обстоит не так просто, как это себе представляет Геди.— Он ведь не наш,— наконец выдавил он из себя и снова наморщил лоб.— А раз он не наш, мы не можем его себе оставить. По-настоящему, мы должны обойти всех людей в парке и спросить, не их ли это собака.

— Ты думаешь?— разочарованно сказала Геди, но тут ей что-то пришло в голову, и она оживилась.

— А ты помнишь, как было с ведрком, которое я нашла в песочнице? Я тогда у всех спрашивала, но хозяина ведерка так и не нашлось. И мне разрешили его взять себе.— И она с надеждой поглядела на брата.— Правда,— добавила она,— ведрко было совсем старое...

— Вот именно! А это совсем, совсем новая собака,— сказал Фреди.

Время шло, и они понимали, что им нельзя дольше здесь оставаться, если они не хотят привлечь внимание товарищей. Фреди любовно потряс несколько раз маленькую толстую лапу щенка:

— До свидания, мы скоро опять вернемся.

И они незаметно уползли из этих кустов.

— Какие у него лапы мохнатые,— сказал Фреди.

— Давай назовем его Мохнаткой,— предложила Геди.

В следующий раз водил Фреди, и Геди могла одна наслаждаться Мохнаткой. Она гладила щенка и прижимала к себе сколько хотела, и так как рядом не было никого, кто бы воскликнул: «Геди, что ты делаешь!», она позволила себе то, что наверняка нельзя: поцеловала Мохнатку в голову, между маленькими черными ушами.

А Фреди тем временем стоял у каштана и делал вид, что считает: дело в том, что считать он пока умел только до десяти. Но сегодня это было ему даже на руку: он мог спокойно подумать. Получалось как-то странно: в нем явно было два совершенно разных Фреди. Один говорил: «Сам знаешь: если находишь что-то чужое, это надо отдать. И чем скорее, тем лучше». А другой ему возражал: «Если неизвестно, кому это надо отдать, то найденная вещь принадлежит тому, кто ее нашел. Так?»—«А разве ты пытался найти хозяина Мохнатки?»—не отступал первый Фреди. А второй тоже не сдавался: «Мне некогда искать его хозяина, я должен играть в прятки». Тут первый промолчал, но это было не лучше, чем если бы он стал спорить. И к тому же гнул свое второй: «Что стало бы с Мохнаткой, если бы мы его не нашли? Погиб бы, это ясно. От голода, от жажды, от холода»—«Ну, ну, не выдержал первый, — уж во всяком случае не от холода. В сентябре замерзнуть нельзя».—«Оставь меня в покое! — горячился второй. — Мы спасли собаку, и в награду за это мы можем ее взять себе».

Но в этот момент до Фреди донесся голос Петера:

— Эй, Фреди! Ты что, заснул? Мы уже все давно спрятались.

Фреди крикнул:

— Сто... Раз, два, три, четыре, пять, я иду искать! — и отошел немного от каштана. Он глядел то направо, то налево, но мысли его были далеко.

Кто-то крикнул:

— Ты трус! Боишься от дерева отойти!

Этого Фреди стерпеть не мог, и он побежал искать, но оба Фреди продолжали в нем спорить. Неудивительно, что всем ребятам удалось выручиться, и ему пришлось водить во второй раз. Это считалось позором, и Фреди было очень досадно. Но когда он снова стоял у каштана, уткнувшись лицом в руку, и оба Фреди собирались снова затеять свой спор, он вдруг нашел выход: пусть Мохнатка лежит в кустах до темноты. Если щенок все еще будет там, когда все пойдут домой, то, значит, его можно взять. До вечера было немало времени, и он вполне успеет найти своего хозяина, если такой существует, или, вернее, хозяин успеет его найти. Но никто не запретит Фреди надеяться, что этого не случится. Для верности он даже зажал большой палец на счастье. «Это и вправду хорошее решение», — подумал он и крикнул:

— Раз, два, три, четыре, пять, я иду искать!

Он с азартом побежал на поиски и тут же выручил сперва Петера, а за ним и всех остальных и смыл с себя позор предыдущего кона.

Он посвятил Геди в свой план. Она сперва поспорила, а потом все же согласилась. Она только считала, что судьбе следует помочь. Поэтому время от времени она прокрадывалась к Мохнатке, чтобы проверить, там ли он. Когда Геди обнаружила, что щенок отважился выбраться из кустов, она недолго думая утащила его назад, да еще как следует выругала. Кроме того, Геди ревниво следила за тем, чтобы другие дети не прятались в тех кустах, где скрывался Мохнатка. Девочек она запугала рассказом о том, что уже не раз видела там змей, а мальчиков взяла на подначку, уверяя, что на их месте стыдилась бы жаться в кустах, а лазила бы только на высокие деревья.

Время для Геди и Фреди тянулось медленно. Но вот все же солнце зашло, небо окрасилось в желто-красные тона, и в парке подул свежий ветерок. Мамы со своими колясочками направились домой, старики тоже поднялись со скамеек, потому что становилось прохладно.

— Нам пора домой! — сказал Фреди Петеру. — Скоро будет темно.

— Да ты что! — возмутился Петер. — Пока еще совсем светло. А станет темно — тем лучше!

Но тут в разговор вмешалась Геди:

— Нас мама ждет! — сказала она кротно.

— Вы оба сегодня какие-то чудные, — сказал Петер. — Немножко того... — Для выразительности он повертел пальцем у виска и повернулся к ним спиной в знак того, что утратил всякий интерес. — Пусть эти паиньки проваливаются! — крикнул он остальным. — Для меня они чересчур образцово-показательные. Без них обойдемся!

Петер был прав: играть в прятки в темноте было так увлекательно, что дух захватывало. Но он же не знал, что под кустами их ждало нечто еще более заманчивое.

Мохнатка был рад, когда они его взяли. Ему надоело лежать так долго на одном месте и хотелось видеть что-нибудь, кроме корней, веток и муравьев. Его глаза были широко раскрыты, а хвостик весело болтался взад-вперед. Он даже попытался их приветствовать радостным лаем, но лаять по-настоящему он еще не умел, получилось какое-то жалкое повизгивание. Фреди в испуге зажал ему пасть и сердито цыкнул на него:

— Тсс!

А Геди зашептала:

— И тебе не стыдно нас выдавать?

Как воры, прокрались они в сумерках по самым безлюдным аллеям парка к выходу, поминутно оглядываясь по сторонам.

Ведь вполне могло быть, что хозяин Мохнатки бродит где-то здесь и ищет свою собаку.

И только когда они свернули в свой поселок, они вздохнули с облегчением, сразу повеселели и побежали. Фреди крикнул на ходу сестре:

— Как ты думаешь, папа уже дома? Интересно, что он нам скажет?

Папа стоял на газоне со шлангом в руках — он поливал розы.

— Ну, разбойники, явились? — воскликнул он, завидев детей.

Он назвал их «разбойниками», хотя еще не видел Мохнатки, потому что Фреди засунул его на всякий случай под рубашку. Но Мохнатке уже надоело играть в прятки, он заерзал под рубашкой и стал так пронзительно и жалобно повизгивать, что, несмотря на шум воды, папа услышал эти звуки.

— Что это вы там притащили?

Он отключил воду и пошел навстречу детям, в нерешительности остановившимся на дорожке.

— Что это у тебя? — снова спросил он и показал на оттопыренную рубашку Фреди, которая как-то странно сотрясалась.

Фреди вытащил Мохнатку из-за пазухи и протянул его папе.

— Гм, если не ошибаюсь, собака. Где вы ее взяли?

Геди тут же затараторила:

— Нашли, папа, просто нашли! Он заполз под куст, где мы прятались, визжал и был так рад, что мы его нашли. Я думаю, прежние хозяева его выгнали, иначе бы он не визжал и не дрожал. Зовут его Мохнатка, потому что у него лапы мохнатые, мы всегда мечтали именно о такой собаке, мы оба — и Фреди и я, и...

— Замолчи-ка! — прервал ее папа. — Дай и мне слово сказать. Щенки виз-

жат и дрожат даже если их никто не прогоняет. И рад ли он тому, что вы его сюда притащили, никто не знает.

— Нет, я знаю!— горячо возразила Геди.— Ты ведь очень рад, Мохнатка, верно? Покажи-ка, как ты рад!

Она взяла Мохнатку из рук Фреди, поставила на влажный газон и дала, для бодрости, легкий шлепок. Мохнатка в растерянности постоял, не двигаясь, в мокрой траве, потом недоверчиво стал принюхиваться и чихнул, потому что травинки щекотали ему нос. Геди и Фреди громко расхохотались, и даже папа улыбнулся,— очень уж смешно выглядел щенок, когда он чихал, жмурился и морщил нос. Громкий смех, видно, испугал Мохнатку, он неуклюже шарахнулся в сторону, но тут же понял, что ему ничто не угрожает, и снова приветливо завилял хвостиком в знак того, что не сердится.

— Вот видишь, папа, как он рад!— воскликнула Геди.

И так как Мохнатка и в самом деле был очень весел, Фреди тоже открыл наконец рот и спросил:

— Неужели он тебе не нравится, папа?

— Конечно, нравится. Но это чужая собака. Нельзя приносить домой чужую собаку. Поэтому мы немедленно...

К счастью, папе не удалось окончить фразу, потому что мама крикнула из кухни:

— Ужинать! У нас на ужин жареная картошка и салат из помидоров!

Отец кивнул:

— Сейчас идем!

— Не забудьте помыть руки!— добавила мама, высунувшись в окно, и со смехом погрозила своим воробушкам пальцем. Вот тут-то она и увидела черного Мохнатку на зеленой траве.

— Ой, что за прелесть! Чей он?

Геди, собравшись с мужеством, крикнула:

— Наш!

Но папа схватил дочку за косу и несколько раз дернул ее как следует.

— Барышня, я не разрешаю, чтобы мои дети присваивали себе чужие вещи!

Глаза Геди налились слезами:

— Мохнатка не вещь!

— Верно, не вещь, а щенок. Точнее, украденный щенок. Я не разрешаю моим детям красть,— сказал папа.

Геди сказала глухо:

— Картошка остынет.

Тогда папа быстрым шагом пошел к дому, Геди и Фреди поплелись за ним, а Мохнатка остался в саду.

Как обычно, они ели на кухне. У стола, на котором дымилось блюдо с жареной картошкой, стояли две скамьи.

— Вы его не принесли?— спросила мама, которая явно была разочарована тем, что они пришли на кухню без Мохнатки. Фреди с упреком поглядел на отца.

— Папа на нас сердится, мы не посмели его сюда взять.

Геди вдруг расплакалась:

— А он так пи-ить хо-очет!.. Он даже ли-зал мокрую траву...— и она, всхлипывая, уткнулась в стол.

— Перестань!— сказала мама.— Я и так, кажется, пересолила салат. Если ты не вытрешь слезы, его невозможно будет есть.— И она погладила Геди по головке.— Какая ты растрепанная, детка! Твоя косичка совсем расплелась.

— Госпожа учительница, это я.— Папа поднял руку, как послушный ученик, и сказал, вняв:— Я дернул ее за косу.

Это было так смешно, что Геди невольно улыбнулась сквозь слезы, хотя ей хотелось бы продолжать безутешно плакать, чтобы папа наконец заметил, какая она несчастная!

Фреди молча уминал картошку. Но вдруг он перестал есть и, внимательно разглядывая кусок помидора, который подцепил вилкой, спросил, не поднимая глаз на родителей:

— Что теперь с ним будет?

Никто не успел ответить, потому что послышалось какое-то поскребывание. Геди вскочила, распахнула дверь, и в кухню вбежал Мохнатка. Он тут же принялся кружиться вокруг стола, несколько не смущенный тем, что мешает ужинать. Напротив, он вел себя так свободно, будто привык к этой кухне со дня своего рождения.

— Он и в самом деле прелесть!— сказала мама.

Мохнатка доверчиво посмотрел на маму. Его влажный нос принюхивался, вдыхал приятный запах жареной картошки.

— Можно его чем-нибудь накормить?— спросил Фреди.

— Ну, конечно,— ответила мама.— Ведь он наш гость.

Ему поставили на пол две мисочки — одну с молоком, другую с картошкой,— и Мохнатка с жадностью принялся есть. Он чавкал, причмокивал и радостно махал хвостиком.

— Еда ему, видно, пришлась по вкусу,— сказал папа, и его голос уже не был таким строгим, как прежде.

Фреди решил воспользоваться благоприятным моментом и сказал:

— Сейчас, ночью, его нельзя нести назад, в парк,— и с надеждой поглядел на маму, ожидая поддержки.

Мама подмигнула папе:

— Я думаю, на ночь его надо здесь оставить. А завтра утром мы...

Ей не удалось договорить, потому что поднялся невообразимый шум: дети запрыгали от восторга и с воплями кинулись к маме, это она помогла им уговорить строгого папу и добились, что он сказал: «Ну уж, ладно». Мохнатка тут же включился в происходящее, и на кухне никто уже не слышал собственного голоса.

— Давайте соорудим для нашего гостя постель,— сказала мама, когда все немножко успокоилось.

Она вынула из небольшой корзинки носки, которые собиралась штопать, и положила туда старенькую диванную подушку, так что постель получилась мягкая.

Мохнатка с недоверием наблюдал за этими приготовлениями. Он наскоро обнюхал корзинку, но тут его внимание привлекли скатанные попарно пестрые носки, которые валялись теперь на полу. Яркие, с веселым рисунком, они ему понравились куда больше, чем скучная корзинка. К тому же, если толкнуть их лапой или мордочкой, они катятся по полу, как мячики. Он даже попробовал их пожевать, но это оказалось невкусно. Зато схватить этот пестрый мягкий мячик передними лапами и рвать его зубами было очень увлека-

тельно, и при этом раздавался такой приятный для его собачьего слуха звук.

— Мохнатка!— в ужасе закричала Геди.— Что ты делаешь?

Мохнатка приветливо замахал хвостиком, тут же перестал грызть носки, с гордым видом принес их девочке и положил у ее ног. По его полным радостного ожидания глазам было ясно, что он ожидал награды за то, что так удачно их рвал.

— Мохнатка, этого нельзя делать!— воскликнул Фреди и с тревогой взглянул на отца, к счастью углубившегося в чтение вечерней газеты. Тогда Фреди взял корзинку с подушкой, а Геди схватила Мохнатку на руки, и они поднялись наверх, в детскую. Корзинка будет стоять — так они договорились — между их кроватями. Но когда Геди посадила туда Мохнатку, он забился, как рыба в сетях, и тут же выскочил. Фреди его снова поймал и посадил назад в корзинку, но Мохнатка опять выскочил... Это повторялось не меньше шести раз. Наконец дети сели на корточки возле Мохнатки и, перебивая друг друга, принялись ему объяснять, какая у него мягкая и прекрасная корзинка для спанья и что пора ему вести себя как надо. Мохнатка внимательно слушал, подняв уши. Но когда после этого его снова посадили в корзинку — уже в седьмой раз, — он опять выпрыгнул.

— Надо положить в корзинку что-нибудь, что ему нравится, — сказал Фреди.

— Ага, и я знаю что, — подхватила Геди и убежала из комнаты. Она вернулась с прогрызенными носками и кинула этот пестрый мячик в корзинку. Увидев его, Мохнатка сам тут же залез в свою постель.

— Ну вот мы и справились, — сказал Фреди; он облегченно вздохнул и отбросил со лба влажные волосы. Их гость оказался не из легких.

— Он ведет себя как младенец, — заявила Геди и сразу почувствовала себя очень взрослой.

— Он и есть младенец, — сказала мама, которая поднялась к детям, чтобы их на ночь поцеловать. Она подождала, пока они разделись и умылись, а потом села к Фреди на кровать.

— Так вот, дети, — начала она, — папа, конечно, прав. Собака эта чужая, и завтра вы должны сделать все, чтобы найти ее хозяина.

— Все-таки ужасно, что хозяин за ней совсем не смотрел. Уж если бы у нас была такая чудная собачка, она от нас не убежала бы.

Фреди молча кивнул в поддержку сестры. Мама взяла его за руки.

— Дети, — сказала она, — я поражена, что вы недолго думая присваиваете себе чужое да еще отдавать не хотите. Разве это честно?

Она вопросительно поглядела на Фреди, и он покраснел.

— Мама, — проговорил он, — я его не сразу взял, а долго думал, как поступить. Мне было как-то не по себе.

— Это в тебе говорила совесть, — сказала мама.

— А у меня тоже есть совесть? — спросила Геди со своей кровати.

— Конечно! — ответила мама.

— Но моя совесть уже побольше, правда? — Фреди сел на постели. — Чем старше становишься, тем больше у тебя совесть.

Мама щелкнула его по носу.

— Правильно! Какой ты у меня уже умный! Настолько разумный, что я не ожидала от тебя такой глупости. — Она встала. — Завтра днем, когда ты вернешься из школы, вы с Геди, взяв щенка, обойдете поселок и в каждом

доме спросите, не пропала ли собака. Если хозяин Мохнатки не найдется, вы пойдете дальше и будете спрашивать в больших домах у парка. А мы проглядим объявления в газете, не ищет ли кто щенка скоч-терьера. И еще придется позвонить в общество собаководства — может, туда заявили о пропаже.

— А если мы все равно не найдем хозяина,— спросил Фреди,— что тогда?

— Тогда,— начала мама и с улыбкой поглядела на Фреди, который не сводил с нее напряженного взгляда,— тогда...— Но она не окончила фразы.— Прошу вас, не надейтесь, дети. Такую красивую собаку, как Мохнатка, обязательно будут искать,— добавила она, помолчав, и поцеловала Фреди в лоб. И Геди тоже.— Спокойной ночи, дети!

Мама погасила свет и вышла.

— Послушай, Фреди, неужели нельзя ничего придумать, чтобы он остался у нас?— спросила Геди из темноты.

— Нет, нельзя.

— Потому что папа не хочет?

— Да, поэтому. И еще потому, что мама тоже не хочет...

Фреди хотел было добавить: «И еще потому, что моя совесть против», но предпочел промолчать, потому что такое вообще не говорят, а уж тем более младшей сестре, которая этого и понять не в состоянии.

На следующий день шел дождь. За обедом Геди и Фреди завели долгий и громкий разговор о дожде. Они уверяли, что это не обычный дождь, от него легко можно простудиться, особенно если придется часами ходить от дома к дому. Фреди даже вынул носовой платок, зажмурился и сказал:

— У меня, кажется, начинается насморк. В носу как-то щекотно. А если я еще побегаю под дождем, то завтра наверняка буду болен и не смогу пойти в школу.

Он хитро поглядел на маму, ожидая, что она скажет: «Нет, нет, в таком случае я тебя не выпущу из дому».

Но мама сказала спокойно:

— Ничего страшного. У вас есть плащи, а для Мохнатки я дам свой капюшон.

Одним словом, ничего не вышло: несмотря на дождь и на возможный насморк, им пришлось идти. Мохнатку засунули в капюшон, Фреди взял его, как пакет, под мышку, и они стали обходить поселок и звонить у каждой двери.

— Добрый день! Вы не потеряли собаку?

— Собаку? Нет!

В одних домах их встречали очень приветливо, восхищались, какие они милые, честные, хорошие дети, и спрашивали, не промокли ли они под таким дождем. В других были нелюбезны и чуть ли не гнали их прочь. Мол, ходят тут всякие, зря беспокоят, да еще, как назло, в час послеобеденного отдыха!

Какой-то толстяк в шлепанцах даже так разозлился, что заорал:

— Собака?! Этого еще не хватало. В погребу у меня мыши, в саду живет жаба, и я от них никак не могу избавиться! А вы мне еще собаку навязываете!

И прежде чем они успели сказать, что они вовсе не хотят отдать ему собаку, толстяк в гневе захлопнул у них перед носом дверь.

Потом они попали к какой-то старухе:

— Добрый день! Вы не потеряли собаку?

— Собаку? Нет. Кошку. Белую, красивую кошку. Вам она не попадалась?

— Нет, у нас только вот эта собака.

Старуха погладила Мохнатку между ушей.

— Моя киска мурлычет, когда ее гладят.

— Наша собака, к сожалению, не мурлычет,— вежливо сказал Фреди и, так как ему было жаль старушку, спросил:— А когда она убежала?

— О, с полгода назад, не меньше,— ответила женщина.— Весной это было.

Геди не выдержала:

— А собачку мы нашли вчера.

Старуха прошлепала в дом и принесла для гостей и Мохнатки кусок пирога. Фреди несколько раз ее поблагодарил. Ему очень хотелось сказать ей что-нибудь приятное. Наконец он придумал:

— Может, ваша киска вернется к зиме, когда станет холодно.

Женщина улыбнулась и покачала седой головой.

— Это было бы очень хорошо,— сказала она.

Потом они позвонили в следующий дом.

— Добрый день! Вы не потеряли собаку?

Молодой человек, открывший им дверь, хотел было покачать головой — Фреди ясно это заметил,— но, кинув взгляд на Мохнатку, передумал и сказал:

— Да, конечно, это моя собака! Где вы ее нашли?

— В парке.

— Понятно, понятно, это же рядом...

Молодой человек усмехнулся и протянул руку за капюшоном. Но Мохнатка зарычал и оскалится, обнажив белые зубы.

— Подожди, Неро,— пригрозил ему молодой человек.— Я тебя отучу рычать и скалиться!

Фреди сразу почувствовал, что молодой человек говорит неправду. Он, видно, их за дураков считает: «Понятно», «Неро»... Но Фреди так легко не проведешь...

— Давай собаку сюда!— скомандовал молодой человек.— Вы хотите получить вознаграждение?

— Подождите минуточку,— сказал Фреди.— У вашей собаки есть белое пятно на задней лапе?

Молодой человек помедлил и, прищурившись, посмотрел на Фреди.

— Пятно? Да, конечно, на правой лапе... а, может, на левой, точно не помню.

Он снова протянул руку, чтобы схватить щенка, и уже раздраженно воскликнул:

— Какая, в конце концов, разница! Отдавайте собаку, мне некогда!

Фреди отступил на шаг и крепко прижал к себе Мохнатку.

— У этой собаки вообще нет белого пятна. Ни на одной лапе!— проговорил он быстро.— Это черная собака. Вся черная. Вы, наверно, потеряли другую.

Он повернулся и со всех ног кинулся вниз по лестнице, одной рукой таща за собой Геди, а другой еще крепче обхватив Мохнатку.

Молодой человек крикнул ему вслед:

— Какое странное совпадение! А у моей собаки было пятно, я даже теперь точно вспомнил, где именно: на левой лапе, да-да, точно, на левой!

— Не верь ему... — шептал Фреди сестре. — Врет, все врёт! У него никогда не было никакой собаки, он просто хотел нас обхитрить!

Геди кивнула. Она восхищалась братом и готова была ему сказать, что считает его очень умным и мужественным, но раздумала, а то он еще начнет воображать.

Они побежали домой. Дождь тем временем прекратился, но лужи еще не просохли. Земля пахла сыростью и теплом, а у края дороги журчали ручейки.

Мама как раз снова расставляла в саду плетеную мебель — на время дождя она убирала ее в сарай.

— Вы его назад несете? — крикнула она.

— Да, мама, нам не повезло, — ответил Фреди.

— Не повезло?

— Да... Нет... Если честно, то здорово повезло, — запинаясь, бормотал Фреди. — У Мохнатки нет хозяина.

— Теперь мы сможем его оставить себе. Мам, а мам, разреши его оставить! — клянчила Геди.

Но мама была неумолима. Она сказала, что сперва надо посмотреть, нет ли объявления в газете, а потом еще позвонить в клуб собаководов.

Но в газете объявления не было, и в клуб никто не заявлял, что разыскивается щенок скоч-терьер. Прошла еще неделя, и родители перестали искать хозяина Мохнатки.

Геди и Фреди не помнили себя от счастья. Им все время хотелось смеяться и петь: Мохнатка остался у них!

В субботу Фреди принес из школы подарок Мохнатке: лист плотной белой бумаги, на котором крупными печатными буквами было написано его имя.

Учитель в классе сказал:

— Давайте устроим сегодня родителям сюрприз. Пусть каждый из вас выберет слово, которое ему особенно дорого. Это слово вы напишете на большом листе цветными карандашами и отнесете домой.

Фреди поднял руку:

— Ведь мы еще не знаем всех букв!

— Не волнуйтесь, — сказал учитель. — Я напишу вам нужные буквы, а вы спишете. Не обязательно выбирать большое слово.

Ребята стали горячо обсуждать, что же за слово им выбрать. Большинство остановилось на слове «мама».

Один мальчик выбрал слово «бабушка».

Когда учитель подошел к Фреди, он спросил:

— Ну, а ты что хочешь написать?

— Мохнатка.

— Мохнатка? — переспросил учитель. — А это что?

— Наша собака.

— Вот как! И этого Мохнатку ты так любишь?

— Да, больше всех! — сказал Фреди. — Я приведу его как-нибудь в класс, чтобы вам его показать.

Учитель сказал, что, к сожалению, приводить собак в школу нельзя, потом написал на бумажке слово «Мохнатка». А Фреди его срисовал. У него от усердия даже уши покраснели и грифель карандаша сломался, потому что

он слишком сильно нажимал. И все же получилось совсем не так красиво, как у учителя, и как-то неровно. Но это его не очень огорчило, потому что все «мама» и «папа», которые написали его товарищи, были не лучше, а «бабушка» получилась уже совсем вкривь и вкось.

Фреди принес свое произведение домой и попросил у мамы кусок веревки. Он привязал лист к корзинке и был очень огорчен, что Мохнатка не может прочесть надпись. А то он наверняка бы обрадовался, что у его корзинки теперь есть название.

С первого дня Мохнатка почувствовал себя у Фреди и Геди как дома. Он кружил по комнатам и прыгал по очереди на все стулья и диваны. Когда его выпускали в сад, он носился по газонам, катался на клумбах анютиных глазок и с лаем кидался на кусты роз. Да, за это время он научился лаять. Он постоянно упражнялся, так, как молодые петушки учатся кукарекать, а мальчишки свистеть. И теперь, когда он в конце концов овладел этим искусством, он лаял на все, что попадалось ему на глаза: на мебель, на занавески, на метлу, на воробьев в саду, на белье, развешанное для просушки, на маленького лягушонка, прыгающего по траве. Он лаял даже на шланг; а когда бывал настроен особенно мужественно, пытался вцепиться в него зубами, потому что ему все время хотелось пустить в ход свои крепкие мелкие зубы. Он грыз ножки стульев, домашние туфли, корзинку для бумаг, но охотнее всего — поводок, который терпеть не мог. Но еще больше он ненавидел намордник.

У него был отличный аппетит, рос он быстро и с каждым днем становился сильнее и разумнее. Иногда он был шелковый, иногда невыносимый — словом, вел себя, как обычный ребенок.

Мама часто на него сердилась. Он оставлял повсюду за собой лужи, хотя уже прекрасно знал, что этого делать не полагается. А в дождик как угорелый влетал из сада в комнату, решительно не желая вытирать лапы о половик, как это делают все воспитанные собаки. Папе тоже случалось на него сердиться. И не только из-за помятых анютиных глазок. Мохнатка уволок, например, его кисет да так запрятал, что его не смогли найти.

Только Геди и Фреди не имели к Мохнатке никаких — ну решительно никаких — претензий! Они его любили и баловали, и если им случалось время от времени его поругать, то только потому, что так полагается делать, когда воспитываешь собаку. В этих случаях Мохнатка склонял набок свою взъерошенную голову и искоса на них глядел, словно хотел сказать: «Хватит ругаться, ведь все равно вы не умеете на меня сердиться!» И у него был такой смешной вид, что Геди и Фреди начинали хохотать посреди нотации.

Впрочем, надо сказать, что Мохнатка был не меньше привязан к детям, чем дети к нему. Когда Фреди утром шел в школу, Мохнатка всегда с жалобным лаем провожал его до калитки. А когда Фреди в полдень приходил домой, Мохнатка его приветствовал таким радостным визгом, словно мальчик возвращался не из школы, а по меньшей мере из Китая.

Когда Геди играла с Мохнаткой в «дочки-матери» и напяливала ему на голову кукольную шапочку, он терпеливо стоял и не вырывался, хотя терпеть не мог шапок, и потом всякий раз долго отряхивал уши. В награду Геди подарила ему свой маленький красный мячик. За едой дети норовили тайком кинуть ему под стол лучшие куски мяса со своих тарелок.

Вскоре вся семья так привязалась к Мохнатке, что уже не могла себе представить жизнь без него.

Прошло недели две. И вот однажды — это было в среду — Геди и Фреди отправились покупать кофе. По ту сторону парка был магазин, куда мама их иногда посылала. Они надели на Мохнатку поводок, намордник и взяли его с собой.

В парке их окружили ребята, с которыми они обычно играли в прятки. Они давно уже видели Мохнатку и знали удивительную историю про то, как Геди и Фреди его нашли. Они даже считали, что это немножко и их собака, потому что без игры в прятки его бы ни за что не найти. Поэтому каждый был уверен, что по праву может поддержать Мохнатку за поводок и погладить.

На все это ушло немало времени, но в конце концов брат и сестра все же двинулись дальше. Они вышли из ворот парка и свернули на людную улицу. На следующем углу находился магазин, где им надо было купить кофе. Фреди вошел — он ведь был старший и мама доверила ему деньги, — а Геди с Мохнаткой осталась на тротуаре. Она ходила взад-вперед перед витриной и ругала Мохнатку, потому что он желал обнюхать каждый камень и пытался грызть самые неподходящие вещи, валяющиеся на улице.

От скуки Геди стала рассматривать витрину, в которой были выставлены большие пузатые бокалы с конфетами и банки с китайским чаем. Вдруг она заметила какое-то объявление, которое было приколото кнопкой к двери. Что было написано на объявлении, Геди, естественно, не могла прочесть, но там была наклеена фотография щенка скоч-терьера, очень похожего на Мохнатку.

— Погляди-ка! — сказала Геди и подняла Мохнатку, чтобы он увидел фотографию. — Здесь приклеен пес точь-в-точь такой же, как ты. Смешно, правда?

Мохнатка вырвался. Ему куда больше нравилось обнюхивать камни, чем разглядывать фотографию. Впрочем, если бы Геди знала, что это за фотография, она тоже обошла бы стороной это объявление и уж во всяком случае не нашла бы его «смешным».

Наконец Фреди вышел из магазина и с тем же любопытством, что и сестричка, уставился на объявление. Он тоже не мог его прочесть — ведь он знал еще только несколько печатных букв.

Мимо прошел какой-то господин, остановился и приветливо спросил детей:

— Прочесть вам, что там написано?

— Да, пожалуйста!

Господин не спеша вынул из кармана очки и прочел объявление вслух:

— «Потерян черный щенок скоч-терьер. Нашедшего просим отдать его в магазин. Заплатим вознаграждение».

— Нет! — дико завопила Геди и что было сил дернула за поводок. Она схватила Мохнатку на руки, крепко прижала к себе и снова закричала своим голосом: — Нет, нет, нет! Я не хочу!

Фреди стоял словно окаменев. Он не проронил ни слова. Господин снял очки и внимательно поглядел на детей и собаку.

— Ах вот как! Выходит, я не доставил вам большой радости, удовлетворив ваше любопытство. — Он пожал плечами. — Но, к сожалению, этого не исправить.

Фреди побледнел как полотно. Он беспомощно уставился на пакет кофе, который держал в руках, от него исходил приятный аромат.

— Теперь мы, наверно, должны... — начал он и запнулся. — Мы должны пойти в магазин и отдать нашу собаку?

Господин кивнул.

— Да, придется. И может быть, вы в награду получите что-нибудь очень хорошее.— Он наклонился к Геди и шепнул:— Например, шоколад!

Но Геди кинула на него такой гневный и отчаянный взгляд, что он поспешил уйти.

Геди и Фреди остались одни. Они не могли оторвать глаз от ужасного объявления.

— Что ж, пошли, — тихо сказал Фреди и двинулся к двери.

Геди расплакалась.

— Давай не сегодня, Фреди! Пусть он сегодня побудет у нас, прошу тебя! Завтра мы его отведем, ладно?

— Нет, — сказал Фреди.

Геди заплакала громче.

— Ты его любишь меньше, чем я! Ты противный!

Это было уж слишком! Ему самому до смерти хотелось разреваться.

— Вот как?! Я противный? Да? Я его не люблю?

Он в злобе стал трясти Геди:

— Дура ты, и все! Что толку, если мы его сегодня приведем домой? Все равно он не может у нас остаться, не может, понимаешь? Пошли! Пошли!

Он вырвал у Геди из рук поводок и потащил Мохнатку в магазин.

Мохнатка недовольно визжал, сопротивлялся, упираясь лапами. Фреди силком подтащил его к прилавку. Щенок был глубоко оскорблен: никогда еще Фреди не обращался с ним так грубо.

Продавец за прилавком сказал:

— Ты, кажется, только что купил у нас кофе. Забыл что-нибудь?

Фреди сказал, с трудом глотая слюну:

— У вас на улице висит объявление. Это ваша собака?

Продавец перегнулся через прилавок и изумленно воскликнул:

— Ну и чудеса! Ведь объявление висит уже больше трех недель, мы давно потеряли всякую надежду. Вот Герда обрадуется! Поднимитесь наверх, к нам в квартиру. Герда дома.

Он провел детей за прилавок, они прошли через полутемную, уставленную ящиками комнату, где сильно пахло кофе, и оказались на лестничной площадке.

— Наверху, первая дверь. Позвоните!

И он вернулся в магазин.

Фреди попытался собраться с мужеством — он никак не мог решиться нажать кнопку звонка.

— Перестань реветь! — цыкнул он на сестру. — Что подумают люди?

— А мне все равно. Наплевать на людей! Мне все равно, — всхлипывала сестра.

Фреди был другого мнения. Он считал, что другим не обязательно знать, каково ему в эту минуту.

— Ну вот, сейчас я позвоню, — сказал он и нашел кнопку. Дверь открыла светловолосая девочка. Ей было лет двенадцать, а может быть, и все тринадцать, — на вид это трудно определить. Она была высокая, тоненькая, со светлыми глазами.

— Добрый... — начала она, но посреди слова увидела Мохнатку и завопила: — Свинопас! Мама, скорее, нашли Свинопаса!

Геди перестала плакать.

— Никакой это не Свинопас,— сказала она упрямо,— это Мохнатка!

В коридоре появилась мать Герды и в изумлении всплеснула руками.

— Ах, детка, подумать только! Он к тебе вернулся!

Герда нежно взяла Мохнатку на руки, но шенок дергал лапами и визжал,— он рвался назад к Геди и Фреди.

— Глупый Свинопас! Что с тобой? — Девочка была явно разочарована.

— Заходите, дети!— сказала мать Герды.

Фреди покачал головой.

— Нет, спасибо. Нам лучше уйти.

Голос его звучал не очень твердо.

Герда схватила его за руки и воскликнула:

— Нет, нет! Вы должны обязательно поглядеть на моих остальных собак. На госпожу Метелицу, и на Гномика, и на Золушку.

«У нее что, целое собаководство?»— подумал Фреди. А Геди сказала с неприязнью:

— Что за чудные имена?

— Имена из сказок,— ответила Герда,— для разнообразия. А то все Бобик или Шарик... Скучно, вы не находите?— Она вопросительно поглядела на малышей и тут же добавила:— Мохнатка — это тоже очень мило.

Она открыла дверь, и с громким лаем к ним выскочили два молодых скоч-терьера, за ними медленно, с чувством собственного достоинства вышла такая же собака, но размером побольше.

— Госпожа Метелица,— представила ее Герда,— мать этих троих детей. Это Золушка, а вот ее брат, Гномик.

Она присела на корточки и спросила своих собак:

— Ну как, вы рады, что Свинопас вернулся?

Геди и Фреди ждали, что Мохнатка кинется к своей матери или, наоборот, что госпожа Метелица начнет облизывать блудного сына. Но Мохнатка стоял неподвижно, упрямо склонив голову набок. А госпожа Метелица равнодушно прошла мимо Мохнатки, потом, словно передумав, вдруг повернулась назад, быстро обнюхала Мохнатку и снова вернулась к своим двум другим детям.

— Она его не узнает,— испуганно сказала Герда.

— Тут нет ничего удивительного,— объяснила мама Герды.— Собаки узнают друг друга по запаху. Свинопаса не было больше трех недель, у него теперь чужой запах.

Геди возмущенно покачала головой:

— Но моя мама узнала бы меня и после более долгой разлуки, как бы я ни пахла!

У Фреди зародилась робкая, глупая надежда.

— А может, это вовсе не он?— тихо спросил мальчик.

— Нет, он,— сказала Герда.— Вы ведь нашли его в парке? Я в тот день после обеда пошла погулять с тремя щенками. Свинопас был самым озорным и все норовил удрать. Он так перекрутил поводок, что мне пришлось на минутку расстегнуть ему ошейник, и он мгновенно рванулся куда-то в сторону и исчез в кустах. Я его долго-долго искала.

Фреди сдался:

— Да, тогда это, верно, он. Мы как раз и нашли его под кустом и вечером взяли с собой домой.

— Где вы живете?— спросила мама Герды.

— В поселке.

— А как вас зовут?

— Геди и Фреди Радеке. Вернее, Гедвиг и Альфред.

Герда снова взяла Мохнатку на руки и старалась его погладить.

— Свинопас, разве можно так рычать? Неужели ты не рад, что вернулся домой?

Фреди потянул сестру за рукав.

— Ну, мы пошли. До свидания,— сказал он громко и повернулся к выходу.

— Подождите! А вознаграждение!— крикнула Герда, но дети уже спускались вниз и даже не обернулись, когда Герда выбежала вслед за ними на лестницу, чтобы спросить, не хотят ли они взять поводок и намордник.

Они сделали большой крюк, чтобы не заходить в парк. Не хватало еще, чтобы их окружили ребята и стали бы спрашивать: «А где собака?»

Мама ждала их перед калиткой.

— Где вы так долго пропадали?— крикнула она еще издали. Потом заметила отсутствие Мохнатки.— Вы что, его потеряли?

Она внимательно поглядела на детей. Геди была заревана, а Фреди еще мужественно боролся, чтобы не расплакаться, хотя глаза его были полны слез.

— У магазина, где мы купили кофе, висело объявление,— объяснил он. Он глядел мимо мамы, на улицу, вдоль которой с обеих сторон выстроились совершенно одинаковые белые домики с красными черепичными крышами.— Мохнатка принадлежит одной девочке. Ее зовут Герда.

— Ах!

Больше мама ничего не сказала.

Фреди продолжал: ему казалось, что, если он замолчит, слезы потоком хлынут из глаз.

— У нее много собак. И все с именами из сказок. Мать Мохнатки зовут госпожой Метелицей, самого Мохнатку — Свинопасом, а его сестру Золушкой.

Он умолк и громко проглотил ком, который стоял в горле.

— Знаешь,— сказала мама,— если бы это не касалось нашего Мохнатки, то было бы даже весело, верно?— Она обняла обоих детей за плечи.— Пойдем погуляем. Может, съедим мороженое?

Кто отказывается, если предлагают съесть мороженое? На пять минут оно даже может утешить, но потом снова душит горе.

— Послушайте,— сказала мама,— помните того белого пуделя в магазине игрушек? Вам он тогда так понравился. Можно сейчас пойти его купить, и мы положим его в корзиночку, чтобы она не стояла пустой. Ну, что вы скажете?

Фреди думал, что белый игрушечный пудель никогда в жизни не сможет заменить черного живого Мохнатку, но он не хотел огорчать маму, поэтому промолчал.

Геди облизала липкие пальцы.

— Это был симпатичный пудель.

Они пошли в магазин игрушек и долго разглядывали витрины. Там была железная дорога, которая ехала то вверх по холму, то вниз и даже через туннель. Была и игрушечная электрическая стиральная машина, и игрушечный пылесос...

Когда, купив белого пуделя, они вышли из магазина, Геди спросила:

— Как мы его назовем?

— Только не Мохнатка! — торопливо выпалил Фреди.

Мама кивнула.

— Ты прав. Есть только один Мохнатка.

— Может, тоже сказочным именем? — предложила Геди. — Белоснежка. Это очень подходит: он белый как снег.

— Я не против, — сказал Фреди. Ему, в сущности, было совсем безразлично, как назовут пуделя — Белоснежкой или хоть Фокус-покус. Он тосковал по Мохнатке...

Папа был уже дома и, когда услышал о случившейся беде, подошел к пуделю, чтобы его погладить.

— Этот хоть не стащит мой кисет.

Но дети не рассмеялись его шутке.

Геди отнесла игрушечную собаку в детскую и уложила в корзинку, на которой все еще красовалось написанное кривыми печатными буквами имя «Мохнатка». Она заботливо укрыла пуделя и аккуратно разложила его передние лапы поверх одеяла.

А потом села рядом на пол и снова горько заплакала.

Ужин получился печальным.

— Лучше всего вам сегодня пораньше отправиться спать, — сказала мама.

Они тут же встали, вежливо сказали: «Спокойной ночи» — и ушли к себе. Такого еще никогда не было.

Час спустя мама на цыпочках подошла к детской и осторожно приотворила дверь. Сквозь шелку в занавеске на корзинку с пуделем падал свет уличного фонаря. Он по-прежнему лежал так, как его уложила Геди, — пухлые белые лапы послушно покоились на одеяле...

Фреди притворился спящим. Но мама сразу заметила, что он не спит. Она склонилась над его кроватью:

— Фреди!

Он уткнулся мокрым от слез лицом в подушку. И все же ему было приятно, что мама погладила его по голове и поправила одеяло. Потом она вышла — так же тихо, как вошла, — и вскоре после этого Фреди заснул.

Наутро солнце сияло. Оно врывалось в открытое окно детской вместе со свежим утренним ветерком, который играл занавесками. В саду пели птички. Но Фреди было неприятно, что мир выглядел таким сияюще-прекрасным и радостным. Если бы это от него зависело, то небо было бы свинцовым и весь день лил бы дождь.

Геди уже проснулась.

— Сегодня я вообще не встану, — заявила она и отвернулась к стене. Ей не хотелось глядеть на немного пуделя, который неподвижно лежал под одеялом, уставившись стеклянными глазами в потолок.

Мохнатка каждое утро прежде всего громко зевал и тянулся, потом направлялся к кровати Геди и пытался на нее забраться, хотя это и было запрещено.

Фреди тоже охотнее всего не встал бы, но ведь ему нужно идти в школу. С хмурым видом поплелся он в ванную комнату.

Только он успел засунуть зубную щетку в рот, как внизу, у входной двери, раздался звонок. Не вынимая изо рта щетки, он наклонился к окну, чтобы посмотреть, кто там стоит. И он увидел светловолосую Герду с ярко-зеленой школьной сумкой под мышкой.

— Доброе утро!— сказала она маме, которая вышла открыть дверь с молочником в руке.— Ваши дети дома? Можно мне к ним на минутку?

— Пожалуйста,— сказала мама.— Но Фреди торопится, ему надо в школу.

— Мне тоже,— сказала Герда.— Я специально вышла на полчаса раньше, чтобы успеть к вам зайти. Дело в том, что ваши дети принесли мне вчера моего Свинопаса.

— Ты — Герда?

— Да. А потом они убежали, не получив обещанного вознаграждения...

— Не хочу я никакого вознаграждения!— в бешенстве закричал Фреди из окна и стал ожесточенно чистить зубы.

Герда подняла голову и увидела Фреди.

— Чего ты так волнуешься? Ты же не знаешь, что это за вознаграждение.

— Фреди!— крикнула мама.— Немедленно спускайся вниз! Как ты себя ведешь?

Но тут школьная сумка Герды вдруг задвигалась. Фреди четко увидел, что она вся ходуном заходила, хотя Герда изо всех сил прижимала ее к себе. И вдруг из нее высунулись два черных уха, а затем раздался громкий звонкий лай.

Фреди словно ветром сдуло вниз, и он чуть не столкнулся с Геди, которая, услышав лай, тоже кинулась, как была, в ночной рубашке, к входной двери.

— Мохнатка!— закричали они оба в один голос.

Мохнатка все еще не выбрался из сумки, хотя старался как мог. Он весь дрожал и отчаянно разгребал лапами книги и тетради. Он был в таком возбуждении, что Герда схватила его за шиворот и поставила на землю.

— Вот, получайте назад это несносное чучело!

Она вытащила из портфеля книжку с разорванным переплетом и глядела на нее, качая головой.

— Переплет можно подклеить,— утешила ее мама Фреди, но слова эти девочка, наверное, не расслышала, потому что Мохнатка с диким лаем прыгал вокруг детей, отчаянно виляя хвостом. Потом он одним махом взлетел по лестнице в детскую.

— Так нельзя, Герда,— сказала мама.— Ты не можешь просто подарить нам такого щенка.

— Нет, могу. Это лично мой щенок, и я могу им распорядиться как хочу.

Герда глядела маме Фреди прямо в лицо, ее светлые глаза были серьезны.

— Если бы я не знала, что ему здесь хорошо, я бы этого не сделала.

Она застегнула сумку и повернулась к Геди и Фреди, которые все еще не могли опомниться и не знали, пора ли им уже радоваться.

— Возьмите его, прошу вас, вы мне этим окажете услугу. Мы — мои родители и я — всю ночь глаз не сомкнули, потому что Свинопас все время плакал, так он тосковал без вас.

— И мы тоже!— воскликнула Геди.— Мы тоже плакали. Верно, Фреди?

— Я — нет,— сказал Фреди, но тут же залился краской, глянул на маму и поправился:— Ну, может, совсем немножко, три-четыре слезинки, не больше.

Мама протянула Герде руку.

— Если ты в самом деле решила расстаться с Мохнаткой и даришь его моим детям, то спасибо. Конечно, мы все очень рады, что он к нам вернулся.

С лестницы донеслось сердитое рычание. На верхней ступеньке стоял Мохнатка и держал в зубах игрушечного белого пуделя. Он грыз и терзал его, но никак не мог с ним справиться, потому что пудель был, пожалуй, ничуть не меньше самого Мохнатки. Сражаясь с ним, Мохнатка оказался на самом краю ступеньки, и обе собаки — живая и игрушечная — едва не скатились кубарем с лестницы. Мохнатка в последний миг разжал челюсть, и пудель полетел вниз. Мохнатка радостно залаял — он торжествовал победу, обратив врага в бегство,— и с гордо поднятой головой, задрав хвостик, побежал назад в детскую.

Пудель упал к ногам Герды. Она его подняла.

— Какой симпатичный!

— Он тебе нравится?— поспешно спросил Фреди и вопросительно поглядел на маму.

— Да, да, конечно, возьми его,— сказала мама,— он ведь нам больше не нужен.

Герда так и засияла и сунула пуделя в сумку.

— Большое спасибо,— сказала она.— Ну, а теперь мне надо бежать, а то я опоздаю в школу.

Геди и Фреди, для которых все это произошло слишком быстро, хотели было проводить Герду до калитки, но мама, бросив взгляд на часы, спохватилась, что Фреди тоже может опоздать.

Он побежал наверх, в детскую, за портфелем. Мохнатка лежал в своей корзинке, свернувшись в клубочек, прикрыв одной лапой нос,— он собирался спать. После бессонной ночи он устал как собака — он ведь и был собакой. Но когда Фреди вошел, он все же выскочил из корзинки и уткнулся мордой в голые колени мальчика. Было ясно: он хотел, чтобы его погладили.

— Фреди!— закричала мама снизу.— Фре-ди!

Вошла Геди — полы ее ночной рубашки развевались по ветру.

— Ты что возишься? Ты ведь еще молоко не выпил.

Фреди гладил Мохнатку, чесал его за ушами, трепал по загривку. Долго-долго.

Потом сбежал вниз, не притронулся к молоку и всю дорогу до школы бежал. И все же он опоздал. Впервые. И в этом был виноват только...

Перевод Н. Лунгиной

Кристине Нёстлингер

(1936)

Лауреат Золотой медали Х. К. Андерсена — самой почетной в мире награды за детскую литературу, автор многих известных книг для детей и юношества — «Долой огуречного короля!», «Лоллипоп», «Лети, майский жук!».

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК И БОЛЬШАЯ СОБАКА

Всякий раз, когда Вилли делал что-либо неугодное маме, она грозила: «Вилли, тебя заберет черный человек!», «Вилли, тебя укусит большая собака!»

Вилли часто думал о черном человеке и большой собаке. Воображал, как они выглядят. Большая собака казалась ему очень страшной. А черный человек — огромным.

Как-то сидел Вилли в своей комнате и разбирал будильник. Интересно: отчего он звенит? Только Вилли отвинтил первую кнопку, открылась дверь. И в комнату вошли черный человек и большая собака. Они выглядели совсем не так, как их представлял себе Вилли. Были они старыми и слегка пыльными.

Собака тут же улеглась на пол, рядом с Вилли. А черный человек, поглядев на Вилли и будильник, покачал головой.

— Без отвертки не получится!

Вынул из кармана отвертку и протянул Вилли. Но Вилли не умел обращаться с отверткой. Она без конца выскальзывала из рук. Тогда за отвертку взялся черный человек. Целый час они разбирали будильник. Наконец разобрали. Большая собака довольно ворчала.

Вдруг они услышали, что пришла мама. Черный человек и большая собака мигом скрылись под кроватью.

Вилли с разобранным будильником сидел на полу, когда в комнату вошла мама. Мама стала собирать колесики и винтики. При этом жутко ругалась: «Вилли, тебя заберет черный человек! Вилли, тебя укусит большая собака!»

Но Вилли теперь не боялся. Он знал их лучше мамы.

Черный человек и большая собака остались жить у Вилли. Днем с ним играли. Ночью спали в его постели. Но с появлением мамы исчезали под кроватью.

Черный человек всегда что-нибудь придумывал. Когда Вилли не хотелось пить отвар шиповника, черный человек поливал им фикус. Ночью, если Вилли просыпался и не мог заснуть, черный человек рассказывал ему веселые истории. Или разрисовывал маленькими черными человечками стенку за Виллиной кроватью. Иногда приносил из кухни соль, какао, муку, перец, уксус и делал из всего этого густую кашу.

Большая собака не была щедрой на выдумки. Она чаще спала или же довольно ворчала.

Каждый вторник мама варила суп с капустой. Вилли часами сидел на кухне перед тарелкой этого супа и не мог проглотить ни ложки. Мама относил тарелку в детскую.

— Вилли, ты не выйдешь отсюда, пока не съешь!

Большой собаке нравился суп с капустой. Как только мама выходила из детской, она опустошала тарелку.

Однажды Вилли, черный человек и большая собака сидели в детской и думали: можно ли взять папин альбом с марками? Они думали так сосредоточенно, что не услышали, что идет мама. Как только дверь открылась, черный человек и большая собака юркнули под кровать. Но не так быстро, как хотелось. Мама заметила мелькнувший хвост.

— Вилли, что у тебя под кроватью?

— Черный человек и большая собака!

— Какие глупости!

Мама заглянула под кровать...

...И увидела светло-голубые глаза большой собаки. Мама побежала на кухню и вернулась вооруженная веником. Стала тыкать им под кроватью.

— А ну-ка вылезай!

Под кроватью шипело, скрипело, фырчало... Наконец кровать качнулась. Из-под нее вылезли черный человек и большая собака. Но теперь черный человек был ростом не полметра, а целых два метра. Его глаза полыхали зеленым огнем. А лицо было красным, как вареный рак.

Большая собака озверела. Шерсть ее стала дыбом. Из разинутой пасти торчали длинные, острые зубы.

Мама ринулась на кухню. Черный человек и большая собака — за ней. Мама юркнула под стол.

— Вилли, Вилли, скажи черному человеку и большой собаке, чтобы они меня не трогали!

— Черный человек! Большая собака! Мама боится вас! Не пугайте ее!

— Сначала твоя мать зовет нас. А когда мы приходим — плачет.

— Какая жестокость! Нас звали многие матери, но ни одна не лупила нас веником!

— Черный человек! Большая собака! Пожалуйста, уйдите в детскую!

Услышав это, черный человек уменьшился до полуметра, а большая собака проглотила свои страшные зубы. Они стали опять старыми, слегка пыльными и дружелюбными. И поплелись в детскую.

Мама вылезла из-под стола.

— Ах, Вилли, Вилли! Больше я не буду говорить о черном человеке и большой собаке!

— Хорошо, мамочка! А то ты опять испугаешься!

Перевод Э. Ивановой

Вера Ферра-Микура

(1923)

Поэт, прозаик, автор многих веселых книг для детей, сказок и повестей, критикующих общество потребления, погоню за материальными ценностями.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ГОРОД ЧУДАКОВ

(отрывок)

В день рождения Горошека, когда ему стукнуло восемь лет, с самого утра происходили удивительные события. Анни, сестра Горошека, заметила это первой. Она сказала:

— Желаю тебе счастья, Горошек. Только, знаешь, очень забавно, что свечи на твоём торте электрические.

Горошек гордо прошёлся вокруг стола.

— Электрические свечи — это новая мода, — сказал он. — С обычных свечей всегда капает воск и портит всю глазурь.

Тут Горошек зацепился за проволоку, которая соединяла торт с розеткой, и во всем доме перегорели пробки.

Мама Штенгель пошла к соседям извиняться, а папа отправился к электрику за новыми пробками. И пока все дожидались, когда наконец загорится свет, Горошек и Анни принялись за торт.

Вдруг кто-то постучал в дверь. На пороге стоял незнакомый мужчина со слоненком. Слоненок был очень молодой и очень маленький. У него был морщинистый хобот и умные, немного печальные глаза.

— Этого слона, Горошек, я дарю тебе ко дню рождения, — сказал мужчина. — Его зовут Браво, и он очень чистоплотен.

Слоненок протянул хобот и передал Горошеку увядший букет цветов.

— Не сердись, Горошек, — сказал мужчина, — мне кажется, этим цветам больше дней, чем слоненку.

Но Горошек и не сердился вовсе, и Анни не сердилась. Они с радостью потащили слона в переднюю. А мужчина, который привел Браво, сказал:

— К сожалению, мне пора на поезд. До свидания.

— Счастливого пути! — крикнули дети, крепко пожимая мужчине руку.

Они не знали, что это за человек и куда он уезжает, однако пожелали ему счастливого пути вполне искренне.

— Жалко, что вы не попробовали торта, — сказала Анни, когда незнакомец уже спускался по лестнице.

Не успели еще вернуться родители, а Браво уже слопал килограмм рафинада, три полные тарелки макарон и мамино лимонное деревце. Кроме того, он успел выбросить в окно расческу и папин никелированный рожок для обуви. Потом слоненок улегся на кровать Горошека и подмигнул правым глазом.

— Ну, разве он не милый? — спросила Анни.

Тут вошли родители и сказали:

— Батюшки мои! — и беспомощно развели руками.

За обедом — а на обед были только бутерброды, потому что слон съел все макароны, папа сказал:

— В энциклопедии написано, что взрослый слон весит четыре тонны и что бивни у него достигают двух метров длины.

— Басни там написаны, — сказал Горошек.

Мама горестно покачала головой.

— Я боюсь, — сказала она, — что в один прекрасный день пол провалится, и мы рухнем прямо к госпоже Свобода.

Госпожа Свобода жила как раз под Штенгелями на первом этаже. Она дарила детям пустые катушки, аптечные бутылочки и открытки. Дети ее любили и называли тетей Митци.

— А может, тетя Митци поменяется с нами квартирой? — спросила Анни. Она была просто в восторге от своей идеи.

— А если мы провалимся на первом этаже? Что тогда? Мы упадем прямо в мастерскую к нашему портному.

Папа схватился за газету и проворчал:

— Это просто свинство — приводить в дом слона! Я гораздо больше люблю канареек и белых мышей.

Он перевернул газетный лист и прочитал несколько объявлений, напечатанных жирными буквами. Вдруг он вскочил со стула и закричал:

— Дети! Здесь написано, что из цирка похищен молодой слон! Немедленно идите со слонем к директору. Мы порядочные люди и не станем прятать у себя краденое!

— Разумеется, вы получите вознаграждение, — заметила мама.

— Не надо нам вознаграждения! — возмутился Горошек.

— Ни гроша! — поддержала его Анни.

Но оба они поняли, что в цирк идти придется. В душе они надеялись, что цирк уже уехал в Австралию. А в Австралию они поехать не смогут, это каждому ясно.

Дети завели Браво в ванную комнату, вымыли его под душем с мылом «Сирень» и насухо вытерли шестью полотенцами. Наконец, привязали его за бельевую веревку и повели вниз.

Тетя Митци в это время чистила медную ручку на своей двери.

— Как вам нравится этот слон? — спросил ее Горошек.

— Очаровательный слон! — ответила тетя Митци. — Как живой.

— Он и есть живой, — объяснила Анни.

Тетя Митци приняла это за шутку.

— Ха-ха-ха! — засмеялась она. — А почему же он не трубит?

Слон доверчиво посмотрел на нее и слегка наступил ей на ногу. Горошек и Анни ничего не заметили. Они только услышали громкий крик.

— Тетя Митци, видите, он трубит! — обрадовалась Анни.

— Это не он, — сказала тетя Митци. — Это я!

И хотя она была очень доброй женщиной, она шлепнула слоненка тряпкой по ушам.

— Горошек, нам пора, — сказала Анни и прищурила глаза. Она всегда прищуривалась, когда сердилась.

«Все это ничего, — подумала тетя Митци, посмотрев детям вслед. — Но со Штенгелями не оберешься хлопот. Иногда они ведут себя очень странно».

Цирк в Австралию не уехал. Он все еще находился на окраине города, а перед ним у входа стоял цирковой директор и пускал в воздух клубы табачного дыма.

— Добрый день, господин директор,— сказала Анни.

— Добрый день,— сказал и Горошек, только очень тихо.

— О, как это мило!— обрадовался директор.— Вы привели слоненка, которого у нас украли три дня назад.

— Да,— сказал Горошек и глотнул.— Какой-то человек подарил его мне ко дню рождения, и это был самый лучший подарок, господин директор. К сожалению, мы не можем прятать краденые вещи.

Анни грустно почесала слоненку хобот. Ей очень хотелось зареветь. Но она мужественно сказала:

— Но мы не какие-нибудь прохвосты. Мы не возьмем вознаграждения.

Директор пососал свою трубку и улыбнулся:

— Хорошо, хорошо. Значит, никакого вознаграждения. Но вы можете принять от меня маленький подарок, не правда ли? Вы должны его принять, иначе я обижусь.

Горошек и Анни подумали, что цирковой директор подарит им кулек конфет, или бумажный фонарик, или коробку цветных карандашей, или хотя бы старую подкову. Такой подарок они могли взять и не быть прохвостами.

Они пошли вслед за директором через целый переулок пестрых фургонов. Директор вел за веревочку слоненка. Слоненок почувствовал себя дома и затрубил от радости. С его стороны это было невежливо. Он мог бы и погрустить немного, что растает со Штенгелями.

Директор исчез в одном особенно-большом фургоне, а когда появился снова, вокруг шеи у него висела змея с желтыми пятнами на коже...

— Ее зовут Сузи,— сказал директор. Он снял змею и торжественно повесил ее на плечи Горошка.— Это и есть мой подарок,— продолжал он.— Надеюсь, вы не будете обижать Сузи. Она проработала у меня в цирке десять лет. Теперь, к сожалению, она немного глуховата, а осенью иногда страдает насморком.

Анни склонила голову набок и спросила:

— Вы говорите, она работала? Может быть, она умеет молоть кофе?

Директор посмотрел сквозь папиросный дым и сказал:

— У Сузи был чудесный музыкальный слух. Стоило ей услышать какую-нибудь мелодию, она выползала из ящика и танцевала. Если бы вы знали, как восторгалась публика!

В это время заревел лев, и директор забеспокоился. Он повернулся на каблуках и исчез вместе со слоненком.

— Ну и подарочек!— сказала Анни и оглядела змею, которая двумя петлями свисала с шеи Горошка до самого живота.

— Не будь неблагодарной,— сказал Горошек и застучал зубами, потому что змея была ужасно холодной.

— Только бы она не оказалась ядовитой,— заметила Анни, и дети отправились домой.

Все прохожие замечали змею и обходили Горошка далеко стороной, а одна большая черная собака так перепугалась, что заползла под грузовик.

Чтобы не напугать и родителей, Горошек и Анни повесили змею в прихожей на вешалку. Сузи обвилась вокруг серого зонтика и задремала.

Папа и мама Штенгель сидели на кухне и умильно смотрели в ящик из-под обуви.

— Взгляните сюда!— воскликнул довольный папа.— Вместо слоненка мы купили Горошек белую мышь.

— Но у нас вместо слона уже есть кое-что,— сказал Горошек.

— Да,— объявила Анни,— есть глухая пятнистая танцовщица. Ее зовут Сузи, и она висит на вешалке.

Когда родители увидели Сузи, они сказали: «Батюшки мои!»— и беспомощно развели руками.

Вскоре после этого пришла тетя Митци и принесла детям десять пустых флаконов, три перегоревшие лампочки и красный наконечник для карандаша. Флаконы и лампочки тотчас же разлетелись на тысячи осколков, потому что тетя Митци, увидев змею, выронила коробку.

Дрожащим голосом тетя Митци спросила:

— Она такая же настоящая, как и слон?

— Конечно,— сказал Горошек.

А сестра радостно добавила:

— А еще у нас есть белая мышь!

— Ну, она долго не проживет,— заметила тетя Митци.— Я видела в кино, как одна змея проглотила мышь.

— Нет, наша змея будет есть макароны. Это не обычная змея. Ее зовут Сузи, она из цирка.

— Сузи будет жить в ванной, а мышь на кухне,— добавила Анни.

— Если только об этом не узнают другие соседи,— пробормотала тетя Митци.— В нашем доме запрещено держать змей.

Но соседи уже знали обо всем. Они стояли толпой на лестнице и кричали:

— Убирайтесь со своей змеей! Поезжайте в Плутен-Глупинг. Там каждый может делать все, что ему вздумается!

Свирепые соседи изо всех сил барабанили в квартиру Штенгелей и поварами и кочергами и громко ругались.

— Ну и прекрасно,— сказал Горошек.— Переедем в Плутен-Глупинг, велика важность!

— Ладно,— сказал отец.— В следующий понедельник мы переезжаем. Говорят, Плутен-Глупинг очень веселый город.

Он достал из книжного шкафа карту и справился, где находится Плутен-Глупинг.

— Как раз посередине между Южным и Северным полюсом,— объявил он.— Автобусом туда — рукой подать.

— Чудесно!— обрадовались Горошек и Анни, обнимаясь. Только мама вздохнула и сказала:

— А все из-за какой-то пятнистой цирковой танцовщицы.

Перевод Ю. Качаева

АФГАНИСТАН

Весельчак Али Мухаммед

(народные сказки)

СЕМЬ ЛЕПЕШЕК

Жил в одной деревне человек по имени Али Мухаммед. Был он умным, а богатым он не был. Ничего удивительного, ведь голова — что рука: набирает силу в работе. А сами понимаете, сколько надо проработать головой, чтобы на медяк неделю прожить.

Рассказывают, что Али Мухаммед каждый день покупал на базаре семь лепешек. Сосед его Адам-хан, человек, богатый деньгами, но не разумом, поинтересовался однажды, зачем бедняку каждый день столько лепешек.

Али Мухаммед ответил так:

— Две в долг даю, двумя долг плачу, одну для людей берегу, одной от людей берегусь, а уж одну сам ем. Понятно?

Понятно? Не очень! А уж Адам-хану и подавно не понять.

Растолковал ему Али Мухаммед:

— Две в долг даю — детей кормлю; подрастут — отдадут. Двумя долг плачу — родителям отдаю. Одну для людей берегу — друзей угощаю. Одной от людей берегусь — собаку кормлю, чтоб дом стерегла. А уж одну сам ем.

ПАДИШАХ И АЛИ МУХАММЕД

Однажды падишах без слуг и без свиты вышел из городских ворот. И повстречался ему Али Мухаммед — человек, известный своим веселым и дерзким нравом.

Повелитель остановил Али Мухаммеда и обратился к нему с таким вопросом:

— Скажи мне, жестокий ли падишах в вашей стране?

Али Мухаммед ответил:

— Жестокий — это не то слово. Зверь!

Тогда падишах спросил:

— А ты меня не узнаешь?

— Откуда я могу тебя знать, чужестранец?

Падишах нахмурился:

— Так знай же, ничтожный: ты говоришь со своим падишахом. И ты оскорбил его!

— Ну, вот видишь! — беззаботно откликнулся Али Мухаммед. — Значит, недаром все говорят, что я сумасшедший: никого не узнаю, даже моего повелителя, который хоть и жесток, но ведь не настолько, чтобы казнить безумного!

Падишах мрачно усмехнулся:

— Правдивы и разумны твои речи. Воистину они слишком правдивы, чересчур разумны — просто нельзя поверить, что ты сумасшедший. Ты прикидываешься! И казнить тебя за эту ложь будет вовсе не жестоко, а лишь справедливо!

Но Али Мухаммед и тут нашелся:

— О повелитель, я не смею спорить с тобой, однако ты сам с собою споришь: сначала признал, что я правдив, а потом не поверил, что я сумасшедший. Но разве кто-нибудь, кроме сумасшедшего, станет говорить правду повелителю?..

ЦЕНА ОБИДЫ

А еще рассказывают, однажды Али Мухаммед зашел за чем-то в лавку, а лавочник не пожелал даже разговаривать с бедным покупателем и грубо его обругал. Али Мухаммед рассердился, снял с ноги туфлю и ударил ею лавочника по лбу. Лавочник, конечно, тоже рассердился, но вместо того, чтобы снять с себя туфлю и расплатиться с обидчиком той же монетой, как поступил бы всякий честный человек, он побежал ябедничать в суд.

Судья призвал к себе Али Мухаммеда и сказал ему так:

— Ты, нищий оборванец, посмел оскорбить достойного лавочника? Сейчас же уплати ему восемь анн за обиду!

Али Мухаммед усмехнулся и вынул целую рупию.

— Если такова, по-твоему, цена обиды, — ответил он, — то сам отдай лавочнику восемь анн, а сдачу возьми себе!

С этими словами он вручил судье рупию и ударил его туфлей по лбу.

ВОТ ЭТО ЕДА!

А еще рассказывают, проезжал мимо дома Али Мухаммеда богатый крестьянин на осле и вез с базара кур. Остановился он у дверей, позвал хозяина, протянул ему три монеты:

— Ну-ка, принеси чего-нибудь для меня, для моего осла и для моих кур.

Али Мухаммед вынес ему дыню:

— Я исполнил твою просьбу: сердцевину ты съешь сам, кожуру отдай ослу, а зерна — лучшее лакомство для кур.

А еще рассказывают, однажды Адам-хан купил на базаре теленка. Привел его домой, насыпал ему соломы... А теленок есть ее не стал. Он все лето пасся на горных лугах, а известно, какво жевать желтую солому после зеленой травки. Теленок стал худеть, Адам-хан — тоже: от огорчения.

Узнал об этом Али Мухаммед и зашел к соседу.

— Мне тебя так жалко,— сказал он,— что я всего за сто афгани¹ научу твоего теленка есть солому.

Адам-хан тут же отсчитал сто монет. Али Мухаммед отправился на базар, купил там очки с зелеными стеклами и вернулся к Адам-хану:

— Веди теленка!

Адам-хан привел.

— Неси солому!

Адам-хан принес.

— Не ест?

— Нет!

Тогда Али Мухаммед надел на нос теленку зеленые очки. В глазах теленка желтая солома превратилась в зеленую травку, и он принялся жевать ее с большим аппетитом.

Адам-хан вытарашил глаза, потом разинул рот, потом развел руками, а потом сказал:

— Знаешь, я дам тебе двести афгани, если ты и меня снабдишь такими же замечательными очками. Но поскольку я разумнее теленка, то меня, пожалуй, можно приучить и к более дешевой пище, чем солома,— я смогу жевать землю и глотать камни!

КУДА ДЕВАТЬ ДЕНЬГИ

Было или не было — может, и было, как знать? — завелись однажды у Али Мухаммеда деньги. Пятьсот афгани! Но держать столько золота в нищем доме — это почти то же самое, что хранить медяк в золотом ларце: опасно для ларца, опасно для дома.

«Надо денежки припрятать», — решил Али Мухаммед. Отнес их в укромное место, выкопал яму. Вдруг слышит — кто-то сопит у него за спиной. Оглянувшись — Адам-хан! Что делать? Делать нечего!

— А, это ты? — сказал Али-Мухаммед. — Очень рад тебя видеть. Очень! Надеюсь, ты pomoжешь мне закопать мои деньги?

...Спустя несколько дней Али Мухаммед навестил свой клад, но яма, конечно, была пуста.

«Ага! — подумал Али Мухаммед. — Ясно, кто украл деньги... Но как их вернуть... тоже ясно!»

Он тут же направился к Адам-хану и обратился к нему с такими словами:

— Я только что получил еще тысячу афгани и хочу спрятать их в том же месте. Будь добр, пойдй завтра со мной опять. Вместе мы закопаем и эти деньги.

¹ Афгани — основная денежная единица в современном Афганистане.

Адам-хан, в надежде на новую поживу, той же ночью положил украденные пятьсот афгани на место. А Али Мухаммед вырыл их и поскорее потратил. И правильно сделал. Потому что, если ты тратишь деньги, значит, они принадлежат тебе, а если ты складаешь их в кубышку, значит, ты им принадлежишь.

11. О ЧЕЛОВЕКЕ НЕ БЫЛО

Было или не было — скорей всего, не было! — призвал однажды падишах Али Мухаммеда и сказал:

— Назначаю тебя большим начальником. Вот.

Но, говорят, мудрость брезгует властью. На то и мудрость!.. Али Мухаммед ответил:

— Повелитель, я не гожусь для этой должности.

— Почему?

— Если я сказал правду, то этого достаточно, чтобы не назначать меня начальником. А если я соврал, то разве может начальствовать над людьми лжец?

12. ТРИ ДЕНЬ И ВОСЕМЬ ЛЕПЕШЕК

Шел по дороге юноша и увидел двух купцов, которые закусывали, расположившись под деревом. У одного было три лепешки, а у другого пять. Увидели они прохожего и пригласили его разделить с ними трапезу. Юноша поблагодарил и подсел к ним. Когда они съели все лепешки, юноша еще раз поблагодарил купцов, дал им восемь рупий и пошел своей дорогой.

Начали тут купцы делить деньги, но, оказывается, не так-то просто поделить восемь рупий на двоих! Один говорит:

— Кто дал больше лепешек, тот должен больше получить.

— Нет, — отвечает второй, — надо все делить поровну.

Они бы спорили и по сей день, если бы не проходил мимо Али Мухаммед:

— Рассуди! — обратились к нему купцы.

Али Мухаммед выслушал их и сказал:

— Ты возьми себе пять рупий, а ты — три!

— Не согласен! — возразил тот, у кого было три лепешки. — Пусть он возьмет себе четыре рупии и я четыре.

— Ах так! — рассердился Али Мухаммед. — Тогда тебе вообще полагается одна рупия!

— Почему?!

— Вас было трое? Трое. Лепешек восемь? Восемь. Если каждую разделить на три порции, то всего получится двадцать четыре порции. По восемь на каждого. Из трех лепешек вышло девять порций. Восемь из них ты съел сам, — значит, отдал всего одну. А из его пяти лепешек вышло пятнадцать порций. Восемь он съел сам, — значит, отдал семь. Вот и выходит, что он должен получить семь рупий, а ты — всего одну!

БЕЛЬГИЯ

Морис Кярем

(1899—1978)

Педагог по профессии, известный поэт-сказочник, умеющий в традиционных, казалось бы, не очень серьезных формах — песенке, считалочке, перевертыше, шутке — выразить важные мысли.

РАДОСТЬ

Радость пробежала по дорожке.
Радость распахнула все окошки.
РадуетсЯ клен, что он силен:
Радугу на ветке держит он.
Рады зайцы, что спугнули волка.
Новым шишкам радуется елка.
Радость запрягает лошадей.
Разбудите, дети, всех людей!
Надевайте лучшие одежды!—
Радость распахнула все окошки!

НА ТРАВЕ

На меня ползет козявка,
Будто я какая травка,
И садится мотылек,
Будто я какой цветок.
И кузнечики по майке
Скачут, будто по лужайке,
И шмели ко мне летят,
Будто мед найти хотят.

Перевод В. Берестова

РАСТЕРЯШКА

Пропал щенок мой в воскресенье,
Наперсток — в среду... Невезенье!
В четверг я не нашла альбома,
А в пятницу — ключей от дома.
И маму пробирает дрожь:
— Чего ты завтра не найдешь?..

И впрямь, давно пропасть бы мог
Цветастый новенький платок —
Так просто выпасть из кармашка!
Ведь я такая растеряшка!
Я нос бы потеряла — точно!
Да он сидит на месте прочно.

Перевод *М. Яснова*

БОЛГАРИЯ

Асен Босев

(1913)

Известный детский поэт. В его стихах преобладают юмористическое и сатирическое изображение жизни детей, их черт характера, описание чувств ребенка; проникнуты тонким лиризмом стихи о природе.

ЮНЫЕ НАТУРАЛИСТЫ

О берег тихо плещется
Спокойная река.
Под елкой — заседание
Юннатского кружка.
 Повеяло прохладою,
 Малиновки поют...
 О финиках, о тропиках
 Юннаты речь ведут.
Вдруг шишка с елки стукнула
Кого-то из ребят.
— Слетают с дуба желуди,—
Сказал один юннат.
 Другой юннат откликнулся:
 — По-моему, орех!
 — Каштан,— поправил староста.—
 Я знаю лучше всех!
А елка молча думала,
Иголки наклоня:
«Ужалить вас покрепче бы —
Узнали бы меня!»

Перевод В. Викторова

ОСЕННИЙ ВЕТЕР

Осыпайтесь, листья, Позабыв о лете. На коне рысистом Мчит осенний ветер.	Прискакал в деревню. Там, покой нарушив, Посшибал с деревьев Яблоки да груши.
---	--

Из-за синя моря, Издалека скачет — О родном просторе Столковался, значит.	Засвистит да гикнет, Звякнет звонкой сбруей, Льются с веток гибких Золотые струи.
--	--

В тонкие лозины, Как в свирели свищет, Возвратясь с чужбины, Словно что-то ищет.	Осыпайтесь, листья, Позабыв о лете, На коне рысистом Мчит осенний ветер.
---	---

Перевод И. Токмаковой

Леда Милева

(1920)

Известная поэтесса, сказочница, драматург, переводчик. В ее книгах для детей воплощается красота жизни, человеческих отношений.

СИНЯЯ СКАЗКА

Подул южный ветер.

Два цветочных семечка поняли, что весна близка, — и пустили два тонких ростка.

Первый цветок увидел синего неба кусок, и цветочки его сразу синими стали.

Второй цветок с шейкою гибкой увидел солнышка золотую улыбку и надел золотую корону. И, умывшись туманом, он заявил, встав посредине поляны:

— Все, что красиво, — запомните это! — золотистого цвета! Пшеничное зернышко — золотое. Ясное солнышко — золотое. И хотя называюсь Одуванчиком я, золотом отливает корона моя. Я золотой — не то что этот синий цветок! А тебя как зовут, скажи нам, дружок?

— Не знаю... Мне никто не сказал...

Вечером к ним пришел Муравей:

— Ох, как я устал... Как мне ползти нелегко... А муравейник мой так далеко! Ползти в темноте по корням не хочу я. Можно я у вас заночую? Золотой одуванчик сделал вид, что не слышит.

А синий цветок прошептал:

— Ночь на небе уже зажигает огни...

Оставайся со мной, отдохни!..

И уснул Муравей под синим цветком. Это было чудесно! Звезды горели синим огнем. И всю ночь ему снились синие сны.

Снилось ему, что он в синем потоке купается и поток ему улыбается — синий поток.

Снилось ему, что плывет он на синем листке по голубой реке — по синей реке. Снилось ему, будто в синей ракете летит он к далекой планете — синей планете.

Утром сказал Муравей, что не сможет забыть эту ночь и что будет он рад как можно скорее вернуться назад.

Улыбнулся цветок:

— Загляни к нам хотя б на минутку. Прощай, Муравей!

— Прощай, Незабудка!

Так синий цветок узнал свое имя.

Но Одуванчику не понравилось это.

Он начал расти и стал совсем золотистого цвета:

И однажды снова пришел Муравей и Незабудку спросил удивленно:

— А где же твой друг с золотою короной?

— Нет его больше... Он всегда говорил так неохотно со мной и раздувался от спеси, что весь золотой. Что случилось потом? На это мне трудно ответить... Он вдруг побелел, стал легким — и сдул его южный порывистый ветер! Он ничего даже крикнуть не мог. Вот остался на месте его лишь сухой стебелек...

И сказал Муравей:

— Плохо тебе, Незабудка, одной. Если хочешь, я останусь с тобой. Днем я буду трудиться — мне иначе нельзя. А утром, как только открою глаза, я буду тебе рассказывать свои синие сны — они, как сказки, тайны полны...

— Чудесно! — И Незабудка, от счастья сама не своя, листочком погладила верного друга — умного Муравья.

Перевод Л. Дымовой

Николай Зидаров

(1921)

Поэзия Н. Зидарова разнообразна: гражданская лирика — в ленинградском цикле — и чистая лирика, отличающаяся метафоричностью стихов, глубиной и разнообразием чувств.

ЛЕСНЫЕ ФИАЛКИ

Словно небо к нам спускалось
И бродило по тропинкам,
Словно небо расплескалось
По травинкам, по травинкам.
Расцвели кругом фиалки —
Под кустами, на полянках,

Их серебряные росы
Умывают спозаранку.
Прилетает с луга ветер,
Угощает ветер медом,
Возле них деревья ходят
Хороводом, хороводом.

Перевод *И. Токмаковой*

Цветан Ангелов

(1922—1983)

Автор лирических миниатюр, сказочник и песенник. Многие из его стихов посвящены школьной жизни; для них характерен добродушный юмор.

Шарик

Шарик лает. На кого бы?
Выбегаю на балкон.
Ветку липы бьет ознобом,
Тьма ползет со всех сторон.
Как-то все переменялось,
Назаметно, невзначай.
Это осень к нам явилась.
Не прогонишь — лай не лай!

Земная армия

Целые полчища —
Снежные хлопья
И сосулек
Копья.

Перевод *И. Токмаковой*

БРАЗИЛИЯ

Монтейру Лобату

(1882—1948)

Основоположник бразильской детской литературы, большой знаток фольклора, издатель газет и журналов для детей, автор 17 томов детских книг, связанных одними и теми же главными героями и общим местом действия. Все действующие лица живут в Домике Желтого Дятла. Среди персонажей — взрослые, дети, игрушки, животные, а также знаменитые литературные герои — Красная Шапочка, Мальчик-с-пальчик, Дон Кихот, Робин Гуд и др.

ОРДЕН ЖЕЛТОГО ДЯТЛА

(главы из книги)

НОСИШКА

В маленьком домике, который в окрестностях прозвали почему-то Домик Желтого Дятла, живет старушка. Ей уже больше шестидесяти лет. Ее зовут дона Бента. Если кто пройдет мимо по дороге и увидит ее на веранде, с корзиночкой для рукоделья на коленях, в очках, сползших на кончик носа, обязательно подумает:

«Как скучно жить вот так одной, за городом, в глуши...»

Но кто так подумает, ошибется. Дона Бента — самая счастливая из всех старушек на свете, потому что с ней живет ее любимая внучка — Лусия, девочка со вздернутым носом, за что ее и прозвали «Носишка». Носишке семь лет, она смуглая и румяная, как плод жамбо, любит жареную кукурузу и уже умеет делать сама сладкие пышки, очень вкусные.

В Домике Желтого Дятла есть еще двое жильцов: тетушка Настасия, добрая старая негритянка, нянчившая Лусию, когда та была совсем маленькой, и Эмília — тряпичная кукла, довольно нелепая с виду. Эмилию тетушка Настасия сшила из тряпок, а глаза вышила шелком и брови тоже

вышла, только очень высоко, так что кажется, что Эмилия всегда чем-то удивлена или возмущена. Однако, несмотря на эти природные недостатки, Носишка очень любит Эмилию и не может ни позавтракать, ни пообедать, пока не усадит Эмилию за стол рядом с собой; а прежде чем лечь спать, всегда укладывает Эмилию в игрушечный гамак, привязанный специально для нее на веранде между двумя ножками стула.

Носишке очень нравится сидеть со своей куклой на берегу ручейка, протекающего в глубине сада. Струйки его, быстрые и говорливые, весело бегут, огибая черные круглые камни, «черные, как тетушка Настасия», говорит Носишка.

Каждый вечер она берет куклу и отправляется на берег ручейка, садится на выступающий из земли корень старого дерева инга и кормит крошками рыбок ламбари.

Нет рыбки, которая бы не знала Лусию; едва она только появится, как все они плывут к берегу: самые маленькие и беспечные подплывают совсем близко, а кто побольше и посolidнее, те держатся на всякий случай подальше — похоже, что боятся куклы...

Так девочка просиживает целыми часами, пока тетушка Настасия не появится у калитки, ведущей во дворик, и не крикнет протяжно:

— Носи-и-шка, бабушка зовет!

ПРИНЦ СЕРЕБРЯНАЯ РЫБКА

Как-то раз, покормив рыбок, Лусия, почувствовала, что ее клонит ко сну. Она прилегла на траву, положив себе под локоть куклу, и стала следить за облаками, которые плыли по небу, образуя то вершины, то долины.

И она уже совсем было уснула под говор струек, как вдруг почувствовала, что кто-то щекочет ей нос. Она приоткрыла глаза: рыбка, одетая как человек, стояла на кончике ее вздернутого носа...

Одетая как человек, да, да. На рыбке была красная курточка, высокая шляпа, а под плавником она держала зонтик — вот чудо-то! Рыбка смотрела на нос Носишки нахмурившись, как будто не понимала, что это, собственно, такое.

Носишка затаила дыхание...

— Напрасно доктор Улитка прописал мне свежий воздух, — сказала вдруг рыбка человеческим голосом, и притом довольно ворчливо. — Что же получается: я прихожу на этот луг, думаю погулять по траве и вдруг наталкиваюсь на эту непонятную гору... Еле взобралась... — И рыбка ткнула зонтиком в кончик Носишкиного носа. — Да она из мрамора, что ли?

Тут Носишка села и сказала:

— Вот и нет, рыбка, я вовсе не гора. Я Лусия, та самая девочка, которая каждый день приходит сюда вас кормить. Разве ты меня не узнаешь?

— Но тебя невозможно узнать, девочка, — отвечала рыбка. — Если смотреть из воды, то ты совсем другая...

— Может быть, но, честное слово, я — это именно я. А вот эта сеньора — моя подруга Эмилия.

Рыбка почтительно поклонилась кукле и поспешила представиться:

— Принц Серебряная Рыбка, король Страны Прозрачных Вод.

— И принц и король вместе, вот здорово! — воскликнула Носишка, хло-

пая в ладоши.— Как хорошо! Мне всегда хотелось посмотреть на сказочного принца или короля, а тут — оба сразу!

Они еще немного поговорили, а потом Принц пригласил Носишку посетить его страну. Она с удовольствием приняла приглашение.

— Только давайте сейчас же,— сказала она,— пока тетушка Настасия меня не позвала. А потом вы к нам тоже придете? Да?

— Почту за честь...— любезно отвечал Принц.

И они пошли рядом, как старые друзья. Кукла следовала за ними, не проронив ни слова.

— Кажется, сеньора Эмилия недовольна? — спросил Принц.

— Нет, Принц, просто, понимаете, бедняжка немая от рождения. Я ищу хорошего доктора, чтоб ее вылечил.

— При моем дворе живет замечательный врач, знаменитый доктор Улитка. У него есть такие пилюли, которые помогают от всех болезней. Кто не умирает — все поправляются. Я уверен, что если он возьмется лечить сеньору Эмилию, так она у вас зашебечет, как птишка.

Так, беседуя о чудесных пилюлях доктора Улитки, они подошли к красивому гроту, которого — странное дело! — Носишка никогда раньше здесь не замечала.

— Вот вход в мое королевство,— сказал Принц.

Носишка боязливо заглянула в глубь грота.

— Очень темно, Принц. Эмилия, знаете, боится.

Вместо ответа Принц вытащил из кармана светлячка, служащего ему живым карманным фонариком. Грот осветился, кукла перестала бояться, и Носишка вошла. По дороге через грот их очень почтительно приветствовали совы и летучие мыши, только Носишке почему-то не захотелось с ними знакомиться.

А вот и ворота королевства: Носишка даже рот открыла от изумления.

— Кто построил эту прекрасную арку, Принц?

— Кораллы, лучшие в мире каменщики и ювелиры. Мой дворец тоже строили они — весь он из розового и белого коралла.

Но вдруг Принц Серебряная Рыбка нахмурился.

— Уже второй раз замечаю,— сказал он,— ворота не заперты. Держу пари, что сторож опять спит.

И действительно, так оно и было. Сторож спал и квакал во сне.

— Майор Жаба! — строго сказал Принц.— Опять вы спите, как свинья! Майор морского флота не имеет права так себя вести!

И Принц дал бедняге такого пинка, что майор Жаба успел только открыть свои круглые глаза, открыть свой круглый рот и, жалобно сказав: «Ква-а-а», отлетел в угол.

Но Принц уже успокоился и повел свою гостью во дворец. Какой дворец! Молочно-белые стены из коралла и под узорчатым коралловым сводом — бордюр из нежных жемчужин, дрожащих при малейшем всплеске волны. Пол из переливчатого перламутра был так гладок, что Эмилия три раза поскользнулась.

Принц Серебряная Рыбка сказал, обращаясь к своему премьер-министру:

— Сзовите всех моих придворных. Я даю праздник в честь моей прекрасной гостьи. И скажите моему кучеру дядюшке Крабу, чтоб приготовил парадную карету для прогулки по дну моря. Идите!

О, эта прогулка по дну моря! Это была, наверно, самая лучшая прогулка из всех, какие пришлось совершить Носишке в ее жизни! Парадная карета плавно катилась по белоснежному песку, запряженная шестеркой морских коньков и управляемая дядюшкой Крабом. У морских коньков были головки как у игрушечных лошадок и хвосты как у рыб, а дядюшка Краб вместо хлыста погонял их своими собственными усами: «А ну, поехали...»

О, какие красивые места! Коралловые леса, заросли живых губок, поля водорослей самых необычайных видов. Раковины, раковины — всех форм и всех цветов. Угри, морские ежи, осьминоги — какого только морского люда здесь не было!

— Рыба-меч! — вдруг испуганно воскликнул Принц, указывая на огромную рыбу с длинным острым носом, быстро приближавшуюся к ним. И, обернувшись к кучеру, добавил: — Назад! Гони!

Дядюшка Краб, получив приказ поворачивать, щелкнул своими усами по спинам морских коньков и пустил их галопом.

Во дворец вернулись как раз к обеду. Носишка, сидя рядом с Принцем, не переставала изумляться убранству стола и тонкому разнообразию блюд.

— Искусство сеньориты Сардинки и ее сестер, — сказал Принц. — Отличные поварахи, и какие аккуратные!

Носишка про себя подумала: «Потому-то они всегда так аккуратно лежат в банке...»

Одни блюда сменяли другие: подавали котлеты из водорослей, филе моллюска, омлет из яиц колибри...

В то время как хозяева и гости ели, оркестр цикад и кузнечиков играл какую-то приятную музыку — три-ли, три-ли — под управлением маэстро тангарá, державшего в клюве дирижерскую палочку и топорщившего перышки в порыве вдохновения.

В перерывах между музыкальными пьесами три светляка-иллюзиониста показывали фокусы, из которых особенно понравился Носишке номер глотателя огня. Никто лучше светлячков не умеет глотать огонь, это уж поверьте!

Носишка была в таком восторге от всего, что ее окружало, что все время радостно взвизгивала и хлопала в ладоши.

РАЗГОВОРНЫЕ ПИЛЮЛИ

Сразу же после обеда Носишка собралась с Эмилией к доктору Улитке. Доктор согласился лечить куклу и, достав заветные пилюли, поздравил пациентку к себе:

— Не бойтесь, сеньора Эмилия, идите сюда. Откройте рот. Вот так.

Доктор выбрал одну пилюлю и положил в рот Эмили.

— Глотай сразу! — посоветовала Носишка, показывая, как надо глотать пилюлю. — И не делай такое страшное лицо. Помни, что глаза у тебя из ниток и могут лопнуть. Ну, глотай же!

Эмилия проглотила пилюлю, потом глотнула воздух — и сказала: «Ох, какие горькие липюли!» И пошла, и пошла, и пошла — битый час не умолкала. Она так задуррила Носишке голову, что Носишка стала просить доктора: нельзя ли, пожалуйста, дать Эмили другие пилюли — молчальные.

— Нет необходимости,— отвечал опытный врач.— Она несколько часов проговорит, а потом выдохнется и будет как все люди. Это у нее прежний запас неизрасходованных слов, он истощится — и все будет в порядке.

Так и случилось. Эмилия говорила три часа тоненьким-тоненьким голосом, а потом замолчала.

— Слава богу,— сказала Носишка,— теперь можно поговорить по-человечески. Скажи, Эмилия, как ты себя чувствуешь? Тебе что-нибудь надо?

— Одеяло, надеть на голову.

— Платок, Эмилия.

— О-де-я-ло.

— Платок, глупышка!

— ОДЕЯЛО! Я хочу надеть на голову ОДЕЯЛО, потому что пока доктор Утка...

— Доктор Улитка, Эмилия!

— Доктор У-тка! Пока доктор УТЯТКА меня лечил, мне стало долохно.

— Холодно! — в последний раз поправила Носишка, сунув Эмилию в карман; очевидно, язык у куклы был еще недостаточно хорошо подвешен — ничего, со временем укрепитя.

Носишку пугало другое: у куклы, по-видимому, был упрямый и задиристый характер, обо всем она судила по-своему, и ей, видно, нравилось говорить глупости. «Впрочем,— подумала Носишка,— может, оно и лучше. У нас уж и так двое умных — бабушка и тетушка Настасия. А Эмилия всегда скажет что-нибудь новенькое, с ней не соскучишься».

ПЛАТЬЕ ИЗ МОРСКОЙ ВОЛНЫ

А потом Принц познакомил Эмилию с лучшей портнихой в королевстве. Это была дона Паучиха. Она умела шить очень красивые платья, такие красивые, что глаз не оторвешь. Она сама и материю ткала и фасон выдумывала.

— Дона Паучиха,— сказал Принц,— я хочу, чтоб вы сшили нашей милой гостье самое красивое платье на свете. Я хочу сделать ей подарок.

Сказал и уплыл. Дона Паучиха взяла сантиметр и с помощью шести маленьких паучат, очень ловких, стала снимать мерку. Потом принялась быстро-быстро ткать, и не прошло и нескольких минут, как она сказала: «Готово»... Носишка, сидевшая в уголке с Эмилией на руках и терпеливо ждавшая, приподнялась:

— Можно посмотреть?

— Нет еще,— отвечала чудесная портниха.

Носишка вежливо сказала:

— Я видела, знаете ли, много пауков у нас, в бабушкином доме. но они все только и умеют, что плести паутину; никто из них не способен самую простую материю соткать, даже ситцу на фартук...

— Так ведь у меня большой опыт,— объяснила дона Паучиха,— мне уже тысяча лет, я самая старая портниха на свете. Я много чего умею. Я ведь долго работала в Стране Фей; между прочим, это я шила Золушке то платье, в котором она была на балу...

— Да что вы! Подумайте! И Белоснежке тоже вышили?

— А как же. Вот как раз когда я шила ей свадебную фату, со мной и произошел несчастный случай: я уронила ножницы и отрезала себе левую ногу. Правда, меня потом лечил доктор Улитка, он прекрасный врач, ничего не скажешь, но все-таки одной ноги у меня не хватает, так что теперь только семь.

— Доктор Улитка вылечил мою куклу, — сказала Носишка, — она уже говорит. Эмилия, скажи что-нибудь.

— Было бы рохошо, — сказала Эмилия, — чтобы у меня тоже была катушка в животе: очень удобно. А когда нитка кончается, вы другую катушку глотаете или как?

— Нитка никогда не кончается, — с достоинством отвечала донна Паучиха.

Пока они так беседовали, портниха все шила, повернувшись к Носишке спиной, но платье ей не показывала.

— Готово к первой примерке, — сказала она наконец, — можете надеть.

О! Что это было за платье! У Носишки закружилась голова, и ей даже пришлось сесть, чтобы не упасть.

Это платье не напоминало ни одно из тех, которые рисуют в модных журналах. Из чего оно было сделано? Из шелка? Да нет же, вовсе не из шелка. Оно было сделано из морской волны! Какого цвета? Цвета морской волны и всех цветных рыбок, какие только водятся в море. Вместо обычной отделки — кружев, прошивок, лент, вышивок, плиссе или бисера — оно было отделано живыми рыбками. И не то чтобы несколькими рыбками — нет, здесь были рыбки всех цветов: красные, синие, золотые, переливчатые; тонкие, как струна, и круглые, как шарик, с острыми хвостами, с глазами, похожими на драгоценные камни, с длинными подвижными усиками — все, все!.. Теперь только Носишка увидела, как бесконечно разнообразны по цвету и по форме жители моря! Некоторые казались живыми украшениями из драгоценных камней — украшениями, на которые чудесный ювелир не пожалел самых дорогих бриллиантов, опалов, рубинов, изумрудов, жемчугов и турмалинов из своей сокровищницы. И эти рыбки-украшения не были прикреплены к платью, как это делается у нас на земле. Нет, они были живые и веселые и плавали в этом платье цвета морской волны, как в море. Так что платье все время менялось и становилось все красивее, все красивее... Оно светило, искрилось, лучилось, переливалось, потому что рыбки плавали друг за другом, друг над другом, навстречу друг другу, описывая причудливые круги среди мерно качающихся водорослей. Водоросли качались, заплетая и расплетая свои зеленые косы, а рыбки играли, проплывая сквозь них, ни разу не задев даже кончиком хвоста колеблющиеся нити. И все это играло, и дрожало, и плясало, и всплывало, и набегало, и ускользало, и пропадало, и закипало — без конца, без конца...

Эмилия первая нарушила очарование:

— А кто научил вас делать такую маретию, донна Паучиха? — спросила она своим скрипучим голосом, незаметно потрогав подол платья.

— Фея Воображения, — отвечала портниха.

— А какими ножницами вы ее кроите, сеньора?

— Ножницами Вдохновения.

— А какой иглой вы ее шьете?

— Иглой Фантазии.

— А какими нитками?

— Нитками Сна.

— А... почему метр?

Носишка ткнула свою куклу локтем в бок:

— Замолчи, Эмилия! Рыбки испугаются твоих глупостей и сбегут с платья...

Не успела Носишка произнести эти слова, как откуда-то снаружи раздался сильный гром, и чей-то голос прокричал протяжно:

— Носи-и-шка, бабушка зовет!

Все обитатели морского царства так перепугались, что разом пропали, как по волшебству. Поднялся сильный ветер, поднял Носишку вместе с ее куклой и унес со дна океана на берег ручейка, протекающего в глубине сада...

Носишка вскочила и побежала домой. Как только она показалась, донна Бента окликнула ее:

— Лусия! У нас большая новость. Теперь тебе будет с кем играть. Угадай-ка, кто к нам приезжает?

— Принц Серебряная Рыбка? Да, да, он мне обещал...

Донна Бента сделала испуганное лицо:

— Что с тобой, девочка, ты бредишь?

— Майор Жаба? Но он, кажется, не собирался.

— Какой майор, какая жаба, господи! Приезжает Педриньо, мой внук, сын тети Антоники, твой двоюродный брат.

Носишка запрыгала от радости:

— А когда приезжает мой брат?

— На днях. Прибери хорошенько комнату и постирай, что ли, эту куклу... Ну, где это видано, чтобы у большой девочки была такая грязная кукла!

— Ну, уж тут я не виновата, знаете! — сказала Эмилия, впервые открыв рот с той минуты, как они вернулись домой.

Донна Бента так перепугалась, что чуть было не упала со своего низенького стула с подпиленными ножками. Повернувшись в сторону кухни, она дрожащим голосом позвала:

— Идите скорее сюда, Настасия! Посмотрите, какой феномен...

Негритянка показалась на пороге, вытирая руки о передник:

— Чего вам, сеньора?

— Носишкина кукла говорит!

Негритянка добродушно улыбнулась своими толстыми губами:

— Никак нельзя, чтоб она говорила, что вы, сеньора! Да такого испокон веку не случалось. Носишка ваша просто обманщица, и все тут.

— Сама ты обманщица! — яростно крикнула Эмилия. — Говорю и буду говорить, вот что! Раньше не говорила, потому что была немая, а доктор Утятка дал мне такой шарик, я проглотила и стала говорить. И всю жизнь буду говорить, понятно?

Тетушка Настасия даже рот раскрыла:

— А ведь говорит, а, сеньора! Как человек говорит! Господи, помилуй нас! Конец света, да и только...

И добрая негритянка прислонилась к стене, чтоб не упасть.

Вернувшись домой из Страны Прозрачных Вод, Носишка никак не могла успокоиться. Каждую ночь видела она во сне Принца Серебряную Рыбку, доктора Улитку, дону Паучиху и других своих новых друзей.

Она их все время вспоминала, и Эмилия тоже. Кукла говорила уже совсем хорошо, но более упрямого существа свет не создавал. Ни разу не сказала она «доктор Улитка», а все: «доктор Утка» или уж в крайнем случае «доктор Утятка».

Носишка смеялась: «Ну кто справится с этой сумасшедшей!»

Дона Бента тоже привязалась к кукле: выходки Эмилии, ее нелепые и всегда неожиданные «идеи» очень развлекали старушку. По вечерам она брала Эмилию на руки и рассказывала ей сказки и разные истории. О, никто так не любил слушать истории, как упрямая маленькая кукла! Целый день она клянчила: «Расскажите мне историю про этот шкаф!» Или: «Какая это птичка кричит?.. Ах, кукушка... Расскажите мне историю про кукушку!» Когда она узнала, что к ним на все лето приезжает Педриньо, внук доны Бенты, то стала тотчас же просить, чтобы ей рассказали его историю.

— Но у Педриньо нет еще никакой истории,— отвечала дона Бента смеясь,— это мальчик десяти лет, он никуда не выезжал из дома, кроме как сюда, к нам, и поэтому еще ничего особенного не сделал и ничего особенного не видел. Какая же у него история?

— Миленький ответ! — возмутилась Эмилия. — А вон та книжка в красной обложке, которая у вас на полке лежит, тоже никуда из дому не выезжала, но в ней ведь больше десяти историй!

Дона Бента повернулась к тетушке Настасии:

— Эта Эмилия говорит столько глупостей, что голова кругом идет!

— Это потому, что она из тряпок, сеньора...— объяснила тетушка Настасия,— и из простой такой материи, бумажной. Если б я знала, что она станет говорить, я б ее лучше из шелка сшила или хоть из того шерстяного лоскутка, что остался от вашего платья, знаете?

Дона Бента посмотрела на тетушку Настасию в задумчивости, находя, что это объяснение слегка смахивает на «идеи» Эмилии...

В эту минуту показалась Носишка с письмом в руке.

— Письмо от тети Тоньки, бабушка! — сказала она. — Наверно, пишет, когда Педриньо приедет.

Дона Бента вскрыла конверт и прочла письмо: Педриньо должен был приехать через неделю.

— Неделя! — огорчилась Носишка. — Как долго! А мне так хочется рассказать ему про Страну Прозрачных Вод!..

— Что это еще за страна? Ты мне ни о чем таком не говорила,— удивилась дона Бента.

— Не говорила и не скажу, потому что вы все равно не поверите. Ах, бабушка, что за страна! Сколько там чудес! А коралловый дворец — да такой можно только во сне увидеть!.. Нет, нет, вы с тетушкой Настасией все равно не поверите. Вот Педриньо поверит, я знаю. Когда он приедет, я ему все расскажу, все, все...

Дона Бента действительно никогда не верила чудесным историям Носишки. Она всегда смеялась: «Это она во сне видела!» Но с тех пор как Эмилия на-

училась говорить, доня Бента стала задумываться и как-то раз сказала своему другу, тетушке Настасии:

— Это такое чудо, Настасия, просто не знаю, что и думать: мне начинает казаться, что и другие Носишкины истории — не только сны.

— И я так считаю, сеньора,— отозвалась добрая негритянка.— Я тоже раньше-то не особо верила, а теперь так просто диву даюсь. Ну где ж это видано, чтоб куколка, которую я сама, вот этими руками, сшила из тряпок,— и вдруг разговоры разговаривать!.. Как человек!.. Не знаю, не знаю, сеньора, или мы стареем, или пришел конец света!..

И старушки смотрели друг на друга, укоризненно покачивая головами.

Носишка ужасно не любила ждать: придет, не придет, когда придет... Терпенье лопается... У нее, наверно, совсем бы испортилось настроение, если бы к этому времени не успели жабутикабы. Ах, какие они вкусные! В саду у донь Бенты росло три деревца, но хватило бы и одного, чтобы все в доме не только насытились, но и обьелись. На этой неделе плоды на деревьях уже поспели, и Носишка, осмотрев опытным глазом ветки, нашла, что каждая жабутикаба теперь «как раз» и пора начинать есть. И она стала проводить целые дни на ветках, как обезьянка. Выбирала самую спелую жабутикабу, клала в рот — и крак! — прокусывала — с-с-с! — высасывала сок и — трах! — кидала кожуру вниз, на землю.

Но кожара недолго оставалась лежать на земле... Под деревом бесшумно дежурил второй потребитель жабутикаб. Это был маленький, плотный и очень прожорливый поросенок, которого в доме прозвали «Рабико», что значит «бесхвостый» или «короткохвостый», потому что хвостик у него был хоть и крючком, но уж очень коротенький. Как только Рабико увидит, что Носишка уже взобралась на дерево, он сразу же прибежит и встанет внизу, ожидая, когда на него посыплется кожара. Каждый раз, когда сверху раздавалось «крак!» и «трах!», снизу сразу же отзывалось: «хруп» — и Рабико начинал с чавканьем жевать кожуру. Так что дерево с утра до вечера оглашалось этой музыкой: «крак, с-с-с-с, трах, хруп; крак, с-с-с-с, трах, хруп...»

Но в конце концов жабутикабы кончились. Только то тут, то там, на самых высоких ветках, оставались еще два-три плода, но почти все попорченные осами.

Рабико — хру, хру, хру! — иногда появлялся еще под деревом по привычке. Постоит немного, очень серьезный, мрачный даже, подождет: вдруг еще какая-нибудь кожара... Но нет, сверху больше ничего не падало, и Рабико удалялся, повесив голову: хру-у, хру-у, хру-у...

Носишка тоже иногда приходила с толстой палкой и, подняв и палку и нос кверху, старалась «выудить» что-нибудь.

— Хватит, девочка! — крикнула как-то раз тетушка Настасия, наблюдавшая эту картину с речки, где полоскала белье.— Целую почти неделю на дереве просидела, все равно что обезьян лесной! Поди-ка помоги мне белье развесить, оно лучше будет!

Носишка бросила палку прямо на поросенка, сказавшего с упреком: «хру!», — и, сунув Эмилию вниз головой в карман передника, побежала на речку. Жабутикабы, и правда, кончились, и опять началось ожидание: придет, не придет, когда придет?

Наконец великий день настал.

Еще накануне доня Бента получила письмо от Педриньо, в котором было написано так:

Приеду шестого пошли на станцию
бабушка гнедую лошадку не забудь
хлыстик желтый которой я повесил
прошлым летом за дверь в столовой
Носишка знает. Пускай она меня
встречает у калитки и Эмилию
возьмет в новом платье и Рабико
пускай на хвосте завяжет бант и
тетушка Настасня пускай сварит
кофе с пышками только жареными
она знает мои любимыми

Педриньо.

Следуя указаниям, данным в письме, Носишка встала очень рано, для того чтобы подготовиться к встрече брата. Надела на Эмилию новое ситцевое платье — красное горошком, — а Рабико завязала два банта — один на шее, другой на хвосте.

...И вот уже Педриньо показался на дороге, верхом на гнедой лошадке, веселый, загорелый.

— Ура! — крикнула Носишка, подбегая к брату и хватая лошадку за уздечку. — Слезайте, сеньор, слезайте, мне надо вам рассказать столько важных вещей!

Педриньо слез, обнял сестру и не удержался от искушения: тут же раскрыл чемоданчик с подарками и вынул какой-то сверток.

— Угадай-ка, что я тебе привез! — сказал он, пряча сверток за спиной.

— Я знаю, — сказала Носишка, ни на секунду не задумавшись, — куклу, которая плачет и закрывает и открывает глаза.

Педриньо даже огорчился:

— Ну, как ты могла отгадать?

Носишка засмеялась:

— Подумаешь, как трудно! Просто девочки умнее мальчиков... Потому и отгадала...

— Но мальчики сильнее! — сказал Педриньо и засучил рукав. — Ты гляди, какие мускулы! Потрогай, потрогай, не бойся... У нас в школе гимнастика, вот что!

Остальные подарки были вынуты тут же, в саду. Рабико получил новый бант на хвост, шелковый, и остатки пищи, которую Педриньо брал на дорогу (этому подарку Рабико особенно обрадовался). Эмилия получила полный кухонный набор: маленькая плита, кастрюльки, сковородки и даже скалка, чтобы раскатывать тесто на пироги.

— А бабушке что ты привез? — спросила Носишка.

— Отгадай, раз ты такая отгадчица!

— Я могу угадать, что ты сам выбрал. А бабушкин подарок наверняка выбирала тетя Антоника...

Педриньо опять изумился: эта сестра хоть и живет в деревне, а умнее всех городских девчонок, честное слово!

— Правильно. Бабушкин подарок мама покупала. А ты меня научишь отгадывать, ладно, Носишка?

В этот момент на крыльце показалась дона Бента, и Педриньо побежал к ней.

Вскоре все уже собрались в столовой послушать городские новости. Тетушка Настасия принесла с собой миску с тестом, чтобы не терять времени, и лепила пирожки...

В этот вечер легли поздно. Педриньо так много должен был рассказать про школу, про то, как там дома, про маму Антонику, что только в одиннадцать часов разошлись по комнатам. Зато и спали! Носишке снился город, а Педриньо снились все те чудеса, о которых ему успела за день нарасказать Носишка. Страна Прозрачных Вод, Принц Серебряная Рыбка, дона Паучиха... Потом приснилась Эмилия, которая без умолку болтала, и Рабико с новым шелковым бантом... А под конец приснилось, что он, Педриньо, основал в Домике Желтого Дятла рыцарский орден, ну, знаете, как средневековые рыцари, такое общество, чтобы всем вместе совершать подвиги... Во главе, конечно, он, Педриньо... Остальные — Носишка, Эмилия... А Рабико принять? Когда Педриньо наутро рассказал Носишке, то ей так понравилось, что сразу же решили, что их компания так теперь и будет называться: «Орден Желтого Дятла».

— А Рабико принять? — спросил Педриньо.

— Принять, я думаю. Он постепенно воспитается...

СЕМЕРО ПОРОСЯТ

Их было семеро. Ну да, мы все знаем, что «семь» — число волшебное, в сказках да в пословицах повторяется, только их и вправду было семеро, и все рыженькие, с белыми пятнышками. Когда мама водила их на прогулку, то все семеро брели за ней чинно, гуськом — хру-хру-хру...

Дни шли, поросята росли, а как вырастали, так попадали...

— В школу, я знаю!

— В школу, да только в печную.

— Ах, как жалко!

Ну, конечно. Жизнь поросенка незавидная... Играет себе на лужке, веселый, круглый, как шарик. Дона Бента посмотрит и скажет:

— Настасия, наша соседка Додóка будет сегодня с нами обедать. Я думаю, вон тот подойдет! — и укажет на беднягу.

Негритянка придет с кормушкой:

— Хрюшки! Хрюшки! Тс-тс-тс!

Глупышки посмотрят, прибегут — и ну чавкать. Тут она как раз наклонится — и цап за ногу «вон того»...

Но вы думаете, все семеро братьев так и попали в печку?

Ошибаетесь: один остался...

Ну кто вы думаете?.. Вы угадали, Рабико! Он уцелел, потому что считался Носишкиным другом, она с ним играла, когда он был еще совсем маленький.

— Ты не волнуйся, «она» тебя не тронет, — сказала однажды Носишка своему другу, подразумевая под «ней» тетущку Настасию. И сказала раз навсегда:

С тех пор Рабико перестал обращать внимание на ворчливые угрозы тетушки Настасии: «Зажарю вот тебя, если будешь тут мешаться под ногами» — и разгуливал по всему саду с нахальным видом. Он подходил даже прямо к двери кухни и рылся в отбросах под самым носом у тетушки Настасии, наедаясь самыми вкусными вещами до того, что живот у него становился круглым, как мячик, и он засыпал на солнышке так сладко, как умеют спать только свиньи — хру-у! Во сне он по большей части ничего не видел, а изредка видел Эмилию в красном платье горошком.

ГРАФ ДЕ КУКУРУЗО

Как-то раз Носишка сказала Эмили:

— Эмилия, хочешь выйти замуж?

— Не особенно, — отвечала кукла, — да и женихов тут хороших нет.

— Как — нет! — возмутилась Носишка. — А Рабико? Чем не жених?

Эмилия затопала ногами и объявила, что ни за что на свете не выйдет за такого лентяя.

Носишка усмехнулась:

— Ты ошибаешься, Эмилия. Он и лентяй и свинья только с виду, а вообще-то он маркиз. Его одна злая фея заколдовала и превратила в свинью, и свиньей он останется, пока не найдется одно волшебное кольцо, которое находится в животе у одного червячка. Поэтому Рабико все время роет землю пятачком: это он охотится за тем червячком...

Эмилия задумалась:

— А ты уверена, что он, когда расколдуется, будет не такая свинья?

— Ну что ты, абсолютно уверена! Это же мне все его папа рассказал, граф де Кукурузо, очень почтенная личность... Он к нам в гости собирается: просить твоей руки для своего сына.

Эмилия думала, думала, думала и сказала:

— Ну, ладно, я согласна, пусть этот папа придет. Я выйду за Рабико, но только останусь жить здесь в доме и не перееду к нему в свинарник, пока он не превратится в маркиза. Хорошо?

— Прекрасно! — сказала Носишка. — Тогда пойдй переоденься, а то граф де Кукурузо скоро будет здесь. Он уже вышел из дому. Надень свое новое платье, красное горошком, слышишь?

Покуда кукла переодевалась, Носишка побежала в сад искать Педриньо. Он был занят — ел апельсины.

— Скорее, Педриньо! — крикнула Носишка. — Сделай мне аккуратненького графа из кукурузного початка — чтоб был видный и в шляпе. Я сказала Эмили, что сейчас придет папа нашего Рабико просить руки для сына, что Рабико фея заколдовала, что он расколдуется, когда найдет кольцо в животе у червячка одного...

— И эта дуручка поверила?

— Ну да, и сказала, что так и быть, выйдет замуж, но только не пойдет в свинарник, а будет жить у нас пока...

Педриньо сделал все, что просила сестра: взял толстенький початок, из которого уже вынули зернышки, но сверху еще осталось несколько сухих чешуек, очень хорошо заменявших воротник, приделал ему ручки, ножки, голову с глазами, носом, ртом и шляпой. И пошел сватать Эмилию.

Тук-тук-тук!

— Кто там? — отозвался из-за двери Носишкин голос.

— Это знаменитый граф де Кукурузо пришел в гости к сеньоре Эмилии, — сообщил Педриньо.

— Подождите минутку, сейчас открою, — отвечала Носишка.

Граф вошел. Носишка приняла его весьма любезно:

— Очень рада, очень рада, сеньор граф! Берите стул, пожалуйста, садитесь. Я счастлива познакомиться с папой маркиза де Рабико! А как поживает его мама графиня?

— Я вдовец... — отвечал граф и вздохнул.

— О, примите мои соболезнования! А как ваша мама поживает?

Граф снова вздохнул:

— С ней произошло несчастье...

— Какое? Расскажите, пожалуйста.

— Ее съела наша безрогая корова, — объяснил граф, вытирая чешуйками своего воротника две слезинки, по одной в каждом глазу.

— Бедняжка! — грустно сказала Носишка.

В эту минуту в дверях появилась Эмилия в своем красном платье.

— Сеньор граф, — сказала Носишка, — позвольте мне представить вам вашу будущую невестку, сеньору Эмилию. Посмотрите, она вам нравится?

Граф снял шляпу и поклонился Эмилии.

— Я буду счастлив принять в лоно своей семьи такую благородную сеньору, — сказал он, — сразу видно, что она прекрасная девушка. И очень хороша собой. Я нахожу, что она даже красивее рябой курочки с вашего двора, любимицы тетушки Настасии.

Эмилия поклонилась и поблагодарила за любезность, хотя, по правде сказать, это сравнение с рябой курочкой было ей не очень-то по душе.

— Да что красота! — вмешалась Носишка. — Она очень работающая. Умеет все делать. Прекрасно готовит, стирает, читает, как профессор. Эмилия — это редкий ум, уверяю вас.

— Превосходно! Превосходно! — воскликнул граф.

— Она еще умеет играть на патефоне, мяукать, как кошка, и очень недурно шьет. Это платье, например, она шила сама.

Эмилия, которая совсем не умела врать, перебила Носишку:

— Неправда, это платье шила тетушка Настасия.

Носишка незаметно дернула ее за рукав.

— Не обращайтесь внимания, граф. Эмилия очень скромная. Это платье она шила сама, даже ни с кем не советовалась, правда! Сама материю выбирала, сама кроила... И смотрите, как прекрасно сидит. Эмилия, встань и повернись!

Эмилия поднялась со своего стула и несколько раз повернулась.

— Это, конечно, не выходное платье, но вполне приличное, — продолжала Носишка. — Эмилия выросла в деревне, никогда даже в городе не бывала, и никто ее шить не учил. Хороший покрой, как вы находите?

Граф смотрел, смотрел и сказал:

— По правде сказать, я в этом ничего не понимаю. Но нахожу, что покрой хороший. Коротковато, пожалуй...

— Вот и я то же самое говорю, — живо подхватила Носишка, — я ей говорю: «Эмилия, пожалуй, коротковато...» Ну, а Рабико, у него какой характер?

— Характер хороший,— отвечал граф.— Не дерется, не ругается. Парень смиренный. Любит спать на солнышке и рыться пятачком в земле...

Тут Носишка подмигнула кукле, намекая на историю с волшебным кольцом, которое ищет Рабико, и Эмилия окончательно поверила, что Рабико — свинья не простая, а заколдованная.

— У него есть только один недостаток,— продолжал граф,— он ест все, что видит. Как что-нибудь увидит, так сразу и съест, не задумывается.

Эмилия поморщилась и вмешалась в разговор:

— Если мы поженимся, так он будет есть только вкусные вещи. Я не допущу, чтоб мой муж ел всякую гадость.

— Ты рассуждаешь очень правильно.— сказала Носишка,— теперь решай окончательно и сама. Хочешь ты выйти замуж за маркиза де Рабико или нет?

Эмилия огорчилась, что надо решать окончательно и самой такой важный вопрос.

Она думала, думала, думала и неохотно сказала:

— Ну, хочу.

Носишка захлопала в ладоши:

— Bravo! Все решено! Сеньор граф, обнимите вашу невестку, будущую маркизу де Рабико...

Граф поднялся, взволнованный. Он обнял Эмилию и поцеловал в лоб.

Эмилия смутилась и убежала... Впрочем, папа жениха ей, ничего, понравился. И не ей одной. Граф де Кукурузо вообще пришелся ко двору в Домике Желтого Дятла. Он оказался очень ученым: сразу же пристрастился к книжкам доны Бенты и принялся изучать всякие науки. Вскоре он сделался своим человеком в компании: Педриньо, Носишка, Эмилия очень его полюбили. И граф был единогласно принят в Орден Желтого Дятла в качестве ученого мудреца.

СВАДЬБА ЭМИЛИИ

Вот уже неделя, как Эмилия невеста. Каждый вечер маркиз де Рабико приходит навестить ее. Правда, Педриньо каждый раз притаскивает этого знатного сеньора за ухо, но все-таки маркиз сидит не меньше получаса и рассказывает разные случаи из своей жизни...

Сказать по совести, Рабико, сделавшись женихом, вовсе не подумал изменить свой прежний образ жизни. Едва взойдя на порог, он уже начинал вынюхивать по углам — нет ли чего покушать. В общий разговор он редко включался: подумаешь, еще этикет соблюдай! Нет, он для этого не создан!

В конце концов Педриньо рассердился и дал жениху пинка:

— Иди-ка погуляй, вот что!

Рабико почесался, три раза сказал «хру!» — и с этого дня уже не ходил в гости к невесте, а просто рыл пятачком землю в саду, ища волшебное кольцо или червячков,— уж это ему одному было известно.

Эмилия не особенно огорчилась этой переменой, сморщила нос и сказала:

— Свинья ваш маркиз!

Но Носишка нахмурилась:

— Эмилия, научись себя вести! Так с женихом не обращаются... Скоро твоя свадьба.

И вот наконец настал день свадьбы. На стол были поданы: кокосовые ле-

пешки, сладкое печенье, жженный сахар — в общем, даже слишком много угощения для общества, в котором почти все будут есть только «на-рочно».

Педриньо накрыл праздничный стол под апельсиновым деревом в саду и рассадил гостей: тут были доня Бента, тетушка Настасия и родственники Эмилии, представленные разными камушками, обломками черепиц и комочками хлеба. Пригласили и старого родственника доны Бенты, который иногда приезжал из города, но так как сегодня он не приехал, то вместо него на стул посадили палку.

Вот и жених с невестой. На Эмилии белое платье и тюлевая фата; Рабико в шляпе и с шелковым бантом вокруг шеи. Он вначале был серьезный, но когда подошел к столу и увидел, что здесь есть что покушать, то стал сильно нервничать.

Носишка обняла Эмилию и подарила ей колечко, а Педриньо надел маркизу на ногу обручальное кольцо из апельсиновой кожуры, которое Рабико дважды пытался съесть.

— По крайней мере сегодня ведите себя прилично! — сказал Педриньо, от возмущения называя Рабико на «вы».

Знакомые Рабико с соседних дворов — козы, куры и свиньи — тоже смотрели на праздник, только издали. Смотрели, смотрели да так ничего и не поняли.

Когда праздник кончился, Носишка спросила брата:

— Педриньо, а что теперь?

— Теперь надо бы свадебное путешествие, — предложил было Педриньо, но Носишка устала и не хотела.

Стали обсуждать этот вопрос и совсем забыли про свадебный стол. Рабико воспользовался случаем: подошел — и цап со стола кокосовую лепешку.

— Он ест! — закричала Носишка. — Убери скорей сласти, Педриньо.

Педриньо обернулся и, видя, что жених ведет себя как пират, в ярости набросился на него. Он схватил старого знакомого дону Бенты и давай дубасить поросенка по спине:

— Вор! Разбойник! Свинство!

Тут Рабико завизжал и пустился бежать со всех ног, не выпуская, однако, изо рта лепешку.

Ну, праздник расстроился совершенно. Эмилия плакала и в ярости топала ногами:

— Вот не хотела, вот не хотела я за него выходить! Вильгарнейший тип, жену не уважает!

Носишка постаралась ее утешить:

— Ничего, все уладится. Рабико плохо воспитан, это правда. Но он побесится и, вот увидишь, еще будет хорошим мужем. Потом не забывай, что он заколдованный и в один прекрасный день превратится...

— Ни во что он не превратится, — перебил Педриньо, который окончательно рассердился на Рабико, — так свиньей и останется. Носишка тебя обманула, Эмилия, знай!

Услышав эти слова, Эмилия упала без чувств...

— Что ты наделал! — в ужасе вскричала Носишка.

— Так ей и надо! — огрызнулся Педриньо. — В другой раз не будет за-

муж по расчету выходить. «Маркиз», подумаешь! Поросенок он, а не маркиз!

Однако вскоре всем пришлось помириться с маркизом ввиду угрожавшей ему опасности. Приближался Новый год. А так как бразильский Новый год бывает не зимой, а летом, то погода в Новый год всегда бывает хорошая и встречать его можно в саду. Так было и на этот раз: погода была дивная, настроение у всех тоже, и тетушка Настасия готовила жареных цыплят, фаршированного индюка, сладкий пирог. Полагался к Новому году и поро-сенок с крутым яичком во рту и ломтиками лимона на спинке...

И вот в канун Нового года какая-то незнакомая стрекоза села на кустик возле Носишки и подала ей какую-то сложенную бумажку. Девочка развернула бумажку. Это было письмо, и в нем было написано следующее:

Простите меня за мое поведение
на свадьбе тетужка Ностася хочет
меня зарезать на новый год Зжалтис
над несчастным вашим другом который
вас ценит уважает вас
остаюсь с приветом Раббико

— Ошибка на ошибке,— сказала Носишка.— И стиль и почерк — все сплошное свинство; в этом письме — весь характер Рабико! И еще подписывается через два «б» — Раббико! Где этот бездельник?

— За сараем,— отвечала стрекоза,— в яме; он боится выйти: просил меня письмо передать...

Носишка бросилась искать тетушку Настасию...

Так знаменитый маркиз де Рабико был спасен, а когда опасность совсем миновала, вышел из своего убежища и снова зажил припеваючи.

Пересказ И. Тыняновой

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

ТРИ ПОРОСЕНКА

(народная сказка)

Жили-были на свете три поросенка. Три брата. Все одинакового роста, кругленькие, розовые, с одинаковыми веселыми хвостиками.

Даже имена у них были похожи. Звали поросят: Ниф-Ниф, Нуф-Нуф и Наф-Наф. Все лето они кувыркались в зеленой траве, грелись на солнышке, нежились в лужах.

Но вот наступила осень.

Солнце уже не так сильно припекало, серые облака тянулись над пожелтевшим лесом.

— Пора нам подумать о зиме,— сказал как-то Наф-Наф своим братьям, проснувшись рано утром.— Я весь дрожу от холода. Мы можем простудиться. Давайте построим дом и будем зимовать вместе под одной теплой крышей.

Но его братьям не хотелось браться за работу. Гораздо приятнее в последние теплые дни гулять и прыгать по лугу, чем рыть землю и таскать тяжелые камни.

— Успеется! До зимы еще далеко. Мы еще погуляем,— сказал Ниф-Ниф и перекувырнулся через голову.

— Когда нужно будет, я сам построю себе дом,— сказал Нуф-Нуф и лег в лужу.

— Я тоже,— добавил Ниф-Ниф.

— Ну, как хотите. Тогда я буду один строить себе дом,— сказал Наф-Наф.— Я не буду вас дожидаться.

С каждым днем становилось все холоднее и холоднее.

Но Ниф-Ниф и Нуф-Нуф не торопились. Им и думать не хотелось о работе. Они бездельничали с утра до вечера. Они только и делали, что играли в свои пороссячьи игры, прыгали и кувыркались.

— Сегодня мы еще погуляем,— говорили они,— а завтра с утра возьмемся за дело.

Но и на следующий день они говорили то же самое.

И только тогда, когда большая лужа у дороги стала по утрам покрываться тоненькой корочкой льда, ленивые братья взялись наконец за работу.

Ниф-Ниф решил, что проще и скорее всего смастерить дом из соломы. Ни с кем не посоветовавшись, он так и сделал. Уже к вечеру его хижина была готова.

Ниф-Ниф положил на крышу последнюю соломинку и, очень довольный своим домиком, весело запел:

— Хоть полсвета обойдешь,
Обойдешь, обойдешь,
Лучше дома не найдешь,
Не найдешь, не найдешь!

Напевая эту песенку, он направился к Нуф-Нуфу.

Нуф-Нуф невдалеке тоже строил себе домик. Он старался скорее покончить с этим скучным и неинтересным делом. Сначала, так же как и брат, он хотел построить себе дом из соломы. Но потом решил, что в таком доме зимой будет очень холодно. Дом будет прочнее и теплее, если его построить из веток и тонких прутьев.

Так он и сделал.

Он вбил в землю колья, переплел их прутьями, на крышу навалил сухих листьев, и к вечеру дом был готов.

Нуф-Нуф с гордостью обошел его несколько раз кругом и запел:

— У меня хороший дом,
Новый дом, прочный дом,
Мне не страшен дождь и гром,
Дождь и гром, дождь и гром!

Не успел он закончить песенку, как из-за кустов выбежал Ниф-Ниф.

— Ну, вот и твой дом готов! — сказал Ниф-Ниф брату. — Я говорил, что мы и одни справимся с этим делом! Теперь мы свободны и можем делать все, что нам вздумается!

— Пойдем к Наф-Нафу и посмотрим, какой он себе выстроил дом, — сказал Нуф-Нуф. — Что-то мы его давно не видели!

— Пойдем посмотрим! — согласился Ниф-Ниф. И оба брата, очень довольные тем, что им ни о чем больше не нужно заботиться, скрылись за кустами.

Наф-Наф вот уже несколько дней был занят постройкой. Он натаскал камней, намесил глины и теперь не спеша строил себе надежный, прочный дом, в котором можно было бы укрыться от ветра, дождя и мороза.

Он сделал в доме тяжелую дубовую дверь с засовом, чтобы волк из соседнего леса не мог к нему забраться.

Ниф-Ниф и Нуф-Нуф застали брата за работой.

— Что ты строишь? — в один голос закричали удивленные Ниф-Ниф и Нуф-Нуф. — Что это, дом для поросенка или крепость?

— Дом поросенка должен быть крепостью! — спокойно ответил им Наф-Наф, продолжая работать.

— Не собираешься ли ты с кем-нибудь воевать? — весело прохрюкал Ниф-Ниф и подмигнул Нуф-Нуфу.

И оба брата так развеселились, что их визг и хрюканье разнеслись далеко по лужайке.

А Наф-Наф как ни в чем не бывало продолжал класть каменную стену своего дома, мурлыча себе под нос песенку:

— Я, конечно, всех умней,
Всех умней, всех умней!
Дом я строю из камней,
Из камней, из камней!
Никакой на свете зверь,
Хитрый зверь, страшный зверь,
Не ворвется в эту дверь,
В эту дверь, в эту дверь!

- Это он про какого зверя? — спросил Ниф-Ниф у Нуф-Нуфа.
— Это ты про какого зверя? — спросил Нуф-Нуф у Наф-Нафа,
— Это я про волка! — ответил Наф-Наф и уложил еще один камень.
— Посмотрите, как он боится волка! — сказал Ниф-Ниф.
— Он боится, что его съедят! — добавил Нуф-Нуф.
И братья еще больше развеселились.
— Какие здесь могут быть волки? — сказал Ниф-Ниф.
— Никаких волков нет! Он просто трус! — добавил Нуф-Нуф.
И оба они начали приплясывать и петь:

— Нам не страшен серый волк,
Серый волк, серый волк!
Где ты ходишь, глупый волк,
Старый волк, страшный волк?

Они хотели подразнить Наф-Нафа, но тот даже не обернулся.

— Пойдем, Нуф-Нуф, — сказал тогда Ниф-Ниф. — Нам тут нечего делать!

И два храбрых брата пошли гулять.

По дороге они пели и плясали, а когда вошли в лес, то так расшумелись, что разбудили волка, который спал под сосной.

— Что за шум? — недовольно проворчал злой и голодный волк и поскакал к тому месту, откуда доносились визг и хрюканье двух маленьких, глупых поросят.

— Ну, какие тут могут быть волки! — говорил в это время Ниф-Ниф, который волков видел только на картинках.

— Вот мы его схватим за нос, будет знать! — добавил Нуф-Нуф, который тоже никогда не видел живого волка.

— Повалим, да еще свяжем, да еще ногой вот так, вот так! — расхвастался Ниф-Ниф и показал, как они будут расправляться с волком.

И братья опять развеселились и запели:

— Нам не страшен серый волк,
Серый волк, серый волк!
Где ты ходишь, глупый волк,
Старый волк, страшный волк?

И вдруг они увидели настоящего живого волка!

Он стоял за большим деревом, и у него был такой страшный вид, такие злые глаза и такая зубастая пасть, что у Ниф-Нифа и Нуф-Нуфа по спинкам пробежал холодок и тонкие хвостики мелко-мелко задрожали.

Бедные поросята не могли даже пошевелиться от страха.

Волк приготовился к прыжку, щелкнул зубами, моргнул правым глазом, но поросята вдруг опомнились и, визжа на весь лес, бросились наутек.

Никогда еще не приходилось им так быстро бегать!
Сверкая пятками и поднимая тучи пыли, поросята неслись каждый к своему дому.

Ниф-Ниф первый добежал до своей соломенной хижины и едва успел захлопнуть дверь перед самым носом волка.

— Сейчас же отопри дверь! — прорычал волк. — А не то я ее выломаю!

— Нет, — прохрюкал Ниф-Ниф, — я не отопру!

За дверью было слышно дыхание страшного зверя.

— Сейчас же отопри дверь! — прорычал опять волк. — А не то я так дуну, что весь твой дом разлетится!

Но Ниф-Ниф от страха ничего уже не мог ответить.

Тогда волк начал дуть: «Ф-ф-ф-у-у-у!»

С крыши дома слетали соломинки, стены дома тряслись.

Волк еще раз глубоко вздохнул и дунул во второй раз: «Ф-ф-ф-у-у-у!»

Когда волк дунул в третий раз, дом разлетелся во все стороны, как будто на него налетел ураган.

Волк щелкнул зубами перед самым пяточком маленького поросенка.

Но Ниф-Ниф ловко увернулся и бросился бежать. Через минуту он был уже у двери Нуф-Нуфа.

Едва братья успели запереться, как услышали голос волка:

— Ну, теперь я съем вас обоих!

Ниф-Ниф и Нуф-Нуф испуганно поглядели друг на друга. Но волк очень устал и потому решил пойти на хитрость.

— Я передумал! — сказал он громко, чтобы его услышали в домике. — Я не буду есть этих худосочных поросят! Я лучше пойду домой!

— Ты слышал? — спросил Ниф-Ниф у Нуф-Нуфа. — Он сказал, что не будет нас есть! Мы худосочные!

— Это очень хорошо! — сказал Нуф-Нуф и сразу перестал дрожать.

Братьям стало весело, и они запели как ни в чем не бывало:

— Нам не страшен серый волк,
Серый волк, серый волк!
Где ты ходишь, глупый волк,
Старый волк, страшный волк?

А волк и не думал никуда уходить. Он просто отошел в сторонку и притаился. Ему было очень смешно. Он с трудом сдерживал себя, чтобы не расхохотаться. Как ловко он обманул двух глупых маленьких поросят!

Когда поросята совсем успокоились, волк взял овечью шкуру и осторожно подкрался к дому.

У дверей он накрылся шкурой и тихо постучал.

Ниф-Ниф и Нуф-Нуф очень испугались, когда услышали стук.

— Кто там? — спросили они, и у них снова затряслись хвостики.

— Это я-я-я — бедная маленькая овечка! — тонким чужим голосом пропищал волк. — Пустите меня переночевать, я отбилась от стада и очень устала.

— Пустить? — спросил брата добрый Ниф-Ниф.

— Овечку можно пустить! — согласился Нуф-Нуф. — Овечка не волк!

Но когда поросята приоткрыли дверь, они увидели не овечку, а все того же зубастого волка. Братья захлопнули дверь и изо всех сил налегли на нее, чтобы страшный зверь не смог к ним ворваться.

Волк очень рассердился. Ему не удалось перехитрить поросят! Он сбросил с себя овечью шкуру и зарычал:

— Ну, погоди же! От этого дома сейчас ничего не останется!

И он принялся дуть. Дом немного покосился. Волк дунул второй, потом третий, потом четвертый раз.

С крыши слетели листья, стены дрожали, но дом все еще стоял.

И только когда волк дунул в пятый раз, дом зашатался и развалился. Одна только дверь некоторое время еще стояла посреди развалин.

В ужасе бросились поросята бежать. От страха у них отнимались ноги, каждая щетинка дрожала, носы пересохли. Братья мчались к дому Наф-Нафа.

Волк нагонял их огромными скачками. Один раз он чуть не схватил Ниф-Нифа за заднюю ножку, но тот вовремя отдернул ее и прибавил ходу.

Волк тоже поднажал. Он был уверен, что на этот раз поросята от него не убегут.

Но ему опять не повезло.

Поросята быстро промчались мимо большой яблони, даже не задев ее. А волк не успел свернуть и налетел на яблоню, которая осыпала его яблоками. Одно твердое яблоко ударило его между глаз. Большая шишка вскочила на лбу.

А Ниф-Ниф и Нуф-Нуф ни живы ни мертвы подбежали в это время к дому Наф-Нафа.

Брат быстро впустил их в дом. Бедные поросята были так напуганы, что ничего не могли сказать. Они молча бросились под кровать и там притаились. Наф-Наф сразу догадался, что за ними гнался волк. Но ему нечего было бояться в своем каменном доме. Он быстро закрыл дверь на засов, сам сел на табуреточку и громко запел:

— Никакой на свете зверь,
Хитрый зверь, страшный зверь,
Не откроет эту дверь,
Эту дверь, эту дверь!

Но тут как раз постучали в дверь.

— Кто стучит? — спокойным голосом спросил Наф-Наф.

— Открывай без разговоров! — раздался грубый голос волка.

— Как бы не так! И не подумаю! — твердым голосом ответил Наф-Наф.

— Ах, так! Ну, держитесь! Теперь я съем всех троих!

— Попробуй! — ответил из-за двери Наф-Наф, даже не привстав со своей табуреточки.

Он знал, что ему и братьям нечего бояться в прочном, каменном доме.

Тогда волк втянул в себя побольше воздуха и дунул, как только мог!

Но, сколько бы он ни дул, ни один даже самый маленький камень не сдвинулся с места.

Волк посинел от натуги.

Дом стоял как крепость. Тогда волк стал трясти дверь. Но дверь тоже не поддавалась.

Волк стал от злости царапать когтями стены дома и грызть камни, из которых они были сложены, но он только обломал себе когти и испортил зубы. Голодному и злому волку ничего не оставалось делать, как убраться восвояси.

Но тут он поднял голову и вдруг заметил большую, широкую трубу на крыше.

— Ага! Вот через эту трубу я и проберусь в дом! — обрадовался волк. Он осторожно влез на крышу и прислушался. В доме было тихо.

«Я все-таки закушу сегодня свежей поросятинкой!» — подумал волк и, облизнувшись, полез в трубу.

Но, как только он стал спускаться по трубе, поросята слышали шорох. А когда на крышку котла стала сыпаться сажа, умный Наф-Наф сразу догадался, в чем дело.

Он быстро бросился к котлу, в котором на огне кипела вода, и сорвал с него крышку.

— Милости просим! — сказал Наф-Наф и подмигнул своим братьям.

Ниф-Ниф и Нуф-Нуф уже совсем успокоились и, счастливо улыбаясь, смотрели на своего умного и храброго брата.

Поросятам не пришлось долго ждать. Черный, как трубочист, волк бултыхнулся прямо в кипяток.

Никогда еще ему не было так больно.

Глаза у него вылезли на лоб, вся шерсть поднялась дыбом.

С диким ревом ошпаренный волк вылетел в трубу обратно на крышу, скатился по ней на землю, перекувырнулся четыре раза через голову, проехался на своем хвосте мимо запертой двери и бросился в лес.

А три брата, три маленьких поросенка, глядели ему вслед и радовались, что они так ловко проучили злого разбойника.

А потом они запели свою веселую песенку:

— Хоть полсвета обойдешь,
Обойдешь, обойдешь,
Лучше дома не найдешь,
Не найдешь, не найдешь!
Никакой на свете зверь,
Хитрый зверь, страшный зверь,
Не откроет эту дверь,
Эту дверь, эту дверь!
Волк из леса никогда,
Никогда, никогда
Не вернется к нам сюда,
К нам сюда, к нам сюда!

С этих пор братья стали жить вместе, под одной крышей.

Вот и все, что мы знаем про трех маленьких поросят — Ниф-Нифа, Нуф-Нуфа и Наф-Нафа.

Пересказ С. Михалкова

Из английской народной поэзии

КОРАБЛИК

Плывет, плывет кораблик,	Канаты — паутинки,
Кораблик золотой.	А парус — лепесток.
Везет, везет подарки,	Соломенные весла
Подарки нам с тобой.	У маленьких гребцов.
На палубе матросы	Везет, везет кораблик
Свистят, снуют спешат.	Полфунта леденцов.
На палубе матросы —	Ведет кораблик утка,
Четырнадцать мышат.	Испытанный моряк.
Плывет, плывет кораблик	— Земля! — сказала утка.—
На запад, на восток.	Причаливайте! Кряк!

Перевод С. Маршака

Из шотландской народной поэзии

СПЛЯШЕМ!

У Пэгги жил веселый гусь,	Ах, до чего ж смешной щенок!
Он знал все песни наизусть.	Спляшем, Пэгги, спляшем!
Ах, до чего ж веселый гусь!	У Пэгги старый жил козел,
Спляшем, Пэгги, спляшем!	Он бородой дорожки мел,
У Пэгги жил смешной щенок,	Ах, до чего ж умен козел!
Он танцевать под дудку мог,	Спляшем, Пэгги, спляшем!

КРОШКА ВИЛЛИ ВИНКИ

Крошка Вилли Винки	Где ты, Вилли Винки?
Ходит и глядит:	Влезь-ка к нам в окно.
Кто не снял ботинки?	Кошка на перинке
Кто еще не спит?	Спит уже давно.
Стукнет вдруг в окошко	Спят в конюшне кони,
Или дунет в щель:	Начал пес дремать.
Вилли Винки, крошка,	Только мальчик Джонни
Лечь велит в постель.	Не ложится спать.

КУПИТЕ ЛУК

Купите лук, зеленый лук,	Не нужен нам зеленый лук,
Петрушку и морковку!	Петрушка и морковка.
Купите нашу девочку,	Нужна нам только девочка,
Шалунью и плутовку!	Шалунья и плутовка!

Перевод И. Токмаковой

Эдвард Лир

(1812—1888)

Поэт, художник, композитор, путешественник, сочинял для детей шуточные истории, песенки, баллады, стихи-нонсенсы, или бессмыслицы, как называют их в русском переводе. Использовал лимерик — старинный народный жанр для шуточных импровизаций.

ЧИКИ-РИКИ-ВОРОБЕЙ

Чижи-Рики-воробей
Отдыхал в тени ветвей,
А жена его для крошек
Суп готовила из мошек,
Для полдюжины ребят,
Желторотых воробьев.
И над ними тихо-тихо
Пела песню воробья:
— Тики-вики-вики-ви,
Чижи-рики-твики-ти,
Спики-бики-би! —
Воробья шепчет мужу:
— Милый друг, в такую стужу
Мне все ночи напролет
Спать твой кашель не дает.
И чихаешь ты ужасно.
Мне давно уж стало ясно,
Что тебе во время сна
Шапка теплая нужна!
Чижи-вики-мики-ти,
Бики-вики-тики-ми,
Спики-чипи-ви!
Ты не стар, но и не молод,
И тебе опасен холод.
Надо, надо не забыть
Завтра шапку раздобыть. —
Воробей ответил: — Верно!
Ты заботлива безмерно,
И тебе желаю я
Счастья, уточка моя!
Витчи-битчи-литчи-би!
Твики-мики-вики-би!
Тики-тики-ти!
О тебе, в постели лежа,
Я сегодня думал тоже —
Как ужасно ты храпишь,
И чихаешь, и сопнешь.
Воробьи — народ незябкий,

Но нельзя нам спать без шапки,
Полетим с тобой вдвоем,
Капор в городе найдем.
Витчи-китчи, китчи-ви,
Спики-вики, мики-би,
Чипи-випи-чи!
Купим в Лондоне сапожки
На твои босые ножки,
Купим платье мы с тобой,
Шарф небесно-голубой,
Теплый капор самый модный,
Как у дамы благородной!
Джики-вики-бики-ти,
Чижи-вики-бики-би,
Твики-витчи-ви!
Утром оба, встав с постели,
В город Лондон полетели.
Опустились на момент
На старинный Монумент.
А потом на Пикадилли
Платье с обувью купили.
Воробью купили шляпу,
Воробьях — модный капор.
Зики-вики-мики-би,
Витчи-витчи-митчи-ки,
Рики-тики-ви!
Увидав отца и мать,
Дети начали кричать:
— Как нарядны мама с папой!
Как идут обоим шляпы!
Воробей сказал: — О да!
Мы одеты хоть куда,
Можем в таком уборе
Красоваться на заборе
И чирикать:
Чижи-чи!
Чиви-чиви-бики-би!
Чиви-рики-ми!

Перевод С. Маршака

Льюис Кэрролл

(1832—1898)

Профессор Оксфордского университета, обогативший математику рядом открытий, вошел в мировую культуру как автор знаменитых книг «Алиса в Стране Чудес» и «В Зазеркалье. Что там увидела Алиса».

ПРИКЛЮЧЕНИЯ АЛИСЫ В СТРАНЕ ЧУДЕС

(отрывок)

Алиса сидела со старшей сестрой на берегу и маялась: делать ей было совершенно нечего, а сидеть без дела, сами знаете, дело нелегкое; раз-другой она, правда, сунула нос в книгу, которую читала сестра, но там не оказалось ни картинок, ни стихов. «Кому нужны книжки без картинок... или хотя бы стихов, не понимаю!» — думала Алиса.

С горя она начала подумывать (правда, сейчас это тоже было дело не из легких — от жары ее совсем разморило), что, конечно, неплохо бы сплести венок из маргариток, но плохо то, что тогда нужно подниматься и идти собирать маргаритки, как вдруг... Как вдруг совсем рядом появился белый кролик с розовыми глазками!

Тут, разумеется, еще не было ничего такого необыкновенного; Алиса-то не так уж удивилась, даже когда услышала, что Кролик сказал (а сказал он: «Ай-ай-ай! Я опаздываю!»). Кстати, потом, вспоминая обо всем этом, она решила, что все-таки немножко удивиться стоило, но сейчас ей казалось, что все идет как надо.

Но когда Кролик достал из жилетного кармана (да-да, именно!) ЧАСЫ (настоящие!) и, едва взглянув на них, опрометью кинулся бежать, тут Алиса так и подскочила! Еще бы! Ведь это был первый Кролик в жилетке и при часах, какого она встретила за всю свою жизнь!

Сгорая от любопытства, она со всех ног помчалась вдогонку за Кроликом и, честное слово, чуть-чуть его не догнала!

Во всяком случае она поспела как раз вовремя, чтобы заметить, как Белый Кролик скрылся в большой норе под колючей изгородью.

В ту же секунду Алиса не раздумывая ринулась за ним. А кой о чем подумать ей не мешало бы — ну хоть о том, как она выберется обратно!

Нора сперва шла ровно, как тоннель, а потом сразу обрывалась так круто и неожиданно, что Алиса ахнуть не успела, как полетела-полетела вниз, в какой-то очень, очень глубокий колодец.

То ли колодец был действительно уж очень глубокий, то ли летела Алиса уж очень не спеша, но только вскоре выяснилось, что теперь у нее времени вволю и для того, чтобы осмотреться кругом, и для того, чтобы подумать, что ее ждет впереди.

Первым делом она, понятно, поглядела вниз и попыталась разобрать, куда она летит, но там было слишком темно; тогда она стала рассматривать стены колодца и заметила, что вместо стен шли сплошь шкафы и шкафчики, полочки и полки; кое-где были развешаны картинки и географические карты.

С одной из полок Алиса сумела на лету снять банку, на которой красовалась этикетка: «АПЕЛЬСИНОВОЕ ВАРЕНЬЕ». Банка, увы, была пуста, но, хотя Алиса и была сильно разочарована, она, опасаясь ушибить кого-нибудь, не бросила ее, а ухитрилась опять поставить банку на какую-то полку.

— Да,— сказала себе Алиса,— вот это полетела так полетела! Уж теперь я не заплачу, если полечу с лестницы! Дома скажут: вот молодчина! Может, даже с крыши слечу и не пикну! (Боюсь, что тут она была даже чересчур права!)

И она все летела: вниз, и вниз, и вниз! Неужели это никогда не кончится?

— Интересно, сколько я пролетела? — громко сказала Алиса. — Наверное, я уже где-нибудь около центра Земли! Ну да: как раз тысяч шесть километров или что-то в этом роде...

(Дело в том, что Алиса уже обучалась разным наукам и как раз недавно проходила что-то в этом роде; хотя сейчас был не самый лучший случай блеснуть своими познаниями — ведь, к сожалению, никто ее не слушал, — она всегда была не прочь попрактиковаться.)

— Ну да, расстояние я определила правильно,— продолжала она. — Вот только интересно, на каких же я тогда параллелях и меридианах?

(Как видите, Алиса понятия не имела о том, что такое параллели и меридианы, — ей просто нравилось произносить такие красивые длинные слова.)

Немного отдохнув, она снова начала:

— А вдруг я буду так лететь, лететь и полечу всю Землю насквозь? Вот было бы здорово! Вылезу — и вдруг окажусь среди этих... которые ходят на головах, вверх ногами! Как они называются? Анти... Антипятики, что ли?

(На этот раз Алиса в душе обрадовалась, что ее никто не слышит: она сама почувствовала, что слово какое-то не совсем такое.)

— Только мне, пожалуй, там придется спрашивать у прохожих, куда я попала: «Извините, это Австралия или Новая Зеландия?»

(Вдобавок Алиса попыталась еще вежливо присесть! Представляете? Книксен в воздухе! Вы бы смогли, как вы думаете?)

— Но ведь эта тетя тогда подумает, что я дурочка, совсем ничего не знаю! Нет уж, лучше не буду спрашивать. Сама прочитаю! Там ведь, наверно, где-нибудь написано, какая это страна.

И дальше — вниз, вниз и вниз!

Так как никакого другого занятия у нее не было, Алиса вскоре опять заговорила сама с собой.

— Динка будет сегодня вечером ужасно обо мне скучать! (Диной звали ее кошку.) Хоть бы они не забыли дать ей молочка вовремя!.. Милая моя Диночка, хорошо бы ты была сейчас со мной! Мышек тут, правда, наверное, нет, но ты бы ловила летучих мышей. Не все ли тебе равно, киса? Только вот я не знаю, кушают кошки летучих мышей или нет?

И тут Алиса совсем задремала и только повторяла сквозь сон:

— Скушает кошка летучую мышку? Скушает кошка летучую мышку?

А иногда у нее получалось:

— Скушает мышка летучую кошку?

Или даже так:

— Скушает мышка летучую мышку?

Не все ли равно, о чем спрашивать, если ответа все равно не получишь, правда?

А, потом она заснула по-настоящему, и ей уже стало сниться, что она гуляет с Динкой под ручку и ни с того ни с сего строго говорит ей:

— Ну-ка, Дина, признавайся: ты хоть раз ела летучих мышей?

Как вдруг — трах! бах! — она шлепнулась на кучу хвороста и сухих листьев. На чем полет и закончился.

Алиса ни капельки не ушиблась; она моментально вскочила на ноги и осмотрелась: первым делом она взглянула вверх, но там было совершенно темно; зато впереди снова оказалось нечто вроде тоннеля, и где-то там вдали мелькнула фигура Белого Кролика, который улепетывал во весь дух.

Не теряя времени, Алиса бросилась в погоню. Опять казалось, что она вот-вот догонит его, и опять она успела услышать, как Кролик, сворачивая за угол, вздыхает:

— Ах вы ушки-усики мои! Как я опаздываю! Боже мой!

Но, увы, за поворотом Белый Кролик бесследно исчез, а сама Алиса очутилась в очень странном месте.

Это было низкое, длинное подземелье; своды его слабо освещались рядами висячих ламп. Правда, по всей длине стен шли двери, но, к большому сожалению, все они оказались заперты. Алиса довольно скоро удостоверилась в этом, дважды обойдя все подземелье и по нескольку раз подергав каждую дверь. Она уныло расхаживала взад и вперед, пытается придумать, как ей отсюда выбраться, как вдруг наткнулась на маленький стеклянный столик, на котором лежал крохотный золотой ключик.

Алиса очень обрадовалась: она подумала, что это ключ от какой-нибудь из дверей. Но, увы! Может быть, замки были слишком большие, а может быть, ключик был слишком маленький, только он никак не хотел открывать ни одной двери. Она добросовестно проверяла одну дверь за другой, и тут-то она впервые заметила штору, спускавшуюся до самого пола, а за ней...

За ней была маленькая дверца — сантиметров тридцать высотой. Алиса вставила золотой ключик в замочную скважину — и, о радость, он как раз подошел!

Алиса отворила дверцу: там был вход в узенький коридор, чуть пошире крысиного лаза. Она встала на коленки, заглянула в отверстие — и ахнула: коридор выходил в такой чудесный сад, каких вы, может быть, и не видывали.

Представляете, как ей захотелось выбраться из этого мрачного подземелья на волю, погулять среди прохладных фонтанов и клумб с яркими цветами?! Но в узкий лаз не прошла бы даже одна Алисины голова. «А если бы и прошла,— подумала бедняжка,— тоже хорошего мало: ведь голова должна быть на плечах! Почему я такая большая и нескладная? Вот если бы я умела вся складываться, как подозрная труба или, еще лучше, как веер,— тогда бы другое дело. Научил бы меня кто-нибудь, я бы сложилась — и все в порядке!»

(Будь вы на месте Алисы, вы бы, пожалуй, тоже решили, что сейчас ничего невозможного нет!)

Так или иначе, сидеть перед заветной дверцей было совершенно бесполезно, и Алиса вернулась к стеклянному столику, смутно надеясь, что, может быть, там все-таки найдется другой ключ или, на худой конец, книжка: «УЧИСЬ СКЛАДЫВАТЬСЯ!» Ни того, ни другого она, правда, не нашла, зато обнаружила хорошенький пузырек («Ручаюсь, что раньше его тут не было»,— подумала Алиса), к горлышку которого был привязан бумажный

ярлык (как на бутылочке с лекарством), а на нем большими буквами было четко напечатано: «ВЫПЕЙ МЕНЯ!»

Конечно, выглядело это очень заманчиво, но Алиса была умная девочка и не спешила откликнуться на любезное приглашение.

— Нет, — сказала она, — я сначала посмотрю, написано тут «Яд!» или нет.

Она недаром перечитала множество поучительных рассказов про детей, с которыми случались разные неприятности, — бедные крошки и погибали в пламени, и доставались на съедение диким зверям, — и все только потому что они забыли (или не хотели помнить!) советы старших. А ведь, кажется, так просто запомнить, что, например, раскаленной докрасна кочергой можно обжечься, если будешь держать ее в руках слишком долго; что если ОЧЕНЬ глубоко порезать палец ножом, из этого пальца, как правило, пойдет кровь, и так далее и тому подобное.

И уж Алиса-то отлично помнила, что если выпьешь слишком много из бутылки, на которой нарисованы череп и кости и написано «Яд!», то почти наверняка тебе не поздоровится (то есть состояние твоего здоровья может ухудшиться).

Однако на этой бутылочке не было ни черепа, ни костей, ни надписи «Яд!», и Алиса рискнула попробовать ее содержимое. А так как оно оказалось необыкновенно вкусным (на вкус точь-в-точь смесь вишневого пирога, омлета, ананаса, жареной индюшки, тянучки и горячих гренков с маслом), она сама не заметила, как пузырек опустел.

* * *

— Ой, что же это со мной делается! — сказала Алиса. — Я, наверное, и правда складываюсь, как подзорная труба!

Спорить с этим было трудно: к этому времени в ней осталось всего лишь четверть метра. Алиса так и сияла от радости, уверенная, что она теперь свободно может выйти в чудесный сад. Но все-таки она решила на всякий случай немного подождать и убедиться, что она уже перестала уменьшаться в росте.

«А то вдруг я буду делаться все меньше, меньше, как свечка, а потом совсем исчезну! — не без тревоги подумала она. — Вот бы поглядеть, на что я буду тогда похожа».

И она попыталась вообразить, на что похоже пламя свечи, когда свеча погасла, но это ей не удалось — ведь, к счастью, ей этого никогда не приходилось видеть...

Подождав немного и убедившись, что все остается по-прежнему, Алиса побежала было в сад; но — такая незадача! — у самого выхода она вспомнила, что оставила золотой ключик на столе, а подбежав опять к столику, обнаружила, что теперь ей никак до ключа не дотянуться.

И главное, его было так хорошо видно сквозь стекло!

Она попробовала влезть на стол по ножке, но ножки были тоже стеклянные и ужасно скользкие, и, как Алиса ни старалась, она вновь и вновь съезжала на пол, и, наконец, наставившись и насъезжавшись до изнеможения, бедняжка села прямо на пол и заплакала.

— Ну вот, еще чего не хватало! — сказала Алиса себе довольно строго. — Слезами горю не поможешь! Советую тебе перестать сию минуту!

Алиса вообще всегда давала себе превосходные советы (хотя слушалась их далеко-далеко не всегда); иногда она закатывала себе такие выговоры, что еле могла удержаться от слез; а как-то раз она, помнится, даже попробовала выдрать себя за уши за то, что сжульничала, играя сама с собой в крокет. Эта выдумщица ужасно любила понарошку быть двумя разными людьми сразу!

«А сейчас это не поможет,— подумала бедная Алиса,— да и не получится! Из меня теперь и одной приличной девочки не выйдет!» Тут она заметила, что под столом лежит ларчик, тоже стеклянный. Алиса открыла его — и там оказался пирожок, на котором изюминками была выложена красивая надпись: «СЪЕШЬ МЕНЯ!»

— Ну и ладно, съем,— сказала Алиса.— Если я от него стану побольше, я смогу достать ключ, а если стану еще меньше, пролезу под дверь. Будь что будет — в сад я все равно заберусь! Больше или меньше? Больше или меньше? — озабоченно повторяла она, откусив кусочек пирожка, и даже положила себе руку на макушку, чтобы следить за своими превращениями.

Как же она удивилась, когда оказалось, что ее размеры не изменились!

Вообще-то обычно так и бывает с тем, кто ест пирожки, но Алиса так уже привыкла ждать одних только сюрпризов и чудес, что она даже немножко расстроилась — почему это вдруг опять все пошло, как обычно!

С горя она принялась за пирожок и довольно скоро покончила с ним.

СТИХИ ИЗ КНИГИ
«ПРИКЛЮЧЕНИЯ АЛИСЫ В СТРАНЕ ЧУДЕС»:

Кот сказал бедной мышке:
— Знаю я понаслышке,
Что у вас очень тонкий,
Изысканный вкус,
А живете вы в норке
И глодаете корки.
Так ведь вкус ваш испортиться
Может, боюсь!
Хоть мы с вами, соседка,
Встречаемся редко,
Ваш визит я бы счел за особую честь!
Приходите к обеду в ближайшую среду!
В нашем доме умеют со вкусом поесть!..

Но в столовой у кошки
Даже хлеба ни крошки...
Кот сказал: — Пустяки!
Не волнуйтесь, мадам!
Наше дело котово —
Раз, два, три и готово —
Не успеете пикнуть, как на стол я подам!

— «Завтра, завтра, не сегодня!» —
 Говорил Вареный Рак.—
 Что бы там ни говорили,
 Поступайте только так!
 Утверждаю это смело:
 Если хочешь долго жить,
 Должен ты любое дело
 Первым делом отложить!
 Черепах (да и Улиток)
 Я прошу иметь в виду —
 Тот из нас, кто слишком прыток,
 Первым попадет в беду!
 Где дурак устроит гонку,
 Там разумный наш собрат
 Или отойдет в сторонку,
 Или пятится назад!

Вот и я — засуетился
 И попал в рыбацью сеть...
 Суетился, кипятился —
 И приходится краснеть,
 Потому что в этой спешке
 Я сварился кое-как...
 Поделом терплю насмешки! —
 Говорил Вареный Рак.
 «Завтра, завтра, не сегодня!»
 Хорошо сказал поэт!
 Лишь бы вы не забывали
 Этот правильный совет!
 Может спорить кто посмеет?
 Только где уж вам, мальки!
 Кто из вас, как я, сумеет
 Носом вывернуть носки?!

Пересказ *Б. Заходера*

Кеннет Грэм

(1859—1932)

Популярный детский писатель. Его книга «Ветер в ивах» — одна из вершин детской литературы. Герои ее — звери, наделенные человеческими характеристиками.

ВЕТЕР В ИВАХ

(отрывок)

— Рэтти,— сказал Крот однажды ясным летним утром,— я хочу тебя о чем-то попросить, можно?

Дядюшка Рэт — Водяная крыса — сидел на берегу и напевал песенку. Он только что ее сам сочинил, и она, надо сказать, очень ему нравилась. Он не обращал внимания ни на Крота, ни на кого бы то ни было вообще. Он с раннего утра досыта наплавался в реке вместе со своими друзьями утками. Когда вдруг утки неожиданно становились в воде вниз головой, как это свойственно уткам, он тут же нырял и щекотал им шейки, как раз в том месте, где мог оказаться подбородок, если бы он у них был, до тех пор щекотал, пока им не приходилось торопливо выныривать на поверхность. Они выныривали, разбрызгивая воду, сердясь и топорща на него свои перышки, потому что невозможно сказать все, что ты о ком-то думаешь, когда у тебя голова под водой. Под конец они уж просто взмолились и попросили его заняться своими собственными делами и оставить их в покое. Ну вот, дядюшка Рэт и отстал от них, и уселся на бережке и сочинил про них песенку, которую он назвал

УТИНЫЕ ПРИПЕВКИ

В тихой сонной заводи —
Гляньте, просто смех! —
Наши утки плавают
Хвостиками вверх.
Белых хвостиков — не счесть,
Желтых лапок — вдвое.
Где же клювы? Тоже есть,
Но только под водою!
— Там, где заросли густы,
Где шустрят плотвички,
Мы всегда запас еды
Держим по привычке.
То, что любишь, делай ты,
Мы же, в свой черед,
Любим вверх держать хвосты,
А клюв — наоборот.
С криком кружатся стрижи
В небе без помех,
Мы ныряем от души
Хвостиками вверх!

— Мне что-то не очень, Рэтти,— заметил Крот осторожно. Сам он не был поэтом, стихи ему были как-то безразличны, он этого и не скрывал и говорил всегда искренне.

— И уткам тоже не очень,— бодро заметил дядюшка Рэт.— Они говорят: «И почему это нельзя оставить других в покое, чтобы они делали как хотят, что хотят и когда хотят, а надо вместо того рассиживать на берегах, и отпущать всякие там замечания, и сочинять про них разные стишки и все такое прочее. Это довольно-таки глупо». Вот что говорят утки.

— Так оно и есть, так оно и есть! — горячо поддержал уток Крот.

— Вот как раз и нет! — возмутился дядюшка Рэт.

— Ну, нет так нет,— примирительно отозвался Крот.— Я вот о чем хотел тебя попросить: не сходим ли мы с тобою в Тоуд-Холл? Я столько слышал: «Жаба — мистер Тоуд — то, да мистер Тоуд — се», а до сих пор с ним не познакомился.

— Ну, разумеется,— тут же согласился добрый дядюшка Рэт и выкинул на сегодня поэзию из головы.— Выводи лодку, и мы туда быстрехонько доплываем. К нему, когда ни появишься, все будет вовремя. Утром ли, вечером ли, он всегда одинаковый. Всегда в хорошем настроении, всегда рад тебя видеть, и каждый раз ему жаль тебя отпускать.

— Мистер Тоуд, наверное, очень хороший зверь,— заметил Крот, садясь в лодку и берясь за весла, в то время как дядюшка Рэт устраивался поудобнее на корме.

— Он действительно просто замечательный зверь,— ответил дядюшка Рэт.— Такой простой, и привязчивый, и с хорошим характером. Ну, может, он не так уж умен, но все же не могут быть гениями, и, правда, он немножечко хвастун и зазнайка. Но все равно у него много превосходных качеств, у нашего мистера Тоуд, в самом деле, много превосходных качеств.

Миновав излучину, они увидели красивый и внушительный, построенный из ярко-красного кирпича старинный дом, окруженный хорошо ухоженными лужайками, спускающимися к самой реке.

— Вот и Тоуд-Холл,— сказал дядюшка Рэт.— Видишь слева бухточку, где на столбике объявление: «Частная собственность. Не чалиться», там как раз его лодочный сарай, там мы и оставим свою лодку. Справа — конюшни. А это, куда ты смотришь, банкетный зал. Самое старое строение из всех. Мистер Тоуд довольно богат, и у него, пожалуй, самый хороший дом в наших краях. Только мы при нем это особенно не подчеркиваем.

Легко скользя, лодка пересекла бухту, и в следующий момент Крот стал сушить весла, потому что они уже въезжали в тень большого лодочного сарая. В сарае было много хороших лодочек, подвешенных к поперечным балкам при помощи канатов или поднятых на стапеля. Ни одной лодки не было спущено на воду, и вообще здесь все выглядело как-то заброшено и неуютно, и казалось, что сюда уже давно никто не заглядывал.

Дядюшка Рэт поглядел вокруг.

— Понимаю,— сказал он.— С лодочным спортом покончено. Ему надоело, он наигрался. Интересно, какая новая причуда теперь им овладела? Пошли поищем, где он. Очень скоро мы сами все это услышим, не беспокойся.

Они сошли на берег и двинулись наискосок через веселые цветущие лужайки на поиски хозяина, на которого вскорости и наткнулись, найдя его сидящим в плетеном кресле с очень сосредоточенным выражением лица. Огромная карта была расстелена у него на коленях.

— Ура! — закричал он, вскакивая, лишь только завидел их.— Это замечательно!

Он горячо пожал лапы обоим, не дожидаясь, пока ему представят Крота.

— Как это мило с вашей стороны! — выплясывал он возле гостей.— Я только что собирался послать кого-нибудь в лодке за тобой, Рэтти, и дать строгий наказ немедленно тебя привезти, как бы ты там ни был занят. Вы мне очень нужны оба. Ну, чем вас угостить? Войдите в дом, перекусите немножечко. Вы даже не представляете себе, как здорово, что вы появились именно сейчас!

— Давай-ка посидим тихонько хоть минутку, Тоуд,— сказал дядюшка Рэт, усаживаясь в кресло, в то время как Крот занял другое, бормоча учтивые слова насчет «прелестной резиденции».

— Самый прекрасный дом на всей реке! — воскликнул мистер Тоуд хвастливо.— На всей реке и вообще где бы то ни было, если хотите,— добавил он.

Дядюшка Рэт легонько толкнул Крота. К сожалению, мистер Тоуд заметил это и страшно покраснел. Наступило неловкое молчание. Потом мистер Тоуд расхохотался.

— Да ладно, Рэтти. Ну, у меня такой характер, ты же знаешь. И на самом-то деле это ведь не такой уж плохой дом, правда? Признайся, что тебе он тоже нравится. А теперь послушай. Будем благоразумны. Вы как раз те, кто мне нужен. Вы должны мне помочь. Это чрезвычайно важно.

— Полагаю, это связано с греблей,— заметил дядюшка Рэт с невинным видом.— Ты делаешь большие успехи, хоть и поднимаешь брызги чуть-чуть больше, чем надо. Но если ты проявишь терпение и поупражняешься как следует, то ты...

— Вот еще, лодки! — перебил его мистер Тоуд с отерпением в голосе.— Глупые мальчишеские забавы! Я уже давным-давно это оставил. Пустая

тратя времени, вот что я вам скажу. Мне просто до слез вас жалко, когда я вижу, как вы тратите столько драгоценной энергии на это бессмысленное занятие. Нет, я наконец-то нашел стоящее дело, истинное занятие на всю жизнь. Я хочу посвятить этому остаток своей жизни и могу только скорбеть о зря потраченных годах, выброшенных на пустяки. Пойдемте со мной, Рэтти, ты и твой доброжелательный друг, если он будет так любезен, здесь недалеко идти, всего лишь до конюшни. Там вы кое-что увидите.

Он пошел вперед, указывая им путь в сторону конюшенного двора, а следом за ними двинулся дядюшка Рэт с выражением крайнего сомнения на лице. И что же они увидели? Во дворе стояла выкаченная из каретного сарая новехонькая цыганская повозка канареечно-желтого цвета, окаймленная зеленым, и с красными колесами!

— Ну! — воскликнул мистер Тоуд, покачиваясь на широко расставленных лапах и раздуваясь от важности. — Вот вам истинная жизнь, воплощенная в этой небольшой повозочке. Широкие проселки, пыльные большаки, вересковые пустоши, равнины, аллеи между живыми изгородями, спуски, подъемы! Ночевки на воздухе, деревеньки, села, города! Сегодня здесь, а завтра — подхватились — и уже совсем в другом месте! Путешествия, перемены, новые впечатления — восторг! Весь мир — перед вами, и горизонт, который всякий раз иной! И заметьте, это самый прекрасный экипаж в таком роде, свет не видал более прекрасного экипажа. Войдите внутрь и посмотрите, как все оборудовано. Все в соответствии с моим собственным проектом!

Кроту было необыкновенно любопытно поглядеть, и он торопливо поднялся на подножку и полез внутрь повозки. Дядюшка Рэт только фыркнул и остался стоять, где стоял. Все было сделано, действительно, очень разумно и удобно. Маленькие коечки, столик, который складывался и приставлялся к стене, печка, рундучки, книжные полочки, клетка с птичкой и еще — чайники, кастрюльки, кувшинчики, сковородки всяких видов и размеров.

— Полный набор всего, чего хочешь! — победоносно заявил мистер Тоуд, откидывая крышку одного из рундучков. — Видишь, печенье, консервированные раки, сардины — словом, все, чего ты только можешь пожелать. Здесь — содовая, там — табачок, почтовая бумага и конверты, бекон, варенье, карты, домино, вот ты увидишь, — говорил он, пока они спускались на землю, — ты увидишь, что ничего, решительно ничего не забыто, ты это оценишь, когда мы сегодня после обеда тронемся в путь.

— Я прошу прощения, — сказал дядюшка Рэт с расстановкой, жуя сухую соломинку, — мне показалось или я в самом деле услышал что-то такое насчет «мы», и «тронемся в путь», и «после обеда»?

— Ну, милый, ну хороший, ну старый друг Рэтти, ну не начинай разговаривать в такой холодной и фырочке манере, ну ты же знаешь, ты просто должен со мной поехать! Я просто никак не могу без тебя обойтись, ты уж, пожалуйста, считай, что мы уговорились. И не спорь со мной — это единственное, чего я совершенно не выношу. Не собираешься же ты всю жизнь сидеть в своей старой, скучной, тухлой речке, жить в прибрежной норе и только и знать, что плавать в лодке? Я хочу показать тебе мир! Я хочу сделать из тебя зверя, как говорится, с большой буквы, дружок ты мой!

— Мне наплевать! — сказал дядюшка Рэт упрямо. — Я никуда не еду, и это совершенно твердо. Я именно собираюсь провести всю жизнь на реке в прибрежной норе и плавать на лодке, как плавал. Мало того, Крот тоже останется со мной и будет делать все то, что делаю я, правда, Крот?

— Да, конечно,— отозвался верный Крот,— я всегда буду с тобой, и как ты скажешь, так все и будет. И все-таки, знаешь, было бы вроде весело...— добавил он задумчиво.

Бедный Крот! Жизнь Приключений! Для него все было так ново, так интересно. Его манили новые впечатления. К тому же он просто влюбился с первого взгляда в канареечный экипажик и его замечательное оборудование.

Дядюшка Рэт понял, что творится в его голове. Он заколебался. Он не любил никого огорчать, а к тому же любил Крота и готов был почти на все, чтобы порадовать его. Мистер Тоуд пристально глядел на обоих.

— Пошли в дом, перекусим чего-нибудь,— сказал он дипломатично.— Мы все это обсудим. Ничего не надо решать сразу. Мне вообще-то все равно. Я хотел доставить вам удовольствие, ребята. «Жить для других» — таков мой девиз.

Во время ленча — а он был отличным, как все вообще в Тоуд-Холле,— мистер Тоуд все-таки не удержался. Не обращая никакого внимания на дядюшку Рэт, он играл на неопытной душе Крота, как на арфе. По природе разговорчивый, с богатым воображением, тут уж он просто не закрывал рта. Он рисовал перспективу путешествия, вольной жизни, всяких дорожных удовольствий такими яркими красками, что Кроту с трудом удавалось усидеть на стуле. Постепенно как-то само собой получилось, что путешествие оказалось делом решенным, и дядюшка Рэт, внутренне не очень-то со всем согласный, позволил своей доброй натуре взять верх над его личным нежеланием. Ему было трудно разочаровывать друзей, которые успели глубоко погрузиться в планы и предчувствия, намечая для каждого дня в отдельности занятия и развлечения, планируя их на много недель вперед.

Когда все окончательно созрело для поездки, мистер Тоуд вывел своих компаньонов на луг за конюшней и велел поймать старую серую лошадь, которой предстояло во время путешествия выполнять самую тяжелую и пыльную работу, хотя, к ее неудовольствию, с ней никто предварительно не посоветовался. Она открыто предпочитала луг, и поэтому некоторое время пришлось потратить, чтобы ее изловить. Тем временем мистер Тоуд набил рундучки еще плотнее всякими необходимыми вещами, а лошадиные торбы с овсом, мешочки с луком, охапки сена и всякие мелкие корзинки прикрепили снизу ко дну повозки.

Наконец лошадь изловили и запрягли, и путешественники тронулись в путь, все что-то говоря разом, кто сидя на козлах, кто шагая рядышком с повозкой,— кому как заблагорассудилось.

Было золотое предвечерье. Запах пыли, которую они поднимали по дороге, был густой и успокаивающий. Из цветущих садов по обеим сторонам дороги их весело окликали птицы. Добродушные путники, которые попадались навстречу, останавливались и здоровались с ними, говорили несколько слов в похвалу красивой повозки, а кролики, сидя на крылечках своих домов, спрятавшихся в живой изгороди, поднимали передние лапки и восклицали: «Ах! Ах! Ах!»

Поздним вечером, усталые и счастливые, находясь уже очень далеко от своего дома, они свернули на пустырь, распрягли лошадь, чтобы она попаслась. Они уселись поужинать на травке возле повозки. Мистер Тоуд хвастался тем, что он предпримет в ближайшие дни: а звезды вокруг них все

разгорались и разгорались, и желтая луна, которая молча появилась неизвестно откуда, придвинулась, чтобы побыть с ними и послушать, о чем они говорят. Наконец они улеглись на свои коечки, и мистер Тоуд, блаженно вытягивая ноги под одеялом, сказал сонным голосом:

— Спокойной ночи, ребята! Вот это настоящая жизнь для джентльмена! И не говорите мне больше ни слова о реке.

— Я не говорю о реке, Тоуд, ты же видишь, я ничего не говорю. Но я думаю о ней,— вздохнул Рэт печально.— Я думаю о ней все время!

Крот высунул лапу из-под одеяла, нащупал в темноте лапу друга и пожал ее.

— Я сделаю, как ты захочешь, Рэтти,— прошептал он.— Хочешь, мы завтра рано утром убежим? Очень-очень рано? И вернемся в нашу милую норку на реке?

— Нет, погоди, уж доведем дело до конца,— ответил дядюшка Рэт тоже шепотом.— Спасибо тебе. Но я предпочел бы находиться рядом с мистером Тоуд, пока это путешествие не завершится. Небезопасно оставлять его одного. За ним надо приглядеть. Впрочем, все скоро кончится. Его приключения недолговечны. Спокойной ночи!

Конец был даже ближе, чем Рэт мог предположить. Надышавшись свежим воздухом и получив массу новых впечатлений, мистер Тоуд спал так крепко, что, сколько его ни трясли утром, вытрясти его из постели не удалось. Так что дядюшка Рэт и Крот спокойно и мужественно принялись за дела, и, пока дядюшка Рэт обихаживал лошадь, разжигал костер, мыл оставшуюся от ужина посуду и готовил завтрак, Крот отправился в ближайшую деревню, которая была вовсе не близко, чтобы купить молока и яиц и еще кое-что необходимое, что мистер Тоуд, конечно, позабыл взять с собой. Когда вся трудоемкая работа была сделана и оба зверя, уставшие донельзя, присели отдохнуть, на сцене появился мистер Тоуд, свеженький и веселый, и тут же принялся расписывать, какую приятную и легкую жизнь они теперь ведут по сравнению с заботами и хлопотами домашнего хозяйства.

Они прелестно провели этот день, ездили туда-сюда по заросшим травкой холмам, вдоль узеньких переулочков и остановились на ночлег, опять подыскав подходящий пустырь. Но только уж теперь гости следили, чтобы хозяин по-честному делал свою долю работы. А кончилось дело тем, что, когда на следующее утро пришло время трогаться в путь, мистер Тоуд не был в таком уж восторге от простоты кочевой жизни и даже сделал попытку снова улечься на койку, откуда был извлечен силой.

Путешественники двигались по узким деревенским улочкам и только к обеду выехали на большак. Тут катастрофа, стремительная и непредвиденная, буквально обрушилась на них. Катастрофа, которая оказалась решающей в их путешествии и совершенно перевернула дальнейшую жизнь их друга, «достопадного мистера Тоуда».

Они тихонечко двигались по дороге, Крот шагал впереди повозки, возле лошадиной морды, и беседовал с лошадей, потому что лошадь жаловалась, что на нее никто не обращает внимания, а мистер Тоуд и дядюшка Рэт шли позади повозки, разговаривая друг с другом, во всяком случае, Тоуд говорил, а дядюшка Рэт время от времени вставлял: «Да, именно так» или: «А ты что ему ответил?», сам же в это время думал о чем-то совершенно постороннем, когда далеко позади себя они слышали какое-то предупреждающее бормо-

тание, напоминающее отдаленное жужжание пчелы. Оглянувшись, они увидели небольшое облачко пыли, в центре которого находилось что-то очень энергичное, что приближалось к ним с невероятной скоростью, время от времени из-под пыли вырывалось какое-то «би-би», словно невидимый зверь жалобно выл от боли. Почти не обратив на это внимания, друзья вернулись было к прерванной беседе, как вдруг в один миг мирная картина совершенно изменилась. Порывом ветра и вихрем звуков их отбросило в ближайшую канаву, а ЭТО, казалось, неслось прямо на них!

«Би-би» нахально ворвалось им прямо в уши, и на мгновенье они успели увидеть сверкающее стекло и богатый сафьян, и великолепный автомобиль, огромный, такой, что перехватило дыхание, с шофером, напряженно вцепившимся в руль, на какую-то долю секунды завладел всей землей и воздухом, швырнул в них окутавшее и ослепившее их облако пыли, уменьшился до размеров пятнышка вдали и снова превратился в пчелу, жужжащую в отдалении.

Старая серая лошадь, которая ступала по дороге, мечтая о своем лужке возле конюшни, совершенно растерялась в этих суровых обстоятельствах и потеряла над собой контроль. Она стала пятиться, пятиться, не останавливаясь, несмотря на все усилия Крота, не обращая внимания на его призывы к ее разуму, она толкала повозку назад и назад к глубокой канаве, что шла вдоль дороги. Повозка на секунду повисла над бездной, покачнулась, послышался душераздирающий «крак!», и канареечно-желтая повозка, их радость и гордость, лежала в канаве, разбитая вдребезги.

Дядюшка Рэт носился взад и вперед по дороге, не помня себя от злости.

— Эй вы, негодяи! — кричал он, потрясая обоими кулаками в воздухе. — Вы — мерзавцы! Разбойники с большой дороги! Вы — дорожные... свиньи! Я подам на вас в суд! Я вас по судам затаскаю!

Его тоска по дому мгновенно улетучилась, и он ощущал себя шкипером канареечно-желтого судна, посаженного на мель из-за удали моряков судна-соперника, и он пытался припомнить все те прекрасные и ядовитые слова, которыми он пиявил владельцев паровых катеров, когда они подплывали слишком близко к берегу и поднятая ими волна подмывала коврик в его гостинной.

Мистер Тоуд уселся в пыль посреди дороги, вытянув задние лапы прямо перед собой и, не отрываясь, глядел туда, где исчез автомобиль. Дышал он прерывисто, на лице откуда-то появилось безмятежное и счастливое выражение, и время от времени он мечтательно бормотал: «Би-би!»

Крот попытался успокоить лошадь, в чем через некоторое время и преуспел. Потом он поглядел на повозку, которая валялась на боку в канаве. Это было действительно печальное зрелище. Все стекла и панели разбиты вдребезги, оси разбросаны по всему белу свету, птица в клетке плачет и просит, чтобы ее выпустили.

Дядюшка Рэт подошел к Кроту, но даже их общих усилий не хватило, чтобы выровнять разбитую повозку.

— Эй, Тоуд,— закричали они в один голос,— что ты сидишь, иди помоги нам!

Мистер Тоуд не ответил ни словечка, он даже не шелохнулся, и они забеспокоились, что же такое с ним случилось. Он был как зачарованный. Счастливая улыбка играла на губах. Взгляд был устремлен вслед их погу-

бителью. Время от времени он бормотал: «Би-би!» Дядюшка Рэт потряс его за плечо.

— Ты идешь или нет помогать нам? — спросил он довольно жестко.

— Великолепное, потрясающее видение... — пробормотал мистер Тоуд, не трогаясь с места. — Поэзия движения. Истинный способ путешествовать. Единственный способ передвигаться! Сегодня — здесь, а завтра уже там, где ты смог бы в другом случае оказаться только через неделю! Прыжок — и ты уже перепрыгнул деревню, скачок — и ты уже перескочил через город! Всегда ты — чей-то горизонт! О радость! О би-би! О боже мой, боже мой!

— Перестань валять дурака, Тоуд! — прикрикнул Крот.

— Подумать только, что я этого не знал, — продолжал мистер Тоуд все на той же мечтательной ноте. — О бессмысленно потраченные мною годы! Ведь я даже и не знал, мне даже и не снилось! Но теперь, когда я знаю, теперь, когда я полностью отдаю себе отчет! О, какая дорога, усеянная цветами, простирается теперь передо мной! О, какие облака пыли будут расстилаться вслед за мной, когда я буду проноситься мимо с таким беззаботным видом! Какие кареты я буду опрокидывать в канавы, шикарно проносясь мимо них и даже не оглядываясь! Глупые, жалкие повозки, ничтожные повозки, канареечно-желтые повозки!

— Что с ним делать? — спросил Крот у своего друга.

— Да ничего, — ответил дядюшка Рэт твердо. — Потому что мы ничего и не сможем сделать. Видишь ли, я-то его давно знаю. Теперь на него наехало. У него свой бзик. Это сразу не пройдет. Будет бредить, как лунатик, погруженный в прекрасный сон, и толку от него никакого не будет. Не обращай на него внимания. Пойдем поглядим, что можно сделать с повозкой.

Тщательное исследование показало, что, если бы им даже, паче чаяния, и удалось поднять повозку, к дальнейшему использованию она все равно уже не пригодна. Оси совершенно поломались, а откатившееся колесо просто разлетелось в щепки.

Дядюшка Рэт связал вожжи и закинул их на спину лошади, взял ее под уздцы, а в свободную лапу — клетку с ее истеричной обитательницей.

— Пошли, — сказал он Кроту с мрачным видом. — До ближайшего городка не то пять, не то шесть миль, и нам предстоит пройти их пешком. Чем скорее мы пойдем, тем лучше.

— А что же будет с мистером Тоуд? — обеспокоенно спросил Крот, когда они тронулись в путь. — Как же мы оставим его посреди дороги, ведь он явно не в себе? Это даже опасно. Представь себе, что еще одно ЭТО помчится по дороге?

— Наплевать на него! Я с ним больше дела иметь не желаю!

Но не успели путники пройти и десяти шагов, как за спиной у них послышалось шлепанье ног и мистер Тоуд присоединился к ним, взял их обоих под ручку и, все еще задыхаясь, снова вперил свой взор в пустоту.

— Послушай-ка, Тоуд, — резко обратился к нему дядюшка Рэт, — как только мы доберемся до города, ты должен сразу же отправиться в полицейский участок, узнать, что им известно про этот автомобиль и кто его хозяин, и подать на него жалобу. А потом тебе надо найти кузнеца или колёсника и позаботиться, чтобы повозку доставили в город и привели в порядок. Это, конечно, займет время, но она не совсем безнадежно поломана. Мы с Кротом пока сходим в гостиницу и снимем удобные номера, где мы могли бы пожить,

пока повозку чинят. За то время ты немножко отойдешь от пережитого потрясения.

— Участок? Жалоба? — бормотал мистер Тоуд, будто во сне. — Мне? Мне жаловаться на это прекрасное, небесное видение, которого я был удостоен? Чинить повозку? Я навсегда покончил с повозками! Я больше никогда и не взгляну на повозку, я даже и слышать о ней ничего не желаю. О, Рэтти! Ты даже и не знаешь, как я вам благодарен, что вы согласились на это путешествие. Я бы один без вас не поехал, и тогда... тогда бы мне никогда бы не явился этот лебедь, этот луч солнца, этот громовой удар! Этот обворожительный звук никогда не коснулся бы моего уха, а этот колдовской запах — моего обоняния. Я всем обязан вам, мои самые лучшие друзья!

Дядюшка Рэт отвернулся от него в полном отчаянии.

— Теперь ты видишь, — обратился он к Кроту поверх головы обезумевшего приятеля. — Он безнадежен. Я сдаюсь. Как только мы дойдем до города, отправимся тут же на вокзал, и, если нам повезет, мы еще сегодня к вечеру доберемся домой, на Берег Реки. И если только ты когда-нибудь обнаружишь, что я снова отправился на увеселительную прогулку с этим противным типом... — Он фыркнул и все свои дальнейшие слова на протяжении их утомительного пути адресовал исключительно Кроту.

Прибыв в город, они тут же отправились на вокзал и поместили своего незадачливого приятеля в зал ожидания второго класса, дав носильщику два пенса и строго наказав не спускать с него глаз. Потом они пристроили лошадь в гостиничной конюшне и отдали кое-какие распоряжения относительно повозки и ее содержимого. И вот наконец почтовый поезд высадил их на станции недалеко от Тоуд-Холла, и они проводили зачарованного, грезящего наяву хозяина до самой двери, ввели внутрь, велели экономке, чтобы она его покормила, раздела и уложила в постель. После этого они вывели свою лодку из лодочного сарая и поплыли вниз по реке, к себе домой. Уже совсем поздним вечером они сели поужинать в своей уютной гостиной в речном домике, к величайшей радости и удовлетворению дядюшки Рэт. Весь следующий день дядюшка Рэт провел, нанося визиты друзьям и болтая с ними о том о сем, а к вечеру отыскал Крота, который к тому времени хорошо выспался и в прекрасном настроении сидел с удочкой на берегу.

— Слыхал новости? — сказал Рэт. — По всему берегу только об этом и говорят. Тоуд отправился в город первым поездом. Там он купил себе самый большой и самый дорогой автомобиль.

Перевод *И. Токмаковой*

Джозеф Редьярд Киплинг

(1865—1936)

Крупнейший английский писатель, поэт, автор «Книги Джунглей» (в русском переводе «Маугли»), веселых сказок о любопытном слоненке, бесстрашном мангусте Рикки-Тикки-Тави, кошке, которая «гуляла сама по себе», и др.

ОТКУДА УМНИЙ ЧЕЛОВЕК ПОЯВИЛСЯ

Это было давно, мой милый мальчик. Жил-был Кит. Он плавал по морю и ел рыбу. Он ел и лещей, и ершей, и белугу, и севрюгу, и селедку, и селедину тетку, и плотвичку, и ее сестричку, и шустрого, быстрого вьюна-вертуна угря. Какая рыба попадется, ту и съест. Откроет рот, ам — и готово!

Так что в конце концов во всем море уцелела одна только Рыбка, да и та Малютка-Колюшка. Это была хитрая Рыбка. Она плавала рядом с Китом, у самого его правого уха, чуть-чуть позади, чтобы он не мог ее глотнуть. Только тем и спасалась. Но вот он встал на свой хвост и сказал:

— Есть хочу!

И маленькая хитренькая Рыбка сказала ему маленьким хитреньким голосом:

— Не пробовал ли ты Человека, благородное и великодушное Млекопитающееся?

— Нет,— ответил Кит.— А каков он на вкус?

— Очень вкусный,— сказала Рыбка.— Вкусный, но немного колючий.

— Ну, так принеси мне их сюда с полдесятка,— сказал Кит и так ударил хвостом по воде, что все море покрылось пеной.

— Хватит тебе и одного! — сказала Малютка-Колюшка.— Плыви к сороковому градусу северной широты и к пятидесятому градусу западной долготы (эти слова волшебные), ты увидишь среди моря плот. На плоту сидит Моряк. Его корабль пошел ко дну. Только и одежды на нем, что синие холщовые штаны, да подтяжки (не забудь про эти подтяжки, мой мальчик!), да охотничий нож. Но я должна сказать тебе по совести, что этот человек очень находчивый, умный и храбрый.

Кит помчался что есть силы. Плыл, плыл и доплыл, куда сказано: до пятидесятого градуса западной долготы и сорокового градуса северной широты. Видит, и правда: посреди моря — плот, на плоту — Моряк, и больше никого. На Моряке синие холщовые штаны да подтяжки (смотри же, мой милый, не забудь про подтяжки!) да сбоку у пояса охотничий нож, и больше ничего. Сидит Моряк на плоту, а ноги свесил в воду. (Его Мама позволила ему болтать голыми ногами в воде, иначе он не стал бы болтать, потому что был очень умный и храбрый.)

Рот у Кита открывался все шире, и шире, и шире и открылся чуть не до самого хвоста. Кит проглотил и Моряка, и его плот, и его синие холщовые штаны, и подтяжки (пожалуйста, не забудь про подтяжки, мой милый!), и даже охотничий нож.

Все провалилось в тот теплый и темный чулан, который называется желудком Кита. Кит облизнулся — вот так! — и три раза повернулся на хвосте.

Но как только Моряк, очень умный и храбрый, очутился в темном и теплом чулане, который называется желудком Кита, он давай кувыркаться, брыкаться, кусаться, лягаться, колотить, молотить, хлопать, топать, стучать, бренчать, и в таком неподходящем месте заплясал трепака, что Кит почувствовал себя совсем нехорошо. (Надеюсь, ты не забыл про подтяжки?)

И сказал он Малютке-Колюшке:

— Не по нутру мне человек, не по вкусу. У меня от него икота. Что делать?

— Ну, так скажи ему, чтобы выпрыгнул вон,— посоветовала Малютка-Колюшка.

Кит крикнул в свой собственный рот:

— Эй, ты, выходи! И смотри води себя как следует. У меня из-за тебя икота.

— Ну, нет,— сказал Моряк,— мне и тут хорошо! Вот если ты отвезешь меня к моим родным берегам, к белым утесам Англии, тогда я, пожалуй, подумаю, выходить мне или оставаться.

И он еще сильнее затопал ногами.

— Нечего делать, вези его домой,— сказала хитрая Рыбка Киту.— Ведь я говорила тебе, что он очень умный и храбрый.

Кит послушался и пустился в путь. Он плыл, и плыл, и плыл, работая всю дорогу хвостом и двумя плавниками, хотя ему сильно мешала икота.

Наконец вдаль показались белые утесы Англии. Кит подплыл к самому берегу и стал раскрывать свою пасть — все шире, и шире, и шире, и шире — и сказал Человеку:

— Пора выходить. Пересадка. Ближайшие станции: Винчестер, Ашуэлот, Нашуа, Кини и Фичборо.

Чуть он сказал: «Фич» — изо рта у него выпрыгнул Моряк. Этот Моряк и вправду был очень умный и храбрый. Сидя в животе у Кита, он не терял времени даром: ножиком расколол свой плот на тонкие лучинки, сложил их крест-накрест и крепко связал подтяжками (теперь ты понимаешь, почему тебе не следовало забывать про подтяжки!), и у него получилась решетка, которой он и загородил Киту горло. При этом он сказал волшебные слова. Ты этих слов не слышал, и я с удовольствием скажу их тебе. Он сказал:

Поставил я решетку,
Киту заткнул я глотку.

С этими словами он прыгнул на берег, на мелкие камешки, и зашагал к своей Маме, которая позволяла ему ходить по воде босиком. Потом он женился, и стал жить-поживать, и был очень счастлив. Кит тоже женился, и тоже был очень счастлив. Но с этого дня и во веки веков у него в горле стояла решетка, которую он не мог ни проглотить, ни выплюнуть. Из-за этой решетки к нему в горло попадала только мелкая рыбешка. Вот почему в наше время Киты уже не глотают людей. Они не глотают даже маленьких мальчиков и маленьких девочек.

А хитрая Рыбка уплыла и спряталась в тине, под самым порогом Экватора. Она думала, что Кит рассердился, и боялась показаться ему на глаза.

Моряк захватил с собой свой охотничий нож. Синие холщовые штаны все еще были на нем, когда он шагал по камешкам у самого моря. Но подтяжек на нем уже не было. Они остались в горле у Кита. Ими были связаны лучинки, из которых Моряк сделал решетку.

Вот и все. Этой сказке конец.

НА ДАЛЕКОЙ АМАЗОНКЕ

На далекой Амазонке
Не бывал я никогда.
Только «Дон» и «Магдалина» —
Быстроходные суда, —
Только «Дон» и «Магдалина»
Ходят по морю туда.
Из Ливерпульской гавани
Всегда по четвергам
Суда уходят в плаванье
К далеким берегам.
Плывут они в Бразилию,
Бразилию,
Бразилию.
И я хочу в Бразилию,
К далеким берегам!
Никогда вы не найдете
В наших северных лесах
Длиннохвостых ягуаров,
Броненосных черепах.
Но в солнечной Бразилии,
Бразилии моей,
Такое изобилие
Невиданных зверей!
Увижу ли Бразилию,
Бразилию,
Бразилию?
Увижу ли Бразилию
До старости моей?

· Перевод С. Маршака

Уолтер де ла Мэр

(1873—1956)

Известный поэт, писал для взрослых и для детей; изобретательный и остроумный художник, изображающий невероятное, смешное и намеренно парадоксальное. Мастер пейзажа, мгновенной зарисовки.

ПЕРЫШКИ В ПОДУШКЕ

Огурцы в кадушке,	Сапоги в кладовке,
Мысли в голове,	Деньги в кошельке.
Перышки в подушке,	Земляника в поле,
Соловьи в листе.	Дырочки в свирели,
Пироги в духовке,	Все ребята в школе,
Караси в реке,	Ну, а я в постели.

— Сыграем в прятки,— сказала луна,
С неба скатившись в лес.
— Сыграем в прятки,— сказал ветерок
И за холмом исчез.
— Сыграем в прятки,— увидев звезду,
Сказали ей облака.
— Сыграем в прятки,— сказала волна
Причалу у маяка.
— Сыграем в прятки,— сказали часы,—
Тик-так, динь-динь, диги-дон!
— Сыграем в прятки,— сказал я себе.
И погрузился в сон.

Пересказ *В. Лунина*

Элеонор Фарджон

(1881—1965)

Одна из любимейших писательниц английской детворы. Лауреат Золотой медали Х. К. Андерсена. Ее стихи и сказки переведены на многие языки и очень популярны во всем мире.

ХОЧУ ЛУНУ!

ТАКАЯ КРУГЛАЯ, ВСЯ СЕРЕБРЯНАЯ

Как-то вечером Дочка короля выглянула в окошко и увидела на небе красивую, круглую, серебряную Луну. Она протянула вверх руки, но дотянуться до Луны не могла. Тогда она поднялась на чердак, приставила стул к открытому люку и вылезла на крышу. Но и оттуда достать Луну не смогла.

Она вскарабкалась на самую высокую дымовую трубу, но до Луны все равно не достала и горько-горько расплакалась.

Мимо пролетала Летучая мышь и спросила:

— О чем ты плачешь, Дочка короля?

— Хочу Луну, а достать не могу,— ответила принцесса.

— Пожалуй, и я не смогу,— вздохнула Летучая мышь.— Но я полечу и попрошу Ночь, она тебе поможет.

Летучая мышь улетела, а Дочка короля осталась на крыше горько плакать о Луне.

Настало утро, совсем уже рассвело, проснулась Ласточка, которая жила под крышей. Она увидела Дочку короля и спросила:

— О чем ты плачешь?

— Хочу Луну-у-у...— ответила принцесса.

— Хм, лично я предпочитаю Солнце,— заметила Ласточка.— Но все равно я сейчас полечу и попрошу День, он тебе поможет.

И Ласточка полетела навстречу Дню.

А в королевском дворце тем временем начался ужасный переполох. Нянька пошла будить Дочку короля и нашла ее кровать пустой...

Она тут же прибежала к Королю и забарабанила в его дверь кулаками:

— Проснитесь, проснитесь, вашу Дочку украли!

Король в ночном колпаке выскочил из постели и закричал в замочную скважину:

— Кто?

— Мальчишка, который чистит серебряную посуду, — ответила Нянька. — Еще на прошлой неделе пропала серебряная тарелка. Кто украл тарелку, тот украл и принцессу.

— Посадить Мальчишку в тюрьму! — приказал Король.

Нянька опрометью бросилась к казармам и велела Генералу арестовать Мальчишку, который чистит королевское серебро. Генерал надел шпоры и эполеты, пристегнул шпагу, все свои ордена и медали и дал солдатам приказ отправляться по домам на недельный отпуск.

Зачем?

Ну как же, чтобы попрощаться сначала с родной матушкой.

— Мальчишку мы арестуем Первого Апреля, — объявил Генерал и заперся в своем кабинете обдумывать план операции.

А Нянька вернулась во дворец и доложила обо всем Королю. Король от удовольствия потер руки.

— Поделом Мальчишке! — сказал он. — Первого Апреля мы его арестуем. А пока займемся-ка розысками принцессы.

И Король послал за своим Главным сыщиком и рассказал ему, что случилось. Главный сыщик сделал умное лицо и сказал:

— Первое — надо найти ключ к тайне. Второе — снять отпечатки пальцев.

— Чьих? — спросил Король.

— Каждого и всякого, — ответил Главный сыщик.

— Даже моих? — спросил Король.

— Конечно! — воскликнул Главный сыщик. — Ведь ваше величество — первый человек в государстве. Само собой, мы начнем с вас.

Король был польщен и протянул Главному сыщику два больших пальца.

Главный сыщик развел в тарелку черную сажу, и Король приготовился было окунуть в нее свои большие пальцы, как вдруг явилась королевская Кухарка и сказала:

— Я подаю в отставку!

— Почему? — спросил Король.

— Потому что, сколько ни бьюсь, никак не могу разжечь плиту, — сказала Кухарка. — А если плита не горит, мне совершенно здесь нечего делать.

— Почему же плита не горит? — спросил Король.

— Потому что вода! Я ее вытираю и вытираю, а она все капает и капает из дымоходной трубы прямо на плиту, и огонь не разгорается. А без огня обед не приготовишь, ведь верно? Значит, я ухожу.

— Когда? — спросил Король.

— Сию минуту, — ответила Кухарка.

— Нет, сначала оставь отпечатки пальцев, — сказал Король.

— А это больно? — спросила Кухарка.

Что ты, ничуточки, — сказал Король, — только щекотно.

Кухарка оставила отпечатки больших пальцев и ушла упаковывать свои сундуки и корзины.

Как только разнеслась весть, что королевская Кухарка подала в отставку, тут же все кухарки в королевстве тоже подали в отставку, потому что королевский дом для всех пример — для герцогов и для графов, для булочников и башмачников, для всех Джонни, Джеков и Джонов. Ну не глупо ли?

И вот что из этого вышло...

Но всего, что из этого вышло, в одной главе не расскажешь, поэтому, если хотите узнать, что было дальше, переходите к следующей главе.

НОЧЬ НЕ ПРАВА!

Полетела Летучая мышь на поиски Ночи, чтобы рассказать ей про Дочку короля. Да найти Ночь было нелегко, хотя тут и там уже мелькала ночная тень. Наконец Летучая мышь встретила Ночь в лесу. Она наводила там свой порядок. Если какой-нибудь цветок забыл закрыть глаза на ночь, она тихонько дула на него, и цветок сворачивал свои лепестки. Если дерево дрожало во сне всеми своими листочками, Ночь ласково прикасалась к нему, и оно переставало дрожать. Если птенец пищал в гнезде, она гладила его по спинке, и он снова засыпал.

А вот Сову и Ночную бабочку Ночь будила:

— Не дремлите, вставайте, летайте!

И Сова покидала свое уютное дупло, а Ночная бабочка — зеленый лист и летели по разным ночным делам.

Летучая мышь опустилась на плечо Ночи.

— Тебе что, малютка? — спросила Ночь.

— Я прилетела сказать, что Дочка короля хочет Луну!

— Луну? С неба Луну? — удивилась Ночь. — Нет, я не могу обойтись без Луны, так и передай Дочке короля.

— Ах, она горько-горько плачет и просит у тебя Луну, добрая матушка Ночь, — сказала Летучая мышь.

— Как не стыдно! — рассердилась матушка Ночь. — Ты только подумай, что получится, если все матери будут давать детям все, что они вздумают попросить? Назовите мне хоть одну серьезную причину, почему я должна отдать Дочке короля Луну, тогда посмотрим.

Летучая мышь подумала и сказала:

— Потому что у нее серые глаза, черные волосы и белая кожа.

— Но какая же это причина? Нет, нет, ступай, у меня еще так много дел!

И Ночь сняла Летучую мышь со своего плеча и исчезла в лесной чаще, а Летучая мышь надулась от обиды и повисла на ветке дерева вниз головой.

Из дупла высунулась Сова и спросила:

— Ты говоришь, у нее серые глаза?

— Ну да, серые, как сумерки.

Из норки выглянул Крот и спросил:

— Ты говоришь, у нее черные волосы?

— Ну да, чернее тени.

На лист присела Ночная бабочка.

— Ты говоришь, у нее белая кожа? — спросила она.

— Белее света звезд.

И серая Сова решила:

— Значит, она нам сестра и мы должны постоять за нее. Если ей хочется Луну, надо отдать ей Луну. Ночь не права!

— Ночь не права! — согласился Крот.

— Ночь не права! — повторила Ночная бабочка.

А легкий ветерок подхватил эти слова и разнес по всему свету.

— Ночь не права... Ночь не права... Ночь не права... — шептал Ветер.

И все дети Тьмы сошлись послушать его, и совы, и лисы, и ночные певцы — козодои, и соловьи, и мотыльки, и мыши, и белки, и даже кошки, разгуливающие по крышам. А послушав Ветер, сами стали повторять:

— Ночь не права!

— Ночь не права!

— Ночь не права!

— Вы не слышали новость? — пропищала Мышка Мотыльку. — Ночь не права!

— Конечно, не права, — сказал Мотылек. — Я всегда это говорил.

А Соловей пел об этом так громко, что его песня долетела до Звезд, и Звезды стали повторять за ним:

— Ночь не права! Ночь не права!

— Что вы говорите? — спросила Луна, выплывшая на середину неба.

— Мы говорим и повторяем и будем повторять до утра, что Ночь не права.

— Тише, тише, — сказала Луна, — не спешите говорить так. Лучше обдумаем и обсудим все хорошенько. Подождем до Первого Апреля и тогда решим, права Ночь или не права. А сейчас все по домам, скоро уже день.

ДОЛОЙ ДЕНЬ!

Когда дети Тьмы разошлись по домам и настал рассвет, Ласточка полетела искать День, чтобы сказать ему про Дочку короля, которая плачет о Луне. Она увидела, как День выходит из-за моря, оставляя золотистые следы на песке.

— Ты словно первый жаворонок, — сказал День Ласточке. — Почему так рано?

— Потому что Дочка короля горько плачет, она хочет Луну и не может достать.

— Какой вздор, — сказал День. — И только из-за этого ты поспешила мне навстречу? Но почему мы должны отдать ей Луну?

— Потому, потому... — И Ласточка задумалась, чтобы найти ответ. — Ну, потому, что у нее голубые глаза, золотые волосы и розовые щечки.

— Какая она богатая, — сказал День. — Зачем же ей еще и Луну? Или ты хочешь поссорить меня с матушкой Ночью, лишь бы высохли слезы на глазах у Дочери короля? Лети-ка лучше, дитя мое, по своим делам, а я примусь за свои.

И с берега моря День перешагнул сразу на луга, позолотив цветы и траву.

Из горного озера высунула голову красная Рыбка и спросила:

— Ты говоришь, у нее голубые глаза?

— Голубые, как небо! — ответила Ласточка.

С утеса свесила голову Ромашка.
— И золотые волосы? — спросила она.
— Как лучи солнца, — ответила Ласточка.
Чайка застыла в вышине, чтобы спросить:
— И розовые щечки?
— Розовые, как рассвет! — ответила Ласточка.
— Значит, она нам сестра! — громко крикнула Чайка и нырнула вниз с высоты. — И если она просит Луну, надо дать ей Луну. День не прав, что не хочет отдать ей Луну. Долой День!
— Долой День! — подхватила Ромашка.
— Долой День! — повторила за ней красная Рыбка.
А Ветер отнес их слова к морю, и волны подхватили их и унесли к другим берегам. И все дети Света стали повторять за ним:
— Долой День!
— Долой День!
— Долой День!
И попугаи, и обезьяны, и даже слоны и шакалы.
А Жаворонок выводил такие голосистые трели, что Солнце спросило его:
— О чем ты?
— Долой День! Долой День! Долой День! — звенел Жаворонок.
— Только не сегодня, — сказала Солнце. — С этим спешить никогда не стоит, надо все обдумать и обсудить. Подождем до Первого Апреля, а там решим, прогнать День или простить.

ПО СЛЕДАМ ПРИНЦЕССЫ

Тем временем королевские сыщики пустились по городу на розыски принцессы. Кто выбрал главные улицы, а кто закоулки, кто рыскал по паркам, а кто заглядывал в кабачки и таверны. И всюду они находили подозрительные следы и подозрительных личностей и спешили с ними во дворец к Королю.

Сыщик Первый переоделся ночным сторожем и не успел выйти на улицу, как тут же увидел Бродягу в лохмотьях, который крепко спал на траве под деревом.

«Подозрительный тип», — подумал Сыщик и, склонившись над спящим, крикнул ему прямо в ухо:

— Где королевская Дочка, признавайся!

Бродяга приоткрыл один глаз и пробормотал:

— Первый переулоч направо, второй налево, — и захрапел снова.

Сыщик бросился в переулок направо, затем повернул налево и очутился перед кабачком «Свиная голова». В кабачке на деревянных лавках за длинным столом сидели девятнадцать веселых моряков. Они только-только вернулись из дальнего плавания к Гавайским островам, и тощий Хозяин и толстая Хозяйка угощали их добрым элем.

Сыщик отвел Хозяйку с Хозяином в сторону и строго спросил:

— Где королевская Дочка?

— Какая такая Дочка? — спросил Хозяин.

— Где-нибудь да есть, только не здесь, — ответила Хозяйка.

— Ах, вы еще будете отпираться! — рассердился Сыщик. — Руки вверх!

И он арестовал Хозяина с Хозяйкой, а потом, для большего спокойствия,

и девятнадцать веселых моряков и велел всем следовать за ним во дворец. А по дороге, для еще большего спокойствия, арестовал и Бродягу, спавшего на траве под деревом. И привел всех к Королю.

— Кто такие? — спросил Король.

— Подозрительные личности, ваше величество, — сказал Сыщик. — Вот он, — и Сыщик указал на Бродягу, — сказал, что ваша Дочка у них. — И он указал на Хозяйку с Хозяином. — А они отпираются. Значит, кто-то из них говорит неправду.

— Тем хуже для них! — сказал Король. — Всех подозрительных личностей — в тюрьму! И если до Первого Апреля они не докажут, что ни в чем не виноваты, мы их строго накажем. А вы получите награду!

Следом за Сыщиком Первым к королю явился Сыщик Второй, переодетый покупателем, а с ним продавец тканей, сорок три продавщицы, Няня и ребенок в коляске, да еще сто восемнадцать покупателей.

— Кто такие? — спросил Король.

— Подозрительные личности, ваше величество, — сказал Сыщик Второй. — Я заметил коляску с ребенком перед магазином тканей и полчаса наблюдал за ним. И все полчаса ребенок в коляске хныкал самым подозрительным образом, а когда я строго спросил его, где королевская Дочка, он расплакался еще пуще и не дал мне никаких объяснений. Тогда я вошел в магазин и увидел перед прилавком Няню. Продавец отмеривал ей кусок какой-то материи. «Чем это вы тут занимаетесь?» — спросил я. «А какое вам дело?» — сказала Няня. Тогда я выхватил у нее кусок этой вот материи. Вот, смотрите! — И Сыщик вытащил из кармана кусок ситца в цветочек.

— А для чего он? — спросил Король.

— Именно этот вопрос я и задал Няне. Но она ответила: «Это не мужское дело!» И так и не захотела признаться. Пришлось мне арестовать ее, а также всех, кто находился в это время в магазине, а заодно и ребенка в коляске.

— Вы правильно поступили, — похвалил его Король. — И если до Первого Апреля они не докажут, что не виноваты, мы их строго накажем, а вас наградим. — И он приказал отвести в тюрьму Няню с ребенком в коляске, продавца тканей и сорок три продавщицы, а заодно и сто восемнадцать покупателей, которые оказались случайно в магазине.

Только их увели, как явился Сыщик Третий, переодетый почтальоном, а за ним четыреста двадцать три корреспондента.

— Кто такие? — спросил Король.

— Подозрительные личности, ваше величество, — сказал Сыщик Третий. — Не захотели сказать, что они написали в своих письмах, и я арестовал их за сокрытие тайны.

— Прекрасно! — воскликнул Король. — Если до Первого Апреля они не признаются, мы их строго накажем, а вас наградим.

Не прошло и часа, как к Королю явился Сыщик Четвертый, переодетый билетным контролером, а с ним девятьсот семьдесят пять пассажиров, которые купили железнодорожные билеты, чтобы зачем-то уехать из города, а вслед за ним Сыщик Пятый, переодетый библиотекарем, а с ним две тысячи триста четырнадцать читателей, которые почему-то спрашивали в библиотеке только романы про разные приключения, похищения и страшные тайны. Конечно, все это были весьма подозрительные личности и всех их

бросили в тюрьму до поры до времени, пока они не придумают себе оправдания. А не придумают, тем хуже для них — Первого Апреля будут строго наказаны.

БАРАБАНЩИК ДЖОННИ ДЖЕНКИНСОН

А солдаты королевской армии спешили по домам на недельный отпуск, чтобы перед ответственной операцией проститься с родной матушкой. Барабанщик Джонни Дженкинсон постучал барабанной палочкой в дверь своей хижины:

Там, та-та-там! Там, та-та-там!..

Услышав знакомый стук, матушка бросилась отворять дверь. Увидев Джонни, она всплеснула руками и кинулась ему на шею.

— Неужели это ты, Джонни? Неужели ты? — словно не могла поверить своим глазам.

— Ясное дело, я, ма, — ответил Джонни. — А что у нас сегодня на ужин?

— Отец, иди-ка сюда! — крикнула миссис Джон Дженкинсон.

Из сада пришел мистер Джон Дженкинсон и, увидев сына, так и плюхнулся на стул и тут же задымил трубкой, чтобы скрыть свое волнение.

— Какими судьбами ты здесь, Джонни? — спросила матушка. — А мы-то думали, ты в дальних краях.

— У меня недельный отпуск, ма, — сказал Джонни. — Все солдаты получили на неделю отпуск.

— Почему вдруг?

— Гм, — Джонни принял таинственный вид, — об этом нам не сказали. Но догадаться нетрудно. Предстоит что-то...

— Неужели война? — прошептал мистер Джон Дженкинсон.

— А что же еще, отец, — ответил Джонни.

— С кем война, Джонни? — спросила миссис Джон Дженкинсон.

— Ну, это держат в строжайшей тайне, ма, — ответил Джонни. — Правда, никто не может запретить нам строить догадки. Некоторые, например, считают, что это будет война с Северным королем, ну, а другие — что с Южным. Лично я думаю, что... — Но тут он замолчал, так как не успел еще решить, что же лично он думает.

— Уж не хочешь ли ты сказать, Джонни, что война и с тем и с другим, с двумя сразу? — в страхе проговорила миссис Джон Дженкинсон.

— Гм, отчего же нет, — сказал Джонни и зажмурил один глаз для пушей важности.

— Вот напасть-то! — простонала миссис Джон Дженкинсон. — Обоих вместе нам никогда не одолеть, никогда!

— Положитесь на нас, ма! — гордо сказал Джонни и дал дробь по барабану. — Нам бы получше набить животы, и тогда любого врага мы разобьем. Так что у нас сегодня на ужин, ма?

Миссис Джон Дженкинсон спрятала лицо в передник и расплакалась.

— Ничего, Джонни, ровным счетом ничего! Все кухарки в королевстве подали в отставку.

— Да ты что, ма? — вскричал Джонни, начиная сердиться. — Когда это мы в доме держали кухарку? Ты же сама всегда стряпала?

— Ну и что! — возразила матушка и, вытирая глаза, гордо посмотрела

на сына.— Раз я стряпала, значит, я кухарка и имею право, как и все кухарки, подать в отставку.

— Но зачем, ма?

— А как же иначе! Королевская Кухарка подала третьего дня в отставку, а за ней и все остальные кухарки в королевстве. Не могу же я отстать от них.

Джонни опустил на стул рядом с отцом.

— Так, значит, отпуск у меня испорчен,— проговорил он.— Но что хуже всего, значит, и у всех наших ребят отпуск испорчен. Нет, вы себе не представляете, что значит для солдата еда, когда он приходит домой в отпуск.

— Не только для солдата в отпуске,— заметил мистер Джон Дженкинсон, попыхивая трубкой, чтобы скрыть свои чувства,— для других тоже.

— А что же ты делаешь, па, когда приходит время обедать? — спросил Джонни.

— Иду в кабачок покурить,— сказал мистер Джон Дженкинсон.

— Ну, пошли вместе,— сказал Джонни.

И отец с сыном, печальные, отправились в соседний кабачок. А в кабачке собрались все мужчины деревни. Куда им было еще пойти, раз женщины отказались для них готовить? И возмущение их против женщин все росло. День ото дня мужчины становились все злее и злее, а женщины все упрямей и упрямей.

— Где завтрак? Где обед? Где ужин? — сердились мужчины.

— Король же обходится без завтрака, без обеда и без ужина,— возражали женщины.— А чем вы лучше Короля?

Скоро уже по всей стране мужчины собирались в кабачках, чтобы выражать свое возмущение. Наконец они решили: будет так продолжаться и женщины не начнут готовить, они перестанут работать.

— Только надо действовать дружно! — сказал отец Джонни.— Давайте все перестанем работать Первого Апреля!

И его слово, точно лесной пожар, облетело все города и деревни в королевстве, и все мужчины, до одного, поклялись, если их не начнут кормить, Первого Апреля бросить работу. А все солдаты, которые пришли домой на недельный отпуск, поклялись, что, если их не будут кормить, они не пойдут воевать.

ПЕРВОЕ АПРЕЛЯ

И вот настало Первое Апреля.

Король сам сварил себе утренний кофе и, отхлебнув первый глоток, сказал:

— Сегодня все арестованные будут строго наказаны.

Королевский Генерал сам намазал хлеб маслом и сказал:

— Сегодня будет арестован Мальчишка, который чистит королевское серебро.

А все мужчины в королевстве сказали:

— Сегодня мы бросаем работать.

И все солдаты заявили:

— Больше мы не станем воевать.

А Луна созвала детей Тьмы и сказала:

— Сегодня мы решим, права Ночь или не права.

И такое тут началось...

Генерал приказал своим полковникам вернуть всех солдат из отпуска, чтобы они арестовали Мальчишку, который чистит королевское серебро. Но солдаты не захотели.

— Почему? — спросил Генерал своих полковников.

— Почему? — спросили полковники своих солдат.

Первым ответил барабанщик Джонни:

— Потому что солдат такой же мужчина, как все, а все мужчины по-
жались Первого Апреля бросить работу.

— Почему? — спросили полковники, гневно прихлопнув шпорами.

— Потому что, пока королевская Кухарка не начнет готовить для Короля, все женщины в королевстве не станут готовить для мужчин, а на пустой желудок ни один мужчина не станет работать.

Полковники доложили об этом Генералу, и Генерал, тряхнув сердито своими орденами и медалями, пошел сказать Королю, что надо немедленно вернуть королевскую Кухарку.

Король немедленно послал за Кухаркой. Она пришла на кухню, увидела, что на плиту все еще капает вода, а стало быть, разжечь огонь будет невозможно, и сказала:

— Видите, плита не горит, значит, я не могу готовить и ухажу.

— Постой! — сказал Король и приказал своему Генералу: — Арестуйте мою Кухарку!

— Не могу, ваше величество, — сказал Генерал.

— Как так? — изумился Король.

— С одной стороны, я — королевский Генерал, что верно, то верно. Но в то же время я — мужчина, и пока моя жена не начнет меня кормить, я не могу работать.

— А как же будет с арестованными? — спросил Король. — Сегодня их должны наказать!

— Придется им остаться безнаказанными, потому что никто в королевстве не работает и некому их наказать.

— Но это же светопреставление! — воскликнул Король.

И тут в самом деле началось светопреставление, или, как говорят ученые, затмение Луны.

Солнце зашло на востоке, собаки замяукали по-кошачьи, Звезды спустились с неба и пошли гулять по Земле, часы в полдень пробили полночь, Ветер подул совсем не в ту сторону, петух прокричал свое кукареку Луне, и Луна взошла над Землей, но не той стороной — не серебряной, а темной, почти совсем-совсем черной.

И тут открылась дверь, и в приемную Короля вошла королевская Дочка, прямо, как была, в ночной рубашке.

НОЧЬ ПРАВА

Король бросился к ней, прижал ее к сердцу и спросил:

— Доченька, где ты пропадала?

— Я сидела на дымовой трубе, па, — ответила Дочка короля.

— Зачем же ты сидела на дымовой трубе, моя крошка?

— Мне хотелось достать Луну, — ответила принцесса. — Она такая красивая, такая круглая, вся серебряная.

Но тут Нянька схватила Дочку короля за руку и потащила вон из комнаты.

— Ах, неслушница,— сердито ворчала она,— да у тебя вся рубашка промокла. Что ты делала?

— Я плакала,— ответила Дочка короля,— всю ночь и весь день, всю ночь и весь день, и промочила рубашку.

— И рубашку, и крышу, и дымовую трубу...— сердилась Нянька.

— И плиту! — воскликнула тут Кухарка.

Она бросилась бегом на кухню прямо к плите. Теперь на плиту ничего не капало, и Кухарка быстренько разожгла огонь и принялась стряпать.

А Король хлопнул в ладоши и сказал Генералу:

— Теперь нам не придется арестовывать Мальчишку, который чистит королевское серебро.

— Почему? — спросил Генерал.

— Потому что он не крал Дочь короля,— сказал Король.— И можете отпустить всех, кого посадили в тюрьму и должны были строго наказать.

И вот все вышли на свободу: и Бродяга, и девятнадцать веселых моряков, и Няня с ребенком в коляске, и продавец, и сорок три продавщицы, и сто восемнадцать покупателей, и четыреста двадцать три корреспондента, и девятьсот семьдесят пять пассажиров, которые хотели прогуляться за город, и две тысячи триста четырнадцать любителей увлекательных романов про загадочные происшествия. Словом, все-все.

И тогда Король сказал своей Дочке:

— Я не буду на тебя сердиться, если ты мне дашь одно обещание.

— Какое? — спросила Дочка.

— Никогда больше не плакать о Луне.

— Не буду! — пообещала Дочка короля.— Луна мне больше не нравится. Она, оказывается, вовсе не серебряная, а совсем-совсем черная. А что у нас сегодня на обед?

«А что у нас сегодня на обед?»

Этот вопрос быстрее молнии облетел все королевство, и быстрее молнии женщины принялись за свои горшки и кастрюли, а мужчины за свою работу, и Солнце снова взошло с востока, часы в полдень пробили двенадцать, собаки залаяли, кошки замаякали, а ветер подул куда следует, и дети Тьмы сказали:

— А выходит, Ночь права. Ночь права!

— Ночь права!

— Ночь права!

— И да здравствует День! — подхватили дети Солнца.— Да здравствует День!

Пересказ Н. Шерешевской

Алан Александр Милн

(1882—1956)

Автор романов, стихов и пьес для взрослых. Настоящую славу ему принесли стихи и повести-сказки для детей, особенно «Винни-Пух и все-все-все».

БАЛЛАДА О КОРОЛЕВСКОМ БУТЕРБРОДЕ

Король, Его величество, Просил ее величество, Чтобы ее величество Спросила у молочницы: Нельзя ль доставить масла На завтрак королю.	Тотчас же королева Пошла к его величеству И, будто между прочим, Сказала невпопад: — Ах да, мой друг, по поводу Обещанного масла...
Придворная молочница Сказала: — Разумеется, Схожу, Скажу Корове, Покуда я не сплю!	Хотите ли попробовать На завтрак мармелад? Король ответил: — Глупости! — Король сказал: — О боже мой! — Король вздохнул: — О господи! —
Придворная молочница Пошла к своей корове И говорит корове, Лежащей на полу: — Велели их величество Известное количество Отборнейшего масла Доставить к их столу! Ленивая корова Ответила спросонья: — Скажите их величествам, Что нынче очень многие Двуногие-безрогие Предпочитают мармелад. А также пастилу!	И снова лег в кровать. — Еще никто, — сказал он, — Никто меня на свете Не называл капризным... Просил я только масла На завтрак мне подать! На это королева Сказала: — Ну конечно! — И тут же приказала Молочницу позвать.
Придворная молочница Сказала: — Вы подумайте! — И тут же королеве Представила доклад: — Сто раз прошу прощения За это предложение. Но если вы намажете На тонкий ломтик хлеба Фруктовый мармелад, — Король, его величество, Наверно, будет рад!	Придворная молочница Сказала: — Ну конечно! — И тут же побежала В коровий хлев опять. Придворная корова Спросила: — В чем же дело? Я ничего дурного Сказать вам не хотела. Возьмите простокваши И молока для каши, И сливочного масла Могу вам тоже дать! Придворная молочница Сказала: — Благодарствуйте! — И масла на подносе Послала королю.

Король воскликнул: — Масло!	— Никто, никто, — сказал он,
Отличнейшее масло!	Намылив руки мылом.
Прекраснейшее масло!	— Никто, никто, — сказал он,
Я так его люблю!	Съезжая по перилам,
Никто, никто, — сказал он,	— Никто не скажет, будто я
И вылез из кровати.	Тиран и сумасброд,
— Никто, никто, — сказал он,	За то, что к чаю я люблю
Спускаясь вниз в халате.	Хороший бутерброд!

Перевод С. Маршака

Хью Лофтинг

(1886—1947)

Известный сказочник, автор книги «Приключения доктора Дулитла», которая известна русскому читателю в вольном переложении К. И. Чуковского под названием «Доктор Айболит».

ДОКТОР АЙБОЛИТ

— (отрывок)

Жил-был доктор. Он был очень добрый. Звали его Айболит. И была у него злая сестра, которую звали Варвара.

Больше всего на свете доктор любил зверей.

В комнате у него жили зайцы. В шкафу у него жила белка. В буфете жила ворона. На диване жил колючий ёж. В сундуке жили белые мыши.

Но из всех своих зверей доктор Айболит любил больше всего утку Кикку, собаку Авву, маленькую свинку Хрю-Хрю, попугая Карудо и сову Бумбу.

Очень сердилась на доктора его злая сестра Варвара за то, что у него в комнате столько зверей.

— Прогони их сию же минуту! — кричала она. — Они только комнаты пачкают. Не желаю жить с этими скверными тварями!

— Нет, Варвара, они не скверные! — говорил доктор. — Я очень рад, что они живут у меня.

Со всех сторон к доктору приходили лечиться больные пастухи, больные рыбаки, дровосеки, крестьяне, и каждому давал он лекарство, и каждый сразу становился здоров.

Если какой-нибудь деревенский мальчишка ушибет себе руку или поцарапает нос, он сейчас же бежит к Айболиту — и, смотришь, через десять минут он как ни в чем не бывало, здоровый, веселый, играет в пятнашки с попугаем Карудо, а сова Бумба угощает его леденцами и яблоками.

Однажды к доктору пришла очень печальная лошадь. Она тихо сказала ему:

— Лама, воной, фифи, куку!

— Доктор сразу понял, что на зверином языке это значит:

«У меня болят глаза. Дайте мне, пожалуйста, очки».

Доктор давно уже научился говорить по-звериному. Он сказал лошади:

— Купуки, кануки!

По-звериному это значит:

«Садитесь, пожалуйста».

Лошадь села. Доктор надел ей очки, и глаза у нее перестали болеть.

— Чакá! — сказала лошадь, замахала хвостом и побежала на улицу.

«Чака» по-звериному значит «спасибо».

Скоро все звери, у которых были плохие глаза, получили от доктора Айболита очки. Лошади стали ходить в очках, коровы — в очках, кошки и собаки — в очках. Даже старые вороны не вылетали из гнезда без очков.

С каждым днем к доктору приходило все больше зверей и птиц.

Приходили черепахи, лисицы и козы, прилетали журавли и орлы.

Всех лечил доктор Айболит, но денег не брал ни у кого, потому что какие же деньги у черепах и орлов!

Скоро в лесу на деревьях были расклеены такие объявления:

Открыта больница
Для птиц и зверей.
Идите лечиться
Туда поскорей!

Расклеивали эти объявления Ваня и Таня, соседские дети, которых доктор вылечил когда-то от скарлатины и кори. Они очень любили доктора и охотно помогали ему.

Пересказ К. Чуковского

ВЕНГРИЯ

ПОДУШЬОЧКА

(народная сказка)

Жил на свете крестьянин. У него были жена и дочь.

Однажды к ним пришел на смотрины молодой парень со своим дружком.

Поставили им доброе угощение: курицу, пироги. А хозяин послал даже дочку в погреб за вином. Девушка спустилась в погреб и стала приглядываться, какая бочка больше всех,— отец велел ей нацедить вина из самой большой бочки.

Пока это она выбирала бочку, вдруг заметила прислоненное к стене погреба бревно. Как увидела его девушка, так и призадумалась: вот, дескать, пришли к ней свататься, выйдет она теперь замуж, будет у нее сынок, она купит ему на ярмарке полушубочек, а мальчик невзначай заберется как-нибудь в погреб, станет там прыгать возле бревна, бревно свалится, убьет мальчика, и кому же тогда останется полушубочек? Как подумала об этом девушка, такое ее отчаяние взяло, что она села на приступочек и заплакала.

А наверху ждали-ждали ее, никак дождаться не могли. Тогда отец жену послал:

— Мать, пойди посмотри, куда девка запропастилась! Что это она там возится долго в погребе? Может, вино у нее вытекло, и она не смеет подняться наверх?

Спустилась хозяйка в погреб и видит: сидит дочка на приступочке, плачет.

— Да что это с тобой случилось, доченька, что ты так горько плачешь?

— Да как же, матушка, не плакать, когда мне вся моя будущая жизнь представилась!

И она рассказала матери обо всем, что ей представилось. А та, как услышала о полушубочке, да о внучонке, да о том, как он в погреб проберется да возле бревна прыгать станет, да как его этим бревном убьет... как услышала старая, так и села рядом с дочкой и тоже заплакала. А хозяин сидит с гостями в горнице и никак вина не дождетя. Рассердился, разгневался, даже браниться стал.

— Эх, раззявы, видно, все вино-то повылили! Пойду-ка сам погляжу, чего они там запропастились.

Он спустился в погреб и видит: сидят там обе, старая и молодая, слезы льют в три ручья, а бочки целы, вином полны: Никак не мог хозяин в толк взять, что это с бабами случилось.

— Будет вам ревмя-то реветь! Говорите, что с вами приключилось?

А они сквозь слезы:

— Ой, отец, да как же нам не плакать, не рыдать, коли такая печальная дума нам в голову запала...

И поведали они ему обо всем. И так они растравили его душу, что он присел на приступочку рядышком и в один голос с ними заплакал.

Ждал-ждал жених, дожидаться не мог. Поднялся и пошел за хозяевами в погреб. Пришел, глядит — все трое плачут, заливаются один другого пуще. Смотрит жених и не поймет, чего же они так горько плачут. Спросил их — они ему все рассказали. Тут жених как покатится со смеху, даже бочки — и те ходуном заходили.

— Ну, — сказал жених, — таких чудачков я еще не видывал. Пусть уж лучше судьба решит, жениться мне или не жениться. Я сейчас же отправлюсь в путь и буду странствовать до тех пор, пока не встречу еще трех таких же чудачков, как вы. Не встречу — так не обессудьте. А ежели встречу, то вернусь и возьму в жены вашу дочь. Уж как судьба укажет.

И пустился в путь. А невесту да родителей ее оставил в погребе: дескать, пусть уж наплачутся вволю.

Только парень зашел за семью семь стран, как увидел там человека, занятого странным делом: перед ним на земле грудой лежали орехи, и он пытался эти орехи забросить вилами на чердак.

Парень подошел к человеку поближе и спросил:

— Хозяин, что это вы надумали с орехами делать?

— Да, я тут покоя не знаю! — ответил ему человек. — Вот уж полгода тружусь, все кидаю эти орехи и никак не заброшу на чердак. Хоть я и бедный человек, но готов сто форинтов дать тому, кто эти орехи перебросает на чердак.

— Ладно, я это сделаю, — предложил парень.

Он взял меру и за полчаса перетаскал на чердак все орехи. Получил тут же сто форинтов и пошел дальше.

«Да — подумал про себя парень, — одного чудака я уже встретил».

Шел-шел, и опять повстречался ему человек. Смотрел-смотрел на него парень и никак не мог уразуметь, что тот делает. В руках незнакомец держал корыто и с ним то вбегал в домик, то выбегал обратно. А в домике — чудно даже! — не было окон, а вместо двери зияла дыра. Подошел парень, поздоровался и спросил:

— Добрый день, земляк! Над чем это ты трудишься?

— Да вот, парень, весной уже год будет, как я построил этот дом, и не знаю, отчего это в нем так темно. Гляжу, в других домах светло, а хозяева никакого труда к этому не прикладывают. Я же как построил свой дом, так с тех пор все и таскаю корытом свет в него. Вот и сейчас, сам видишь, маюсь. Сто форинтов готов дать тому, кто сделает мой дом светлым.

— Ну, это дело по моим силам, — сказал парень.

Он взял топор, прорубил два окна, дверь, и в доме сразу стало светло. Парень получил сто форинтов и пошел дальше.

«Да,— подумал он про себя,— вот и второй чудаки!»

Шел-шел парень и вдруг увидел женщину, которая силком запихивала цыплят под наседку. Парень окликнул ее:

— Хозяюшка, что ты делаешь?

— Да вот хочу цыплят посадить под наседку,— ответила женщина.— Боюсь, что они разбредутся по сторонам и коршун их схватит. Только никак толку не добьюсь: посажу под одно крыло — а они из-под другого вылезают; посажу под другое крыло — они из-под этого вылезают. Я готова дать сто форинтов, только научили бы меня, что с ними делать!

Парень и сказал:

— Ладно, я научу вас. Не тревожьтесь и не беспокойтесь, хозяйка, и никогда силком цыплят под курицу не подсовывайте. Как только наседка заходит коршуна, она сама спрячет цыплят под крылья.

Хозяйка обрадовалась доброму совету и сразу же отдала парню сто форинтов. Парень тоже обрадовался и пошел обратно. Про себя подумал так:

«Ну, вот и нашел я трех чудаков!»

Он вернулся домой, тут же обручился с девушкой, и через две недели они сыграли свадьбу. А больше я о них ничего не слышал, кроме того, что у них родился сын, купили они ему полушубочек, а бревном его не придавило. И по сей день они живы, ежели не померли.

Перевод *Агнессы Кун*

Эва Яниковская

(1926)

Автор психологических, полных юмора, романов для подростков, повестей и рассказов для малышей, известна во многих странах.

СУМКА ТЕТИ ДОКТОРА

Заболела Эржи, закашлял Габорка, простудился Миша, и с каждым днем все меньше детей стало приходить в детский сад. А тех, кто приходил, теперь внимательно осматривала тетя доктор. И играла с ними в тетю доктора — только не понарошку, а взаправду.

И не в кукольном уголке, где тетю доктора изображала Эстер, а у маленького столика, на который настоящая тетя доктор клала свою сумку.

Она выстукивала у всех согнутым пальцем грудку, потом слушала трубочкой и у каждого смотрела горло. Были такие, у которых горло ей удавалось посмотреть только с помощью ложечки. А некоторые умели показывать горло и без ложечки.

Шире всех рот разевал Жолт. Тетя доктор его похвалила и сказала, что ему могут позавидовать даже моржи в зоопарке.

Жолт очень гордился этим и не хотел отходить от тети доктора.

Когда доктор заглянула в ухо Анче, Жолт спросил:

— А в мое ухо почему ты не смотришь?

— А у тебя болит ушко? — спросила его тетя доктор.

— Еще нет,— отвечал Жолт.

— Вот потому я и не смотрю. А у Анчи раньше ушко уже болело, и я хочу посмотреть, не собирается ли оно заболеть снова.

— И тогда ты его проколешь? — спросил Жолт.

— Тогда я его полечу,— ответила тетя доктор.

Жолт заглянул в сумку тети доктора.

— У тебя нет ножа? — спросил он.

— Нет,— ответила тетя доктор.— Только ножницы.

И показала ножницы. Станные были такие ножницы — с длинными ручками, где им полагалось быть острыми, были загнуты.

— Этими ножницами ты режешь уши? — спросил Жолт.

— Нет, не уши, а бинт, которым я завязываю ребятам руку или ногу, когда они чем-нибудь порежутся. Так удобнее перевязывать. И также удобнее снимать бинт, когда он уже не нужен.

Ножницы тети доктора осмотрели еще и Даня, и Эстер. Тем временем тетя доктор достала из своей сумки длинную, тонкую иголку, стеклянный цилиндр, на конце которого была резиновая пробка, и маленькую бутылочку.

— А что у тебя здесь? — спросила Эстер.— Вода?

— Нет, не вода, а лекарство,— сказала тетя доктор.

— А иголочкой ты что делаешь? — спросил Жолт, хотя он и так уже знал.

— Подойдите поближе, я вам покажу,— сказала тетя доктор.— Вот смотрите: я вставляю иглу в этот стеклянный цилиндр — он называется «шприц», потом наберу из бутылочки в него лекарства, потому что внутри иголки дырочка, и лекарство проходит через иглу в цилиндр. А потом оттуда, через иголку,— к вам в руку.

— Одним словом, ты будешь нас колоть? — спросил Жолт.

— Буду,— кивнула тетя доктор.

— Ой, я же говорила! — прошептала Аги очень тихо.

— Ну, а тетя Юсо мне поможет,— продолжала доктор.— Будет против спиртом то место на руке, куда я сделаю вам укол. Нужно, чтобы кожа была совершенно чистая. Ну, так кто же у нас самый смелый?

Ребята стояли и молчали, никто даже не пошевелинулся.

Тетя Юсо закатала рукава их рубашонки и потерла кожу мокрой ваткой.

— Больно будет? — спросил Даня.

— Чуть-чуть,— сказала тетя доктор.— Будто комарик укусит.

Жолт подошел к тете доктору, зажмурил глаза и протянул руку.

Тетя доктор слегка уколола его иголкой, но Жолт даже не пикнул. Хотя ему было больно и потом еще чуть-чуть щипало.

— Ой! — охнула Аги и сжалась в комочек, потому что она еще не зажмурила глаза.

Затем по очереди к доктору подошли Даня, Балаж, Анча, Тамаш, Эстер. И никто не заплакал, потому что каждый про себя решил: он-то уж плакать не будет! Агнешка осталась последней.

— Ты не подождешь, пока я не перестану бояться? — спросила она тетю доктора.

— Я бы с удовольствием тебя подождала,— засмеялась тетя доктор.— Только я не знаю, когда это будет. А мне нужно еще навестить многих ребят и сделать им уколы.

— Ты как дедушка Мороз! — сказал Балаж, и тут даже Агни рассмеялась.

— Ну ладно, если уж ты торопишься, тогда, что с тобой делать, коли, — сказала Агнешка и сама подошла к тете доктору. Она только один раз ойкнула. Да и то больше так, для порядка.

А тетя доктор убрала в сумку лекарство и шприц с иглой.

— Ну что ж, ребятишки, все вы очень хорошо себя вели, — похвалила она детей. — А то ведь некоторые, даже в старшей группе, плачут. Боятся, глупенькие, укола.

— Это называется «укол»? — спросил Даня.

— Да, — сказала тетя доктор. — И делают его вам для того, чтобы вы не заболели.

— И мы не заболеем? — спросила Эстер.

— Надеюсь, нет.

— А другого лекарства ты нам не дашь? — спросила Эстер.

— Нет. Но вы побольше гуляйте и никому не разрешайте себя целовать. Потому что сейчас в городе очень много больных гриппом.

— И ты тоже не разрешаешь себя целовать? — спросила Аги, немножко разочарованная, потому что тетя доктор уже закрыла свою сумку. — А я хотела тебя поцеловать!

— Отложим поцелуи до весны! — рассмеялась тетя доктор.

Как только тетя доктор ушла, дети сразу же принялись играть в тетю доктора. Они сделали уколы всем куклам, медвежатам и зайчикам. Те, конечно, боялись, и напрасно ребята объясняли, что уколов не нужно бояться, потому что это совсем не больно.

— Как это называется? — подбегали они один за другим с карандашами и палочками к тете Юсо.

И тетя Юсо терпеливо объясняла им по многу раз:

— Шприц называется.

— А тех людей, которые не должны нас целовать, как называют?

— Гриппозными больными. А болезнь называется грипп.

— Я обо всем расскажу своей маме, — пообещала Эстер. — Грипп, уколы, шприц! Только я опять не знаю, как называются те, кого нельзя целовать.

— Ничего, пойдем гулять и по дороге выучим, — пообещала тетя Юсо. — Дети, идите одеваться. Тетя доктор сказала, что вам теперь нужно много гулять.

Наконец они отправились. В самом хвосте вереницы шли тетя Юсо с Жолтом.

— Знаешь что? — решил открыть тете воспитательнице свою великую тайну Жолт. — Когда я вырасту большой, я тоже буду тетей доктором.

— Может быть, дядей доктором? — удивилась тетя Юсо.

— А у дядей тоже такие сумки, как у тети? — спросил Жолт.

— Точно такие, — успокоила его тетя Юсо.

— Ну ладно, тогда я буду дядей доктором, — согласился Жолт.

— Вот и весна пришла! — сказала однажды утром тетя Юсо.

— Где она? Я не вижу! — завертел головой во все стороны Тамаш, словно он действительно искал весну.

И опять получилась интересная игра — «Мы ищем весну». Ёржи стала поднимать скатерть и заглядывать под стол, а Эстер на четвереньках поползла по полу.

— Здесь нет, и здесь нет, — крутила она головой из стороны в сторону, очутившись под столом.

Аги, разумеется, тотчас принялась ей подражать. Да и не только Аги, но и все остальные ребята.

— Спряталась! — сказала Анча, когда все поползли за нею следом по комнате.

Ребята искали весну на полках, на шкафу с игрушками, и внутри шкафа, и под скамейкой.

— Ищите, ищите! — сказала тетя Юсо и улыбнулась, словно она уже знала, куда спряталась весна.

— Нет, давайте лучше играть в «жарко-холодно». Только ты нам говори: где «жарко», где «холодно», — попросил Миша, потому что уже много раз, когда они играли в «жарко-холодно», тетя Юсо помогала тому, кто искал. Если он шел не туда, где было что-то спрятано, тетя Юсо говорила «холодно». А когда он подходил поближе к нужному месту, она говорила «теплее, теплее», и, если кто-то уже почти находил спрятанную вещь, она говорила «горячо» или «жарко».

Тетя Юсо согласилась, и дети принялись искать весну повсюду. Искали в ванной комнате и в столовой, но тетя Юсо все время только и повторяла: «Холодно... Холодно... Холодно!»

Наконец Дане надоела эта игра, и он подошел к окну. И тут он сразу вспомнил про лужу, в которую сегодня утром угодил. На месте этой лужи еще недавно был лед, и по нему хорошо было кататься. А теперь этот лед растаял, и образовалась лужа.

— На дворе тоже можно искать? — спросил Даня.

— Теплее, — засмеялась тетя Юсо. — Давайте выйдем в сад.

Все надели свои пальтишки. Ведь с осени дети подросли, и теперь никому не нужно было помогать одеваться. Все одевались сами. В саду ребята из старшей группы что-то копали лопатами. Малыши обступили их и совсем забыли про весну. Им тоже захотелось копать, но у них не было лопат.

— Ой, ну что я вам говорила? — захныкала Аги.

— Вот наступит следующая весна, и вам тоже дадут лопаты, — пообещала тетя Юсо. — И место в саду дадут, где можно копать. А сейчас мы будем заниматься чем-то другим. Давайте все же попытаемся найти весну.

— Нет, я лучше буду копать, — сказал Жолт. — А весну я буду искать в следующий раз, когда она снова будет. — И чтобы убедить тетю Юсо, добавил: — Я один раз уже копал. В саду у бабушки, когда отдыхал в деревне! А еще там была коза. Я ту козу водил пастись на луг. Потому что у козы бывает много молока, если она много пасется.

— Ты любишь козье молоко? — спросила тетя Юсо.

— Нет, — сказал Жолт. — Я козу люблю. Вот если бы здесь была коза,

я бы ее пас. А другие ребята пусть пили бы ее молоко. Оно очень вкусное.

— Если бы у нас была коза, мы бы могли прикупить к ней еще одного носорога! — обрадовался Габор.

— Носорога? — удивилась тетя Юсо. — Какого еще носорога и зачем?

— Вот когда я был в зоопарке с бабушкой, мы видели там носорога, он жил вместе с одной козочкой, потому что без нее он очень скучал. А если у нас будет коза, она тоже будет скучать. Без носорога.

Но Жолт не согласился:

— У моей бабушки нет носорога, а коза все равно не скучает.

— Давайте лучше заведем собаку. Большую-пребольшую, чтобы на ней можно было даже кататься верхом.

— Тетечка Юсо, давайте заведем кошку, — стала умолять Аги. — Маленького котеночка. Одного беленького, и еще черненького.

Дети уже забыли про весну, которую только что собирались искать, и каждый стал предлагать свое:

— Купим зайчика!

— Нет, медвежонка!

— Барашечка!

А ребята старшей группы тем временем вскопали участок, огороженный бечевой, и теперь любовались своей работой.

— И что здесь будет? — спросил Балаж.

— Сюда мы посадим цветочную рассаду, — пояснил Бйцо, самый большой из старшей группы. — Сейчас она еще в ящиках, чтобы не замерзла.

— Тетя Юсо, а старшие посадку будут сажать. Она у них в ящиках греется, — сообщил Балаж воспитательнице. — Я тоже хочу сажать посадку!

— Не посадку, а рассаду, — поправила его тетя Юсо. — Это такие малыши цветочки, которые сначала выращивают в ящике, а потом рассаживают по клумбам. Потому их и называют «рассадой».

— Очень жаль, — огорчился Балаж. — Мне «посада» больше нравится.

— Ой, что я вам говорила? — пропищала Аги. — Значит, у них и цветы будут! А у нас ничегошеньки нет: ни цветов, ни животных никаких. Мы даже и весну не нашли!

— Потому что не искали, — сказала тетя Юсо. И она была права. — Давайте снова весну искать!

Тамаш нашел улитку, Миша — двух дождевых червей. Габор увидел птичку, а тетя Юсо сказала, что эта птица — синица. А Анча нашла фиалку. Потом фиалку нашли и Эстер, и Аги. В одном углу сада было много-много фиалок. Балаж заметил, что на деревьях уже набухли почки и скоро из них выглянут листочки. Бёжи отыскала свежую зеленую травку под старыми листьями. И одного жука.

— А это кто такие? — спросила Эстер, показывая на середину старой цветочной клумбы, где из земли вылезали остренькие маленькие зелено-желтые листочки. Это стебельки цветов. Когда они вырастут и зацветут, они станут красными тюльпанами, — сказала тетя Юсо.

— А почему эти цветы растут без всякой посадки? — спросила Аги.

— Их выращивают не из рассады. Они всю зиму спят в земле. А весной быстро-быстро начинают расти.

Это было очень интересно, но больше всего всем понравилась лягушка. Маленькая зеленая лягушечка. Ее Даня нашел.

Она так дрожала, сидя на ладошке у Дани, что все сразу поняли, что она боится.

— Ой, что я вам скажу-то! — закричала Аги. — Даня обидел маленькую лягушечку!

Разумеется, это была неправда, но лягушка так испугалась Агнешкиного голоса, что прыгнула с Даниной ладошки и исчезла в листьях.

— Ну что, не нашли весну? — спросил Миша тетю Юсо, потому что ему хотелось, чтобы ее отыскиали уж поскорее. Он успел проголодаться и хотел бы поскорее поесть.

— Как же не нашли? — засмеялась тетя Юсо. — Теперь мы все нашли ее. Ведь все, что мы видели и нашли в саду, и есть весна: молодая трава, и лягушка, и почки на деревьях.

В это время показалось солнышко, и сразу стало жарко. Солнышко словно хотело сказать, что и оно имеет отношение к весне, которую дети теперь наконец нашли.

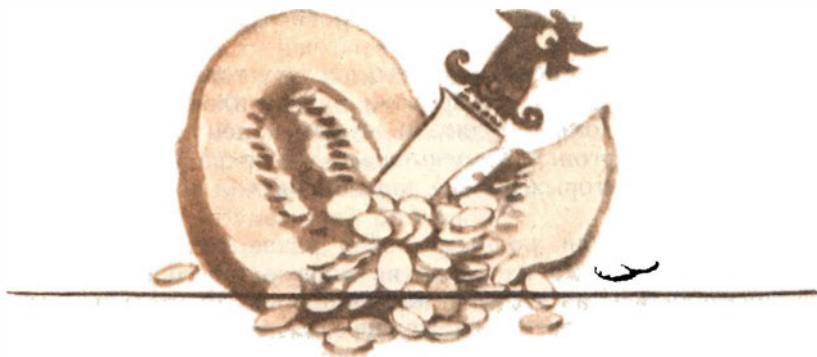
В окно выглянула нянечка и позвала ребят обедать. И все, не дожидаясь повторного приглашения, побежали в столовую.

Когда Эржи хотела повесить на крючок свое красное пальтишко из болоньи, у него оторвалась вешалка. Совершенно так, как в первый день, когда она только пришла в детский сад. И Даня вспомнил, что зимой Эржи ходила в садик в другом пальто и что он очень давно не видел этого ее красного пальтишка с капюшоном!

После обеда ребята рисовали все, что они запомнили о весне. Многие нарисовали солнце и траву. Потому что это было легко рисовать. Но Миша нарисовал птичку, Тамаш — рыбку, Жолт изобразил козу. Даня хотел нарисовать лягушку, но она у него не получилась. Тогда Даня вместо лягушки нарисовал Эржино красное пальтишко с капюшоном.

Пересказ *Г. Лейбутина*

ВЬЕТНАМ

ДУРАКАМ СЧАСТЬЕ

(народная сказка)

Давным-давно в одной крестьянской семье родились два сына. Когда братья выросли, родители захотели выбрать им ремесло. Старшего, который любил работать в поле, они решили оставить дома, чтобы он стал землеметом. Младший же захотел стать торговцем. Тогда родители дали ему на обзаведение пять лошадей и наказали:

— Будешь торговать, сынок, торгуй с выгодой. Получай всегда больше, чем сам даешь, понял?

Сын выслушал родительский наказ и бодро повел лошадей на базар. На дороге ему повстречался старик. Он гнал навстречу шесть коз. Видя, что коз шесть, а лошадей у него пять, и помня слова родителей, что, торгуя, надо получать больше, чем даешь, парень обратился к старику:

— Господин! Давайте меняться. Отдайте мне своих шесть коз, и возьмите взамен пять лошадей.

— Да ты с ума сошел! Ведь у тебя лошади, а у меня козы, как же можно меняться!

Но как ни отказывался старик, парень упрашивал его на все лады и не отступал ни на шаг. Видя, что от него не отвязаться, старик наконец отдал своих коз. Парень очень обрадовался, считая, что в точности следует родительскому наказу.

Дальше парню долго никто не встречался на пути, и только к вечеру он увидел старуху, которая несла на коромысле семь кур. Парень обрадовался и про себя подумал: «Везет же мне. У меня шесть коз, а у старухи семь кур. Значит, у нее больше. Непременно нужно поменяться!» Он окликнул старуху и предложил ей меняться. Старуха сначала отказывалась, но в конце концов ей пришлось согласиться.

Парень нес семь своих кур и от радости ног под собою не чувал. «Теперь-то я разбогатею,— думал он,— стану богаче старшего брата, который остался дома. Вот что значит слушаться родителей!»

Прошел он еще немного и встретил человека, несшего восемь тыкв. Парень остановился как вкопанный: «Восемь тыкв — ведь это больше, чем семь кур. Нужно меняться! Чего ждать?» Он сразу же окликнул хозяина тыкв и предложил ему меняться.

— Зачем тебе понадобилось отдавать кур за тыквы? — возразил тот. — Куры ведь дороже.

— Ладно, ладно! Давай сменяемся, чего попусту толковать...

Парень упрашивал так долго, что прохожий согласился и отдал ему тыквы. Когда парень принес их домой, родители вышли к нему навстречу и стали расспрашивать, как он торговал. Парень сразу же похвалился:

— За пять лошадей, которых вы мне дали, я получил восемь тыкв! Ну как, выгодная сделка?

— О небо! — воскликнули родители. — Да разве можно пять лошадей менять на восемь тыкв! Мало их разве на поле у твоего старшего брата?

Родители рассердились на сына и не позволили ему больше торговать. Парень сам понял ошибку и повесил голову, не зная, чем покрыть убыток. А потом в сердцах схватил нож и давай рубить тыквы, чтобы отвести душу. И тут из одной тыквы вдруг посыпалось много золота.

Недаром говорят: дуракам — счастье!

Перевод И. Быстрова

Народные песенки

СЛОНОНОК

Шагает слоненок —
Скорей погляди —
Хобот большой у него впереди,
Хвостик смешной у него позади.
Две толстых ноги идут впереди,
Две толстых ноги идут позади.
О нем я спою.
А ты — погляди.

ПАВЛИН МИЧАЕТ

На дереве вонг сидит павлин.
На ветках павлин грустит один.
На рисовом поле — вода, вода.
Найти б ему друга — но где и когда?
Сжигает вершины палящий зной,
И так полноводны реки весной!
Но где ж его друг — на горах, у реки?
И что ж одному — умереть с тоски?
Поля облетит. По воде он пройдет.
Но друга себе непременно найдет.
Они понесутся — все ввысь и ввысь.
О где же ты, друг мой? Найдись, найдись!

Тунг-зинь, тунг-зинь,
 Как сынок красив, красив!
 Как цыпленок маленький!
 Как цветочек аленький,
 Как теленок на бегу,
 Как тропинка на лугу,
 Как грейпфрутовый цветок,
 Баклажанный росток...
 Ешь побольше, лапушка,
 Будет рада бабушка,
 Молочка себе налей,
 Будет маме веселей.
 Станешь быстро расти,
 Станешь стадо пасти,
 А еще подрастешь,
 В мир огромный пойдешь.

Перевод И. Токмаковой

Хюи Кан

(1918)

Известный поэт, пишет для детей на самые разные темы. Озорные и лирические стихотворения поэта передают различные оттенки чувств: восхищение миром природы, любовь ко всему живому, радость общения с мамой.

УТРО ВЕРНУЛОСЬ

Когда возвращается утро,
 Тогда наступает «сегодня».
 И ветра прохладные руки
 Речное лицо нежно гладят.
 От этого прикосновенья
 Проснется веселая речка.
 На длинных ресницах осоки
 Росинки — следы сновидений.
 А следом проснутся деревья:
 Шелковицы крона густая,
 Блестящее дерево банга,
 Бамбук кружевной, узколистый.
 Деревья ударят в ладоши,
 Здраваясь с утренним ветром.
 И скажет хозяин: «Эй, буйвол,
 Вставай, поле плуга заждалось».
 Поднимет рога добрый буйвол,
 Как два полумесяца тонких,

И выйдет безмолвно из хлева:
 Ведь слов говорить он не любит.
 Петух прокричит: «На работу,
 Пора! Начинается утро!»
 Проснется пушистая кошка,
 Потянется — спинка дугою.
 Вставай-ка, малыш, снова утро!
 Уже наступило «сегодня»!
 Шагает медлительный буйвол.
 Петух алый гребень расправил,
 И доброе дедушка-солнце
 По небу идет легким шагом.
 Тебе говорят: «С добрым утром,
 Иди, торопись в детский садик».
 А там, во дворе — дети, дети.
 Друзья твои. Все тебя любят.
 Играй и учись подрастая,
 Малыш мой родной.
 С добрым утром!

ЛЕТНИЙ ПОЛДЕНЬ

Полдень на солнце шурится.	Бабочка, а не трудно
Ярко цветов цветенье.	Летать по такой жарнице?
На деревенской улице	Девочка на цинковке
Спят неподвижные тени.	Спит ли, сама не знает.
Вол, отпряженный от плуга,	Слышит, как бабушка ловко
Лег, отдуваясь шумно.	Листья сухие меняет.
То ль вспоминает друга,	Есть дает шелкопряду
То ли жует бездумно.	Свежие листья тута.
Возле общинного дома	Гулко упал за ограду
Рис на просушку разложен.	Солнечный плод грейпфрута.
Слабо шуршит солома,	Капля в траве сверкает.
Будто бы дышит, похоже.	Тихо кузнечик стрекочет.
Тихо. Безмолвно. Безлюдно.	Девочку он окликает,
Птицы, и те не свищут.	А показаться не хочет.

Перевод *И. Токмаковой*

Во Куанг

(1920)

Прозаик, поэт, автор повестей и сборников стихов для малышей, в которых воплощается главная мысль о познании ребенком мира, о любви к жизни, о ее многообразии и бесконечности.

ЗАХОДИТЕ!

— Тук, тук, тук.
— Это кто стучит?
— Это я, Зайка.
— Если вправду Зайка, предъяви ушки.
— Тук, тук, тук.
— Кто это стучит?
— Это я. Олень.
— Коли ты Олень,
Покажи нам рожки.
— Тук, тук, тук.
— Это кто стучит?
— Это я. Выпь.
— Если точно Выпь,
Ножки нам покажешь.
— Тук, тук, тук.
— Это кто стучит?
— Это я. Ветер.

— Коли ты Ветер,
Подлетай-ка к двери,
Сам пролезешь в шелку.
Мы с тобою вместе
Встретим ясный месяц.
Ты дохнешь прохладой,
Пробежишь по листьям
И натянешь парус
Легкоходной джонки...

Перевод *И. Токмаковой*

Ван Бьен

(1939)

Прозаик, драматург, сказочник.

ДЕДУШКИНЫ ЦВЕТЫ

Дедушка торопился домой. Было жарко, от яркого солнца слепило глаза. Дедушка то и дело разглядывал букет, который держал в руке. Цветы совсем еще свежие. Дома надо будет сразу же опрыскать их водой и поставить в вазу. То-то внучка обрадуется! Она очень любит цветы. А эти очень красивые, они называются донгтиен и похожи на маленькие яркие парашютики. В букетике есть и львиный зев: совсем как настоящая львиная пасть, только что свирепого рыка не слышно. А еще туда добавлен лотос, который не только красив, но и так хорошо пахнет... А, вот и внучка — встречает дедушку у ворот.

Дед и внучка поставили цветы в вазу. Дедушка немного отставил лотос в сторону от остального букета, но только отвернулся, глядь, а лотос опять в самом центре.

— Ну как тут углядишь! — дедушка, глядя на вазу, покачал головой. — И кто же это лотос в середину букета упрятал?

— Дедушка, — не утерпела внучка, — но ведь лотосу одному стоять скучно, да и если он в центре, то остальные цветы будут его защищать от жаркого солнца.

— А что же ты не поставила туда львиный зев? — дедушка показал на цветы, которые остались лежать на столе. — Давай и их туда же, им всем вместе веселее будет. Не бойся, львиный зев не покусает остальные цветы! — В конце концов весь букет стоял в вазе так, как этого хотелось дедушке и внучке.

Мама всегда говорила:

— Ты мне девочку балуешь, слушаться никого не будет, когда вырастет!

Девочке казалось очень странным, что в дедушкиной комнате ваза всегда была пуста. Девочка ни разу не видела в ней цветов. Видела только воробья, нарисованного на фарфоровом боку вазочки, сидящим на ветке сливы. Глаза у воробья были очень удивленные. Может быть, и он никак не мог понять,

отчего это в его вазочке никогда не бывает свежих цветов. Только те, что сначала постоят у девочки и почти увянут? Им ведь остается совсем недолго стоять. «Странно, очень странно», — думала девочка. Может быть, дедушка не любит цветы так, как она?

Сегодня утром, как всегда, девочка снова вошла в комнату к деду. Воробей все так же в одиночестве сидел на боку фарфоровой вазы. Глаза у него были удивленно раскрыты, словно он хотел о чем-то спросить девочку. Девочка выбежала из комнаты и бросилась к матери.

Мама ласково погладила девочку по голове:

— Дедушка твой очень любит цветы! Даже больше, чем ты. Но ведь больше всего он любит тебя...

Девочка постояла немного и убежала. Мама поглядела ей вслед и тихо прибавила:

— Вырастешь, дочка, узнаешь, что такое любить своих детей и внуков...

Красиво расположив цветы во внучкиной вазе, дедушка взял мотыгу и вышел в сад. Вскоре он вернулся в свою комнату. Но что же это такое? Он ничего не мог понять. Потом зажмурился. Такая у него была привычка — теперь он частенько не доверял своим старым глазам. Кто-то поставил в его комнату цветы. Те самые цветы, которые он сегодня утром купил для внучки. Цветы были кое-как воткнуты в вазу. Кто бы это мог сделать? Дедушка посмотрел на воробья. Но воробей, как всегда, молчал и только удивленно таращил глаза.

— Да я и сам догадался! — сказал ему дедушка. — Кто же еще сюда войдет? Ну и шалунья у меня внучка! И кто только ее надоумил? Нужно найти ее и расспросить хорошенько.

А под окном стояла девочка. Она приподнялась на цыпочки и заглянула в окошко.

— Воробей, а воробей, смотри, ничего дедушке не рассказывай, — тихонько прошептала она птице на вазе.

И что это там дедушка бормочет? Ага, вот он открывает дверь, вот хорошо, в окошко и не глянул, сразу вышел. Девочка облегченно вздохнула. Дедушка отправился на кухню к своей дочери, внучкиной маме, и все рассказал ей. Мама сразу все поняла.

«Ну вот, значит, ждать, пока девочка вырастет не нужно», — подумала она...

Перевод И. П. Зимониной

ГЕРМАНИЯ

Из немецкой народной поэзии

В СТАРОМ ДОМЕ ПОД ОСТРОЮ КРЫШЕЙ

В старом доме под острою крышей
Пляшут весело серые мыши,
И лает улитка под крышей.
Там странные вещи случаются:
В пляс дубовые лавки пускаются,
А туфли дрожат под кроватью.
В старом доме под острою крышей
Пляшут весело серые мыши,
И лает улитка под крышей.
В гнезде аистином сидят два быка,
И никто их оттуда не сгонит, пока
Из яиц аистята не вылупятся.
В старом доме под острою крышей
Пляшут весело серые мыши,
И лает улитка под крышей.
Два аиста там в карауле стоят,
И клювы у них, как кинжалы, блестят,
А сами они офицеры.
В старом доме под острою крышей
Пляшут весело серые мыши,
И лает улитка под крышей.
Еще бы я мог рассказать вам немало
О многом, что в домике этом бывало —
Смешного сверх всякой меры.

Перевод Ю. Коринца

Иоганн Вольфганг Гёте

(1749—1832)

Писатель, мыслитель, естествоиспытатель. Автор «Фауста», драматических произведений; «Страданий молодого Вертера», баллад.

ЛЕСНОЙ ЦАРЬ

Баллада

Кто скачет, кто мчится под хладною мглой?
Ездок запоздалый, с ним сын молодой.
К отцу, весь издрогнув, малютка приник;
Обняв, его держит и греет старик.
— Дитя, что ко мне ты так робко прильнул?
— Родимый, лесной царь в глаза мне сверкнул;
Он в темной короне, с густой бородой.
— О нет, то белеет туман над водой.
«Дитя, оглянися; младенец, ко мне;
Веселого много в моей стороне:
Цветы бирюзовы, жемчужны струи;
Из золота слиты чертоги мои».
— Родимый, лесной царь со мной говорит:
Он золото, перлы и радость сулит.
— О нет, мой младенец, ослышался ты:
То ветер, проснувшись, колыхнул листы.
«Ко мне, мой младенец; в дуброве моей
Узнаешь прекрасных моих дочерей:
При месяце будут играть и летать,
Играя, летая, тебя усыплять».
— Родимый, лесной царь созвал дочерей:
Мне, вижу, кивают из темных ветвей.
— О нет, все спокойно в ночной глубине:
То ветлы седые стоят в стороне.
«Дитя, я пленился твоей красотой:
Неволей иль волей, а будешь ты мой».
— Родимый, лесной царь нас хочет догнать.
Уж вот он: мне душно, мне тяжело дышать.
Ездок оробелый не скачет, летит;
Младенец тоскует, младенец кричит;
Ездок погоняет, ездок доскакал...
В руках его мертвый младенец лежал.

Перевод В. А. Жуковского

Братья Гримм

Якоб (1785—1863) и Вильгельм (1786—1859)

Ученые-филологи, собиратели народных сказок, авторы сказок литературных. Детям всех стран полюбили их «Бременские музыканты», «Храбрый портной», «Беляночка и Розочка», «Гензель и Гретель», «Умная Эльза».

ГОРШОК КАШИ

Жила-была девочка.

Пошла девочка в лес за ягодами и встретила там старушку.

— Здравствуй, девочка,— сказала ей старушка,— дай мне ягод, пожалуйста.

— На, бабушка,— говорит девочка.

Поела старушка ягод и сказала:

— Ты мне ягод дала, а я тебе тоже что-то подарю. Вот тебе горшочек. Стоит тебе только сказать:

Раз, два, три,
Горшочек, вари! —

и он начнет варить вкусную, сладкую кашу. А скажешь ему:

Раз, два, три,
Больше не вари! --

и он перестанет варить.

— Спасибо, бабушка,— сказала девочка, взяла горшочек и пошла домой, к матери.

Обрадовалась мать этому горшочку. Да и как не радоваться? Без труда и хлопот на обед вкусная, сладкая каша готова.

Вот однажды ушла девочка куда-то из дому, а мать поставила горшочек перед собой и говорит:

Раз, два, три,
Горшочек, вари!

Он и начал варить. Много каши наварил. Мать поела, сыта стала. А горшочек все варит и варит кашу. Как его остановишь?

Нужно было сказать:

Раз, два, три,
Больше не вари! —

да мать забыла эти слова, а девочки дома не было.

Горшочек варит и варит. Уж вся комната полна каши, уж и в прихожей каша, и на крыльце каша, и на улице каша, а он все варит и варит. Испугалась мать, побежала за девочкой, да не перебраться ей через дорогу — горячая каша рекой течет.

Хорошо, что девочка недалеко от дома была. Увидела она, что на улице делается, и бегом побежала домой. Кое-как взобралась на крылечко, открыла дверь и крикнула:

И перестал горшочек варить кашу.

А наварил он ее столько, что тот, кому приходилось из деревни в город ехать, должен был себе в каше дорогу проедать.

Только никто на это не жаловался. Очень уж была каша вкусная и сладкая.

БАБУШКА МЕТЕЛИЦА

Была у одной вдовы дочь, была у нее еще и падчерица. Падчерица прилежная, красивая, а дочка и лицом нехороша, и лентяйка страшная. Дочку свою вдова очень любила и все ей прощала, а падчерицу заставляла много работать и кормила очень плохо.

Каждое утро должна была падчерица садиться у колодца и прясть пряжу. И столько ей нужно было спрядь, что часто даже кровь выступала у нее на пальцах.

Однажды сидела она так, пряла и запачкала кровью веретено. Наклонилась девушка к колодцу, чтобы обмыть веретено, и вдруг выскользнуло у нее веретено из рук и упало в колодец.

Заплакала падчерица и побежала к мачехе рассказывать о своей беде.

— Ты его уронила, ты его и доставай,— сказала мачеха сердито.— Да смотри без веретена не возвращайся.

Подошла девушка обратно к колодцу и с горя взяла да и бросилась в воду. Бросилась в воду и сразу сознание потеряла.

А когда очнулась, увидела она, что лежит на зеленой лужайке, с неба солнце светит, а на лужайке цветы растут.

Пошла девушка по лужайке, смотрит: стоит на лужайке печь, а в печи хлебы пекутся. Хлебы крикнули ей:

— Ах, вынь нас, девушка, из печи поскорее! Ах, вынь поскорее! Мы уже спеклись! А то мы скоро совсем сгорим!

Взяла девушка лопату и вынула хлебы из печи.

Потом пошла она дальше и пришла к яблоне. А на яблоне было много спелых яблок. Яблоня крикнула ей:

— Ах, потряси меня, девушка, потряси! Яблоки давно уже спели!

Стала девушка трясти яблоню. Яблоки дождем на землю посыпались. И до тех пор трясла она яблоню, пока не осталось на ней ни одного яблока.

Сложила девушка яблоки в кучу и пошла дальше. И вот наконец пришла она к избушке. В окно избушки выглянула старуха. Из рта у нее торчали огромные белые зубы. Увидела девушка старуху, испугалась и хотела бежать, но старуха крикнула ей:

— Чего ты испугалась, милая? Оставайся-ка лучше у меня. Будешь хорошо работать, и тебе хорошо будет. Ты мне только постель стели получше да перину и подушки взбивай посильнее, чтобы перья во все стороны летели. Когда от моей перины перья летят, на земле снег идет. Знаешь, кто я? Я — сама госпожа Метелица.

— Что же,— сказала девушка,— я согласна поступить к вам на службу.

Вот и осталась она работать у старухи. Девушка она была хорошая, примерная и делала все, что ей старуха приказывала.

Перину и подушки она так сильно взбивала, что перья, словно хлопья снега, летели во все стороны.

Хорошо жилось девушке у Метелицы. Никогда ее Метелица не ругала, а кормила всегда сытно и вкусно.

И все-таки скоро начала девушка скучать. Сначала она и сама понять не могла, отчего скучает, — ведь ей тут в тысячу раз лучше, чем дома, живет-ся, а потом поняла, что скучает она именно по родному дому. Как там ни плохо было, а все-таки она очень к нему привыкла.

Вот раз и говорит девушка старухе:

— Я очень стосковалась по дому. Как мне у вас ни хорошо, а все-таки не могу я здесь больше оставаться. Мне очень хочется родных увидеть.

Выслушала ее Метелица и сказала:

— Мне нравится, что ты своих родных не забываешь. Ты хорошо у меня поработала. За это я тебе сама покажу дорогу домой.

Взяла она девушку за руку и привела к большим воротам. Ворота раскрылись, и когда девушка проходила под ними, посыпалось на нее сверху золото. Так и вышла она из ворот, вся золотом обсыпанная.

— Это тебе в награду за твое старание, — сказала Метелица и дала ей веретено, то самое, которое в колодец упало.

Потом ворота закрылись, и девушка снова очутилась наверху, на земле. Скоро пришла она к мачехиному дому. Вошла она в дом, а петушок, сидевший на колодце, в это время запел:

Ку-ка-ре-ку, девушка пришла!
Много золота в дом принесла!

Увидели мачеха с дочкой, что принесла падчерица с собой много золота, и встретили ее ласково. Даже ругать не стали за долгую отлучку.

Рассказала им девушка обо всем, что с нею случилось, и захотелось мачехе, чтобы ее дочка тоже стала богатой, чтобы она тоже много золота в дом принесла. Посадила она свою дочь прясть у колодца. Села ленивая дочка у колодца, но прясть не стала. Только расцарапала себе палец терновником до крови, вымазала веретено кровью, бросила его в колодец и сама за ним в воду прыгнула.

И вот очутилась она на той же самой зеленой лужайке, где росли красивые цветы. Пошла она по тропинке и скоро пришла к печке, где пеклись хлебы.

— Ах, — крикнули ей хлебы, — вынь нас из печки! Вынь поскорее! Мы спеклись уже! Мы скоро сгорим!

— Как бы не так! — ответила лентяйка. — Стану я из-за вас пачкаться, — и пошла дальше.

Потом пришла она к яблоне, яблоня крикнула ей:

— Ах, потряси меня, девушка, потряси! Яблоки уже давно спели!

— Как же, как же, — отвечала она, — того и гляди, если я начну тебя трясти, какое-нибудь яблоко мне на голову свалится да шишку набьет!

Наконец подошла лентяйка к дому госпожи Метелицы. Она совсем не испугалась Метелицы. Ведь сестра рассказала ей о больших зубах Метелицы, и о том, что она совсем не страшная.

Вот и поступила лентяйка к Метелице на работу.

Первый день она еще кое-как старалась побороть свою лень, слушалась

госпожу Метелицу, взбивала ей перину и подушки так, что перья летели во все стороны. А на второй и на третий день стала ее одолевать лень. Утром нехотя поднималась она с кровати, постель своей хозяйки стлала плохо, а перину и подушки совсем перестала взбивать.

Надоело Метелице держать такую служанку, вот она и говорит ей:

— Уходи-ка ты обратно к себе домой!

Тут лентяйка обрадовалась. «Ну,— думает,— сейчас на меня золото посыплется». Подвела ее Метелица к большим воротам. Распахнулись ворота. Но когда выходила из них лентяйка, не золото на нее посыпалось, а опрокинулся котел со смолой.

— Вот тебе награда за твою работу,— сказала Метелица и захлопнула ворота.

Пришла лентяйка домой, а петушок, сидевший на колодце, увидел ее и закричал:

Будут смеяться все на селе:
Входит девушка вся в смоле!

И так эта смола к ней крепко пристала, что осталась у нее на коже на всю жизнь.

Пересказ *А. Введенского*, под ред. *С. Маршака*

Ханс Фаллада

(1893—1947)

Один из крупнейших писателей Германии. Взрослые читатели хорошо знают его книги: «Волк среди волков», «Маленький человек, что же дальше?». Ханс Фаллада писал и для детей. Особенно знаменита его сказка «Фридолин, нахальный барсучок», где почти нет волшебства, главное для писателя — сама жизнь, подлинность ситуаций и характеров.

ФРИДОЛИН. НАХАЛЬНЫЙ БАРСУЧОК

(отрывок)

В Доме на озере живут люди, а в норе на южном берегу Острова поселился барсук.

Люди взяли да купили себе Дом на озере и сразу принялись внутри и снаружи все переделывать. Фридолин, так звали барсука, совсем не интересовался тем, что люди делали внутри дома. А вот что они повсюду возвели заборы, и, как нарочно, поперек его любимых тропинок, по которым он ночью бегал за кормом, доставляло ему немало огорчений. К тому же у этих людей было много детишек, но, как много, Фридолин не мог бы сказать: барсуки ведь умеют считать только до двух и обо всем, что больше, говорят «много».

Но мы-то знаем, сколько детей жило в Доме на озере,— трое. И звали их — Ули, Мушка и Ахим. И еще была там собака Тедди. И эти люди, и дети, и собака взяли себе в привычку приходить на Остров, бегали там, играли, шумели, а собака гоняла между деревьями и все вынюхивала. Конечно, Фридолину это ужасно мешало!

Он же не мог купить себе хорошую нору, свою он собственноручно выкопал, потрудился изрядно. Раньше ведь Фридолин не жил здесь на Острове, сюда переселиться заставили его очень грустные события. Раньше он жил в Большом буковом лесу, примерно в трех километрах отсюда, а это для барсука — дальняя дорога.

Большой буковый лес, как называл народ эти места, рос на невысокой возвышенности, спадавшей на юг и на север к двум озерам: к широкому — Цансенскому и узкому — Люцинскому.

На южном склоне, том, что спадает к Цансенскому озеру, в светлом буковом лесу и была первая нора Фридолина, там он и вырос вместе со своим братом Фридрихом и сестрами Фридой и Фридерикой под ласковым попечением своей матушки Фридезинхен.

Отца своего Фридолин никогда не видал — барсуки от природы склонны к отшельничеству, живут в одиночку. Даже муж и жена не селятся вместе, и барсучьей мамаше одной приходится воспитывать детей до той поры, пока они не встанут на ноги. Но мамаша Фридезинхен кое-что рассказывала детям об отце — Фридере, которого за угрюмый нрав и постоянную ворчливость высоко чтили среди барсуков. Барсуки ведь так же ценят угрюмость, как люди — приветливость и радушие. Чем меньше барсук нуждается в своих сородичах, тем более он уважаем, а уж превыше всех, учила матушка Фридезинхен своих детей, мы ставим барсука, которого вообще никто не слышит и не видит.

Ну так вот, на южном склоне, том, что спадает к Цансенскому озеру, в светлом буковом лесу протекало детство Фридолина. О, как оно было прекрасно! Родился он вместе со своими сестрами и братом в самом конце необычайно холодного февраля, но, по правде сказать, малыши и не подозревали, до чего же холодно бывает на белом свете! Барсучья мама выстлала гнездо сухой листвой, мягким мхом и жухлой травкой — здесь было тепло и уютно. Еще бы: два метра под землей, сюда никакой мороз не доберется!

А уж какая чистюля была Фридезинхен! От жилиго гнездышка она прорыла небольшой ход и в конце его устроила что-то вроде маленькой уборной. Детей она очень скоро приучила бегать туда по всем «делам», а помет аккуратно закапывать. Остатки пищи она тоже туда сносила: ведь ничто так барсукам не противно, как запах гнили и нечистот. Потому-то они, помимо пяти-шести отнорков, выкапывают две или три отдушины, которые выходят прямо наверх, чтобы воздух в норе был всегда свеж и чист.

О первых своих днях, проведенных в теплом, мягко выстланном гнезде, Фридолин, разумеется, ничего уже не помнил. Как и его брат и две сестры, он родился слепым, и прошло довольно много времени, прежде чем у него прорезались глаза и он стал понемножку ползать. Кормились они в ту пору скудно: вслед за суровым февралем и его ледяными ветрами пришел неприютный слякотный март. И мамаша Фридезинхен с ног сбилась, стараясь чем-нибудь заткнуть четыре ненасытных рта, да еще свой, пятый, впридачу. Но она не давала себе покоя и, вопреки всем барсучьим обычаям, иной раз даже днем покидала нору, если дети чересчур уж жалобно пищали, требуя поесть.

И Фридолин, и Фридрих, и Фрида, и Фридерика с нетерпением ожидали, что же принесет им мама. А сколько нового они узнавали в те дни: и на ощупь, и нюхом, и на вкус! Чего только не было наверху, в этом таинственном

большом мире, которого они еще не видели! Мама Фридезинхен приносила то сладкий корешок, то буковые орешки, то желуди, свеклу или морковку, а то и лакомого дождевого червя, замерзшего ужа или вкусную-превкусную мышку. Однажды она принесла на обед осиное гнездо. До чего ж сладкий был в нем мед! Фридолин никак не мог взять в толк: почему мама каждый день не подает им такого лакомства? Он даже поворчал на нее за это немного. Глупыш, он и не догадывался, как трудно было маме доставать сейчас нужный им всем корм. Он-то думал, что сладкий мед приготовлен для него на каждом шагу.

И вот однажды — было это в начале апреля, когда солнце ласково пригревало, — наступил тот великий час, когда матушка Фридезинхен впервые вывела своих детей наверх. Как же барсучата встревожились, когда, выбиваясь из норы, впервые увидели свет! Малышам даже страшно стало. Фридезинхен пришлось их подпихивать и ворчать, не то они все вчетвером поползли бы обратно в гнездо.

Но что было, когда они очутились совсем наверху, где ярко светило солнце! То вытаращат глаза, то снова зажмурят — с непривычки ведь больно смотреть на свет. Потихоньку-полегоньку стали они моргать, а потом уже и осматриваться. И тут сразу же посыпались вопросы.

— Мама, а что это такое желтое? И мягкое? И теплое? — спрашивали они про чистый, приятный песок, который матушка Фридезинхен выбросила из норы, когда ее копала.

— Мама, а что это такое длинное, коричневое и к зубам прилипает? — спрашивали барсучата, грызя смолистый корешок.

— Мама, это маленький барсук, что так смешно кричит? — спрашивали они, показывая на птичку, попискивающую в ветвях.

— Мама, а почему мне так тепло, будто я у твоего живота лежу? — спрашивали они о теплом солнышке, пригревавшем им шкурку.

Тысяча вопросов сыпалась на матушку Фридезинхен, и она, чтобы как-то утихомирить детей, повела их вниз, к озеру, — учить воду пить. Вот была потеха! Берег-то крутой: кто через голову кувыркается, кто бочком покатится, кто просто споткнется. Но тут случилась и первая беда в барсучьей семье. Фрида так разогналась, что бултых прямо в воду: она ведь не знала, что это такое блестит и сверкает внизу, ну, и остановиться не сумела, конечно. А у самого берега, в мелководье, как раз щука на солнышке грелась: она хватъ Фриду своими зубами и утащила в глубину и там с аппетитом пообедала.

Сперва-то Фридезинхен очень испугалась, как услышала, что дочь в воду шлепнулась и тут же с глаз исчезла. А потом стала бегать вокруг трех оставшихся барсучат и считать: «Раз, два — много!» Оказывается, все сходило. И раньше у нее было «много» детей, и теперь их было «много». Стало быть, все в порядке. Очень, оказывается, удобно, когда только до двух считать умеешь!

Попили барсуки воды и давай взбираться вверх, к норе. Это было потрудней, чем вниз катиться. Фридезинхен пришлось поработать своим длинным носом: кого подтолкнет, кого и перевернет. Но в конце концов они все же добрались до мягкого песочка перед входом в нору, до корыта, как это называется. И так они устали и запыхались, что мама разрешила им полежать отдохнуть. Кто спинку греет на солнышке, кто брюшко, а Фридезинхен при-

нялась искать у них в шубках насекомых — и зубами, и когтями. Малыши были просто счастливы и ни о чем маму уже не спрашивали. Да и то сказать: весь мир вокруг, родная нора под могучим буком, поросший мхом каменистый откос, сверкающее на солнышке озеро с тихо шуршащим камышовым поясом по берегу — все ведь было таким, как оно было, чего же тут еще спрашивать?

Небольшие эти прогулки матушка Фридезинхен стала совершать с детьми почти каждый день, лишь бы солнце светило да не было поблизости злых недругов. А барсучата тем временем учились пользоваться своими лапами. Уже без помощи мамы они быстро взбирались на откос и спускались с него; быстро, конечно, только для барсуков: ведь даже самый шустрый барсук бегаёт не быстрее, чем человек идет размеренным шагом. И еще они очень любили играть перед норой в корыте, а матушка Фридезинхен ласково поглядывала на них, но сама всегда была настороже — не ровен час, забредет сюда собака, человек или злая лиса!

Малыши же то один другого толкнет и опрокинет, то мертвыми притворятся — припадут к земле, положат рыльце между передними лапами, крепко зажмурят глаза и думают, что никто их не видит. Но самая любимая игра у барсуков — это закапываться. Тут и мама охотно принимала участие. И такая она была в этом мастерица, что не проходило и трех, ну четырех минут — и нет ее! Копала она сильными передними лапами, а задними откидывала землю. Зароется поглубже, и ничего не видно сверху — так, холмик маленький, а на самом деле там барсучиха Фридезинхен спряталась.

Дети с радостью учились у матери. Хорошо было после яркого, слепящего солнца зарываться, покуда не исчезнет и последний отблеск дневного света, не затихнет и последний звук... Перестанет Фридолин копать и слышит уже только стук своего маленького сердца. Больше всего ему нравилось оставаться наедине с собой глубоко-глубоко, где кругом одна таинственная темень. В этом Фридолин был настоящим барсуком: среди животных барсуки больше всех любят одиночество, больше всех сторонятся и людей и себе подобных. Только в детстве барсук живет с родными, а как только подрастет, всегда хочет быть один.

Вот зароется маленький Фридолин в землю, наткнется там в глубине на каменную глыбу, подкопает ее и роет свой ход на другую сторону, где уже ничего не слышит и не чувствует из того другого мира, и вокруг только тихая, чуть шуршащая бархатная темнота! Лежит Фридолин на брюшке, дышит спокойно и совсем забыл, что есть у него где-то мама Фридезинхен, и сестра Фридерика, и брат Фридрих. Потом перевернется на спину, подтянет задние лапы к животу, спрячет рыльце между передними и несколько мгновений спустя уже крепко спит.

И это еще одно особое свойство барсуков — засыпать в любую минуту и спать бесконечно долго. Помимо еды, сон — их любимейшее занятие, если сон вообще можно назвать занятием. Барсуки ужасно ленивы и, как только выйдут из детского возраста, лапой не пошевелият, если это не вызвано крайней необходимостью; бывает, что и за кормом не пойдут, а сочтут за лучшее поспать подольше. С Фридолином часто случалось, что он засыпал в своей игрушечной норе, а мама и сестра с братом напрасно его ждали. Потом выползал наверх, а на землю давно уже спустилась ночь, и все его родные крепко спят в мягком, выстланном мхом гнездышке. Мать ворчит, когда он

устраивается у нее под бочком: «Ишь бродяжка» или: «Шатается по ночам!». Впрочем, на более строгий выговор Фридезинхен и не способна: уж очень ей самой хочется спать да и Фридолин слишком устал, чтобы выслушивать ее. Не проходит и минуты, как вся барсучья семья уже опять крепко спит.

Так, играя и гуляя, дети росли и крепили, учились пользоваться лапами, узнавали, для чего нужны глаза, уши и, конечно же, зубы, а они у барсуков особенно острые, и ими можно нанести серьезные раны.

И вот как-то ночью Фридезинхен решила, что пришла пора взять детей с собой в лес — надо им привыкать самим заботиться о себе. О, до чего все было таинственно в притихшем лесу! Даже ветер, должно быть, уснул — ни один листок не шелохнется. А как осторожно, как тихо надо ходить по ночным тропинкам, а то ведь вся дичь разбежится.

Какая же радость охватывала Фридолина, когда, перевернув своей длинной мордочкой какой-нибудь плоский камень, он обнаруживал под ним целые полчища мокриц и червей! Тут уж он, не стесняясь, громко чавкал. Или отдерет коготками кору от сгнившего комля и слизывает переполошившихся жучков. Но верх ловкости он проявил, когда однажды ему удалось под самым носом у мамы Фридезинхен сцапать излишне любопытную мышку. Та давай пищать, а мама сердито фыркнула — ей самой хотелось полакомиться мышью. Но сынок и не думал уступать, он уплетал добычу за обе щеки, с наслаждением похрюкивая.

Прискорбно, но и в эту первую ночную прогулку случилась беда. Покуда небольшое барсучье семейство мирно брело по лесу в поисках пищи, от старого бука отделилась огромная тень: засуршали крылья, два огромных глаза сверкнули жуткой зеленью, и большая сова опустилась прямо на барсуков. Закрыв глаза, дети прижались к земле и притворились мертвыми, а Фридезинхен с фырканием и шипеньем бросилась на крылатую злодейку, стараясь схватить ее зубами. Но тщетно — сова уже взмыла вверх, хотя Фридрих и пищал у нее в когтях. На этот раз мама Фридезинхен очень огорчилась: она заметила, что у нее вместо «много», то есть трех детей, осталось только двое — Фридолин и Фридерика.

Но зато тем большее внимание могла она уделять оставшимся барсучатам, тем больше им доставалось корма, тем быстрее они развивались и росли. Ночи напролет они всей семьей рыскали по лесу, но не удалялись от надежной норы более чем на один километр — тут уж ни одного клочка земли не оставалось неисследованным. И чем ближе к лету, тем больше лакомств они узнавали: тетеревиные яйца или выпавшая из гнезда птичка; удивительная лягушка, которая даже в зубах еще квакала; нежная ящерица или улитка. Богатый стол бывал в ту пору у барсуков!

Но самым большим событием оказалась находка заячьей лежки. Барсуки с превеликим удовольствием уплели пять еще слепых зайчат, несмотря на то что заячья мама защищала их со смелостью отчаяния и наделила Фридезинхен целым градом пощечин. Но ведь барсуков хорошо защищают их шубка и толстый слой сала. Зато нос свой они очень берегут — сильный удар по носу может на месте уложить барсука.

Когда ночь выпадала темная и луна не светила или, еще лучше, когда чуть накрапывал дождь, Фридезинхен отваживалась с детьми покинуть лес, выйти в поле и навестить огороды по соседству с домами, где жили люди.

Вообще-то барсуки терпеть не могут очень неприятного для них человеческого запаха; избегают близости человека, боятся людей даже больше, чем их постоянных спутников — собак, хотя у собак очень большие зубы и вечно они всюду суют свой нос, быстро бегают и ужасно громко лают. Но на полях, возделанных людьми, в огородах растут такие прекрасные вещи! И морковь, и свекла, а на грядках можно найти и клубнику; иногда удается дотянуться до виноградной лозы, да и молодыми всходами в поле не следует пренебрегать: по сравнению с ними самая сладкая травка в лесу — кислятина.

Столь богатый выбор порой усыплял постоянную настороженность Фридезинхен. К тому же она хорошо знала, что собака во дворе усадьбы Гуллербуш хоть и лаяла громко и страшно гремела своей тяжелой цепью, но не более того! Ведь эта самая цепь не отпускала ее от конуры, и барсучиха преспокойно паслась с барсучатами на грядках огорода под самым носом оскалившей свои страшные клыки собаки. Заборы, разумеется, не были препятствием для барсуков — они легко прорывали ходы под досками или сеткой.

Но во время одного такого ночного похода барсукам пришлось пережить немало волнений. Все семейство как раз проверяло, сладкой ли уродилась первая морковь, а Фридолину даже посчастливилось застигнуть жирного крота на месте преступления: тот занимался подрывной деятельностью и в наказание был отправлен в темницу барсучьего брюха на пожизненное заключение. И вдруг бешеный лай дворовой собаки сменился жалобным повизгиванием: это хозяин усадьбы, допоздна засидевшийся у соседей, только что ступил на родной двор.

— Аста! — крикнул он. — Проклятая псина, замолчишь ли ты наконец!

Услыхав человеческий голос, оба барсучонка, не производя ни малейшего шума, быстро подобрались к мамаше, и та увела их в густые заросли горошка. Дворовая же собака Аста, насколько позволяла ей цепь, подскочила к хозяину, положила передние лапы ему на плечи и заскулила, умоляя отпустить: уж очень ей не терпелось наказать нахальных воришек, забравшихся в огород. Однако хозяин, решительно не понимавший собачьего языка, погладив Асту, сказал:

— Да что это с тобой? Успокойся, Аста. Ежа, наверное, учуяла. Сколько раз я тебе говорил: ежи очень полезны, они ловят мышей и змей. Пусть живут на здоровье. Не тронь их, Аста, не то получишь трепку.

Но Аста не переставала повизгивать, тем самым умоляя хозяина отпустить ее; на сей раз это ведь другое, не еж вовсе! Пусть хозяин понюхает как следует: разве тут ежом пахнет?..

А хозяин, у которого, как у всех людей, был самый обыкновенный нос, не чувявший на расстоянии ни ежей, ни барсуков и уж никогда бы не сумевший различить их по запаху, — так вот, хозяин этот в конце концов разжалобился и отвязал Асту. Собака ринулась в темноту.

«И зачем только я послушался ее? — ворчал хозяин себе под нос. — Теперь вот топай за ней в потемках, вместо того чтобы лежать в теплой постели!» Тем временем Аста, большая рыжая овчарка с черным чепраком, торопливо рыла под забором. Но когти у нее были далеко не так хорошо приспособлены для копания, как у барсуков, к тому же она второпях скребла лапами прямо по камням; и дело подвигалось медленно. Барсучата вместе с мамашей Фридезинхен притаились в горошке.

— Так ведь и знал! — сердито прикрикнул хозяин на Асту, увидя, чем она

занята у забора.— В огород тебе понадобилось, поохотиться на ежа! Аста, ко мне! Сейчас же ко мне, Аста!

Но овчарка, вырвавшись на свободу и войдя в охотничий раж, не думала слушаться. Она немного отбежала и давай опять копать.

— Чтоб тебя! — взорвался хозяин, пытаясь разглядеть собаку. При этом он вспомнил о своей жене — хозяйке усадьбы: она ведь не на шутку рассердится, если собака, забравшись в огород, своими лапищами поломаёт нежную рассаду.

— Сейчас же пойдё сюда! — кричал хозяин.

Но было очень темно, и Аста, прокопав себе лаз под забором, сбита с толку многочисленными барсучьими следами, уже носилась как угорелая по огороду. Мамаша Фридезинхен, поняв, что собака близко, быстренько вывела своих детишек через прорытые ими ходы из огорода и укрылась под колючим кустом терновника, росшим у самой риги.

— Ну, погоди ж, проклятая псина! — крикнул хозяин и побежал через калитку в огород, намереваясь там настигнуть непослушную Асту.

Но собака, гоняясь за барсуками, почуяла, что они уже выбрались из огорода, и пулей вылетела во двор через открытую хозяином калитку, чуть не сбив с ног его самого. К этому времени Фридезинхен уже успела перевести своих малышек снова в огород и опять спряталась с ними в горошке.

Так они довольно долго гонялись друг за другом. Но как бы Аста ни носилась со двора в огород и обратно, настичь барсуков ей не удалось: ведь ей надо было бегать кружным путем, через калитку, а барсуки преспокойненько пролезали под забором через прорытые ими ходы.

В конце концов хозяин все же поймал Асту, и на этом окончилась ее бесславная охота. И покуда барсучья семья мирно брела в сторону леса, над усадьбой раздавался жалобный вой Асты, ни за что ни про что строго наказанной хозяином. Однако еще суровой и строже была на следующее утро хозяйка, жена хозяина, увидев свой разоренный огород. Немало пришлось выслушать хозяину горьких слов; чуть ли не целую неделю хозяйка не желала сменить гнев на милость, да и обед все это время был какой-то невкусный. Ну а барсуки надолго забыли дорогу в огород: мамаша Фридезинхен терпеть не могла подобных тревожений, а дети ее, настоящие барсучата, думали примерно так же, как она.

День за днем все ярче разгоралось лето, и для барсуков наступило раздольное житье. Ночью уже не приходилось отправляться в дальние экспедиции — корма и в лесу и на лугах было вдоволь. Они быстро утоляли голод и сразу же спешили домой, в родную нору, а та стала уже тесноватой для троих.

Своему любимому занятию, то есть сну, барсуки предавались вволю, а когда еще до захода солнца выбирались из норы, то уже никаких детских игр не затевали. Фридолин и Фридерика почти достигли своего полного роста, стало быть, веселая детская пора уже миновала. Подражая мамаше Фридезинхен, они в полном молчании поворачивали к солнышку то спинку, то брюшко.

А если уж на Фридолина и нападала его прежняя шаловливость и он тыкал Фридерике рыльцем, как бы приглашая в игру — закапываться, кто быстрее, или притворяться мертвым, кто лучше, — обе женщины, презрительно сопя носами, строго указывали ему, сколь неприличны для барсука такие

замашки, и молча продолжали поджариваться на солнце. Обычно в таких случаях своей ворчливостью и дурным расположением духа отличалась сестра Фридерика, да и вообще она в этом смысле значительно превосходила мать. Порою ею овладевала такая страсть к одиночеству, что она с братом и матушкой не хотела даже делить общее гнездо. Заберется потихоньку первой в котел, выставит навстречу матери острые зубы и шипит — мое, мол, это теплое местечко, я одна тут буду спать! Фридезинхен отфыркивалась, рычала, а порой они друг друга уже и покусывали. Словом, мир, до того всегда царивший в их маленькой семье, оказался нарушенным, а ведь по нему они все получили свои имена¹.

Но покамест мать была сильнейшей в доме и частенько поколачивала подрастающую дочь, показывая тем самым, насколько ей ближе и родней всегда такой добродушный и ласковый сын. В ответ на это Фридерика, бывало, то куснет Фридолина ни за что ни про что, то отнимет только что пойманную добычу, а во сне так навалится на него, что ему уж ни повернуться на другой бок, ни лапы вытянуть. Да, Фридолин проронил бы не одну горькую слезу, если бы барсуки умели плакать; но и без этого ему часто делалось грустно, и даже стоявшее на дворе прекрасное лето ничуть его не радовало. Вот он и стал задумываться над тем, сколь неудобно такое совместное житье-бытье; во сне ему все чаще виделся мягко выстланный мхом котел, а под боком кладовая, ломающаяся от морковки, и он в котле совсем один, вдали от людей, собак и даже барсуков.

Матушка старалась утешить его.

— Сынок,— говорила она,— не отчаивайся. Сестра твоя скоро войдет в возраст и обзаведется собственным домом. Сейчас она сама не знает, чего ей надо. Но недалек тот день, когда она поймет это и оставит нас в покое.

Так оно и случилось на самом деле. Однажды ночью барсуки все втроем забрели в места, где им до того никогда не приходилось бывать. На песчаном обрыве стояло несколько одиноких буков — последние часовые Большого букowego леса. Среди них росли редкие, изодранные ветрами сосны, чьи толстые корни змеились в песке. Здесь было много кроличьих норок, а вокруг, куда ни глянь, поля и луга...

Как увидела Фридерика этот обрыв, так сразу стала сама не своя: бегаёт, суетится, рыльцем все кроличьи норки проверяет и все время пищит как-то тревожно. И вдруг остановилась у одной из норок, над которой, словно арка, навис могучий смолистый корень, и решительно заявила: «Здесь я сижу и отсюда никуда не уйду!»

Напрасно матушка Фридезинхен объясняла ей, что обрыв этот никак не годится для барсучьего поселения. Кролики народ суетливый, без конца барабанят своими лапами, кого хочешь выведут из себя; к тому же близкое соседство обширных лугов и полей таит в себе постоянную угрозу встреч с собаками и людьми. Но как Фридезинхен ни уговаривала дочь, яйцо и на сей раз захотело учить курицу, и домой отправились лишь мать и сын, а Фридерика так и осталась на кроличьем обрыве.

По дороге через лес мать показала Фридолину пустую нору, которая, по ее мнению, была куда безопаснее и надежнее: среди густых зарослей леса, на склоне небольшого холма, между замшелыми валунами, виднелся вход

¹ Der Friede — по-немецки — мир.

в заброшенную лисью нору. У подножия холма блестел небольшой омут. Но зато здесь совсем не было солнышка. И потом, в самой норе воняло нестерпимо: ведь у лисы иной нрав, чем у барсука, она грязнуха, и вонь ее носу даже бывает приятна. Не стесняясь, она пачкает собственное жилье, помет не убирает, да и остатки пищи гниют в норе и вокруг, издавая отвратительный запах на радость лисе. Но как бы то ни было, квартира эта представлялась барсучихе и спокойней и надежней, чем выбранная Фридерикой. Мамаша озабоченно посапывала, вспоминая свою неразумную дочь.

В следующие дни Фридезинхен и Фридолин не раз навещали Фридерiku. Иногда они заставляли ее на месте, но та, ни слова не сказав, будь то день или ночь, недовольная скрывалась в норе. Настоящая отшельница, значит! Но бывало и так, что Фридерика уходила за кормом, и тогда мать, как все женщины, разбираемая любопытством, заползала в нору и придирчиво осматривала устроенное дочерью жилье. И тут уж похвалам не было конца! Фридерика создала нечто образцовое. Превосходно выстланный мхом и сеном котел находился примерно в двух метрах под землей, от человека и лопат его хорошо защищали могучие корни росшей прямо над норой сосны. Рядом с котлом были отрыты два поменьше, а в одном из них уже лежали буковые орешки, желуди, сладкие корешки, и все в образцовом порядке. Кроме того, Фридерика выкопала не меньше семи больших отнорков, выходы из которых располагались не ближе 15—20 метров друг от друга — стало быть, бежать из норы можно было в самые разные стороны. У главного выхода было устроено хорошее корыто: плотно утоптанная земля здесь не оставляла никаких следов. Не менее четырех отдушин, поднимавшихся прямо на поверхность, обеспечивали котел свежим воздухом.

— Вот это квартира! — воскликнула Фридезинхен, обращаясь к сыну. — Такой мог бы гордиться и самый опытный барсук. Сразу видно, что Фридерика из хорошей семьи. Будем надеяться, что и ты, сынок, в свое время не посрамишь родителей.

Должно быть, при этом она подумала о папаше Фридере, которого Фридолин так никогда и не видел. Но тут же она, покачав головой, озабоченно проговорила:

— Все это, конечно, хорошо и красиво, но закладывать нору следовало у замшелых валунов. Эта чересчур открыто расположена, тут не поможет и десяток запасных выходов.

К сожалению, матушка Фридезинхен оказалась права в своих мрачных предчувствиях. Когда однажды ночной порой мать и сын вновь пришли навестить свою родственницу, они увидели, что все выходы из норы завалены, вокруг много собачьих следов и сильно пахло этими злыми животными. Котел, который Фридерика так заботливо выстлала мхом, был разрушен, должно быть в пылу сражения. Барсуки заметили кое-где и пятна крови, и не только собачьей...

Опустившись на задние лапы, Фридезинхен принялась поучать сына:

— Вот так и получается с детьми, когда они не слушаются мудрых советов матери! Бедная моя Фридерика! Собаки тебя растерзали. А может быть, и застрелил злой человек?! И уже съел тебя! Жалко мне твою сестренку, Фридолин! Какая была способная девочка! Я уверена, что из нее вышла бы самая ворчливая барсучиха в мире, отшельница из отшельниц — она прославилась бы среди барсуков. А теперь вот погибла, и такая молодая!

Быстренько схватив большого жука, намеревавшегося бесцеремонно проползти мимо ее чуткого носа, Фридезинхен продолжала:

— Из многих, многих моих детей ты остался у меня один. Надеюсь, ты не посрамишь своего отца Фридера и меня, твою мать, Фридолин. Пусть судьба, постигшая твою сестру, послужит тебе уроком, сынок. Подальше держись от людей и зверей, будь то хоть самая очаровательная барсучиха. Живи всегда один, фырчи, царапайся, кусайся — никого к себе не подпускай! Даже самый лакомый кусочек должен вызвать у тебя подозрение — а вдруг в нем таится опасность? Нет, нет, не хочу я, чтобы ты окончил дни свои во чреве людском, Фридолин. Хочу, чтобы ты умер в самом преклонном возрасте, в уютной, мягко выстланной мхом норе.

— Я все сделаю, как ты велишь, мама! — ответил сын, потеревшись рыльцем о мордочку Фридезинхен.

Перевод *Вс. Розанова*

Отфрид Пройслер

(1923)

Знаменитый сказочник, лауреат международных премий и премий своей страны, автор популярных книг: «Маленькая Баба-Яга», «Маленький Водяной», «Маленькое Привидение».

ШЕСТЬСОТ ВОСЕМЬДЕСЯТ СЕМЬ ОВЕЦ

Жил на свете пастух. Кочевал он со стадом от деревни к деревне и покуривал трубочку, выпуская в небо колечки дыма. В обед стадо подходило к пруду или ручью. Пастух обедал и отдыхал, засыпая в тени прибрежных кустов. Овец в это время охраняли два его верных пса — Подгоняй и Загоняй. Они следили, чтобы ни одна из шестисот восьмидесяти семи овец не пропала. Да! У пастуха было шестьсот восемьдесят семь овец, а шестьсот восемьдесят семь овец — это очень много!

После отдыха пастух со своим стадом шел дальше. Порою им путь преграждала проселочная дорога, а иногда и шоссе. Тогда все пешеходы, велосипедисты, крестьяне с повозками и телегами, шоферы грузовиков и автобусов, водители легковых машин и даже юные автомобилисты-гонщики пережидали, пока пастух и шестьсот восемьдесят семь овец перейдут дорогу. Люди, как правило, торопились и частенько покрикивали: «Нельзя ли побыстрее! У вас что, времени много?»

В ответ пастух лишь приветливо кивал и выпускал в небо очень красивые завитки из своей трубочки. Времени у него было предостаточно, и он не понимал, почему люди так сердятся.

Каждый вечер на краю какой-нибудь деревни пастух ставил загон, впускал туда своих шестьсот восемьдесят семь овец и запирал их. А сам забирался в повозку на мешок с соломой, укрывался курткой и тут же засыпал. Овцы в загоне тоже успокаивались. Они крепко прижимались друг к другу, чтобы ночной холод не мешал им.

Не спали только Подгоняй и Загоняй. Они сторожили пастуха и его стадо. Порой они лаяли на луну, то ли от скуки, то ли предупреждали волков: «Мы не спим».

Утром пастух заходил в ближайший дом и просил отвезти повозку и загон для овец в соседнюю деревню. И когда вечером добирался до нее, то все его добро было на месте.

Так шли день за днем, неделя за неделей. И если бы не дул ветер, не шел снег и не лил дождь, жизнь пастуха была бы счастливой.

Однажды под вечер пастух подошел со своим стадом к горному ручью. Ручей был неширокий, но стремительный и глубокий. Овцам его вброд не перейти.

— Придется искать мост,— проворчал пастух. Долго шел он со своим стадом вдоль ручья, но моста нигде не было. Смеркалось... Тут он увидел на берегу доску. Видно, кто-то забыл ее.

— Наконец-то! — обрадовался пастух. — Как раз то, что нужно! — И перекинул доску через ручей.

Но доска была узкой. Придется каждой овечке идти поодиночке, а остальные ждать своей очереди.

Долгая история!

Первым перебежал Подгоняй. За ним — Загоняй. Баран — вожак стада потоптался, потоптался и осторожно двинулся вперед. Только он перебрался, пастух подтолкнул первую овечку. За ней вторую, третью. Так и шли они друг за другом.

Стемнело. На небе появилась луна, засверкали звезды. Пастух терпеливо ждал.

— Девяносто первая, девяносто вторая! — бормотал он под нос неторопливо.

У пастуха было много времени, но и мы тоже должны набраться терпения. Потому что, пока все шестьсот восемьдесят семь овец не перейдут ручей, наш рассказ не сдвинется с места.

Сколько еще нужно времени? Подумай и подсчитай перед сном. Закрой глаза и представь себе шестьсот восемьдесят семь овец, как они идут друг за другом по дощечке... Серые, белые, черные... У тебя слипаются глаза, и ты засыпаешь! Ничего страшного! Завтра будет новый день, и мы увидим, что произойдет. Поверь, все кончится хорошо.

ДОБРЫЙ ПУМПХУТ И ЗЛОЙ МЕЛЬНИК

На востоке Саксонии, между реками Эльбой, Найсе и Шпрее, находится прекрасное место — Лаузитц. Давным-давно жил там некто Пумпхут. Длинный, тощий. В левом ухе носил он золотую серьгу, на голове — шляпу с широкими полями. За это и прозвали его Пумпхутом — что значит «Пышная шляпа». Нетрудно было сразу догадаться, что это волшебник, но окружающие его люди почему-то не догадывались или догадывались слишком поздно.

Да, это в самом деле был веселый и добрый волшебник. Он всегда помогал всем, кому нужна была помощь. И наказывал злых людей, будь то алчный мельник, бессердечный судья или продажный чиновник.

Каждое лето работал он то на одной, то на другой водяной мельнице. Ему, как и положено было, предоставляли жилище и оплачивали труд.

И вот однажды Пумпхут пришел наниматься к богатому владельцу каменной мельницы в Экерсбахе.

Подходя к дому мельника, Пумпхут слышал музыку. Пели скрипки, ликовали кларнеты, кричали волынки, бас тянул свое: «шрум-шрум».

«Неужели ярмарка? — удивился Пумпхут. — Вроде бы еще не время».

Нет, то была свадьба. Мельник выдавал замуж свою старшую дочь Розину.

Прекрасный, солнечный день. В саду, в тени деревьев, были накрыты длинные праздничные столы. За одним из столом пировали жених с невестой, их родители, братья и сестры и священник с женой. За другим — друзья молодых. И еще шесть столов стояли для соседей и знакомых.

Слуги сбивались с ног, разнося суп и жаркое. Угощения хватало. Чего тут только не было: жареная свинина, баранина, телятина, дичь! Горы зелени, квашеная капуста, лук, разные соусы, нежное масло, золотистые шкварки. Ели гости и соленые огурцы, и маринованные грибки, и моченую бруснику, ели, похваливали кушанья. А на сладкое приготовили кофе со сливками, печенье, хворост.

Мельник надел воскресный костюм с блестящими серебряными пуговицами, треуголку и белоснежные перчатки. Тяжелая золотая цепь висела из кармана, где лежали часы, и опоясывала его живот.

— Ешьте и пейте, дорогие гости! — гроыхал его радостный голос. — Моя Розина выходит замуж! Веселитесь!..

Вдруг, откуда ни возьмись, к праздничному столу подошли двое оборванных босых мальчиков и маленькая девочка. Они запели нежным голосом:

Золотая рыбка, одари невесту!
Золотой стол — женихово место!
Золотые башмаки — отцу!
Матери на обе ноги по чулку.
Каждому гостю — золотое платье.
Здоровья и счастья — всем, всем, всем!

Спели ребята песенку и для мельника:

Отцу невесты жить века,
Всегда жалеть бедняка!
Не дашь нам покушать —
Башмаков не получишь!

Прослушав песню, гости рассмеялись, а мельник разозлился и закричал: — Ах вы, такие-сякие! Знаю я вас, попрошаек и воришек. Убирайтесь отсюда, да побыстрее! Чтоб духу вашего здесь не было!

И на Пумпхута накричал:

— Ты что, не слышал моего приказания? Нечего бродяг приваживать. У меня здесь не богадельня!

— Постыдись, хозяин, — попытался Пумпхут утихомирить разбушевавшегося мельника, — не объедят тебя голодные дети.

— Не потерплю сброды на мельнице, — продолжал кричать хозяин, — никогда ничего они здесь не получат! Пока крутится колесо...

(Он имел в виду мельничное колесо, без усталости подгоняемое потоком воды. Есть такая поговорка у мельников.)

Пумпхут молча взял свою шляпу. И вдруг что-то затрещало на мельнице. Гости, испугавшись, вскочили с мест, глянули и ахнули: огромного мельничного колеса как не бывало!

— Что это такое? — схватился за голову мельник.

— Сейчас увидишь, хозяин, — спокойно сказал Пумпхут и позвал ребятшек:

— Пошли, ребята, отсюда.

И покинули они свадебный пир.

А тем временем колесо выскочило из воды и покатилося мимо гостей вслед за Пумпхутом. Шлеп-шлеп-шлеп, все быстрее и быстрее.

— Остановитесь, остановитесь! — отчаянно заорал мельник.

Но колесо катилось все дальше и дальше: шлеп-шлеп-шлеп.

Священник с крестом в руках попытался было остановить колесо, но железная махина едва не задавила его. Хорошо, что в последний момент священник успел отскочить в сторону.

Пумпхут повел детей к холмику над ручьем. Колесо, как верный пес, послушно катилось за ним. Дети сели на землю, колесо качнулось влево, вправо и тоже плюхнулось на землю.

Вскоре, отдуваясь и пытаясь, прибежали мельник, священник и некоторые из гостей.

— Что это значит? — набросился мельник на Пумпхута.

— А тебе непонятно? — усмехнулся тот. — Ты же сам сказал, что скорей колесо остановится, чем ты накормишь этих нищих детей. Вот оно и остановилось.

Все яснее ясного.

— Кто ты такой? — снова закричал разъяренный мельник.

— А ты, хозяин, разве не догадался?

Мельник уже догадывался, кто перед ним. Золотая серьга в ухе, шляпа с широкими полями... конечно же, волшебник.

— Ты Пумпхут!

— Верно, хозяин! Надеюсь, теперь ты догадываешься, что тебе надо делать? Пока не накормишь голодных детей, колесо не вернется на свое место.

— Ладно, сделаю... — скрепя сердце сказал мельник.

Он сам принес детям суп и жаркое, свинину, телятину, баранину, дичь. Не забыл и зелень, бруснику, чернослив. Порадовал детей кофе со сливками, пирожными и печеньем.

Дети ели, а Пумпхут завернул еще много вкусных вещей в скатерть и отдал им в дорогу.

Золотая рыбка, одари невесту!
Золотой стол — женихово место!

Запели ребята свою песню и, закончив ее, снова пустились в путь.

А когда они ушли, колесо поднялось и — шлеп-шлеп-шлеп... покатилося обратно к мельнице.

Вот оно уже и на месте.

Снова все завертелось, завертелось, завертелось...

Знакомьтесь — это Глупый Август со своей семьей. Его жена — Глупая Августина, трое детей: Гуго, Гуга и маленький Гугляйн. Еще у них есть собака по имени Моппель, попугай Лора и кошка Семирамис. Живут они в пестром вагончике сразу же за палаткой цирка шапито, между клетками обезьян и львов.

Ежедневно Глупый Август выступает в цирке. Ходит на руках, катается на ослике, играет на разных инструментах. На манеже его ругает шталмейстер или директор цирка. Глупый Август бегаёт по арене, запинаясь о собственные ноги, и падает носом в землю.

Зрители смеются и аплодируют. Оркестр играет туш. Люди говорят: «Просто удивительно, какой глупый этот Август! Только на него посмотрите!»

А что делает целый день Глупая Августина? Стирает и гладит, шьет и штопает. Помогает Гуго делать уроки, заплетает Гуге косички, отгоняет мух от Гугляйна. И, кроме того, варит еду для всей семьи, печет пироги, моет тарелки, прибирает дом и делает еще тысячу разных дел.

Из цирка до нее доносятся веселый смех, шум, аплодисменты. Иногда по ночам ей снится, что она выступает на арене, точно как ее муж. Но когда она однажды сказала об этом Глупому Августу, тот только рассмеялся: «Оставайся лучше при Гуго, Гуге и Гугляйне. Я мужчина и должен зарабатывать деньги. Ты женщина и должна заботиться о доме и о семье».

Так бы и продолжалось дальше, если бы у Глупого Августа не заболел зуб.
— Ой-ей-ей, как больно!

Глупая Августина обвязала его щеку платком, и он отправился к врачу. У кабинета врача сидело много людей. Все ждали своей очереди. Прошло три с половиной часа и семь минут, пока Август вошел в кабинет. Врач сделал ему укол, вырвал больной зуб и сказал:

— Посмотрите на злодея, который вас так мучил!

В цирке тем временем началось очередное представление. Глупая Августина сидела перед вагончиком и чистила к ужину морковку. Тут из цирка выскочил директор и давай кричать на Августину:

— Как посмел ваш муж пойти к врачу, когда у него представление! Если он сейчас не выйдет на арену, публика разозлится и потребует назад свои деньги. Что прикажете теперь делать? А нам ведь нужно покупать мясо для обезьян и земляные орехи для львов. Ах, я несу глупости, но меня можно понять! Какая неприятность! Может, вы думаете, что корм для зверей дают бесплатно?

Глупая Августина послушала-послушала да и перебила директора:

— Спорим! Еще не все потеряно!

Она вскочила, пронеслась мимо директора в вагончик, из вагончика — в палатку и, прежде чем директор успел ей помешать, оказалась на манеже.

— У глупого Августа заболел зуб,— обратилась она к зрителям,— поэтому, уважаемая публика, перед вами сегодня выступит Глупая Августина!

Она ходила на руках, каталась на ослике, играла на разных инструментах. И между этим бесконечно спотыкалась о собственные ноги и падала носом в землю.

Публика смеялась и аплодировала. Оркестр играл марш за маршем. Шталмейстер сказал директору: «Вот это да! Такого я от нее не ожидал!»

Посреди ее выступления вернулся от врача Глупый Август.

— Bravo! Bravo! — закричал он. — Я и не предполагал, что ты так можешь! Потрясающе!

В этот вечер Глупый Август долго сидел со своей женой у вагончика. Светила луна. Обезьяны и львы уже спали, да и дети тоже.

— Знаешь что, Августина, — сказал Глупый Август. — Давай всю работу делать вместе. Я буду помогать тебе на кухне и управляться с детьми. А ты будешь выступать со мною в цирке. Ты слишком хороша для уборки, стирки и готовки!

Перевод Э. Ивановой

Джеймс Крюс

(1926)

Лауреат Золотой медали Х. К. Андерсена, поэт, прозаик, автор известных книг «Тим Талер, или Проданный смех», «Мой прадедушка, герои и я», «Говорящая машина».

КОЛДУН В ЧЕРНИЛЬНИЦЕ

Жил-был в чернильнице колдун —
Корй Корá Корйлл.
Он очень ловко колдовал
При помощи чернил.
Тут пишет кто-нибудь письмо —
Не ди не да не дышит, —
Как вдруг вмешается колдун
И все не так напишет.

Один раз написал король:

«На ми на ма на месте

За оскорбленье короля

Виновника повесьте!»

И вот читает весь народ

В буми в бума в бумаге:

«За оскорбленье короля

Дать премию бродяге».

Тут захихикал тоненько

Кори Кора Корилл

И отхлебнул на радостях

Немножечко чернил.

В другой раз написал один

Пои поа поэт:

«Ах, эти розы на столе

Похожи на рассвет!»

Он тщательно выписывал

По би по ба по букве.

Когда он кончил, каждый стих

Повествовал о брюкве.

Тут захихикал тоненько

Кори Кора Корилл

И отхлебнул на радостях

Немножечко чернил.

За сына глупого отцу

Оби оба обидно.

Он пишет мальчику в письме:

«Тебе должно быть стыдно!»

И вот, слюнявя языком

Свой пи свой па свой пальчик,

Читает сын в письме отца:

«Ты умница, мой мальчик!»

Тут захихикал тоненько

Кори Кора Корилл

И отхлебнул на радостях

Немножечко чернил.

А если верить кто из вас

Не сти не ста не станет,

Тот сам, наверно, виноват

И пусть от нас отстанет!

Перевод Ю. Коринца

Герхард Хольц-Баумерт

(1927)

Автор прозаических произведений для малышей и подростков. Особенно известны его книги: «Злоключения озорника» и «Автостопом на Север». Писатель раскрывает детям все аспекты человеческого существования, показывает взаимосвязь явлений в обществе, личной жизни, природе.

ДОБРЫЙ ДЕНЬ, ХОПС!

4 ЧАСА УТРА

Спит Хопс. Темным-темно за окном.

Спят в его доме девочки и мальчики. Спят их друзья в других домах — и ты тоже спишь.

Спит пес Арко. Подрагивает во сне серыми усами кошка Мурра.

На краю неба светлеет маленькая узкая полоска. С ноготок. Она растет, вспыхивая серебристо-серо, потом розовеет. Встает солнце! День наступает!

Яркое и свежее, встает оно из-за гор, лесов и морей. Словно веником, сметает своими лучами ночной мрак и паутину тумана. Доброе утро, земля!

Эй, соня, доброе утро!

5 ЧАСОВ УТРА

Спит Хопс. Солнечный луч скользит по его лицу. Хопс чихает во сне. Арко рычит, шурится на солнце и снова сворачивается клубком. Мурра зевает, потягивается, выгибаясь мостиком.

Зззззззз! Это трезвонят будильники. На часах пять: вставать, вставать, вставать!

— Кажется, будет хорошая погода! — говорит крановщик Мильке и сует голову под струю холодной воды.

Эльза и Герда, Дорле и Артур — одна дружная бригада — уже спешат на ферму: нужно хорошенько накормить коров.

Спит Хопс. А тысячи людей идут на работу.

— Сюда — лук для универсама на Трарбахерштрассе...

— Мне, пожалуйста, морковь для магазина «Овощи-фрукты»...

— Три центнера картофеля! Спасибо!..

Ярко горят светильники. Кругом — множество ящиков, лотков, контейнеров. Это овощебаза. Автокары подвозят контейнеры, лотки, ящики прямо, к грузовикам.

А в ящиках что? Да это же помидоры, красные, как солнышко на рассвете.

А что в контейнерах? Да это же дыни, желтые, как луна.

Хопс очень любит овощи. Когда откроются овощные и фруктовые палатки, все товары будут уже красиво разложены на полках.

Урчат моторы. Разъезжаются машины. Одна из них помчится к угловому магазину, куда Хопс ходит за покупками.

7 ЧАСОВ УТРА

Вжик! Пронесся мимо овощной фургон. За ним ползет поливально-уборочная машина. Воду по сторонам разбрызгивает. Огромной щеткой мусор с мостовой подбирает. После нее улица — будто новая.

Теперь и Хопс знает, почему улица сверкает чистотой, когда он с мамой по утрам в детский сад идет. А раньше удивлялся: дождя нет, а мостовая мокрая.

8 ЧАСОВ УТРА

Хопсу очень хочется поскорее в школу. Он уже знает, сколько будет дважды два.

Дззиннн! — заливаются звонки. Это значит: уже восемь часов. У нас в Германии школьные занятия начинаются ровно в восемь.

В детском саду Хопс вешает куртку в шкафчик с нарисованным пестрым мячиком. Это его шкафчик. Воспитательница здоровается с детьми. Впереди новый интересный день. Хорошо в детском саду!

В школе тоже хорошо! Ребята раскрывают книжки и тетрадки. Входит учитель — начинается первый урок.

9 ЧАСОВ УТРА

Солнце давно уже согрело своими лучами комнаты и в детском саду и в школе.

Улицы деревень и городов несут на своих гладких спинах людей, машины, повозки...

Для ребят пришло время второго завтрака.

— Мыть руки и за стол! — зовет воспитательница.

Хопс очень любит молоко, а к нему круглые булочки с хрустящей корочкой.

Старинные часы в игровой комнате бьют девять.

Собирайтесь, ребята, пора играть!

10 ЧАСОВ УТРА

В салочки и в кошки-мышки, в прятки и в жмурки, в мяч и в города. А еще можно печь песочные пироги, мастерить и рисовать. Наступило любимое время игр.

А для взрослых это время труда. Шевелит тугие колосья летний жаркий ветер. Хватает широченным ртом налитую рожь комбайн. Некогда комбайну полевыми цветами любоваться. Ему надо срезать и глотать колосья, срезать и глотать. Зерно перемелят в муку. Из муки выпекут хлеб. И хрустящие булочки. Каждый день сможет Хопс есть свои любимые булочки.

11 ЧАСОВ УТРА

Дети играют, а у взрослых самый разгар работы.

Бригадир Петер, папа Хопса, цепляет стальным крюком новое колесо, подносит прямо к ходовой части электровоза. Да, да, и могучие электровозы

тоже иногда выходят из строя. Одному нужно заменить сигнальное устройство, что гудит сквозь ночи и туман. А этому бригада слесарей устанавливает новое колесо. Готово! Теперь, электровоз, можешь бежать дальше!

А в часовой мастерской часовщик склонился над колесиками. Он орудует не гаечными ключами, как папа Хопса. У него в руках тонкая отвертка, а на глазу лупа. «Эй, мастер, который час?» Настенные часы гудят низкими сиплыми голосами: одиннадцать раз — бомм, бомм! Наручные часики пищат, как мыши-полевки: одиннадцать — бимм, бимм!

Как, уже одиннадцать?!

12 ЧАСОВ ДНЯ

Полдень.

Обед готов!

Арко грызет косточку. Мурра лакает молоко.

— Обедать! — зовет детей воспитательница.

Гудит сирена локомотивного депо, где работает папа Хопса. А вот только сейчас взревела сирена на лесопильне. Всегда на минуту позже. Надо бы им часовых дел мастера вызвать — часы проверить.

Сколько же картофеля и мяса, капусты и моркови, пудингов и кексов съедается в полдень? Целые горы!..

1 ЧАС ДНЯ

Жарко.

В детском саду — тихий час. Шторы плотно задернуты, но тоненькие лучики все равно пробиваются в незаметные шелки.

Арко посапывает во сне, вывалив красный язык. Жарко! И очень светло.

А на самом краешке огромной страны, имя которой Советский Союз, вовсе не жарко и не светло. Сейчас там глубокая ночь. И ледяной ветер посвистывает над взлетной полосой аэродрома. Ревут двигатели, заглушая вой ветра. Самолет берет курс на Москву. Он везет грузы и почту. И лететь ему восемь часов. Какая же необъятная это страна!

2 ЧАСА ДНЯ

А у индейцев в Южной Америке сейчас наступает утро. Просыпаются звери в диком лесу. Порхают с ветки на ветку разноцветные попугаи, медленно ползают в непроходимых зарослях длинные змеи.

Дети индейцев уже на ногах. Они помогают взрослым: надо наломать сухих веток для костра. Мамы кричат им вслед:

— Смотрите не подходите близко к воде!

В воде живут крокодилы.

До чего огромна наша планета! Подумай: у нас сейчас середина дня, а где-то уже ночь. Или раннее утро.

3 ЧАСА ДНЯ

Сегодня мама разрешила Хопсу зайти за ней на почту. Она там работает. В 3 часа дня мамин трудовой день заканчивается.

Во дворе носятся ребята, друзья Хопса. Мальчишки постарше играют в футбол. Хопсу тоже хочется поноситься и в футбол поиграть. Но сегодня нельзя — мама ждет. Они пойдут в цирк!

4 ЧАСА ДНЯ

«Цирк Аэро» — написано на щите перед цирком шапито. Гремит оркестр. Лошади скачут вокруг манежа. За железной оградой грозно рыкают тигры и медведи. Но когда появляется укротитель, они становятся как шелковые. Укротитель заставляет их прыгать через горящий обруч и даже ходить по проволоке. Тиграм страшно через огонь прыгать. Они пьются и бьют хвостами. Но укротитель кричит: «Хопп!» — и щелкает бичом. Тигры летят, вытянувшись в струнку.

5 ЧАСОВ ДНЯ

После циркового представления мама с Хопсом идут в продуктовый магазин. Мама покупает селедку и кладет ее в сеточку, которую несет Хопс.

А как раз в это время далеко на севере рыбаки тянут из моря другую большую сеть. Море яростно бьет в борта сейнера, швыряет в лицо рыбакам хлопья пены. Но рыбакам ни шторм, ни море не страшны. На них специальные костюмы — робы, которые не пропускают ни соленую воду, ни самый свирепый ветер.

Теперь надо ухватиться покрепче. В сети все кишит и переливается. Устали рыбаки. Много рыбы добыли они из морских глубин. Наверняка на тысячу таких сеточек хватит, как у Хопса.

6 ЧАСОВ ВЕЧЕРА

Конец рабочего дня!

Станки на заводах, урча, затихают.

Рабочие выходят из проходных. Они смыли с себя масляную грязь, сажу или пыль. И теперь, свежие и бодрые, расходятся по домам. К своим детям.

Удивляется трамвай: только что он был пустой, а теперь в нем ни одного свободного местечка.

Ну и смешной трамвай — не понимает, что это рабочий день кончился.

7 ЧАСОВ ВЕЧЕРА

Устал Хопс. Зевает, трет покрасневшие глаза. По телевизору кончается вечерняя сказка для малышей. Песочный человечек, ее постоянный герой, машет на прощание своим волшебным колпачком.

Пора мыться и чистить зубы.

Вот уже все дети опять лежат в кроватях. Хопс, и его друзья, и ты.

Кончился детский день. А у взрослого дня еще много времени. Поэтому и книжка наша не кончается.

8 ЧАСОВ ВЕЧЕРА

У крестьян дел еще невпроворот. Пастух Рёль должен загнать в овчарню триста двадцать одну овцу. Ему помогает пес Аполлон.

Он покусывает за ноги самых неповоротливых и ленивых овечек. А им хочется то сочным стебельком полакомиться, то веточку пожевать. Сколько хлопот у Аполлона с этими овцами!

«В дом! В дом! — рычит он грозно. — А ну, домой!»

Овцы блеют и упираются.

Ты, случайно, не копаешься, когда надо идти спать?

9 ЧАСОВ ВЕЧЕРА

Сейчас мы встретимся с волшебником.

Волшебника зовут Майер. Каждый вечер он делает один и тот же фокус-покус. Он берется за рубильник, опускает его вниз. И — о чудо! — в серебристых сумерках вспыхивает одновременно множество светильников.

Это дело рук волшебника Майера.

Вообще-то он просто диспетчер Майер. Он включает свет во всем городе и дежурит до утра. Ему нельзя спать. В его руках — свет!

10 ЧАСОВ ВЕЧЕРА

Ярко горят светильники. На улицах и в домах. На мостах и набережных. На вокзалах и в аэропортах. Везде.

Спит Хопс. Думаете, он хоть чуточку боится, что мама с папой сейчас в театре, а он остался дома один? Да нисколько! За окном тишина, на постели рядом Мурра. И снится ему очень добрый сон.

Мама с папой в оперном театре. Они сидят в третьем ряду. На маме самое красивое платье — красное. А папа надел самый красивый галстук — темно-шоколадный.

На сцену выходит женщина и поет высоким голосом. Ей вторит мужчина. Он поет басом. Зрителям нравится, как они поют. Зрители аплодируют певцам.

Утром и днем артисты репетировали на сцене — разучивали роли, пели с оркестром. Вечером они радуют своим искусством тысячи зрителей.

Когда Хопс подрастет, он тоже обязательно пойдет слушать оперу. В кукольном театре он уже был.

11 ЧАСОВ ВЕЧЕРА

Темнотища — хоть глаз выколи.

Скрипят и стонут деревья. В лесу что-то трещит и шелкает. Кричит сова.

По лесной дороге едет в машине человек. Это доктор. Ему не до треска и не до совиных криков. Он очень спешит. Девочка в дальней деревне поранила ногу чем-то острым. Нога опухла и нарывает. Не до сна доктору.

Врач всегда должен спешить на помощь. В любое время дня и ночи.

12 ЧАСОВ НОЧИ

Полночь.

Старинные бронзовые часы на письменном столе шепелявят: «Время дұхов!» Часы тут ни при чем. Просто они очень старые. Раньше действительно в духов верили. А теперь даже малыши смеются над этим. Одни часы на письменном столе упрямо верят в духов.

В комнате у окна сидит молодой человек. И смотрит в телескоп на звездное небо.

— Сейчас он покажется,— бормочет человек.— Вот он! Я его вижу!

Яркая точка плывет по небосводу. Спутник!

Часы недовольно тикают: сник, снак, снэк!

Они думают о духах. Астроном, который глядит в телескоп, думает о космонавтах.

Если бы Хопс знал, что ночью над его домом будет пролетать спутник, он бы ни за что не заснул. Уж поверьте!

1 ЧАС НОЧИ

Луна глядит в окно на спящего Хопса.

Вдалеке протяжно гудит электровоз: «Дорогууу!» Луна спряталась в облака.

Спит Хопс. Но не спят машинисты и проводники вагонов. Не до сна и стрелочнице: у переезда скопилось много машин.

— Который час? — кричит водитель молоковоза.

— Час ночи! — отвечает стрелочница.

— Открывай поскорее шлагбаум! Везу молоко для ребят. В детский сад и в школу.

Пронесся состав. Взлетел шлагбаум. Рванул с места молоковоз и тут же растворился во тьме. Лишь красные огоньки недолго помаячили вдали.

2 ЧАСА НОЧИ

Спит Хопс.

Спят его родители. Спят Эльза и Герда, Дорле и Артур — дружная бригада животноводов. Спит воспитательница детского сада. Спит учитель. Спят артисты цирка и театра. И даже дрессированные тигры и медведи спят. Спит пастух Рёль и его триста двадцать одна овца. Спят Мурра, Арко и Аполлон. Спит крановщик Мильке — ему вставать раньше всех. Спят все дети.

Но все ли спят?

Двигается по улице патрульная машина. Милиция всегда на посту.

Молнией летит по пустынным улицам красная машина. Пожарники спешат по срочному вызову. Раз-два, раз-два! Слаженно работает команда. И часа не прошло, как пожар потушен.

Ярко горит окно на последнем этаже. Это работает художник Гриц — рисует картинки для детской книжки. Ее потом прочтет Хопс и другие ребята.

3 ЧАСА НОЧИ

Еще темно.
Где-то пропел петух.
Рыбак выгребает на середину озера. Щука клюет на зорьке.
Новый день начинается.
Скоро начнут свой трудовой день люди. Для кого они будут трудиться?
Для Хопса и для его друзей.
Для всех нас.
Утренняя заря встает над нашей землей.

Перевод *П. Френкеля*

Эва Штриттматтер

(1930)

Критик, поэт, автор лирических произведений для малышей.

НА КАЧЕЛЯХ

В саду вечернем, где звенят цикады,
Летают звезды, точно птичий пух.
Я на качелях. Я парю над садом.
Как у меня захватывает дух!
На небе месяц — лодка на причале.
Поднявши якорь, он плывет ко мне,
И я, забыв про всякие печали,
Качаюсь и качаюсь в тишине.

Перевод *И. Токмаковой*

ДАНИЯ

С. ВАСИЛЬЕВ

(народная сказка)

Жил-был в старину один датский король. А как звали короля — никто теперь уже и не помнит. Сказывают только — была у того короля одна-единственная дочка.

Всем взяла молодая принцесса — и умом, и красотой, и добрым нравом. Только вот беда: печальней ее на всем свете не было. Не засмеется, бывало, принцесса, не улыбнется даже — что хочешь делай!

День-деньской плачет да горюет, хмурится да куксится. Так и прозвали ее — принцесса Кукса.

Сам-то король был человек веселый. Однако, глядя на дочь, и он сам не свой стал: брюзжит, ворчит, все-то не по нем. И то сказать: детей у него — одна дочь. Значит, ей и королевой после него быть. А как ей государство доверить, когда она только и умеет, что плакать да вздыхать. Не ровен час — и вовсе от печали умрет!

Испугался король и объявил: «Всякий, кто рассмешит принцессу, получит ее в жены и полкоролевства в придачу».

Отыскалось тут немало охотников счастья попытать. Как только не потешали они королевскую дочь, как не веселили! И притчи сказывали, и загадки загадывали, и пели, и плясали. А все зря! Принцесса и не улыбнется. Так и отъезжали все женихи со двора не солоно хлебавши.

До того нагляделся король на эти потехи, до того наслушался разных шуток-прибауток, что ни видеть, ни слышать их больше не мог. А пуще всего надоела ему родная дочка. Как ни веселили ее, как ни потешали, она все плакала и куксилась.

И вот, чтоб поменьше докучали ему бесталанные женихи, издал король новый указ:

«Всякий, кто рассмешит принцессу, получит ее в жены и полкоролевства в придачу. А не рассмешит — горе ему! Окунут его в смолу, вываляют в перьях и прогонят с позором со двора».

Женихов сразу поубавилось. А принцесса, как была, так и осталась Кукса.

Жил в той стране один человек, и было у него три сына: Педер, Палле и Еспер, по прозвищу Настырный.

Жили они в глуши, так что немалый срок прошел, покуда они про королевский указ прослышали.

Смекнули тут братья разом: «Счастье само нам в руки идет. Всего-то и дела — принцессу рассмешить!»

«Уж я-то в забавах толк знаю», — подумал Педер и тут же собрался счастья попытать. Дала ему мать на дорогу котомку со всякой снедью, а отец — кошелек с далерами.

Идет Педер путем-дорогою, а как дошел до курганов Ос, что меж Северным морем и Лимфьордом, глядь — идет навстречу ему старушка, бедная, в лохмотьях, саночки за собой волочит.

— Здравствуй, добрый человек! — говорит старушка. — Не подашь ли хлебца да скиллинг на бедность?

— Ишь чего захотела, старая карга! — обозлился Педер. — Хлеба и денег у меня самого в обрез, а путь еще не близкий!

— Не будет тебе пути! — молвила старушка.

Махнул Педер рукой на старушкины речи.

«Пусть ее, старая ведьма, болтает!» — подумал он.

Шел Педер, шел, близко ли, далеко ли, пришел наконец на королевский двор и говорит:

— Зовут меня Педер, и хочу я принцессу рассмешить.

Ввели его в королевские покои, стал он королю и его дочке свое искусство показывать. А умел Педер самые потешные на свете песни петь. Крепко он на них надеялся, когда в замок шел. Пел он теперь эти песни, пел одну за другой. А толку — ни на грош! Хоть бы улыбнулась принцесса. Окунули тут Педера в смолу, вываляли в перьях и прогнали с позором с королевского двора.

Добрую четверть постного масла извела мать, покуда смолу с Педера смыла.

«Педеру не повезло, авось Палле счастье улыбнется», — решили старики.

Собрали они Палле в дорогу. Дала ему мать котомку со снедью, а отец кошелек с далерами. Отправился и он в путь-дорогу; и ему у курганов Ос старушка с саночками повстречалась.

— Здравствуй, добрый человек! — говорит старушка. — Не подашь ли хлебца да скиллинг на бедность?

Но и Палле отговорился и ничего ей не дал.

— Не будет тебе пути! — молвила старушка.

Махнул рукой на старушкины речи Палле.

«Пусть ее, старая ведьма, болтает», — подумал он.

Шел Палле, шел, близко ли, далеко ли, пришел наконец на королевский двор и говорит:

— Зовут меня Палле, и хочу я принцессу рассмешить.

Ввели его в королевские покои, стал он королю и его дочке свое искусство показывать. А умел Палле самые потешные небылицы плести. Плетет он, бывало, свои небылицы, плетет, все кругом со смеху помирают. Вот и теперь, как стал он сказывать, сам хохочет, король хохочет, а принцесса только от скуки позевывает.

Отпотчевали тут Палле так же, как и Педера: окунули в смолу, вывалили в перьях, и вернулся он домой — глядеть жалко.

А Есперу хоть бы что! Не боится он, что и его участь братьев постигнет. Заладил одно:

— Пойду на королевский двор принцессу смешить!

— Эх, дурень ты горемычный! — сказали отец с матерью. — Неужто, по-твоему, ты удачливее братьев? Куда тебе до них! И песни они поют, и небылицы плетут. А с тобой — один грех! Ничего-то ты не умеешь, только на потеху себя выставишь!

— Этого-то мне и надо! — обрадовался Еспер.

Отговаривали его старики по-всякому, только Еспер знай свое твердит:

— Пойду на королевский двор принцессу смешить!

Что тут делать? Дала ему мать черствых корок на дорогу, а отец — денег малость. С тем он и в путь отправился.

Вот идет себе Еспер, притомился, и захотелось ему отдохнуть. Уселся он у обочины дороги близ курганов Ос, черствые корки грызет. А тут, откуда ни возмись, старушка. И саночки за собой волочит.

— Здравствуй, добрый человек! — говорит старушка. — Не подашь ли хлеба да скиллинг на бедность?

— Бери, бабушка, на здоровье!

Отдал ей Еспер все корки, какие остались, да половину денег.

Поела старушка и спрашивает:

— Куда идешь, добрый человек?

— К королевскому двору иду, — отвечает Еспер. — Надо принцессу Куксу рассмешить, тогда мне ее в жены отдадут.

— А придумал ты, как ее потешать будешь? — спрашивает старушка.

— Нет! — говорит Еспер. — Ну да не беда, придумаю! Люди-то все и так надо мной смеются, а принцесса, чай, тоже человек!

— А не лучше ли будет, коли я тебе помогу, как и ты мне помог? Бери мои санки! Видишь, сзади на них резная деревянная птичка? Так вот. Только сядешь в санки да скажешь ей: «Чик-чирик, пташка!» — санки и помчатся по дороге. Потому что санки эти не простые, а самоходные. Скажешь: «Тпр-ру!» — они и станут. А тронет кто санки, птичка встрепенется и закричит: «Чик-чирик! Чик-чирик!» Прикажешь: «Держи крепче!» — и кто бы ни был в санках — не оторваться ему от них, покуда не скажешь: «Отпусти!» Приглядывай хорошенько за санками, чтоб их никто у тебя не украл, уж с ними-то наверняка ждет тебя удача!

— Спасибо, бабушка, за подарок! — поблагодарил Еспер старушку, уселся в санки и крикнул: — Чик-чирик, пташка!

Понеслись тут санки-самоходы по проселочной дороге, словно мчала их пара лихих коней. Глядят люди вслед, дивятся — не надивятся. А Есперу будто и дела нет, будто и не привыкать ему так ездить.

Мчатся санки по проселочной дороге, не останавливает их Еспер. Лишь поздно вечером повернул он на постоянный двор — ночевать. Санки взял с собой в горницу, привязал их крепко-накрепко к постели. Санки-то резвые да скорые, того и гляди, сбегут! Люди на постоялом дворе видели, как лихо подкатил Еспер к воротам, и долго удивлялись такому чуду. Но пуще всех разобрало любопытство трех служанок.

Очень уж хотелось им самоходные санки разглядеть. И вот ночью, только

Еспер заснул, встает одна из служанок и тихонько в горницу пробирается. Подкралась она к санкам, нащупала их, и тут:

— Чик-чирик! Чик-чирик! — встрепелась и закричала птичка. Вмиг проснулся Еспер и приказывает:

— Держи крепче!

И вот уже служанке от санок не оторваться. Стоит, с места двинуться не может. А Еспер перевернулся на бок и опять заснул.

Немного погодя прокралась в горницу другая служанка и тоже — хватъ санки!

— Чик-чирик! Чик-чирик! — крикнула птичка.

Проснулся Еспер и приказывает:

— Держи крепче!

И вот уже вторая служанка с места двинуться не может. А Еспер перевернулся на бок и снова заснул.

Служанки на постоялом дворе были одна другой любопытнее. Под конец и третья служанка не выдержала, прокралась в горницу и тоже хватъ санки.

— Чик-чирик! Чик-чирик! — крикнула птичка.

Проснулся Еспер и приказывает:

— Держи крепче!

Стоят все три служанки, с места двинуться не могут.

Спозаранку, покуда на постоялом дворе еще не проснулись, выволок Еспер санки на дорогу. И пришлось служанкам, хочешь не хочешь, следом тащиться, а они в одних ночных рубахах!

— Чик-чирик, птичка!

И покати́ли санки по проселочной дороге, а горемычные служанки бегут что есть духу следом. Щеки у них от стыда пылают, слезы градом катятся: в одних рубахах при всем честном народе предстали.

Ехал Еспер, ехал, попадаете́ся ему по дороге церковь. А пастор с пономарем как раз идут туда службу отправлять.

Увидели они чудной поезд, крестятся!

— Эй вы, бесстыжие! Бегае́те за парнем, да еще в одних рубахах! — крикнул пастор служанкам.

Схватил он за руку ту, что позади всех бежала, и тянет ее прочь.

Но не тут-то было!

— Чик-чирик! Чик-чирик! — крикнула птичка.

— Держи крепче! — приказал Еспер.

И уж не разжа́ть пастору́ рукí. Пришлось ему следом за служанками бежать.

— Господи, помилуй нас! Ваше преподобие! — заорал пономарь. — Куда вы? Да и не пристало в ваши лета да при вашем-то сани за молодыми служанками гоняться!

Подбегает пономарь к санкам и хватается за пасторскую ризу.

— Чик-чирик! Чик-чирик! — крикнула птичка.

— Держи крепче! — приказал Еспер.

Пришлось и пономарю вместе со всеми по дороге бежать.

Подъехали санки к кузнице. Кузнец только-только лошадь подковал и в правой руке еще кузнечные клещи держит, а в левой у него — пучок сена, которым он лошадь подкармливал.

Мчатся мимо санки, полощется по ветру пола пономаревой рясы. А кузнец

был малый веселый. Как увидел самоходный поезд, захохотал во всю глотку и цап клещами пономаря за полу.

— Чик-чирик! Чик-чирик! — крикнула птичка.

— Держи крепче! — приказал Еспер.

Пришлось и кузнецу бегом за пономарем пуститься, а пучок сена за ним следом волочится.

Летят санки по дороге, навстречу им — гусиное стадо. Увидали гуси сено, крылья распустили, бегут к санкам, с ноги на ногу переваливаются, и ну сено шипать.

— Чик-чирик! Чик-чирик! — крикнула птичка.

Пришлось и гусям от других не отставать; сколько ни шипели, сколько ни гоготали — толку мало. Бегут следом, с ноги на ногу переваливаются.

Долго ли, коротко ли ехали, а подъехал санный поезд к королевскому двору. Завернул туда Еспер со всей своей свитой.

Трижды объехал потешный поезд вокруг замка. Что тут было! Шум на всю округу!

Служанки в одних рубахах голосят что есть мочи; пастор в полном облачении молится и стонет; пономарь не своим голосом воет и ревет; кузнец хохочет и чертыхается; гуси гогочут и шипят.

На шум сбежалась вся челядь из замка, пришлось и королю с принцессой выйти поглядеть на Еспера со свитой. Ну и хохотал король, даже икать стал. А как взглянул на дочку, глазам не верит: хохочет принцесса Кукса, да так, что слезы у нее по щекам градом катятся.

— Тпр-ру! — приказал Еспер, и санки-самоходы стали.

— Отпусти! — снова приказал Еспер Настырный.

Пустились тут бежать без оглядки гуси и кузнец, пономарь и пастор, а под конец — все три служанки. Взмахнул Еспер к принцессе на крыльцо и говорит:

— Ага, рассмешил я тебя! Теперь ты моя!

Вот так и взял себе в жены Еспер, по прозвищу Настырный, принцессу Куксу да еще и полкоролевства в придачу получил. А после смерти старого короля досталось ему и все королевство.

Перевод Л. Брауде

С добрым утром, господин юстиции советник!

(народная сказка)

Как-то поутру привез крестьянин овощи в город продавать. Едет он по улице, а у окна городской судья стоит, трубку покуривает. Увидел судья крестьянина, трубку изо рта вынул и говорит:

— С добрым утром, Ларс Педерсон! Что новенького на свете?

— Эх, ваша милость, все по-старому. Мелких воришек за решетку сажают, а перед большими ворами шапку ломают.

Сказал так крестьянин, шапчонку с головы сдернул и низко поклонился:

— С добрым утром, господин юстиции советник!

Перевод и обработка Ф. Золотаревской

Ханс Кристиан Андерсен

(1805—1875)

Автор многочисленных произведений в различных жанрах. Достиг творческих вершин в своих сказках, так необычайно велико гуманистическое, идейное и эстетическое значение этих сказок, раскрывающих мир больших и чистых человеческих чувств.

ПРИНЦЕССА НА ГОРОШИНУ

Жил-был принц, и хотелось ему взять за себя тоже принцессу, только настоящую. Вот он и объездил весь свет, а такой что-то не находилось. Принцесс-то было вволю, да были ли они настоящие? До этого он никак добратсья не мог; так и вернулся домой ни с чем и очень горевал — уж очень ему хотелось достать настоящую принцессу.

Раз вечером разыгралась непогода: молния так и сверкала, гром гремел, а дождь лил как из ведра; ужас что такое!

Вдруг в городские ворота постучали, и старый король пошел отворять.

У ворот стояла принцесса. Боже мой, на что она была похожа! Вода бежала с ее волос и платья прямо в носки башмаков и вытекала из пяток, а она все-таки уверяла, что она настоящая принцесса!

«Ну, уж это мы узнаем!» — подумала старая королева, но не сказала ни слова и пошла в спальню. Там она сняла с постели все тюфяки и подушки и положила на доски горошину; поверх горошины постлала двадцать тюфяков, а еще сверху двадцать пуховиков.

На эту постель и уложили принцессу на ночь.

Утром ее спросили, как она почивала.

— Ах, очень дурно! — сказала принцесса. — Я почти глаз не сомкнула! Бог знает, что у меня была за постель! Я лежала на чем-то таком твердом, что у меня все тело теперь в синяках! Просто ужасно!

Тут-то все и увидали, что она была настоящей принцессой! Она почувствовала горошину через сорок тюфяков и пуховиков — такую деликатною особой могла быть только настоящая принцесса.

И принц женился на ней. Теперь он знал, что берет за себя настоящую принцессу! А горошину отправили в кунсткамеру; там она и лежит, если только никто ее не украл.

Знай, что история эта истинная!

ПЯТЕРО ИЗ ОДНОГО СТРУЧКА

В стручке сидело пять горошин; сами они были зеленые, стручок тоже зеленый, ну, они и думали, что и весь мир зеленый; так и должно было быть! Стручок рос, росли и горошины; они принаравливались к помещению и сидели все в ряд. Солнышко освещало и пригревало стручок, дождик поливал его, и он делался все чище, прозрачнее; горошинам было хорошо и уютно, светло днем и темно ночью, как и следует. Они все росли да росли и все больше и больше думали, сидя в стручке, — что-нибудь да надо же было делать?

— Век, что ли сидеть нам тут? — говорили они. — Как бы нам не зачерстветь от такого сидения!.. А сдается нам, есть что-то и за нашим стручком! Уж такое у нас предчувствие!

Прошло несколько недель; горошины пожелтели, стручок тоже пожелтел.

— Весь мир желтеет! — сказали они, и кто ж бы им помешал говорить так?

Вдруг они почувствовали сильный толчок; стручок был сорван человеческой рукой и сунут в карман, к другим стручкам.

— Ну, вот теперь скоро нас выпустят на волю! — сказали горошины и стали ждать.

— А хотелось бы мне знать, кто из нас пойдет дальше всех! — сказала самая маленькая. — Впрочем, скоро увидим!

— Будь что будет! — сказала самая большая.

Крак! — стручок лопнул, и все пять горошин выкатились на яркое солнце. Они лежали на детской ладони; маленький мальчик разглядывал их и говорил, что они как раз пригодятся ему для стрельбы из бузиновой трубочки. И вот одна горошина очутилась в трубочке, мальчик дунул, и она вылетела.

— Лечу, лечу, куда хочу! Лови, кто может! — закричала она, и след ее простыл.

— А я полечу прямо на солнце; вот настоящий-то стручок! Как раз по мне! — сказала другая.

Простыл и ее след.

— А мы куда придем, там и заснем! — сказали две следующие. — Но мы-таки до чего-нибудь докатимся! — Они и правда прокатились по полу, прежде чем попасть в бузиновую трубочку, но все-таки попали в нее. — Мы дальше всех пойдем!

— Будь что будет! — сказала последняя, взлетела кверху, попала на старую деревянную крышу и закатилась в щель как раз под окошком чердачной каморки. В щели был мох и рыхлая земля, мох укрыл горошину; так она и осталась там, скрытая, но не забытая Господом Богом.

— Будь что будет! — говорила она.

А в каморке жила бедная женщина. Она ходила на поденную работу: чистила печи, пилила дрова — словом, исполняла всякую тяжелую работу; сил у нее было довольно, охоты работать тоже не занимать, но из нужды она все-таки не выбивалась! Дома оставалась у нее ее единственная дочка, подросток. Она была такая худенькая, тшедушная; целый год уж лежала в постели: не жила и не умирала.

— Она уйдет к сестренке! — говорила мать. — У меня ведь их две было. Тяжеленько было мне кормить двоих; ну, вот Господь и поделил со мною заботу, взял одну к себе! Другую-то мне хотелось бы сохранить, да он, видно, не хочет разлучать сестер! Заберет и эту!

Но больная девочка все не умирала; терпеливо, смиренно лежала она день-деньской в постели, пока мать была на работе.

Дело было весною, рано утром, перед самым уходом матери на работу. Солнышко светило через маленькое окошечко прямо на пол, и больная девочка посмотрела в оконце.

— Что это там зеленеет за окном? Так и колышется от ветра!

Мать подошла к окну и приотворила его.

— Ишь ты! — сказала она. — Да это горошинка пустила ростки! И как она попала сюда в щель? Ну, вот у тебя теперь будет свой садик!

Придвинув кроватку поближе к окну, чтобы девочка могла полюбоваться зеленым ростком, мать ушла на работу.

— Мама, я думаю, что поправлюсь! — сказала девочка вечером. — Солнышко сегодня так пригрело меня. Горошинка, видишь, как славно растет на солнышке? Я тоже поправлюсь, начну вставать и выйду на солнышко.

— Дай-то Бог! — сказала мать, но не верила, что это сбудется.

Однако она подперла зеленый росток, подбодривший девочку, небольшою палочкой, чтобы он не сломался от ветра; потом взяла тоненькую веревочку и один конец ее прикрепила к крыше, а другой привязала к верхнему краю оконной рамы. За эту веревочку побеги горошины могли цепляться, когда станут подрастать. Так и вышло: побеги заметно росли и ползли вверх по веревочке.

— Смотри-ка, да она скоро зацветет! — сказала женщина однажды утром и с этой минуты тоже стала надеяться и верить, что больная дочка ее поправится.

Ей припомнилось, что девочка в последнее время говорила как будто живее, по утрам сама приподнималась на постели и долго сидела, любуясь своим садиком, где росла одна-единственная горошина, а как блестили при этом ее глазки! Через неделю больная в первый раз встала с постели на целый час. Как счастлива она была посидеть на солнышке! Окошко было отворено, а за окном покачивался распутившийся бело-розовый цветок. Девочка высунулась в окошко и нежно поцеловала тонкие лепестки. День этот был для нее настоящим праздником.

— Господь сам посадил и взрастил цветочек, чтобы ободрить и порадовать тебя, милое дитяtko, да и меня тоже! — сказала счастливая мать и улыбнулась цветочку, как ангелу небесному.

— Ну, а другие-то горошины? Та, что летела, куда хотела — лови, дескать, кто может, — попала в водосточный желоб, а оттуда в голубиный зоб и лежала там, как Иона во чреве кита. Две ленивицы ушли не дальше — их тоже проглотили голуби, значит, и они принесли немалую пользу. А четвертая, что собиралась залететь на солнце, упала в канаву и пролежала несколько недель в затхлой воде, пока не разбухла.

— Как я славно раздобрела! — говорила горошина. — Право, я скоро лопну, а уж большего, я думаю, не сумела достичь ни одна горошина. Я самая замечательная из всех пяти!

Канавка была с нею вполне согласна.

А у окна, выходившего на крышу, стояла девочка с сияющими глазами, румяная и здоровая; она сложила руки и благодарила Бога за цветочек гороха.

— А я все-таки стою за мою горошину! — сказала канавка.

Перевод А. Ганзен

Йенс Сигсгорд

(1910)

Психолог, автор веселых историй для малышей. Книжка «Палле один на свете» переведена на 30 языков.

ПАЛЛЕ ОДИН НА СВЕТЕ

Утро.

Палле проснулся в своей кроватке.

Наверное, еще очень рано, потому что в доме совсем тихо. Но в окно ярко светит солнце, и спать больше не хочется.

Палле встает и на цыпочках идет по коридору. Вот комната, где спят его папа и мама.

Он приоткрывает дверь и заглядывает в спальню. Никого не видно.

Палле подходит к маминей кровати, но кровать пуста.

Тогда он подходит к папиной кровати, но она тоже пуста.

Где же мама и папа?

Палле возвращается в свою комнату.

Но снова ложиться в постель не хочется. Лучше он оденется и пойдет играть во двор.

Одеваться Палле умеет сам — ведь он уже совсем большой мальчик.

Но вот мыться он не очень любит и поэтому намыливает только самый кончик носа.

Потом Палле идет в столовую, из столовой — в кухню, но папы и мамы нигде нет.

Вот интересно — Палле один во всей квартире!

Палле спускается по лестнице и выходит на улицу.

Вообще-то ему не разрешают выходить на улицу без спроса, но ведь папы и мамы нет дома. Палле пойдет их искать.

На улице, прямо против подъезда, стоит трамвай.

Палле заглядывает в трамвайный вагон, но в вагоне никого нет. Нет даже кондуктора и вагоновожатого.

Куда же делись люди?

Палле заходит в молочную. Он хорошо знает продавщицу молочной. Но продавщицы за прилавком нет, и покупателей в магазине тоже нет.

На улице пусто и очень тихо. Машины не едут. Трамваи стоят. Прохожих нигде не видно.

ПАЛЛЕ ОДИН НА ВСЕМ БЕЛОМ СВЕТЕ...

Палле заходит во все магазины подряд, но нигде никого нет — все люди куда-то исчезли.

В кондитерской Палле набивает себе рот шоколадом.

Он знает, конечно, что этого делать нельзя, но раз он остался один на свете, кто ж его будет ругать?

Палле очень доволен, что остался один на свете.

Он заходит во фруктовый магазин и уплетает за обе щеки яблоки. Но ведь всего не съешь, и Палле запихивает в карманы два апельсина.

Однако куда же все-таки делись люди?

За углом стоит еще один трамвай. Это трамвай номер два.

Палле входит в вагон и садится на место водителя.

Палле крутит руль, как будто он вагоновожатый.

Дзинь! Трамвай вдруг рванулся с места. Палле очень испугался. Но это ничего. Зато теперь он настоящий вагоновожатый, и его трамвай летит вперед.

Палле надевает фуражку водителя. Она ему так велика, что козырек съезжает на самый кончик носа.

Палле никак не может дотянуться ногой до звонка, поэтому он сам выкрикивает: «Дзинь-дзинь!»

Впрочем, этого и не нужно — ведь на улицах никого нет.

Палле очень рад, что остался один на свете. Теперь он может делать все, что ему вздумается.

Трамвай несется к центральной площади. Но вот Палле видит, что впереди на рельсах стоит другой трамвайный вагон, — дальше ехать нельзя.

Остановить трамвай — но как? Палле этого не знает и на полном ходу врежется в стоящий впереди вагон.

ТРАХ!

Палле кубарем слетел с сиденья прямо на мостовую.

Он не ушибся, но зато трамвай разбит вдребезги. На нем теперь далеко не уедешь. Впрочем, если Палле захочет опять покататься, он может сесть в любой другой трамвай: трамваев на улице много.

Палле видит дом. Дверь в нем открыта настежь. В этом доме находится банк, где люди хранят свои деньги.

Палле входит в банк и берет целый мешок денег. Он ведь один на свете, — значит, он может взять все, что угодно.

От радости Палле распевает во все горло. Теперь у него много денег, и он может купить все, что захочет.

Он купит перочинный ножик, губную гармонику, игрушечный подъемный кран, велосипед, лопатку, тачку, автомобиль, самолет и вообще все на свете.

Палле подходит к магазину игрушек, чтобы купить ножик.

В витрине выставлен очень хороший ножик, но что толку? У Палле есть деньги, но он не может их истратить, потому что в магазине нет ни продавцов, ни кассира.

Палле выбрасывает деньги прямо на мостовую.

Палле видит огромную красную пожарную машину со складной лестницей наверху. Он садится за руль:

«Б-би-би-би-би!»

Он нажимает сразу на все кнопки и дергает за все рычажки.

Мотор гудит, и огромная машина трогается с места.

Палле крепко держится за руль, но ему ничуть не страшно. Хорошо править машиной! И как ловко он поворачивает на углах!

Палле объехал весь город, но пожара нигде не видно. Наконец мотор заглох, и машина остановилась.

Оказывается, кончился бензин.

Палле заходит в парк, где он часто играл с другими ребятами.

Он шагает прямо по газону. Палле прекрасно видит дощечку с надписью:

По траве
не ходить!

Но не все ли ему равно, раз он остался один на свете?

На детской площадке стоят качели. Палле с удовольствием покачался бы на качелях, но это не так-то просто: кто же сядет на другой конец доски? Вот если бы здесь были Герда или Нильс!

Палле идет дальше и видит большой, красивый кинотеатр, где всегда показывают интересные картины. Палле входит в кинотеатр.

У Палле никто не спрашивает билета, но в зале совсем темно и картин не показывают.

Кто же будет их показывать, если на свете никого не осталось, кроме Палле.

Палле проголодался. Он уже давно ничего не ел.

Он заходит в большой ресторан, но еда на плите холодная. Она, наверно, еще даже не сварилась.

Тогда Палле решает сам приготовить себе обед. Он наливает воды в кастрюлю, насыпает туда овсянки и зажигает газ.

Но каша получилась очень невкусная. Она пригорела и стала такой густой, что Палле с трудом воткнул в нее ложку.

Оказывается, вовсе не так уж приятно быть одному на всем белом свете.

Палле соскучился по своим товарищам, по папе и по маме.

Особенно по маме.

Палле садится в красивый автомобиль и едет по городу: а вдруг где-нибудь все-таки остались люди?

Наконец Палле подъехал к аэродрому.

Там стоял большой сверкающий самолет.

Палле забрался в кабину самолета и полетел высоко-высоко.

Самолет поднялся до самых звезд. Вдруг он обо что-то ударился. Это, конечно, был месяц.

Бедный Палле полетел вниз головой.

Палле закричал во все горло — и проснулся. Он лежал в своей кроватке. **ОКАЗЫВАЕТСЯ, ВСЕ ЭТО ЕМУ ТОЛЬКО ПРИСНИЛОСЬ!**

Тут вошла его мама:

— Палле, что с тобой? Почему ты плачешь?

— Ой, мама, мне приснилось, что я остался совсем один на свете! Я мог делать все, что хотел, но мне стало так скучно одному... Как хорошо, что это мне только приснилось!

Палле вскочил с постели, оделся. И вот он уже в парке, на площадке со своими товарищами.

Как весело играть всем вместе!

Конец.

Перевод В. Островского и Ю. Яхниной

ИРАН

СЧАСТЛИВЫЙ МАЛЬЧИК (народная сказка)

Много-много лет тому назад под синим куполом неба жили в лачуге на опушке леса муж и жена. Их сынишка целыми днями играл со сверстниками и скитался по лесу. А по вечерам отец учил его грамоте. Однажды мать сказала ему:

— Пора тебе, сынок, помогать отцу. Сегодня нам нечего есть. Ступай-ка к морю и налови рыбы.

Мальчик взял невод и отправился на берег моря. Там он закинул невод и, вытащив его, увидел маленькую трехцветную рыбку — золотисто-красно-синюю. Рыбка жалобно взглянула на мальчика и проговорила человеческим голосом:

— Пусти меня в море, мальчик! В награду я дам тебе волшебные ножницы: все, что ты ими ни вырежешь, будет настоящим.

Мальчик пожалел рыбку и отпустил ее в море.

В тот же миг в руках у мальчика появились ножницы. Оглядевшись, мальчик увидел упавший с дерева большой желтый лист, поднял его и вырезал дворец. Вдруг дворец стал увеличиваться, расти, пока не поднялся выше окрестных холмов. Тогда мальчик набрал листьев — желтых, зеленых, красных, коричневых — и стал вырезать из них деревья и цветы. И вот вокруг дворца раскинулся цветущий сад.

Мальчик побежал домой и вырезал из бумаги одежду для матери, отца и себя. Облачившись в шелка и бархат, они отправились во дворец и зажили богаче всех соседей.

Много ли, мало ли времени прошло, только мальчик затосковал: ему так хотелось побегать на воле, а его не выпускали ни в лес, ни в поле, ни к морю, опасаясь, как бы рыбка не потребовала назад свои волшебные ножницы. Мать не позволяла ему дружить с детьми бедняков и постоянно твердила: «Береги новую одежду, не валяйся в песке! Не пачкайся, не делай того, не делай этого!»

Опостылела мальчику такая жизнь.

Однажды ночью он потихоньку выбрался из своей комнаты, перелез через ограду и побежал к морю.

На берегу мальчик громко крикнул:

— Рыбка, рыбка золотисто-красно-синяя! Где ты? Я пришел сказать тебе, что мне не нужен золотой дворец! Помоги мне, рыбка, верни прежнюю жизнь!

Наконец, трехцветная рыбка выплыла и сказала:

— Пусть будет по-твоему, дружок! Ты теперь богат и знатен, но ведь богатство, не нажитое трудом, не приносит счастья и радости. Утром, когда взойдет солнце, брось ножницы в море, свистни три раза — и ты будешь счастливым, как прежде.

С первыми лучами утреннего солнца мальчик бросил ножницы в море, свистнул три раза, и от дворца не осталось и следа.

Когда он вернулся домой, на пороге старой лагучи стояла его мать. Она ждала сына и улыбалась своей прежней, ласковой улыбкой.

Перевод *В. Арсеньева*

Омар Хайам

(ок. 1048 — ок. 1123)

Один из крупнейших ученых своего времени, философ и математик, астроном. Всемирную славу ему принесли несколько сотен четверостиший (рубаи), каждое из которых — поразительно гармоничный синтез смелой мысли и высокого чувства.

* * *

Хорошо, если платье твое без прорех,
И о хлебе насущном подумать не грех.
А всего остального и даром не надо —
Жизнь дороже богатства и почестей всех.

* * *

Вместо злата и жемчуга с янтарем
Мы другое богатство себе изберем:
Сбрось наряды, прикрой свое тело старьем,
Но и в жалких лохмотьях — останься царем!

Перевод *Германа Плисецкого*

ИСПАНИЯ

МАЛЕНЬКИЙ ГАЛИСИЕЦ
(народная сказка)

Там, где волны разбиваются о крутые скалы, в Галисии, на краю испанской земли, жил в маленьком городе мальчик-подросток. Родных у него не было, кроме старшего брата, но брат уехал далеко — в славный город Кадис, где мачты кораблей, словно лес, поднимаются над лазурным морем, а теплый ветер раздувает веселые паруса. Там он таскал с кораблей на берег тяжелые тюки с пряностями и зарабатывал неплохие деньги, а младший брат остался дома и должен был сам искать себе пропитание. Но недаром он родился в Галисии — он был находчив и не знал уныния. Мальчишка стал торговать водой, подслащенной анисом, потому что, кроме воды, у него не было другого товара, и с утра до вечера на улицах города раздавался его звонкий голос:

— Кому продать? Кто хочет пить?
Кому воды со льдом налить? —

и веселые бедняки и даже знатные кабальеро за стакан прохладной сладкой воды бросали мальчишке медный грошик-сентаво. Но прошли знойные дни, подул с океана холодный ветер, и никто не стал покупать воду у проворного галисийца. Тогда он решил поехать к старшему брату в славный город Кадис — к теплому лазурному морю. Он пришел на пристань и обратился к капитану прекрасного корабля с королевским флагом на мачте.

— Сеньор капитан, — сказал мальчик, — отвезите меня в славный город Кадис, где мачты словно лес поднимаются над волнами, а теплый ветер раздувает веселые паруса.

Капитан сунул руки в карманы своего расшитого золотом камзола и ответил:

— Конечно, я отвезу тебя, если ты заплатишь два дублона.

— Но у меня нет ни песеты! — воскликнул мальчик. — Разве ваш корабль недостаточно велик, чтобы отвезти меня подешевле?

Капитан громко расхохотался:

— Не тебе, нищему, плавать под королевским флагом! Пойди поищи себе грязную фелюгу, на которой возят таких, как ты, оборванцев!

Тогда мальчик пошел к капитану старого баркаса с черными продырявленными парусами. Он поклонился и учтиво сказал:

— Сеньор капитан, отвезите меня в славный город Кадис, где мачты словно лес поднимаются над волнами, а теплый ветер раздувает веселые паруса.

— В Кадис? — капитан вынул изо рта кривую трубку и проворчал: — Отвезу, ладно, если ты заплатишь мне две пессеты.

— Но у меня нет ни сентаво! — воскликнул мальчик. — По-моему, ваш корабль достаточно прекрасен, чтобы отвезти меня бесплатно!

— Ступай шутить в другое место! — рассердился капитан.

Мальчик не растерялся и ответил:

— Сеньор, разве хорошая шутка не стоит дороже денег?

— Прекрати свои песни и ступай прочь! — заревел моряк.

— Вы правы, сеньор, — подхватил галисиец, — песня стоит еще дороже, и я докажу вам это на деле!

— Как же ты это докажешь? — удивился капитан.

— Ах, уважаемый сеньор, — с поклоном ответил мальчишка, — давайте уговоримся: если я спою песню, и она вам понравится, вы отвезете меня в Кадис на вашем великолепном фрегате и не спросите с меня ни сентаво!

— Ладно, — ответил капитан, оскалив зубы, — но помни, что я терпеть не могу песен, и, если ты не угодишь мне, я выброшу тебя за борт, как собаку.

Мальчик проворно взбежал на борт судна, и вскоре же корабль вышел в открытое море. Он стал прыгать с волны на волну и раскачиваться с боку на бок, а капитан стал собирать плату со всех, кто плыл на его жалкой посудине. Наконец он подошел к галисийцу.

— Плати! — мрачно сказал моряк, но мальчик не протянул ему монеты, а вместо этого звонко запел, в то время как соленые брызги волн с головы до ног обдавали его и всех, находившихся на борту:

— Сеньор капитан, торговаться не стоит:

Ты нас угощаешь соленой водою,

А я угощаю всех сладкой водою, —

Так разве же мы не в расчете с тобой?

Услышав такую песню, матросы громко расхохотались, но суровый капитан даже не улыбнулся.

— Плати, оборванец! — закричал он. — Мне не нравится эта песня!

Мальчишка запел еще веселее, не обращая внимания на волны, которые уже прыгали через борт и заливали ноги и матросам, и путешественникам:

— Напрасно на песню ты сердиться, право,

А мне вот купанье твое не по нраву.

За то, чтобы воду морскую глотать,

Не стоит и медной монетки отдать!

Но капитан даже не дослушал песни:

— Дерзкий мальчишка! — заревел он. — Плати деньги, или я сдержу свое слово и утоплю тебя в море, как собаку!

Тогда мальчик запел третью песню:

— Грози, сколько хочешь, сеньор забияка:

Не стану я в море тонуть, как собака, —

Уж лучше я руку в карман опущу —

Тебе за дорогу сполна заплачу!

— Вот эта песня мне нравится! — воскликнул капитан и протянул руку за деньгами. Но мальчик отвел его руку и рассмеялся:

— Ловлю на слове, сеньор капитан! Уговор — это уговор. Вам понравилась моя песня, значит, — мы в расчете!

Капитан отвернулся и приказал матросам откачивать воду из своего славного фрегата, а через три дня маленький галиснец прибыл в Кадис, на берег лазурного моря, и встретился со своим любимым братом.

ЗАГАДКИ

Есть в саду фруктовом чудо:	Я безрукий, я безногий,
Листья ярче изумруда.	То катаюсь по дороге,
Серебристые цветы,	То по улице скачу,
Золотистые плоды.	То по воздуху лечу.

(hscrləncʏ)

(hɤw)

У упорен и проворен,	У малютки-кавалера
У меня немало дел,	Чрезвычайно важный вид:
Я, как уголь в печке, черен,	Он в огромнейшем сомбреро
А рождаюсь бел, как мел.	На одной ноге стоит.

(Mʏpɤvəɛɪ)

(ɔɪɪɪɪ)

Перевод Т. Шишловой

Хуан Антонио Лаиглесия

(1917)

Пишет для детей и рассказывает по радио веселые сказки.

ПОЛКИЛОГРАММА САХАРА

— Добрый день, дяденька сосед! Я пришел к вам с просьбой...

Гном Джером криво улыбнулся. Вечно все его о чем-то просят, хотя прекрасно знают, что он этого не любит. Ну как они не поймут: он спокойно живет в своем большом доме-грибе и никогда ни у кого ничего не просит; в течение лета делает запасы и за зиму их съедает, вот и все. Почему все его соседи не делают то же самое, а вечно приходят попрошайничать: то дай им яичко, то немного соли, то чашечку меда или зернышко перца... Бррр...

— Что тебе нужно, малыш? — ворчливо спросил Гном Джером, глядя на самого младшего из семейства бобров, стоявшего в дверях.

— Наша мама печет торт и очень просит вас дать взаймы килограмм муки. Все столько говорят о вашей доброте!

Гном Джером схватился за зеленую с колпачком шапку, скрывавшую его лысину.

— Килограмм муки! Да это настоящий грабеж! Килограмм муки! А когда вернете?

Бобренок пообещал, что, как только мама Бобрихаходит на рынок, а будет это в четверг, он сразу же вернет долг.

Недовольно хмыкнув, Гном Джером ушел на кухню и вернулся с пакетом, который был больше его самого. Бобренок с трудом взвалил ношу на плечи и, слегка пошатываясь под ее тяжестью, ушел.

Карлик-скряга закрыл дверь, повернул ключ в замке, раскурил трубку и сел читать возле ярко пылавшего камина.

Но немного погодя вновь постучали в дверь: тук, тук, тук!..

— Кто там?

— Это я, Бобренок. Откройте мне!

«А — подумал Гном Джером,— это он пришел вернуть муку. Как быстро! Вот молодец какой!»

Но Бобренок пришел просить яичко.

— Пусть будет хотя бы голубиное. Мама печет торт, и...

— С чем торт? Бррр...

«Вместо яичка дать бы этому паршивцу пинка! — подумал Гном Джером.— Но тогда они никогда не вернут мне килограмм муки». И он дал Бобренку яичко... Правда, самое маленькое — воробьиное. Бобренок взял яичко и очень довольный ушел. Гном Джером закрыл дверь, повернул два раза ключ в замке, снова раскурил трубку и принялся читать.

Спустя некоторое время снова постучали. Это опять был Бобренок. Теперь он просил блюдечко сладкой малины.

— Тоже для торта, да? Бррр...

И Гном Джером закрылся на кухне, чтобы Бобренок не видел, как он содрал с головы шапку и со злостью шлепнул ее об пол.

«Ах, как жаль, что нельзя вышвырнуть вон этого маленького попрошайку! — думал про себя Гном Джером.— Тогда они не вернут ни муку, ни яичко. Что же делать?.. Ага! Придумал! Я им покажу сладенький тортик!» И Гном Джером дал взаймы Бобренку вместо сладкой малины кислую-прекислую клюкву. Бобренок взял клюкву и очень довольный ушел.

Гном Джером закрылся, повернул три раза ключ в замке. Вновь закурил трубку и стал читать.

Через несколько минут Бобренок снова постучал в дверь. Теперь ему нужно было для пирога... полкилограмма сахара.

— Наша мама печет торт...

Потеряв всякое терпение, Гном Джером бросился на кухню и, вернувшись с большим пакетом, отдал его Бобренку. «Им и в голову не придет, что это соль, и торт будет испорчен. Будут знать в следующий раз, попрошайки несчастные!»

Злой и недовольный Гном Джером захлопнул за Бобренком дверь и долго крутил ключом в замке, что-то ворча себе под нос.

Гном Джером читал, когда снова постучали. Теперь вся бобриная семья была в сборе.

— Дорогой соседка! — хором сказали бобры.— Мы пришли поздравить тебя с днем рождения и хотим преподнести подарок... торт.

Гном Джером упал в обморок.

Пересказ Б. Симорра

ИТАЛИЯ

Карло Коллоди

(1826—1890)

Карло Лоренцини — участник освободительной борьбы, под псевдонимом Коллоди (название деревушки, откуда была родом его мать) печатал статьи и публиковал книги для детей. «История одного буратино» («буратино» — по-итальянски марионетка) появилась в детском журнале и имела большой успех. Отдельным изданием книга вышла под названием «Приключения Пиноккио. История одной марионетки» в 1893 г. и завоевала весь мир. А. Н. Толстой обработал сказку Коллоди, переосмыслил ее и дал ей название «Золотой ключик, или Приключения Буратино».

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ «ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПИНОККИО»

КАК МАСТЕРУ ВИШНЕ ПОПАЛСЯ КУСОК ДЕРЕВА,
КОТОРЫЙ ПЛАКАЛ И СМЕЯЛСЯ, КАК РЕБЕНОК

Жил-был...

«Король!» — немедленно воскликнут мои маленькие читатели.

Нет, дети, вы не угадали. Жил-был кусок дерева.

То было не какое-нибудь благородное дерево, а самое обыкновенное полено, из тех, которыми в зимнюю пору топят печи и камины, чтобы обогреть комнату.

Не знаю уж, какими путями, но в один прекрасный день этот кусок дерева оказался в мастерской старого столяра. Старика звали мастер Антонио, но весь свет именовал его «Мастер Вишня», так как кончик его носа был подобен спелой вишне — вечно блестящий и сизо-красный.

Мастер Вишня страшно обрадовался, обнаружив полено, и, весело потирая руки, пробормотал:

— Этот кусок дерева попался мне довольно кстати. Смастерю-ка я из него ножку для стола.

Сказано — сделано. Не мешкая, он взял острый топор, чтобы очистить кору и придать дереву форму ножки. Но не успел он занести топор, как рука его так и повисла в воздухе — из полена послышался тонкий, умоляющий голосок:

— Не бейте меня!

Можете себе представить, какое сделалось лицо у доброго старого мастера Вишни.

Изумленный в высшей степени, он начал водить глазами по мастерской, чтобы узнать, откуда взялся этот голосок. Но в комнате никого не было. Он заглянул под верстак — никого. Сунул голову в корзину с опилками и стружками — никого. Наконец открыл ставню и поглядел на улицу — тоже никого. Может быть...

— Я все понял, — захихикал он и почесал под париком. — Голосок мне просто померещился. Значит, снова за работу!

И он опять взялся за топор и нанес превосходнейший удар по деревяшке.

— Ой, ты мне сделал больно! — завопил знакомый голосок.

Для мастера Вишни это было уже слишком. Глаза у него от страха полезли на лоб, рот раскрылся, язык свесился до подбородка, так что старик стал похож на одну из тех удивительных статуй, какими в старину украшали фонтаны.

Снова обретя дар речи, он начал рассуждать вслух, хотя еще заикался от страха:

— Кто же все-таки крикнул «ой»? Здесь ведь нет ни живой души. Может ли быть, чтобы кусок дерева плакал и воил, как ребенок? Нет, никогда не поверю! Это же самое обыкновенное полено, как две капли воды похожее на все другие поленья. Если бросить его в огонь, можно прекрасно сварить на нем добрый горшок бобов. А если... кто-нибудь влез в полено, а? Что ж, тем хуже для него. Сейчас я ему покажу!

С этими словами он схватил несчастное полено обеими руками и начал безжалостно бить его об стену мастерской.

Затем он прислушался — не раздастся ли снова стон или вопль. Он ждал две минуты — ни звука; он ждал пять минут — ни звука; десять минут — ни звука.

— Я понял, — сказал он наконец, сконфуженно ухмыльнулся и взъерошил свой парик. — Голосок, крикнувший «ой», мне действительно только померещился. Значит, снова за работу!

А так как его испуг еще не совсем прошел, он, дабы не потерять бодрости духа, начал негромко напевать, как делал это обычно.

Отложив топор в сторону, он взял рубанок, чтобы гладко обстругать полено. Но только он начал водить рубанком взад-вперед по дереву, как снова услышал тот же самый голосок, который, захлебываясь от смеха, выговорил:

— Ах, перестань, пожалуйста! Ты щекоцаешь меня по всему телу!

На этот раз мастер Вишня свалился, как громом пораженный. Когда он позже пришел в себя, то увидел, что все еще валяется на полу.

Лицо у него было перемазано, а сизо-красный кончик носа теперь от страха стал темно-синим.

МАСТЕР ВИШНЯ ДАРИТ КУСОК ДЕРЕВА СВОЕМУ ДРУГУ ДЖЕППЕТТО,
КОТОРЫЙ ХОЧЕТ ВЫРЕЗАТЬ ИЗ НЕГО ЧУДЕСНЕЙШЕГО ДЕРЕВЯННОГО
ЧЕЛОВЕЧКА, СПОСОБНОГО ПЛЯСАТЬ И ФЕХТОВАТЬ,
А ТАКЖЕ КУВЫРКАТЬСЯ В ВОЗДУХЕ

В это мгновение раздался стук в дверь.

— Войдите,— с трудом выговорил столяр, но встать на ноги не смог.

В мастерскую вошел старый, но еще бодрый человек, по имени Джеппетто. Дети из соседних домов, желая подразнить его, придумали ему прозвище «Кукурузная лепешка» — его желтый парик выглядел точнехонько, как кукурузная лепешка.

Джеппетто был очень вспыльчивый старичок. Горе тому, кто назовет его Кукурузной лепешкой! Он сразу приходил в такое бешенство, что никакая сила не могла его укротить.

— Добрый день, мастер Антонио,— сказал Джеппетто.— Что вы поделяете на полу?

— Преподаю муравьям таблицу умножения.

— В добрый час!

— Что привело вас ко мне, дядюшка Джеппетто?

— Ноги!.. Знаете, мастер Антонио: я пришел сюда, чтобы просить вас об одном одолжении.

— С превеликим удовольствием,— ответил столяр и приподнялся с пола.

— Сегодня утром мне пришла в голову одна идея.

— Слушаю вас.

— Я подумал, что неплохо было бы вырезать эдакого отменного деревянного человечка. Но это должен быть удивительный деревянный человечек: способный плясать, фехтовать и кувыряться в воздухе. С этим деревянным человечком я пошел бы по белу свету и зарабатывал бы себе на кусок хлеба и стаканчик винца. Что вы на это скажете?

— Браво, Кукурузная лепешка! — воскликнул тот самый голосок, который доносился неведь откуда.

Когда дядюшка Джеппетто услышал, что его обозвали Кукурузной лепешкой, он от гнева побагровел, как перец, и яростно закричал на столяра:

— Как вы смеете меня оскорблять?

— Кто вас оскорбляет?

— Вы сказали мне «Кукурузная лепешка»!

— Это не я сказал.

— Так кто же, я сам? Я заявляю, что это сказали вы!

— Нет!

— Да!

— Нет!

— Да!

Они горячились все больше, затем от слов перешли к делу, схватились, стали кусаться и царапаться.

Когда бой окончился, желтый парик Джеппетто был в руках мастера Антонио, а седой парик столяра — в зубах у Джеппетто.

— Отдай мне мой парик! — закричал мастер Антонио.

— А ты отдай мне мой, и мы заключим мир.

После того как старички обменялись париками, они пожали друг другу руки и поклялись быть добрыми друзьями на всю жизнь.

— Итак, дядюшка Джеппетто,— сказал старый столяр в знак примирения,— какую услугу я могу вам оказать?

— Не дадите ли вы мне дерева, чтобы я мог сделать деревянного человечка?

Мастер Антонио поспешно и не без удовольствия бросился к верстаку и достал тот самый кусок дерева, который нагнал на него такого страха. Но, когда он передавал полено своему другу, оно сильно рванулось, выскользнуло у него из рук и свалилось прямо на тощие ноги бедного Джеппетто.

— Ох! Как вежливо вы преподносите людям свои подарки, мастер Антонио! Вы меня, кажется, сделали калекой на всю жизнь.

— Клянусь вам, это не я!

— Значит, я?

— Виновато это дерево.

— Это я и сам знаю, но ведь вы уронили мне его на ноги.

— Я не ронял!

— Обманщик!

— Джеппетто, не оскорбляйте меня, иначе я назову вас Кукурузной лепешкой!

— Осел!

— Кукурузная лепешка!

— Корова!

— Кукурузная лепешка!

— Глупая обезьяна!

— Кукурузная лепешка!

Когда Джеппетто в третий раз услышал, что его обозвали Кукурузной лепешкой, он потерял последние крохи разума, бросился на столяра, и оба начали снова тузить друг друга.

После потасовки нос мастера Антонио имел на две царапины больше, а куртка его друга — на две пуговицы меньше.

Когда они таким образом свели свои счета, оба опять пожали друг другу руки и поклялись быть добрыми друзьями на всю жизнь.

Затем Джеппетто взял шальное полено под мышку и, прихрамывая, отправился домой.

ДЖЕППЕТТО, ВЕРНУВШИСЬ ДОМОЙ,
СРАЗУ ЖЕ НАЧИНАЕТ ВЫРЕЗАТЬ ДЕРЕВЯННОГО ЧЕЛОВЕЧКА
И ДАЕТ ЕМУ ИМЯ «ПИНОККИО».
ПЕРВЫЕ ШАГИ ДЕРЕВЯННОГО ЧЕЛОВЕЧКА

Все жилище Джеппетто состояло из маленькой подвальной каморки; ее единственное окно выходило под лестницу. Обстановка не могла быть скромнее: шатающийся стул, прохудившаяся кровать и старый колченогий стол. У стены виднелся крохотный камин, в котором горел огонь. Но огонь был нарисованный, висевший под ним котелок — тоже нарисованный; он весело кипел и выпускал целое облако пара, и все было в точности как настоящее.

Как только Джеппетто пришел домой, он без промедления взял свой инструмент и начал вырезать деревянного человечка.

«Какое имя я дам ему? — задумался Джеппетто. — Назову-ка его Пиноккио. Это имя принесет ему счастье. Когда-то я знал целую семью Пинокки; отца звали Пиноккио, мать — Пиноккия, детей Пинокки, и все чувствовали себя отлично. Самый богатый из них кормился подаванием».

Найдя имя для своего деревянного человечка, он стал прилежно работать. Сначала он сделал ему волосы, потом лоб и наконец глаза.

Когда глаза были готовы, он заметил — представьте себе его удивление! — что они моргают и в упор глядят на него. Уловив пристальный взгляд деревянных глаз, Джеппетто почувствовал себя не в своей тарелке и сказал с досадой:

— Глупые деревянные глаза, чего вы на меня вытаращились?

Но никто ему не ответил.

Покончив с глазами, он сделал нос. Как только нос был готов, он начал расти и рос и рос, пока за несколько минут не стал таким носищем, что просто конца-краю ему не было.

Бедный Джеппетто старался укоротить его, но, чем больше он его обрезал, отрезал и вырезал, тем длиннее становился нахальный нос.

Оставив нос в покое, он принялся за рот.

Рот был еще не вполне готов, а уже начал смеяться и корчить насмешливые рожи.

— Перестань смеяться! — сказал Джеппетто раздраженно.

Но с таким же успехом он мог обратиться к стене.

— Я еще раз тебе говорю, перестань смеяться! — вскричал Джеппетто сердито.

Рот сразу же перестал смеяться, зато высунул длиннющий язык.

Джеппетто, не желая портить себе настроение, перестал обращать внимание на все эти странности и продолжал работать. Вслед за ртом он сделал подбородок, затем шею, плечи, туловище и руки.

Как только руки были закончены, Джеппетто сразу же почувствовал, что кто-то стянул у него с головы парик.

Он взглянул вверх и что же увидел? Деревянный человечек держал его желтый парик в руках.

— Пиноккио! Ты немедленно вернешь мне мой парик, или...

Вместо того чтобы вернуть парик старику, Пиноккио напялил его себе на голову, причем чуть не задохнулся под ним.

Бесстыдное и наглое поведение Пиноккио навело на Джеппетто такую грусть, какой он не испытывал за всю свою жизнь, и он сказал:

— Ты, безобразник, ты еще не совсем готов, а уже проявляешь неуважение к своему отцу. Худо, дитя мое, очень худо!

И он вытер слезу.

Теперь следовало вырезать еще ноги. И лишь только Джеппетто сделал их, как тотчас же получил пинок по носу.

«Я сам во всем виноват, — вздохнул он про себя. — Надо было раньше все предвидеть, теперь уже слишком поздно».

Затем он взял деревянного человечка под мышки и поставил его на землю, чтобы Пиноккио научился ходить.

Но у Пиноккио были еще совсем негнушиеся, неуклюжие ноги, и он еле двигался. Тогда Джеппетто взял его за руку и стал учить, как надо переступать ногами.

Ноги постепенно расходились. Пиноккио начал двигаться свободнее и через несколько минут уже самостоятельно ходил по комнате. В конце концов он переступил порог, выскочил на середину улицы — и поминай как звали.

Бедный Джеппетто побежал следом, но не мог его догнать: этот плут Пиноккио делал прыжки не хуже зайца и так стучал при этом своими деревянными ногами по торцовой мостовой, как двадцать пар крестьянских деревянных башмаков.

— Держи его! Держи! — кричал Джеппетто.

Однако прохожие при виде деревянного человечка, бегущего как гончая собака, замирали, глазели на него и хохотали, так хохотали, что невозможно описать.

К счастью, появился полицейский. Он подумал, что не иначе как жеребенок убежал от своего хозяина. И он встал, мужественный и коренастый, посреди улицы, твердо решившись схватить лошадку и не допустить до беды.

Пиноккио уже издали заметил, что полицейский преградил ему путь, и хотел проскользнуть у него между ног. Но его постигла плачевная неудача.

Полицейский ловким движением ухватил Пиноккио за нос (а это был, как известно, необыкновенно длинный нос, будто для того только и созданный, чтобы полицейские за него хватались) и передал его в руки Джеппетто. Старику не терпелось тут же на месте надрать Пиноккио уши в наказание за бегство. Но представьте себе его изумление — он не мог обнаружить ни одного уха! Как вы думаете, почему? Да потому, что увлекшись работой, он позабыл сделать деревянному человечку уши.

Пришлось взять Пиноккио за шиворот и таким порядком повести его обратно, домой. При этом Джеппетто твердил, угрожающе покачивая головой:

— Сейчас мы пойдем домой. А когда мы будем дома, я с тобой рассчитаюсь, будь уверен!

Услышав эту угрозу, Пиноккио лег на землю и ни с места. Подошли любопытные и бездельники, и вскоре собралась целая толпа.

Все говорили разное.

— Бедный деревянный человечек, — сочувствовали одни. — Он совершенно прав, что не хочет идти домой. Этот злодей Джеппетто задаст ему перцу.

Другие, полные злобы, твердили:

— Этот Джеппетто, хоть и выглядит порядочным человеком, на самом деле груб и безжалостен к детям. Если мы отдадим ему бедного деревянного человечка, он его на куски изломает.

И они болтали и подзуживали друг друга до тех пор, пока полицейский не освободил Пиноккио, а вместо него арестовал бедного Джеппетто. От неожиданности старик не сумел найти ни слова себе в оправдание, только заплакал и по дороге в тюрьму всхлипывал, приговаривая:

— Неблагодарный мальчишка! А я-то старался сделать из тебя приличного деревянного человечка! Но так мне и надо. Следовало раньше все предвидеть!

То, что случилось потом, — совершенно невероятная история, которую я изложу вам в последующих главах.

ИСТОРИЯ ПИНОККИО И ГОВОРЯЩЕГО СВЕРЧКА,
ИЗ КОТОРОЙ ВИДНО, ЧТО ЗЛЫЕ ДЕТИ НЕ ЛЮБЯТ,
КОГОДА ИМ ДЕЛАЕТ ЗАМЕЧАНИЕ КТО-НИБУДЬ,
ЗНАЮЩИЙ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ОНИ САМИ

Итак, дети, скажу вам, что в то время как Джеппетто был безвинно заключен в тюрьму, наглый мальчишка Пиноккио, избежав когтей полицейского, пустился напрямик через поле домой. Он прыгал через холмы, густой терновник и канавы с водой, словно затравленный загонщиками дикий козел или заяц. Дома он распахнул незапертую дверь, вошел, задвинул за собой школку и плюхнулся на пол с глубоким вздохом облегчения.

Но он недолго наслаждался спокойствием — вдруг ему послышалось, что в комнате кто-то пропищал:

— Кри-кри-кри...

— Кто меня зовет? — в ужасе спросил Пиноккио.

— Это я!

Пиноккио обернулся и увидел большого сверчка, который медленно полз вверх по стене.

— Скажи мне, кто ты такой?

— Я Говорящий Сверчок и живу уже больше ста лет в этой комнате.

— Теперь это моя комната, — сказал Деревянный Человечек. — Будь любезен, отправляйся воң отсюда, желательно без оглядки!

— Я не уйду, — возразил Сверчок, — прежде чем не скажу тебе великую правду.

— Говори великую правду, только поскорее.

— Горе детям, которые восстают против своих родителей и покидают по неразумению своему отчий дом! Плохо им будет на свете, и они рано или поздно горько пожалеют об этом.

— Верещи, верещи, Сверчок, если тебе это интересно! Я, во всяком случае, знаю, что уже завтра на рассвете меня тут не будет. Если я останусь, мне придется жить так же скучно, как всем другим детям: меня пошлют в школу, заставят учиться, хочу я этого или не хочу. А между нами говоря, у меня нет ни малейшего желания учиться. Гораздо приятнее бегать за мотыльками, лазать на деревья и воровать из гнезд птенцов.

— Бедный глупыш! Разве ты не понимаешь, что таким образом ты превратишься в настоящего осла и никто тебя ни в грош не будет ставить?

— Заткни глотку, старый зловещий Сверчок! — не на шутку рассердился Пиноккио. Но Сверчок, преисполненный терпения и мудрости, не обиделся и продолжал:

— А если тебе не по нраву ходить в школу, то почему бы тебе не научиться какому-нибудь ремеслу и честно зарабатывать свой хлеб?

— Сказать тебе, почему? — ответил Пиноккио, понемногу теряя терпение. — Потому что из всех ремесел на свете только одно мне действительно по душе.

— И что же это за ремесло?

— Есть, пить, спать, наслаждаться и с утра до вечера бродяжничать.

— Заметь себе, — сказал Говорящий Сверчок со свойственным ему спокойствием, — что все занимающиеся этим ремеслом всегда кончают жизнь в больнице или в тюрьме.

— Полегче, старый зловещий Сверчок... Если я рассержусь, тебе худо будет!

— Бедный Пинокио, мне тебя вправду очень жаль!

— Почему тебе меня жаль?

— Потому что ты деревянный человечек и, хуже того, у тебя деревянная голова.

При последних словах Пинокио вскочил, разъяренный, схватил с лавки деревянный молоток и швырнул его в Говорящего Сверчка.

Возможно, он не думал, что попадет в цель, но, к несчастью, попал Сверчку прямо в голову, и бедный Сверчок, успев только произнести напоследок «кри-кри-кри», остался висеть на стене мертвый.

Перевод Э. Казакевича

Джанни Родари

(1920—1980)

Участник Сопротивления, школьный учитель, знаменитый поэт, сказочник, лауреат Золотой медали Х. К. Андерсена. Во всем мире известны его сказки «Приключения Чиполлино», «Путешествие Голубой стрелы», «Джельсомино в стране лжецов», «Сказки по телефону», «Торт в небе». Педагогам и родителям полезно прочитать его книгу «Грамматика фантазии».

ЧЕМ ПАХНУТ РЕЧИСЛА?

У каждого дела
Запах особый:
В булочной пахнет
Тестом и сдобой.

Мимо столярной
Идешь мастерской,—
Стружкой пахнет
И свежей доской.

Пахнет маляр
Скипидаром и краской.
Пахнет стекольщик
Оконной замазкой.

Куртка шофера
Пахнет бензином.
Блуза рабочего —
Маслом машинным.

Пахнет кондитер
Орехом мускатным.
Доктор в халате —
Лекарством приятным.

Рыхлой землею,
Поле и лугом
Пахнет крестьянин,
Идущий за плугом.

Рыбой и морем
Пахнет рыбак.
Только бездельник
Не пахнет никак.
Сколько ни душится
Лодырь богатый,
Очень неважно
Он пахнет, ребята!

КАКОГО ЦВЕТА РЕМЕСЛА?

Цвет свой особый	Под цвет небосвода
У каждого дела.	Ходит рабочий
Вот перед нами	Под сводом завода.
Булочник белый.	Руки рабочих
Белые волосы,	В масле и саже.
Брови, ресницы,	Руки богатых
Утром встает он	Белее и глаже.
Раньше, чем птицы.	Нежные пальцы,
Черный у топки	Светлые ногти.
Стоит кочегар.	Нет на них копоти,
Всеми цветами	Масла и дегтя.
Сверкает маляр.	Знаешь: пускай у них кожа бела,
В синей спецовке	Очень черны у богатых дела!

СТИШОК ПРО ЛЕТНЮЮ ЖАРУ И ГОРОДСКУЮ ДЕТВОРУ

Приятно детям в зной горячий
Уехать за город на дачи,
Плескаться в море и в реке
И строить замки на песке.
А лучше — в утренней прохладе
Купаться в горном водопаде.
Но если вас отец и мать
Не могут за город послать,—
На каменной лестнице,
Жарко нагретой,
Вы загораете
Целое лето.
Или валяетесь
Летом на травке
На берегу
Водосточной канавки.
Если б меня президентом избрали,
Я бы велел, чтобы в каждом квартале
Каждого города всем напоказ
Вывешен был мой строжайший приказ:

1.

Детям страны президентским декретом
Жить в городах запрещается летом.

2.

Всех ребятишек на летнее жительство
Вывезти к морю. Заплатит правительство.

3.

Этим декретом — параграфом третьим —
Горы Альпийские дарятся детям.

З а к л ю ч е н и е

Кто не исполнит приказа, тому
Будет грозить заключение в тюрьму!

П О Л О Ж Е Н И Е

В понедельник
Я проснулся,
А во вторник
Я зевнул,
В среду
Сладко потянулся,
А в четверг
Опять заснул.
Спал я в пятницу,
В субботу
Не ходил я
На работу,
Но за то уж в воскресенье
Спал весь день без пробужденья!

В С Т Р А Н Н Ы Е Х О Р О В О Д

Эта песня круговая	Детям самых жарких стран,
Детям Индии, Китая,	Где так много обезьян,
Итальянским и советским,	Детям Конго и Алжира,—
И немецким, и турецким,	Словом, всем ребятам мира,
Детям Англии и Штатов,	Детям сел и городов,
Детям негров и мулатов,	Детям гор, полей, садов,
Детям желтым, детям белым,	Всем друзьям и всем подругам,
Детям черным, загорелым,	Что сомкнулись тесным кругом
Эскимосам, что на льдинах	И, сомкнувшись, повели
Спят в мешках из шкур звериных,	Хоровод вокруг земли!

Перевод С. Маршака

КАК ПРИДУМЫВАЮТ ЧИСЛА

Давайте придумывать числа?!

— Давайте! Чур, я первый! Почти-один, почти-два, почти-три, почти-четыре, почти-пять, почти-шесть...

— Это слишком маленькие числа. Послушай мои. Один сверхмиллион биллионов! Одна восьмища миллионист! Один удиви-удивятище и один изумилище!

— Подумаешь! Я могу целую таблицу умножения придумать! Вот смотри!

Трижды один — Паолина и Мартин!

Трижды два — вкусная халва!

Трижды три — нос скорей утри!

Трижды четыре — шоколад, вкуснейший в мире!

Трижды пять — ошибся опять!

Трижды шесть — я хочу есть!

Трижды семь — никогда суп не ем!

Трижды восемь — милости просим!

Трижды девять — мир слезам не верит!

Трижды десять — ничего не весят!

— Скажи-ка быстро, сколько стоит коврижка?

— Дважды «надеру уши»!

— А сколько отсюда до Милана?

— Тысяча километров новых, один километр совсем уже старый и семь шоколадок!

— Сколько весит слеза?

— А по-разному. Слеза капризного мальчика весит меньше ветра. Слеза голодного мальчика — тяжелее всей Земли!

— Очень длинная получилась сказка?

— Слишком!

— Давай напоследок придумаем еще несколько чисел.

Знаешь, как считают в Модене? Раз-и-раз, двас-и-двас, трижды-трижки, четыре коврижки и пяток кочерыжек.

— А я посчитаю, как в Риме. Разик, дваик, третий тазик, а дальше считай как знаешь...

СТАРЫЕ ПОСЛОВИЦЫ

— Ночью, — заявила одна Старая Пословица, — все кошки серы!

— А я черная! — возразила черная кошка, которая как раз в этот момент перебегала дорогу.

— Не может быть! — рассердилась Старая Пословица. — Старые Пословицы никогда не ошибаются!

— А я все равно черная! — ответила кошка.

От удивления и огорчения Старая Пословица тотчас же свалилась с крыши и сломала ногу.

А другая Старая Пословица отправилась однажды на футбол. Там она стала болеть за одного игрока и решила помочь ему. Она шепнула ему на ухо:

— И один в поле воин!

Футболист попробовал играть мячом в одиночку. Но смотреть на это зрелище было так тоскливо, что можно было умереть от скуки. К тому же футболисту, игравшему в одиночку, некого было побеждать, и он вскоре вернулся в свою команду. С досады Старая Пословица заболела, и ей пришлось удалить гланды.

Встретились как-то три Старые Пословицы и, едва открыв рот, сразу же заспорили:

— Начало — половина дела! — заявила первая.

— Ничего подобного! Всем известно, что в любом деле лучше всего золотая середина, — возразила вторая.

— Глубочайшее заблуждение! — воскликнула третья. — Конец — всему делу — венец!

Тут они вцепились друг другу в волосы, да так до сих пор и дерутся.

Есть еще одна история про Старую Пословицу, которой захотелось отвесить груш. Она уселась под грушевым деревом и стала ждать. «Спелая груша сама с ветки падает!» — подумала она. Но груша упала с дерева только тогда, когда насквозь прогнила. Она шлепнулась прямо на макушку Старой Пословицы, и та с горя тотчас же ушла на пенсию.

ГОЛУБОЙ СВЕТОФОР

Однажды со светофором, который висит на соборной площади в Милане, произошло что-то странное: все огни его вдруг окрасились голубым цветом, и люди не знали, что делать — переходить улицу или не переходить? Идти или стоять?

Все глаза светофора излучали голубой свет — во все стороны только голубой свет. Таким голубым никогда не было даже небо над Миланом.

Пешеходы недоумевали — как быть? Автомобилисты яростно сигналили, мотоциклисты громко рычали своими мотоциклами, а самые важные и толстые прохожие сердито кричали светофору:

— Вы что, не знаете, кто я такой?!

Остряки обменивались шутками, а шутники — остротами:

— Зеленый цвет? Зелень съели богачи! Им, должно быть, понадобилась лишняя вилла за городом!

— А красный? Он весь ушел на то, чтобы подкрасить рыбок, что плавают в бассейне у фонтана.

— А с желтым знаете, что сделали? Чур, только секрет! Его подлили в оливковое масло!

Наконец появился регулировщик, стал посреди перекрестка и наладил движение. Другой регулировщик подошел к распределительному щитку и отключил светофор, чтобы починить его.

Светофор последний раз сверкнул своими голубыми очами и успел подумать:

«Бедняги! Ведь я дал им сигнал: «Путь в небо свободен!» Если б они поняли меня, то все могли бы теперь свободно летать. А может быть, они и поняли, да у них просто не хватило смелости?»

ВОЛШЕБНЫЙ БАРАБАН

Шел однажды с войны барабанщик. Был он очень беден. Все-то его богатство составлял барабан. Но настроение у солдата было прекрасное — ведь он возвращался домой, где не был долгие годы. И потому далеко вокруг разносился веселый грохот его барабана: «Трам-тара-там! Трам-там-там!»

Шел он, шел и вдруг встретил старушку.

— А, славный солдатушка! Не найдется ли у тебя случаев хоть одного сольдо?

— Я охотно дал бы тебе и два, бабуля, и даже дюжину, если б были. Но у меня и вправду нет ни одного сольдо.

— Ой, так ли уж?

— Еще утром я обшарил свои карманы, но ничего не нашел.

— А ты посмотри еще разок, поищи как следует.

— В карманах? Что ж, посмотрю, раз тебе так хочется. Но уверен... Ой, а это что такое?

— Сольдо! Видишь, выходит, есть?

— Клянусь тебе, я и не знал об этом! Вот красота! Держи, бабуля, мне не жалко. Тебе оно, должно быть, нужнее.

— Спасибо, солдат! — поблагодарила старушка. — А я взамен тоже дам тебе кое-что.

— Да? Но мне ничего не надо.

— Подарю тебе маленькое волшебство. Слушай внимательно. Всякий раз, как зазвучит твой барабан, все вокруг будут пускаться в пляс.

— Какое забавное волшебство! Спасибо, бабуля.

— Подожди, это еще не все. Затанцуют люди и не смогут остановиться, пока не перестанешь играть на своем барабане.

— Вот здорово! Не знаю еще, что стану делать с таким подарком, но, наверное, пригодится.

— Еще как!

— Прощай, бабуля!

— Прощай, солдат!

И барабанщик снова двинулся в путь — домой. Шел он, шел... Вдруг из леса выскочили трое разбойников.

— Кошелек или жизнь?

— Ох, да ради бога! Берите еще и сумку. Только и в ней пусто.

— Руки вверх или будем стрелять!

— Слушаюсь, слушаюсь, господа разбойники.

— Где прячешь деньги?

— Будь они у меня, наверное, спрятал бы в шапке.

Разбойники посмотрели в шапку — пусто.

— А может, сунул бы в ухо.

Посмотрели в ухо — тоже пусто.

— Нет, пожалуй, я положил бы их на самый кончик носа, будь они у меня.

Разбойники искали, искали, искали и, разумеется, не нашли даже гроша ломаного.

— Да ты и в самом деле нищий! — рассердился главарь разбойников. — Ну, ладно, заберем у тебя барабан, хоть повеселимся иногда — и то хорошо.

— Берите, — вздохнул солдат, — жаль, конечно, расставаться со старым другом, столько лет дружили. Но раз уж он так вам нужен...

— Нужен!

— Дайте только мне сыграть на нем напоследок, а потом забирайте. А заодно я покажу вам, как надо играть. Идет?

— Ладно, так уж и быть, играй.

— Вот хорошо! — обрадовался барабанщик. — Я поиграю: «Трам-та-ра-там-там! Трам-там-там!» А вы потанцуйте!

И надо было видеть, как затанцевали эти негодяи! Словно медведи на ярмарке.

Поначалу им нравилось, они смеялись и шутили:

— Давай, давай, барабанщик! А ну-ка, вальс!

— А теперь, польку!

— Мазурку!

Но вот они устали, задыхаются. Хотят остановиться, да не могут! Выбились из сил, ноги не держат, голова кружится, а волшебный барабан все заставляет их плясать.

— На помощь!

— Пляшите!

— Пошады!

— Пляшите!

— Господи!

— Пляшите, пляшите!

— Хватит, хватит!

— Не отнимете у меня барабан?

— Не отнимем! С нас достаточно...

— Оставьте меня в покое?

— О, мы отладим тебе что угодно, только прекрати эту музыку!

Но барабанщик перестал играть только тогда, когда они, совсем обессиленные, свалились на землю.

— Вот и хорошо! Теперь вы меня не догоните!

И пустился наутек, время от времени ударяя палочками по барабану — на всякий случай. И тогда сразу же начинали танцевать зайцы в своих норках, белки на деревьях и проснувшиеся среди бела дня совы...

Так и шел дальше славный барабанщик, возвращаясь домой.

Первый конец

Шел он, шел и вдруг подумал: «А ведь это волшебство — неплохая штука! И с разбойниками я поступил в общем-то довольно глупо. Я же мог заставить их отдать мне все деньги, какие у них были. Может, вернуться и поискать их?»

И он повернул было обратно, как вдруг увидел, что навстречу ему едет почтовая карета.

— Вот это, пожалуй, меня даже больше устроит!

Лошади бежали быстро, позванивая бубенчиками, и кучер на козлах весело насвистывал песенку. Рядом с ним сидел вооруженный жандарм.

— Привет, барабанщик! Тебя подвезти?

- Нет, мне и тут хорошо!
- Тогда сойди с дороги, дай проехать.
- А вы сначала потанцуйте!

«Трам-тара-там-там! Трам-там-там!» — загремел барабан. И тотчас затанцевали лошади, соскочил на землю кучер и давай притоптывать ногами. А уж как смешно плясал жандарм, выронивший свое ружье! И пассажиры все тоже пустились в пляс.

И надо вам сказать, что в этой почтовой карете везли в банк золото — три ящика. Наверное, килограммов триста. Солдат одной рукой продолжал бить в барабан, другой сбросил ящики на дорогу и ногой задвинул их в кусты.

- Пляшите! Пляшите!
- Хватит! Хватит! Больше не можем!
- Тогда уезжайте, да побыстрее! И не оборачиваться!

Почтовая карета уехала без своего драгоценного груза. А солдат стал богатым-пребогатым, как миллионер... Теперь он мог купить себе виллу, жить бездельником и жениться на дочери какого-нибудь важного чиновника. А еще понадобятся деньги, так ему и в банк ходить не надо — достаточно вспомнить о барабане.

Второй конец

Шел солдат, шел и вдруг увидел охотника, который целился в дрозда.
«Трам-тара-там-там! Трам-там-там!»

Охотник выронил ружье и пустился в пляс. А дрозд улетел.

- Несчастный! Ты мне ответишь за это!
- Там видно будет, а пока пляши! Ну, как?
- Эх, сил нет!
- Хочешь остановиться, так обещай, что никогда больше не будешь стрелять в птиц!
- Обещаю!

Шел он дальше, шел и увидел крестьянина, который колотил своего осла.

- Пляши!
- На помощь!
- Пляши! Перестану играть, только если ты поклянешься, что никогда больше не будешь бить своего осла.
- Клянусь!

Шел дальше славный солдат, шел и бил в свой барабан каждый раз, когда нужно было положить конец какому-нибудь безобразию, восстановить справедливость или наказать злодея. А злодеев всяких и несправедливостей разных встречалось почему-то так много, что ему никак не удавалось добраться до дома. Но он все равно был доволен. «Мой дом, — решил он, — будет там, где я смогу делать добро с помощью моего барабана».

Третий конец

Шел солдат, шел и размышлял: «Интересный барабан! Любопытно, как он устроен? И в чем заключается его волшебство?» Повертел в руках палочки, разглядывая их, — вроде обыкновенные деревянные палочки.

— Может, секрет спрятан внутри барабана, под этой туго натянутой кожей? Загляну-ка туда, — решил он. И прорезал ножом небольшую дырочку. А внутри оказалось пусто — совсем пусто!

— Ну, ладно, ничего не поделаешь...

И отправился солдат дальше своей дорогой, весело стуча палочками. Но теперь зайцы, белки и птицы больше не танцевали под звуки его барабана, и совы тоже не просыпались...

«Трам-тара-там-там! Трам-там-там!»

Звук вроде бы тот же, а волшебства нет как нет!

Вы не поверите, но барабанщик почему-то обрадовался этому.

Четвертый конец

Барабанщик заставил плясать два враждующих войска, и между ними был заключен мир. Нельзя плясать и воевать одновременно.

СОБАКА, КОТОРАЯ НЕ УМЕЛА ЛЯТЬ

Жила-была однажды собака, которая не умела лаять. Ни лаять, ни маякать, ни мычать, ни ржать — никак не умела разговаривать! Это была самая обыкновенная, маленькая собака. И никто не знал, откуда она взялась в этом селе, где прежде никто никогда не видел ни одной собаки. И уж, понятное дело, сама она даже не подозревала, что не умеет лаять. Но вот кто-то спросил ее:

— А почему, интересно, ты никогда не лаешь?

— Лаять? А как это? Я ведь не здешняя, я не умею...

— Вот чудачка! Разве ты не знаешь, что все собаки лают?

— Зачем?

— Не зачем, а потому. Потому что они собаки! Лаут на прохожих, на подозрительных кошек, на луну. Лаут, когда довольны жизнью, когда нервничают или злятся. Лаут чаще всего днем, но, случается, и ночью.

— Очень возможно, но я...

— А ты что за птица такая особенная? Или хочешь, чтоб о тебе написали в газетах!

Собака не знала, что и ответить. Она не умела лаять и не знала, как этому научиться.

— А ты делай, как я,— из жалости посоветовал какой-то петушок. И он несколько раз прокричал свое звонкое: «Ку-ка-ре-ку!»

— По-моему, это совсем непросто,— заметила собака.

— Да что ты! Очень даже просто! Послушай еще и обрати внимание на мой клюв. Короче, смотри и подражай!

И петушок еще раз пропел «ку-ка-ре-ку!»

Собака попробовала повторить, но у нее получилось только какое-то жалкое «кхе-кхе», и курицы, испугавшись, бросились врассыпную.

— Ничего,— успокоил собаку петушок,— для первого раза очень даже неплохо. А теперь повтори. Ну!

Собака еще раз попыталась прокукарекать, но у нее опять ничего не вышло. И тогда она стала потихоньку тренироваться изо дня в день, иногда уходила в лес — там совсем никто не мешал и можно было кукарекать сколько угодно.

Но вот однажды утром в лесу ей удалось выкрикнуть «ку-ка-ре-ку!» так хорошо, так звонко и красиво, что лиса, услышав этот петушиный клич, подумала: «Наконец-то петенька собрался навестить меня! Надо скорей поблаго-

дарить его за визит...» И поспешила ему навстречу, не забыв при этом захватить нож, вилку и салфетку, потому что для лисы, как известно, нет блюда лакомее, чем хороший петушок. Можете себе представить, как огорчилась она, когда вместо петушка увидела собаку, которая сидела по-щенячьи на своем хвосте и одно за другим испускала громкие «ку-ка-ре-ку!».

— Ах, воскликнула лиса,— так, чего доброго, и в ловушку можно попасть!

— В ловушку?

— Ну да! Я подумала, что ты нарочно притворилась петушком, заблудившись в лесу, чтобы поймать меня. Хорошо еще, что я тебя вовремя заметила. Но это нечестная охота! Собаки обычно лают, предупреждая, что приближаются охотники.

— Уверю тебя... Я совсем не собиралась охотиться. Я пришла сюда только поупражняться.

— Поупражняться! В чем?

— Я учусь лаять. И уже почти научилась. Послушай, как у меня хорошо получается.

И она снова звонко пропела: «Ку-ка-ре-ку!»

Лиса так хохотала, что чуть не лопнула. Она каталась по земле, хватаясь за живот, и никак не могла остановиться. Наша собака ужасно обиделась, что над нею смеются,— ведь она так старалась! Поджав хвост и чуть не плача, побрела она домой. Но тут встретила ее кукушка. Увидела она печальную собаку и пожалела ее:

— Что случилось с тобой?

— Ничего.

— Отчего же ты такая грустная?

— Эх... Так вот и так... Все оттого, что не умею лаять. И никто не может научить меня.

— Ну, если дело только за этим, я научу тебя в два счета! Послушай хорошенько, как я пою, и повтори точно так же: «Ку-ку, ку-ку, ку-ку!» Поняла?

— Вроде не так уж и трудно...

— Да совсем просто! Я с самого детства умею куковать. Попробуй: «Ку-ку, ку-ку, ку-ку!»

— Ку...— попробовала собака,— ку...

Она повторяла это «ку-ку!» еще много раз и в этот день, и на следующий. И через неделю стала уже совсем неплохо куковать. Она была очень довольна собой и думала: «Наконец-то, наконец-то я начинаю по-настоящему лаять! Теперь уж никто не станет смеяться надо мной».

Как раз в эти дни начался охотничий сезон. В лесу появилось много охотников, в том числе и таких, которые стреляют куда попало и в кого попало. Могут выстрелить даже в соловья, если услышат его. И вот идет один такой охотник по лесу и слышит в кустах: «Ку-ку... ку-ку...» Он поднимает ружье, целится и — бух! бах! — стреляет.

Пули, по счастью, не задели собаку. Пролетели и просвистели над самым ухом. Но собака испугалась и пустилась наутек. Она очень удивилась: «Наверное, этот охотник сошел с ума, если стреляет даже в собаку, которая лает...» А охотник тем временем искал свою добычу. Он был уверен, что попал в цель.

«Наверное, птицу утащила эта собака, которая выскочила вдруг откуда-то», — подумал он.

И чтобы отвести душу, выстрелил в мышонка, выглянувшего из своей норки, но не попал и в него.

А собака бежала, бежала...

Первый конец

Бежала, бежала собака и оказалась на лугу, где спокойно паслась корова.

— Куда так спешишь?

— Сама не знаю...

— Ну так остановись. Здесь прекрасная трава.

— Эх, если б в траве было дело...

— Ты что — нездорова?

— Хуже. Я не умею лаять!

— Но ведь это самое простое, что только может быть на свете! Послушай меня: «Му-у! Му-у! Му-у!» Разве некрасиво?

— Неплохо. Но я не уверена, что это как раз то, что мне надо. Ты ведь корова...

— Разумеется, я корова.

— А я — нет. Я собака.

— Разумеется, ты собака. Ну и что? Что тебе мешает выучить мой язык?

— А знаешь, это мысль! Превосходная мысль!

— Какая?

— Да вот эта, которая только что пришла мне в голову. Я выучу языки всех животных и будут выступать в цирке. Все будут аплодировать мне, я разбогатею и выйду замуж за сына короля. Короля собак, разумеется.

— Молодец, ты очень хорошо придумала это! Ну, так за работу. Слушай внимательно: «Му-у... Му-у... Му-у...»

— Му-у... — промычала собака.

Это была собака, которая не умела лаять, зато обладала большими способностями к языкам.

Второй конец

Бежала, бежала собака... И встретился ей крестьянин.

— Куда так несешься?

— Сама не знаю...

— Тогда идем со мной. Мне как раз нужна собака — курятник сторожить.

— Я бы пошла к вам, но только вот лаять я не умею.

— Тем лучше. Собаки, которые лают, только помогают вору удирать. А тебя они не услышат, подойдут поближе, тут ты их схватишь, укусишь как следует, и они получат по заслугам.

— Согласна! — ответила собака.

Так и случилось, что собака, которая не умела лаять, нашла наконец себе занятие, цепь и миску с костями — раз и навсегда, на всю жизнь.

Третий конец

Бежала, бежала собака... И вдруг остановилась. Какой странный голос она слышала. «Гав-гав! — говорил кто-то. — Гав-гав!»

«Что-то очень родное и знакомое,— подумала собака.— Хотя никак не могу понять, что это за животное говорит».

— Гав-гав!

— Жираф, может быть? Нет, наверное, крокодил. Это злое животное — крокодил... Надо быть осторожнее.

Прячась за кустами, собака двинулась туда, откуда доносилось это «гав-гав!», от которого, бог знает почему, так сильно забилося ее сердце.

— Гав-гав!

— Вот так раз — собака!

Да, да! Причем это оказалась собака того самого охотника, который недавно стрелял, услышав кукование.

— Привет, собака!

— Привет, собака!

— Что это за звуки ты издаешь?

— Звуки? Да будет тебе известно, что это не просто звуки, а лай.

— Лай? Ты умеешь лаять?

— Вполне естественно. Не стану же я трубить, как слон, или рычать, как лев.

— Тогда научи меня!

— А разве ты не умеешь лаять?

— Нет...

— Слушай внимательно! Это делается так: «Гав, гав!...»

— Гав, гав! — сразу же залаяла собака. И подумала про себя, радостная и счастливая: «Наконец-то я нашла хорошего учителя!»

Четвертый конец

Собака стала выступать в рок-группе, где пела на разные голоса.

КТО-ТО ПЛАЧЕТ

Если вы помните старую сказку про принцессу, которая не могла уснуть на гряде матрацев, потому что под ними лежала горошина, то вы, конечно, сразу поймете и эту историю, какую я хочу рассказать вам про одного пожилого, доброго, может быть, даже самого доброго человека на свете.

Как-то раз, когда он уже лег спать и собрался погасить свет, он вдруг услышал чей-то плач.

«Странно,— удивился пожилой синьор,— кто бы это мог быть? Может, в доме кто-то есть?»

Он встал, накинул халат и обошел свою маленькую квартирку, в которой жил один, включил всюду свет, заглянул во все углы...

— Нет, никого нет! Наверное, у соседей...

Он снова улегся в постель, но вскоре опять услышал — кто-то плачет...

— Теперь, мне кажется, это на улице,— сказал синьор сам себе.— Конечно, это там! Надо пойти посмотреть, в чем дело.— Он встал, оделся потеплее, потому что ночь была холодной, и вышел на улицу.

— Вот тебе и на! Казалось, совсем рядом, а тут никого и нет! Наверное, на соседней улице...

И он пошел на этот плач — улица за улицей, площадь за площадью, через весь город, пока не добрался до окраины. И тут он увидел в подворотне какого-то старика. Тот лежал на гряде тряпья и горестно стонал.

— Что вы тут делаете? — удивился пожилой синьор. — Вам нездоровится? Услышав, что к нему обращаются, старик испугался.

— А? Кто здесь? Хозяин дома?.. Ухожу... Сейчас, сейчас уйду...

— Куда же вы пойдете?

— Куда? Не знаю, куда... У меня нет дома, нет близких. Вот я и устроился здесь... Сегодня такая холодная ночь. Попробовали бы сами поспать на скамейке в парке, укрывшись газетой! Так можно и навсегда уснуть... Вам-то что за дело? Я ухожу, ухожу...

— Нет, постойте, подождите! Я не хозяин дома...

— Тогда что вам от меня надо? А, подвинуться... Давайте устраивайтесь! Одежда у меня нет. А места на двоих хватит!

— Я хотел сказать... У меня дома, видите ли, немного теплее... И диван есть...

— Диван? Тепло? — Ну, вставайте же, пойдемте! И знаете, что мы сделаем? Прежде чем уляжемся спать, выпьем по чашке горячего молока...

И они отправились в путь — пожилой синьор и бездомный старик. А на другой день пожилой синьор отправил старика в больницу, потому что после ночей, проведенных в парке и подворотне, тот получил сильный бронхит. Домой пожилой синьор вернулся уже к вечеру. Хотел лечь спать, как вдруг снова услышал, что кто-то плачет.

— Ну вот опять, — вздохнул он. — В доме можно и не искать. И так знаю, что никого нет. Как хочется спать... Но с таким плачем в ушах разве уснешь! Надо пойти посмотреть...

Как и накануне вечером, пожилой синьор вышел из дома и пошел на плач, который, казалось, доносился откуда-то издалека. Шел он, шел, прошел через весь город. А потом с ним случилось что-то странное, потому что он каким-то чудом оказался совсем в другом городе, а потом таким же непонятным образом в третьем, но и тут никак не мог понять, кто же это плачет. Вот он уже прошел всю свою область и добрался наконец до маленького селения высоко в горах. Здесь-то он и увидел бедную женщину, которая плакала у постели больного ребенка, потому что некому было сходить за врачом.

— Я же не могу оставить малыша одного! И вывести на улицу тоже нельзя — там много снега намело!

Кругом действительно все белело от снега. — Не надо плакать! — успокоил женщину пожилой синьор. — Объясните мне, где живет доктор, и я схожу за ним. А вы пока положите на голову ребенку мокрую тряпочку, ему станет легче.

Пожилой синьор помог женщине, сделав все, что мог. И наконец вернулся домой. И едва только собрался уснуть, опять услышал, что кто-то плачет, да так явственно, будто совсем рядом, на кухне. Нельзя же, чтоб человек плакал! Пожилой синьор вздохнул, оделся, вышел на улицу и отправился на этот зов. И с ним опять произошло что-то странное. Потому что он таким же непонятным образом оказался в какой-то другой стране, далеко за морем. Там шла война, и многие люди остались без крова, потому что их дома разрушили бомбы...

— Мужайтесь, мужайтесь! — ободрял их пожилой синьор и старался помочь по мере своих сил. Но сил у него было немного. И все же людям становилось легче, они перестали плакать, и тогда он вернулся домой. А тут уже наступило утро — не время укладываться спать.

— Сегодня вечером,— решил пожилой синьор,— лягу пораньше.

Но всегда ведь кто-нибудь где-нибудь плачет. Всегда кому-нибудь где-нибудь плохо — в Европе или в Африке, в Азии или Америке. И пожилой сеньор всегда слышал чей-нибудь плач, который добирался до его подушки и не давал покоя. И так было каждую ночь изо дня в день. Все время преследовал его этот плач. Иной раз кто-то плакал уж очень далеко — на другом полушарии, а он все равно слышал. Слышал и не мог уснуть...

Первый конец

Потому что этот пожилой синьор был очень добрым человеком. К сожалению, от постоянного недосыпания он сделался нервным, очень нервным.

— Если б я мог спать,— вздыхал он,— хотя бы через ночь! В конце концов ведь не один я на этом свете! Неужели никого больше не тревожит этот плач и никому не приходит в голову подняться с постели и посмотреть, кто же это плачет?

Иногда, опять услышав плач, он пытался уговорить себя:

— Сегодня не пойду! Я простужен, у меня болит спина... В конце концов никто не может упрекнуть меня в том, что я эгоист.

Но кто-то где-то продолжал плакать, да так горестно, что пожилой синьор все-таки поднимался и шел на помощь.

Он уставал все больше и больше. И становился все раздражительнее. Как-то раз он решил заткнуть себе уши ватой на ночь, чтобы не слышать плача, и поспать наконец хоть немного спокойно.

«Я сделаю это только разок-другой,— убеждал он себя,— только чтоб отдохнуть немного. Устрою себе как бы каникулы».

И он затыкал уши целый месяц.

А однажды вечером не заложил в них вату. Прислушался. И ничего не услышал. Он не спал полночи — все ожидал, что вот-вот услышит чей-то плач, но так ничего и не услышал. Никто не плакал, только собаки лаяли где-то далеко.

— Или никто больше не плачет,— решил он,— или я оглох. Ну что же, тем лучше.

Второй конец

С тех пор, каждую ночь в течение многих-многих лет пожилой синьор вставал и в любую погоду спешил с одного края земли на другой, чтобы помочь кому-то. Спал он теперь совсем немного, и только после обеда, даже не раздеваясь, в кресле, которое было старше его.

И соседи заподозрили тут что-то неладное.

— Интересно, куда это он ходит по ночам?

— Шляется бог знает где! Да он же просто бродяга, разве не ясно?!

— Может быть, еще и вор...

— Вор? Ну да, конечно! Вот вам и ответ!

— Надо бы последить за ним...

А однажды ночью в доме, где жил пожилой синьор, кого-то обокрали. И соседи обвинили в этом пожилого синьора. В квартире у него устроили обыск, перевернули все вверх дном. Пожилой синьор протестовал изо всех сил:

— Я ничего не воровал! Я тут ни при чем!

— Ах, вот как? Тогда скажите-ка нам, куда это вы ходите по ночам?

— Я был... Ах, видите ли... Я был в Аргентине, там один крестьянин никак не мог отыскать свою корову и...

— Вот бесстыдник! В Аргентине!.. Искал корову!..

Словом, пожилого синьора отправили в тюрьму. И он сидел там в полном отчаянии, потому что по ночам по-прежнему слышал чей-то плач, но не мог выйти из камеры, чтобы помочь тому, кто так нуждался в его помощи.

Третий конец

А третьего конца пока нет.

Хотя, впрочем, он мог бы быть вот таким. В одну прекрасную ночь на всей земле не оказалось ни одного человека, даже ни одного ребенка в слезах... И на следующую ночь тоже... Не стало больше на земле плачущих и несчастных людей!

Может быть, когда-нибудь так и будет. Пожилой синьор уже слишком стар, чтобы дожить до этого счастливого дня. Но он по-прежнему встает по ночам и идет на плач, потому что таков уж его характер, и он никогда не теряет надежду на лучшее.

Четвертый конец

Пожилой синьор нашел клад и на эти деньги построил большой дом для всех бездомных, голодных и бедных. И после этого он стал спать спокойно.

КАКИЕ КОНЦЫ СКАЗОК НРАВЯТСЯ АВТОРУ

ВОЛШЕБНЫЙ БАРАБАН

Первый конец этой сказки мне не нравится — как может веселый, славный барабанщик стать вдруг ни с того ни с сего грабителем с большой дороги? Третий конец меня тоже не устраивает. Мне кажется, глупо нарушать такое хорошее волшебство ради удовлетворения простого любопытства, хотя любопытство, конечно, не порок. Если б ученые не были любопытными, они никогда не сделали бы никаких открытий. Я за второй конец.

СОБАКА, КОТОРАЯ НЕ УМЕЛА ЛЯТЬ

Я решительно за третий конец. Важно найти хорошего учителя. Это важнее, чем стать звездой конного цирка или каждый день получать миску с едой.

КТО-ТО ПЛАЧЕТ

Я за третий конец, то есть за тот, которого нет. Это довольно грустно, но не все же сказки кончаются благополучно.

Перевод И. Г. Константиновой

КАНАДА

Эрнест Сетон-Томпсон

(1860—1946)

Писатель, художник, замечательный естествоиспытатель, автор книг о животных, о людях, живущих на природе, об охотниках, индейцах, о детях, любовно изучающих родную природу.

МЕДВЕЖОНОК ДЖОННИ

I

Джонни был забавный маленький медвежонок, живший со своей матерью в Йеллоустонском парке. Его мать звали Грэмпи (Злюка); вместе с другими медведями они жили в лесу возле Фонтанной гостиницы.

По распоряжению управляющего гостиницей все отбросы из кухни сносили на открытую поляну в окрестном лесу, где медведи могли пировать ежедневно в течение всего лета. С тех пор как Йеллоустонский парк был объявлен заповедником для диких животных, где они пользовались полной неприкосновенностью, количество медведей там из года в год возрастало. Мирные шаги со стороны человека не остались без ответа, и многие из медведей настолько хорошо освоились с прислугой гостиницы, что даже получили прозвища, соответствующие их внешнему виду и поведению. Один очень длинноногий и худой черный медведь назывался Тошим Джимом. Другой черный медведь звался Снэффи (Фыркающий). Он был так черен, будто его заковали. Фэтти (Толстяк) был очень жирный, ленивый медведь, вечно занятый едой.

Два лохматых подростка, которые всегда приходили и уходили вместе, назывались Близнецами. Но наибольшей известностью пользовались Грэмпи и маленький Джонни.

Грэмпи была самой большой и свирепой из черных медведиц, а Джонни, ее единственный сын, был надоедлив и несносен, так как никогда не переставал ворчать и скулить. Вероятно, это объяснялось какой-нибудь болезнью, потому что ни один здоровый медвежонок, как и всякое здоровое дитя, не станет беспричинно скулить все время. В самом деле, Джонни был похож на

больного. У него, по-видимому, постоянно болел живот, и это показалось мне вполне естественным, когда я увидел, какую ужасающую мешанину пожирал он на свалке. Он пробовал решительно все, что видел. А мать, вместо того чтобы запретить ему, смотрела на такое обжорство с полным равнодушием.

У Джонни было только три здоровые лапы, блеклый скверный мех и несо-размерно большие уши и брюхо. Однако мать обожала его; она, по-видимому, была убеждена, что сын ее красавец, и, конечно, совсем избаловала его. Грэмпи была готова подвергаться каким угодно неприятностям ради него, а он всегда с удовольствием давал ей повод для беспокойства. Больной и хилый, Джонни был далеко не дурак и умел заставлять свою мамашу делать все, что он захочет.

II

Я познакомился с Джонни летом в 1897 году, когда посетил Йеллоустонский парк в целях изучения повседневной жизни животных. Мне рассказали, что в лесу около Фонтанной гостиницы можно видеть медведей в любое время. Я не особенно верил этим рассказам, пока сам не столкнулся, выйдя из дверей гостиницы через пять минут после приезда, с большой черной медведицей и двумя медвежатами.

Я остановился, испуганный этой встречей. Медведи также остановились и, присев на задние лапы, разглядывали меня. Затем медведица издала странный звук, похожий на кашель — «кофф, кофф», — и посмотрела на ближайшую сосну. Медвежата, казалось, поняли, что она хотела сказать, так как немедленно побежали к дереву и стали взбираться на него, как две маленькие обезьянки. Почувствовав себя в безопасности, они уселись наверху на ветках, точно мальчишки, придерживаясь одной лапой за ствол и болтая в воздухе маленькими черными ножками.

Медведица-мать, все еще на задних лапах, медленно приближалась ко мне, и я уже начинал чувствовать себя весьма неприятно от близости этого мохнатого чудовища, стоявшего во весь свой саженный рост и, видимо, никогда не слыхавшего о волшебной силе человеческого взгляда.

У меня не было с собою даже палки для самозащиты, и, когда медведица тихо заворчала, я стал уже помышлять о бегстве, несмотря на то что, как меня уверяли, медведи никогда не нападают на человека. Но медведица снова остановилась. Она стояла в каких-нибудь тридцати шагах от меня, продолжая молча меня рассматривать, точно в нерешительности. Казалось, она размышляла: «Хотя этот человек, может быть, не хочет зла моим детенышам, но рисковать не стоит».

Она взглянула на своих малышей и издала странный, жалобный звук, вроде «ер-рр, ер-р-р...», и они начали спускаться с дерева, как послушные дети, получившие приказание. В их движениях не было ничего неуклюжего, «медвежьего». Легко и проворно они прыгивали с ветки на ветку, пока не очутились на земле. И все трое ушли в лес. Мне очень понравились эти послушные медвежата. Как только мать приказывала им что-нибудь, они беспрекосовно подчинялись ей. Но я узнал, что сама жизнь научила их послушанию.

Таким образом, мне удалось с первых же шагов довольно удачно заглянуть в семейную жизнь медведей. Ради этого стоило сюда приехать, даже если

бы этим дело и ограничилось. Но мои друзья в гостинице сказали мне, что я попал далеко не в лучшее место для наблюдений. Они советовали мне пройти на свалку, за четверть мили, в лесу, где, по их словам, я могу увидеть сколько угодно медведей.

На следующий день рано утром я направился к этой медвежьей столовой, расположенной посреди сосен, и спрятался в ближайших кустах.

Ждать пришлось недолго. Из лесу тихо вышел большой черный медведь. Подойдя к свалке, он принялся раскапывать кучу и пожирать отбросы. Он держался очень настороженно, приседая на задние лапы и оглядываясь при всяком шорохе или отбегая на несколько шагов, как будто в испуге. Наконец, при появлении другого медведя, он поднял уши и бросился наутек под сосны. Второй медведь вел себя так же боязливо и тотчас убежал, едва я зашевелился в кустах, пытаясь лучше его разглядеть.

Вначале я и сам нервничал. Ведь носить оружие в Йеллоустонском парке строго запрещено, и у меня не было даже палки. Но робкое поведение самих медведей меня успокоило. Я с жадностью рассматривал этих больших косматых животных, заглядывая в их домашнюю жизнь.

Однако вскоре я убедился, что избранный мною наблюдательный пункт недостаточно хорош, так как он находился приблизительно в семидесяти пяти шагах от мусорной кучи. А ближе не было ни одного куста, за которым можно было бы укрыться. Тогда я сделал единственное, что мне оставалось: пошел к самой куче и, выкопав в ней углубление, достаточное, чтобы в нем спрятаться, пробыл там целый день, окруженный капустными стеблями, картофельной шелухой, жестянками из-под помидоров и гниющими остатками мяса. Это место мне нравилось гораздо меньше, чем мухам. В самом деле, аромат медвежьей столовой был настолько неприятен, что, когда я вернулся вечером в гостиницу, мне не позволили войти, пока я не переоделся в лесу.

Сидеть в мусорной куче нелегко, но зато я могу сказать, что в этот день действительно видел медведей. Если бы я считал каждого приходившего на свалку медведя, я мог бы насчитать их больше сорока. Но, конечно, это было бы неправильно, так как медведи уходили и возвращались. Впрочем, я уверен, что их там было не менее тринадцати, потому что такое количество я видел одновременно вместе.

Весь тот день я не оставлял альбома и записной книжки, отмечая каждого вновь появившегося медведя, и вскоре научился отличать их одного от другого.

Многие ненаблюдательные люди полагают, что все животные одной породы одинаковы. Но в действительности животные одной и той же породы так же отличаются друг от друга, как и люди. Иначе каким образом взрослые животные узнают друг друга, а детеныши — своих матерей? Каждый из этих пирующих медведей имел свою особенность. Среди них не было двух совершенно одинаковых по облику и по характеру.

Мне удалось сделать еще одно удивительное открытие: я легко различал стук дятла за сто шагов в лесу, трескотню цикад, крик голубой сойки, слышал даже, как белка пробирается сквозь листву, но я не мог уловить ни малейшего звука при приближении медведей. Их громадные мягкие лапы всегда ступают так осторожно, что ни ветку не сломают, ни листок не шевельнут, — так велико их искусство ходить по лесу бесшумно.

Все утро медведи приходили и уходили, не замечая меня. Не считая одной или двух маленьких ссор, между ними не произошло ничего особенного. Но около трех часов пополудни наступило некоторое оживление.

К этому времени на свалке находилось четыре больших медведя, занятых обедом. В середине был Фэтти, растянувшийся во всю длину, миролюбивый и счастливый. Иногда он пыхтел и, избавляя себя от лишних движений, все дальше и дальше высовывал язык, похожий на длинную красную змею, стараясь слизать лакомые кусочки, которые легко мог бы достать лапой. Позади него Тоший Джим изучал анатомию древнего омара. С омарами он еще не был знаком, поэтому он решил ради опыта съесть одного.

Два других медведя с поразительной ловкостью очищали жестянки из-под фруктов. Гибкая медвежья лапа держала жестянку, а длинный язык двигался взад и вперед в узком отверстии, осторожно избегая острых краев и вылизывал все, что было внутри. Эта трогательная сцена продолжалась так долго, что я имел возможность зарисовать ее. Она была прервана совершенно неожиданным событием.

Сначала мой взгляд уловил какое-то движение на вершине откоса, в том месте, откуда обычно появлялись медведи. Затем из лесу вышла огромная черная медведица в сопровождении крошечного медвежонка. Это были Грэмпи и маленький Джонни.

Старая медведица спускалась вниз по откосу. Джонни семенил рядом с нею, по обыкновению ворча и скуля, а мать не сводила с него глаз, как курица со своего единственного цыпленка. Шагах в тридцати от свалки Грэмпи повернулась к своему сыну и, должно быть, сказала ему приблизительно следующее: «Джонни, дитя мое, тебе лучше подождать здесь, пока я схожу и прогоню этих молодцов».

Джонни послушно остался, но ему хотелось видеть, что произойдет, поэтому он поднялся на задние лапы, выпучив глаза и наострив уши.

Грэмпи направилась к свалке, с достоинством переступая с лапы на лапу, и предостерегающе заворчала. Четыре медведя, однако, были слишком увлечены едой, чтобы обратить на нее внимание. Что за беда, если еще один медведь собирается присоединиться к их пиршеству!

Тогда Грэмпи, подойдя к ним почти вплотную, издала ряд громких звуков, похожих на кашель, и бросилась в атаку. Странно сказать, они даже не пытались ей сопротивляться. Лишь только они увидели, кто на них напал, как сразу же помчались в лес.

Тоший Джим улепетывал во все лопатки, остальные двое тоже не отставали, но бедный Фэтти двигался слишком медленно, пыхтя и переваливаясь, как всякий толстяк; к своему несчастью, он имел неосторожность направиться в сторону Джонни. В несколько прыжков Грэмпи настигла его и надавала ему здоровенных шлепков по задней части. Шлепки хотя и не ускорили его шагов, но заставили его завывать и переменить направление. Только этим он спас себя от дальнейшей расправы. Грэмпи, оставшаяся теперь единственной владелицей всей свалки, повернулась к сыну с знакомым уже мне жалобным призывом: «ер-р-р, ер-р-р...» В ответ Джонни радостно запрыгал на своих трех здоровых лапах так быстро, как только мог. Присоединившись к матери, он с такой жадностью набросился на еду, что даже перестал скулить.

Очевидно, он уже бывал на свалке, так как отлично разбирался в жестянках и коробках. Коробки из-под омаров не прельщали его, если он мог найти банку из-под варенья. Некоторые жестянки доставили ему много неприятностей, так как он был слишком жаден и неловок, чтобы избежать их острых краев. Одна соблазнительная жестянка из-под фруктов имела большое отверстие, он просунул внутрь всю голову и в течение нескольких минут наслаждался, вылизывая самые дальние уголки. Но вытащить голову обратно ему не удалось. Он оказался пойманным. Тогда Джонни стал царапать жестянку и кричать, как сделал бы всякий другой ребенок на его месте, доставляя этим большое огорчение своей матери, которая никак не могла ему помочь. Когда ему наконец удалось освободиться, он колотил жестянку до тех пор, пока она не сделалась совершенно плоской.

Другая большая жестянка из-под сиропа вознаградила его вполне. Она была из тех, которые закрываются особой крышкой, так что ее отверстие имело совершенно гладкие края. Но зато голова Джонни не влезала в это отверстие, и, как он ни вытягивал свой язык, он не мог добраться до ее сокровищ. Однако Джонни быстро нашел выход из положения. Запустив внутрь свою маленькую черную лапу, он стал водить ею по стенкам, потом вытаскивал и вылизывал дочиста. Облизывая одну лапу, он другой работал внутри жестянки, повторяя эту операцию до тех пор, пока жестянка не сделалась такой чистой внутри, как только что выпущенная с фабрики.

Потом он заинтересовался сломанной мышеловкой. Захватив ее крепко передними лапами, он принялся ее исследовать. От мышеловки очень соблазнительно пахло сыром. Однако эта невиданная вещь отреагировала на удар его лапы ударом, и он едва сдержал крик о помощи, проявив в этом необычное для него самообладание.

После внимательного осмотра, во время которого он наклонял голову то в одну сторону, то в другую и вытягивал губы трубочкой, мышеловка подверглась тому же наказанию, как раньше непокорная жестянка из-под фруктов. Усердие Джонни было на этот раз вознаграждено: в самом сердце преступницы он нашел кусочек сыра.

Джонни, по-видимому, никогда еще не случалось отравляться. После того как он вылизал все жестянки из-под варенья и фруктов, он обратил свое благосклонное внимание на коробки из-под сардин и омаров и даже не испугался военных мясных консервов. Его живот раздулся, как шар, а передние лапы от беспрестанного облизывания сделались гладкими и блестящими, как будто на них были надеты черные шелковые перчатки.

IV

Мне пришло в голову, что мое место может оказаться очень опасным, так как одно дело — попасться на глаза одинокому медведю, и совершенно другое — привлечь к себе внимание сердитой медведицы, испугав чем-нибудь ее медвежонка.

«Предположим, — подумал я невольно, — что маленький шалун Джонни проберется к этому концу свалки и найдет меня в моем убежище. Он сразу поднимет крик, а его мать, конечно, вообразит, что я напал на него, и, не дав мне возможности объясниться, позабудет все правила вежливости, установленные в парке. Тогда дело может принять весьма неприятный оборот».

По счастью, все банки из-под варенья были в другом конце свалки. Джонни держался возле банок, а Грэмпи не отходила от него далеко. Заметив, что в лапы матери попала соблазнительная жестянка, Джонни с плачем побежал к ней, требуя ее себе, но тут нечаянно бросил взгляд на вершину холма. То, что он там увидел, заставило его сразу присесть на задние лапы и тревожно закашлять: «кофф, кофф, кофф, кофф».

Мать быстро повернулась и стала смотреть в ту же сторону. Я последовал за их взглядом и там — о ужас! — увидел громадного медведя из породы гризли. Это было настоящее чудовище, которое походило на закутанный в мех омнибус, двигавшийся меж деревьев. Джонни заскулил и спрятался за мать. Грэмпи глухо заворчала, шерсть на ее спине стала дыбом. Признаюсь, и у меня волосы поднялись дыбом, но я старался не шелохнуться.

Гризли приближался величественной походкой. Его широкие плечи и серебристый мех, колыхавшийся при каждом шаге, производили впечатление такой мощи, что невольно внушали ужас. Джонни начал скулить еще громче. Я вполне ему сочувствовал, но старался молчать по весьма понятной причине. После минутной нерешительности Грэмпи повернулась к своему плаксивому медвежонку и произнесла несколько слов, которые для меня звучали, как два или три коротких покашливания: «кофф, кофф, кофф». Но я могу представить себе, что она в действительности сказала: «Дитя мое, тебе следует взобраться на то дерево и подождать, пока я пойду и прогоню этого нахала».

Во всяком случае, так именно поступил Джонни и такое желание изъявила его мать. Но Джонни вовсе не был склонен отказываться от развлечения. Он хотел видеть, что произойдет, и не удовольствовался тем, что спрятался в густых ветвях сосны, а постарался соединить безопасность с возможностью наблюдения. Он взобрался на самую высокую ветку и там, отчетливо вырисовываясь на фоне неба, вертелся и громко визжал от возбуждения. Ветка была так тонка, что гнулась под его тяжестью, раскачиваясь в разные стороны при всех его движениях, и я каждый миг ожидал, что она сломается. Если бы при этом Джонни упал в мою сторону, мне пришлось бы поссориться с его матерью. Но ветка, к счастью, оказалась крепче, чем я думал, а Джонни был слишком искусен в подобных упражнениях, чтобы сломать ее или самому потерять равновесие.

Тем временем Грэмпи шла навстречу Гризли, вытянувшись во весь свой рост, с ошетилившейся шерстью, скрежеща зубами. Гризли, насколько я мог видеть, не обращал на нее внимания и прямо направился к свалке, как будто он был совершенно один. Но когда он поравнялся с Грэмпи, она зарычала, бросилась на него и отвесила ему жестокую оплеуху. Озадаченный, он все же успел ответить ей ударом левой лапы и опрокинул ее, как куль с сеном. Нисколько этим не укрощенная, она рассвирепела еще больше, вскочила и снова бросилась на него.

Они обхватили друг друга и катались по земле, фыркая, рыча и поднимая целые облака пыли. Но сквозь весь этот шум я мог ясно слышать Джонни, который громко визжал на верхушке сосны и, видимо, ободрял мать, чтобы она поскорее покончила с противником.

Почему Гризли не сломал ее пополам, я так и не мог понять. Через несколько минут, в течение которых мне не было видно ничего, кроме пыли и неясных очертаний дерущихся, они вдруг разошлись, как будто по взаимному уговору, — быть может, согласно правилам медвежьей борьбы, — и остано-

лись, глядя в упор друг на друга, причем Грэмпи казалась сильно утомленной.

Гризли, по-видимому, готов был этим ограничиться. В намерения его все не входило продолжать драку, а тем более обращать внимание на Джонни. Он хотел только одного: мирно пообедать. Но нет! В тот миг, когда он сделал первый шаг по направлению к свалке, а по мнению Грэмпи — к ее медвежонку, она возобновила нападение. Но теперь Гризли был начеку. Одним ударом он свалил ее с ног и отшвырнул на громадный, выдернутый с корнями пень. Теперь она была хорошо проучена. Сила полученного удара и жестокий прием, оказанный ей торчащими корнями, похожими на рога, отбили у нее весь воинственный пыл. Выкарабкавшись кое-как, она попыталась скрыться. Однако теперь Гризли сам пришел в ярость и, желая ее наказать, стал гоняться за нею вокруг пня. Грэмпи была подвижнее и устранилась так, что пень всегда оказывался между нею и противником. Джонни, оставаясь на дереве, продолжал проявлять самое живое и шумное сочувствие матери.

Наконец убедившись, что поймать ее таким способом невозможно, Гризли присел на задние лапы, словно обдумывая какой-то новый маневр. Грэмпи воспользовалась передышкой и, сделав прыжок от пня, успела взобраться на дерево, где скрывался Джонни.

Медвежонок спустился немного ниже, быть может, для того чтобы ее встретить или чтобы дерево не треснуло под их двойной тяжестью. Сфотографировав эту интересную группу, я решил любой ценой получить снимок с более близкого расстояния. В первый раз за этот день я выскочил из своей норы и перебежал под самое дерево. Но эта перемена места была ошибкой, так как густые нижние ветви совершенно заслонили от меня медведей, сидевших у вершины.

Прижавшись к самому стволу, я всматривался вверх и выжидал момента, чтобы пустить в ход фотоаппарат.

Вдруг Грэмпи стала спускаться, скрежеща зубами и угрожающе кашляя. Пока я стоял в нерешительности, сзади меня раздался чей-то голос:

— Сударь, медведица нападет на вас!

Я обернулся и увидел молодого пастуха из гостиницы. Он проезжал мимо верхом на лошади в то время, как развертывались события.

— Вы знаете этих медведей? — спросил я, когда он подъехал ближе.

— Конечно, как мне их не знать! — отвечал он. — Этот малыш наверху — Джонни, а с ним его мать — Грэмпи. Она вообще добротой не отличается, а если ее Джонни попадет вот в такое положение, как сейчас, то с ней шутить нельзя.

— Мне бы хотелось сфотографировать ее, когда она сойдет вниз.

— Тогда вот что, — сказал пастух, — я останусь рядом с вами на лошади, и если медведица на вас нападет, думаю, что мне удастся ее удержать.

Он стал рядом со мною, как было условлено, в то время как Грэмпи с грозным ворчанием медленно спускалась с ветки на ветку. Но, почти достигнув земли, она вдруг перебралась на другую сторону ствола и, спрыгнув вниз, убежала, не попытавшись выполнить свои страшные угрозы. Итак, Джонни остался один. Взобравшись на прежнее место, он жалобно заплакал: «Уа, уа, уа!»

Камера была наготове, и я уже собирался запечатлеть Джонни в его любимой позе, которую он принимал всегда, когда плакал, но вдруг он вытянул шею и стал кричать во все горло.

Взглянув в сторону, куда смотрел Джонни, я увидел, что на меня идет Гризли, пока еще не начиная враждебных действий, но с очевидным намерением пройти все расстояние, отделявшее нас друг от друга.

Я спросил моего приятеля пастуха, знает ли он этого медведя.

— Как не знать! Это старый Гризли, самый большой медведь в парке. Обыкновенно он занят только своими делами и никого не трогает, если его не тревожить. Но сегодня, вы сами видели, он сильно возбужден и может быть опасным.

— Мне бы хотелось его сфотографировать,— заметил я.— Если вы мне поможете, я сделаю попытку.

— Ладно,— ответил пастух, поморщившись.— Я останусь на лошади и, если он нападет на вас, постараюсь его отвлечь. Я могу ударить его один раз, но второй раз мне вряд ли это удастся. Вам бы лучше взобраться на дерево.

Но так как единственное дерево поблизости было то, на котором сидел Джонни, предложение пастуха меня совершенно не прельщало. Я живо представил себе, как карабкаюсь наверх, к Джонни, а мать его преследует меня по пятам, в то время как Гризли поджидает внизу той секунды, когда Грэмпи сбросит меня прямо ему в лапы.

Гризли приближался. Я сфотографировал его в сорока шагах, затем еще раз — в двадцати, а он спокойно продолжал шествовать ко мне. Я присел на кучу мусора и стал ждать. Восемнадцать шагов, семнадцать шагов, двенадцать, восемь... Он все еще шел, а Джонни кричал все громче. Наконец в пяти шагах от меня он остановился и наклонил свою страшную бородатую голову набок, чтобы рассмотреть, кто поднимает такой гам на вершине дерева. Это движение показало мне его в профиль, и я снова шелкнул камерой. При этом звуке он обернулся с таким ужасным рычанием, что я замер на месте, думая, что пришел мой конец. Некоторое время он смотрел на меня в упор, и я мог различить маленькие зеленые огоньки в его глазах. Затем он опять медленно повернулся и схватил большую банку из-под томатов.

«О ужас! Неужели он швырнет ее в меня?»

Так я подумал. Но вместо этого он с самым беспечным видом принялся ее вылизывать, затем отбросил в сторону и взял другую банку, потеряв сразу всякий интерес ко мне и к Джонни и решив, по-видимому, что мы оба не стоим его внимания.

Я стал пятиться назад медленно и почтительно, как подобало в присутствии короля лесов, оставляя в его полном распоряжении все богатства свалки, в то время как Джонни в своем убежище заливался плачем, походившим теперь на кошачье мяуканье.

Что произошло с Грэмпи дальше в тот день, мне так и не удалось узнать. Джонни, поплавав еще некоторое время, понял наконец, что ему не у кого искать сочувствия, и весьма благоразумно замолчал. Оставшись без матери, которая одна могла бы о нем позаботиться, он решил, что надо действовать самому, проявив при этом большую сообразительность, чем можно было от него ожидать. Последив за Гризли с лукавым выражением на маленькой черной мордочке и подождав, пока тот отошел на некоторое расстояние от дерева, он тихо соскользнул на землю с другой стороны ствола, потом на трех ногах перебежал, как заяц, к соседнему дереву, не останавливаясь и не переводя дыхания, пока не взобрался на самую верхнюю ветку. Несомненно, он был вполне убежден в том, что Гризли только и думает, как убить его, ма-

ленького Джонни. Но он так же твердо знал, что его враг не может лазить на деревья.

Внимательно понаблюдав за Гризли, который в действительности не обращал на него ни малейшего внимания, Джонни повторил опять тот же маневр, сделав для разнообразия маленькое движение в сторону, чтобы обмануть врага. Так он перебегал от дерева к дереву, взбираясь на самую вершину каждого из них, хотя бы оно было совсем рядом, пока наконец не скрылся в лесу. Минут через десять его плаксивый голос снова послышался в отдалении. Я понял, что он нашел мать и возобновил свои жалобы, рассчитанные на возбуждение ее родительских чувств.

V

Из всех консервов, остатки которых попадали на свалку, больше всего приходились по вкусу Джонни большие красные сливы. Самый запах этих слив приводил его в возбуждение. Однажды, когда в кухне гостиницы пекли сразу громадное количество пирожков с красными сливами, болтливый ветерок разнес известие об этом событии далеко по лесу. Оно проникло через нос Джонни в самую его душу.

Джонни, по своему обыкновению, в это время скулил и хныкал. Грэмпи была занята облизыванием и расчесыванием своего сынка, так что он вдвойне имел основание жаловаться. Но запах пирожков со сливами подействовал на него, как удар плети. Он вскочил, а при попытке матери удержать его на месте поднял крик и даже укусил ее. Нужно было бы хорошенько проучить его за это, но она только неодобрительно поворчала и пошла за ним, чтобы защитить, если кто-нибудь вздумает его обидеть.

Держа свой черный носик по ветру, Джонни помчался прямо к кухне. Впрочем, по дороге он принимал некоторые меры предосторожности, взбираясь время от времени на вершины сосен, для того чтобы бросить взгляд на окрестность, тогда как Грэмпи сторожила его внизу. Так они добрались до самой кухни. Там, на верхушке последнего дерева, предприимчивость Джонни сразу иссякла, и он так и не решился спуститься вниз, выражая свою тоску по пирожкам душераздирающим плачем. Вряд ли Грэмпи знала, почему он плачет. Но когда она захотела повернуть назад, в лес, Джонни устроил такой скандал, что она не решилась его оставить, а он сам не изъявлял никакого желания сойти с дерева.

Грэмпи и сама была не прочь отведать сливового варенья, запах которого возле гостиницы был особенно силен. И вот с некоторой опаской она направилась к кухонной двери.

В этом не было ничего удивительного: в Йеллоустонском парке медведи нередко приходят к дверям кухни за подачками и, получив что-нибудь от прислуги, так же мирно удаляются обратно в лес. Несомненно, Джонни и Грэмпи получили бы каждый по пирожку, если бы не произошло совершенно неожиданное обстоятельство.

Незадолго до этого какой-то заезжий путешественник из Восточных штатов привез в гостиницу кошку. Сама она была еще почти котенком, но уже имела целую семью собственных котят. Когда Грэмпи подошла, кошка вместе с котятами нежилась на солнце, лежа на кухонном крыльце. Раскрыв глаза, она с удивлением смотрела на громадное мохнатое чудовище, стоявшее над ней.

Кошка никогда раньше не видела медведя: она слишком недолго прожила в парке. Она даже не понимала, что такое медведь. С собаками она была хорошо знакома, и если это была собака, то, во всяком случае, самая большая и страшная из всех, каких только она видела наяву и во сне. Первая мысль кошки была — спастись бегством, но затем она подумала о котятках. Она должна позаботиться о них и, по крайней мере, дать им возможность уйти. И вот маленькая мать встала посреди крыльца и, выгнув спину, выпустив когти, подняв хвост и вообще сделав все нужные приготовления, прошипела медведице свой приказ: «Стой!»

Хотя это было сказано на кошачьем языке, но медведица вполне поняла смысл. Очевидцы утверждают, что Грэмпи не только остановилась, но даже подняла передние лапы в знак покорности.

Но когда она приняла это положение и взглянула на кошку сверху, кошка показалась ей уж совсем крошечной. Старая Грэмпи не побоялась даже Гризли, неужели теперь ее удержит такое ничтожное хвостатое существо, величиной не больше ее пасти? Ей стало стыдно самой себя. А плач Джонни напомнил ей о ее прямом долге — защищать сына.

Тогда она снова опустилась на все четыре лапы с намерением идти дальше. И опять кошка крикнула: «Стой!»

Однако Грэмпи на этот раз не послушалась. Испуганное мяуканье котят возбуждало кошку, и она бросила вызов неприятелю. Восемнадцать острых когтей и полная пасть зубов — все оружие, которое имела кошка, — было пущено ею в ход, и с мужеством отчаяния она вцепилась в голый чувствительный нос Грэмпи — самое слабое место у всякого медведя — и потом по ее спине перебралась к хвосту. После двух-трех попыток сбросить разъяренного маленького зверя старая Грэмпи поступила так, как поступает большинство при таких обстоятельствах: она показала пятки и бросилась прочь из неприятельского лагеря, в родные леса.

Но в кошке проснулись воинственные наклонности. Она не удовлетворилась изгнанием врага, а хотела добиться полного его поражения и безусловной покорности. Хотя старая Грэмпи убегала во всю прыть, кошка оставалась у нее на спине, работая зубами и когтями, как маленький чертенок. Грэмпи, охваченная ужасом, стала кидаться в разные стороны, и путь этой странной пары отмечался на земле клочками длинной черной шерсти и даже где-то пятнами крови. Честь кошки была вполне восстановлена, но этого ей было мало. Она продолжала свою бешеную скачку. Грэмпи пришла в полное отчаяние. Она была унижена и готова принять какие угодно условия сдачи. Но кошка казалась глухой к ее вою. И неизвестно, как далеко зашло бы дело, если бы не Джонни, который пронзительным криком с верхушки дерева невольно внушил матери новый план спасения. Грэмпи в два прыжка достигла сосны и вскарабкалась наверх.

Здесь кошка ясно почувствовала, что попала в лагерь неприятеля, численность которого вдобавок удвоилась. Благоразумно решив прекратить преследование, она соскочила со спины медведицы на землю и стала прогуливаться вокруг дерева с высоко поднятым хвостом, вызывая поглядывая вверх, точно приглашая врага спуститься. Потом к ней присоединились котятки и, усевшись в кружок, громко выражали свое удовольствие. По уверению свидетелей, медведи ни за что не спустились бы с дерева и погибли бы от голода, если бы повар не позвал кошку обратно.

Когда я в последний раз видел Джонни, он сидел на верхушке дерева и, по обыкновению, оплакивал свою несчастную участь. А в это время Грэмпи рыскала между соснами, высматривая какую-нибудь жертву для расправы.

Было начало августа, и в поведении Грэмпи уже замечались некоторые перемены. Среди обитателей парка она всегда считалась «опасной», а ее любовь к Джонни признавалась основной чертой ее характера. Между тем к концу этого месяца Джонни уже нередко проводил целые дни на верхушке какого-нибудь дерева в полном одиночестве, чувствуя себя глубоко несчастным.

Последняя глава его короткой истории относится уже к тому времени, когда я уехал из Йеллоустонского парка.

Однажды на рассвете Джонни тащился следом за матерью, блуждавшей вблизи гостиницы. В кухне в это время находилась девушка-ирландка, незадолго до того принятая на службу. Выглянув в окно, она увидела, как ей показалось, теленка, забредшего куда не следует, и побежала прогнать его. Открытая кухонная дверь со времени истории с кошкой все еще вызывала такой ужас в Грэмпи, что она немедленно пустилась наутек. Джонни, зараженный ее испугом, бросился к ближайшему дереву, которое, к несчастью, оказалось... фонарным столбом. Быстро, слишком быстро достиг он его верхушки, в каких-нибудь семи футах от земли, и там принялся изливаться свое горе, тогда как Грэмпи продолжала бежать без оглядки. Когда девушка подошла ближе и увидела, что загнала на столб какого-то дикого зверя, она перепугалась не меньше своей жертвы. Но тут подоспели другие кухонные служители и, узнав крикуна Джонни, решили взять его в плен.

Принесли ошейник и цепь, и после борьбы, во время которой несколько человек были сильно поцарапаны, ошейник был надет на шею строптивого медвежонка, а цепь крепко привязана к столбу.

Почувствовав себя в плену, Джонни пришел в такое бешенство, что даже не мог кричать. Он только кусался, рвал и царапал все вокруг себя, пока не выбился из сил. Тогда он снова заголосил, призывая мать. А она хотя и показывалась раз или два на почтительном расстоянии, но, боясь встретиться с кошкой, ушла в лес, предоставив Джонни его участи.

Весь этот день он то бился, то принимался кричать. К вечеру он окончательно обессилен и даже принял пищу, которую ему принесла ирландка Нора. Эта девушка чувствовала себя обязанной принять на себя роль приемной матери Джонни: по ее вине он лишился своей настоящей матери!

Ночь была очень холодная, и Джонни сильно замерз.

В последующие дни Грэмпи часто появлялась на свалке; но, по-видимому, совершенно забыла о своем сыне. Джонни продолжал оставаться на попечении Норы и получать от нее пищу. Впрочем, он получил от нее и кое-что новое для себя: однажды, когда она принесла ему обед, он царапнул ее и за это впервые в своей жизни был отшлепан самым настоящим образом. В течение нескольких часов он дулся: он не привык к подобному обращению. Но голод взял свое, и с тех пор он стал относиться с большим почтением к своей воспитательнице. Нора усердно воспитывала осиротевшего медвежонка, и через две недели нрав Джонни значительно изменился. Он стал много спокойнее и хотя по-прежнему выражал свой голод в плаксивых звуках «ер-р-р, ер-р-р»,

но уже редко поднимал крик, а его неистовые выходки совершенно прекратились.

Ко второй половине сентября перемена в его характере сделалась еще более заметной. Брошенный своей матерью, он всецело привязался к Норе, которая его кормила и наказывала, пока из него не выработался чрезвычайно благовоспитанный медвежонок. Иногда она даже отпускала его на свободу, и он в таких случаях направлялся не в лес, а в кухню, где находилась его приемная мать, и ходил за нею по пятам на задних лапах. Здесь ему также пришлось познакомиться с кошкой, этим ужасным зверем, обратившим в бегство его мать. Но Джонни имел теперь могущественного покровителя, Нору, и кошке в конце концов пришлось заключить с ним мир.

В октябре гостиница должна была закрыться на зиму. Стали думать о том, как поступить с Джонни: выпустить его на свободу или отправить в Вашингтонский зоологический сад. Однако Нора предъявила на него свои права, которыми ни за что не хотела поступиться.

С наступлением морозных ночей, в последних числах сентября, у Джонни появился сильный кашель. Осмотрели его хромую ногу и увидели, что ее слабость зависела не от какого-либо повреждения, а объяснялась общим недомоганием и слабостью всего организма.

Он не только не разжирел, как большинство медведей в неволе, но, наоборот, продолжал худеть. Живот у него ввалился, кашель делался все хуже и хуже, и однажды утром его нашли совсем больным и дрожащим в его постели под фонарным столбом. Тогда Нора взяла его в дом, и с тех пор он остался на кухне.

В течение нескольких дней после этого в его здоровье, казалось, наступило улучшение, и он по-прежнему проявлял любопытство ко всему окружающему. Большое светлое пламя в кухонном очаге особенно привлекало его, и, когда открывали дверцы, он усаживался на задние лапы с выражением сосредоточенного внимания. Но еще через неделю он потерял интерес даже к этому зрелищу и со дня на день хрипел все больше и больше. В конце концов, что бы ни происходило около него, ничто не могло больше возбудить его обычную любознательность.

Кашель его все усиливался, и он всегда казался очень несчастным, за исключением тех минут, которые проводил на коленях у Норы. Тогда он ласкался к ней и разными способами выражал свою радость, но всякий раз принимался жалобно плакать, лишь только она отправляла его обратно в корзинку, служившую ему постелью.

За несколько дней до закрытия гостиницы Джонни впервые отказался от своего обычного завтрака и тихо скулил, пока Нора не взяла его к себе на колени. Он прижался к ней, но его нежное «ер-р-р, ер-р-р» звучало все слабее и слабее, пока совсем не затихло. Через полчаса, когда она уложила его обратно в корзинку и принялась за свою работу, маленький Джонни утратил навсегда стремление видеть и понимать все, что происходило вокруг него...

Перевод *Н. Чуковского*

КИТАЙ

БРАТЬЯ ЛЮ (народная сказка)

Давным-давно жила на берегу моря одна добрая женщина. У нее было пять сыновей, пять братьев Лю: Лю-первый, Лю-второй, Лю-третий, Лю-четвертый и Лю-пятый. Они были так похожи, что никто не мог их отличить друг от друга. Даже мать иногда путала их.

Но у каждого из братьев была своя особенность. Старший брат, Лю-первый, мог выпить целое море, а потом выпустить его обратно. Лю-второй не боялся огня. Лю-третий мог вытягивать свои ноги на любую длину. У Лю-четвертого тело было крепче самого крепкого железа. А самый младший, Лю-пятый, понимал язык птиц и зверей. Они жили счастливо и беды не знали. Лю-первый ловил рыбу, Лю-второй поддерживал в доме огонь, Лю-третий и Лю-четвертый работали в поле. А Лю-пятый пас гусей и овец.

Однажды в те места, где жили братья Лю, приехал на охоту богатый и злой правитель. На опушке леса он увидел: маленький мальчик пасет стадо. Это был Лю-пятый. Рядом с ним тихо спала красивая горная козочка. Правитель схватил свой лук и выстрелил в нее. Испуганный Лю крикнул, и козочка одним прыжком скрылась в лесу. Из чащи высунулся олень. Лю закричал ему на оленьем языке: «Спасайся!» — и олень исчез. На поляну выскочили веселые зайцы. Лю крикнул на заячьем языке — и зайцы ускакали. Все звери попрятались. Озлобленный правитель остался один в пустом лесу. А добрый Лю стоял перед ним и радовался, что успел помочь своим лесным друзьям.

Тогда злой правитель приказал схватить Лю-пятого. Его отвезли в город и по приказу правителя бросили в клетку к голодному тигру. Правитель думал, что тигр разорвет смелого мальчика, но Лю-пятый заговорил с тигром на тигрином языке, и свирепый зверь не тронул его.

Узнав об этом, правитель озлобился еще больше. Он приказал отрубить Лю-пятому голову. Но тогда в тюрьму пробрался Лю-четвертый, у которого тело было крепче самого крепкого железа. Он остался в тюрьме вместо своего брата. А Лю-пятый вышел и спокойно отправился домой. Они были так похожи друг на друга, что никто не заметил подмены.

На следующее утро Лю-четвертого вывели на городскую площадь. Палач хотел отрубить ему голову, но самый тяжелый и крепкий меч ударился о железную шею Лю-четвертого и разлетелся на куски. Тогда правитель пришел в ярость и приказал сбросить дерзкого бедняка с высокой скалы.

Ночью в тюрьму пришел Лю-третий, который мог вытягивать свои ноги на любую длину. Его впустили, и он остался там вместо своего брата. И опять никто ни о чем не догадался.

На заре Лю-третьего отвели на высокую скалу. Если человека бросали с нее, он разбивался насмерть, но, когда палачи столкнули вниз Лю-третьего, он спокойно вытянул свои чудесные ноги и встал на них. Вне себя от злобы жестокий правитель ускакал в свой дворец и в тот же день приказал сжечь непокорного Лю на костре.

Палачи сложили на площади перед дворцом правителя огромный костер. Стража с луками и копьями окружила площадь. Толпы народа пришли со всех сторон.

Тем временем Лю-второй, который не боялся огня, пробрался в тюрьму и незаметно подменил Лю-третьего. Едва успел он это сделать, правитель подал знак начинать казнь. Палачи схватили Лю-второго и бросили его на середину огромного костра. Пламя поднялось выше домов. Лю-второй исчез в огне и черном дыму. Народ заплакал от жалости. А жестокий правитель злобно смеялся.

Но скоро дым рассеялся, и все увидели: посреди огня стоит Лю-второй и улыбается как ни в чем не бывало. Правитель чуть не задохнулся от ярости.

— Что это за человек? — закричал он. — В огне не горит, о скалы не разбивается, меч его не берет, и даже свирепый тигр его не трогает! Так нет же, быть не может, чтобы я, могущественный правитель, не справился с простым крестьянином!

И жестокий правитель решил отвезти Лю далеко в море, привязать на шею тяжелый камень и утопить. «Может быть, он и воды не боится? — подумал правитель. — Все равно камень не даст ему всплыть. Пусть остается на дне морском!» И вечером того же дня он приказал совершить казнь.

С большим трудом пробрался в тюрьму Лю-первый, который мог выпить всё море. Он занял место своего брата и стал ждать.

Вечером его отвели на корабль. Правитель со своей стражей поместился на другом корабле. Они уплыли далеко в море. На самом глубоком месте Лю-первому привязали на шею огромный камень и по знаку правителя бросили в морские волны.

Как только Лю-первый скрылся под водой, он сейчас же начал пить море. Правитель увидел: море исчезает куда-то! И пожелтел от страха. Вскоре морское дно обнажилось. Корабли опрокинулись. Правитель и его стража увязли в морском иле.

А Лю тем временем отвязал камень и спокойно вышел на берег. Тогда он выпустил море обратно. Жестокий правитель и его стража так и остались на дне.

А народ радовался гибели жестокого правителя и прославлял чудесных братьев Лю.

Перевод Р. Черновой

Го Фэн

(1918)

Поэт, сказочник, автор многих популярных книг для детей.

КУПАЮЩИЙСЯ ТИГР

По берегу реки, с обеих сторон заросшей деревьями и кустарниками, тихо шел охотник. Он собирался пострелять уток, но день был жаркий — ни движения, ни ветерка. Вдруг в ветвях раздался треск — еще более сильный, чем от ветра. Охотник испугался и спрятался за крупный камень.

Недалеко от него из зарослей выпрыгнул тигр! Он был размером с небольшого буйвола, только рыжий и с темно-коричневыми полосами. Охотник впервые видел тигра, поэтому не решился стрелять, хотя ружье у него было заряжено. Он лишь внимательно следил, куда пойдет зверь.

А тигр вышел на берег, огляделся и ступил в воду. Неужели он собирается переплыть реку или перейти вброд? Нет, дойдя примерно до середины, тигр окунулся, потом повертел всем телом, стряхивая с себя брызги, умыл морду передней лапой, как кот, и снова окунулся. Оказывается, он пришел сюда купаться! Охотник осмелел и, забыв, что перед ним опасный хищник, поднял ружье.

Но когда он подумал, что после его выстрела это красивое животное будет плавать в окровавленной воде, ему расхотелось стрелять. Что из того, если крестьяне будут хвалить его, говорить, что он умеет убивать не только птиц, но и тигров? Охотник тихо повернул назад.

ГЕККОН

В окно светило яркое солнце, и тут я заметил на стекле какое-то маленькое животное с четырьмя короткими лапками и длинным хвостом. Шевеля этим хвостом и приподняв головку, оно ползло вперед, а мне очень захотелось поймать его.

Я подставил к подоконнику скамейку и сразу ухватил животное за хвост, но оно дернулось и куда-то ускользнуло. Почему же мне не удалось его изловить? И почему хвост у меня в руках?

Тогда мне было всего пять лет. Я еще не знал, что это животное называется геккон, а по-китайски — и того торжественнее: настенный тигр. И еще я не знал, что геккон, как и другие ящерицы, обладает способностью убегать, оставляя свой хвост в руках врага.

Но так или иначе, а это была моя первая охота, и запомнил я ее очень хорошо.

Перевод *В. Семанова*

КОРЕЯ 11

ИВОВАЯ ДУДОЧКА
(народная сказка)

На море, что омывает Корею с самого юга, лежит большой остров, и зовут его Черепашьим — очень он на черепахе похож.

На острове растет ива. Говорят, что иве той тысяча лет, что когда-то спасла она народ от врагов и наказала жестоких завоевателей.

Под ивой собираются вечерами старики и рассказывают чудесные сказки.

Одну такую сказку рассказал детям старый рыбак. Говорил он, что это и не сказка вовсе, а самая настоящая правда.

Что ж, может, так оно и есть. Вот послушайте.

Давным-давно жили на острове смелые, сильные люди. Никого они не обижали и никого не боялись.

Потому-то, когда пришли из-за моря жестокие чужеземцы, жители острова все, как один, стали на защиту родной земли. Их было мало, а пришельцев целые полчища; они были мирными рыбаками, а враги всю жизнь только и делали, что грабили чужие земли.

Много дней и ночей сражались жители острова. Наконец перебили их чужеземцы, и остались на острове одни только дети да женщины.

А враги захватили чужое добро и ушли в открытое море на своих могучих кораблях.

Похоронили женщины рыбаков в общей могиле, погоревали и разошлись по домам.

На другой день пришли они к могиле, а там зеленая ива выросла. До самой земли склонила она гибкие ветви, словно прикрывая ими храбрых воинов.

Долго смотрели женщины на прекрасное дерево, а потом подошла к иве самая красивая девушка, отрезала ветку и сделала из нее дудочку.

С тех пор целыми днями играла девушка на ивовой дудочке, и все ее слушали.

Однажды собрались люди послушать дудочку и вдруг увидели в море огромные корабли: снова на остров шли чужеземцы. Побежали женщины по домам, схватили ножи да вилы и на берегу стали.

— Не пустим врагов! — говорят.

А корабли все ближе и ближе. На борту войны в кольчугах стоят, на мачте вражеский флаг развевается.

Вдруг одна женщина и говорит девушке:

— Сыграй-ка что-нибудь на своей дудочке. Пусть знают, что не боимся мы их.

Поднесла девушка к губам дудочку, зазвучала нежная музыка. И в тот же миг поднялась огромная волна, накатила на корабли, перевернула их, словно перышки, и все корабли ко дну пошли.

...Вот какую сказку рассказал детям старый рыбак. А дети его и спрашивают:

— Где же та дудочка, дедушка?

— Так это уже другая история...

Закурил старик длинную трубку и стал дальше рассказывать:

— Приехал на остров с севера новый правитель, узнал про чудесную дудочку, отобрал ее у девушки и стал в дудочку дуть. Дует-дует — молчит дудочка, не играет песен правителю. Положил ее тогда правитель в золотой сундучок и запер покрепче.

А чужеземцы снова собрали могучее войско и снова на остров пошли. Не успели их корабли подойти к острову, как сама собой запела в сундучке дудочка. И в тот же миг поднялась на море волна огромная, перевернула она корабли, словно перышки легкие, и потонули враги в пучине морской.

Рассердился император заморской страны, решил послать на остров старшего сына. Пусть узнает, почему ни один корабль к берегу подойти не может.

Надел императорский сын корейское платье, сел в лодку и поплыл прямо к острову. Доплыл он до острова, вышел на берег и к правителю отправился.

Сидит правитель на троне, а слуга и говорит ему:

— Там какой-то господин вас спрашивает. Платье на нем корейское, а повадки заморские.

— Не тебе судить, дурья башка! — закричал на слугу правитель. — Зови-ка его сюда!

Вошел сын императора, поклонился низко правителю.

— Хочу служить тебе верой и правдой, мудрый правитель.

Улыбнулся правитель довольно: никто до сих пор его мудрым не называл. И стал с того дня сын императора служить правителю. С утра до вечера за ним ухаживает, сна-отдыха не знает, а сам все выведывает, нет ли у правителя какого секрета.

Вот увидел однажды сын императора золотой сундучок и спрашивает:

— Что это за сундучок?

А правитель и отвечает:

— В сундучке волшебная дудочка спрятана. Как подуешь в дудочку, все, что пожелаешь, исполнится.

А того, что дудочка помогает только простым, добрым людям, не сказал правитель. Он и сам, глупый, не знал этого — не пела у него дудочка, и все тут.

Ну вот. Дождался императорский сын темной ночи, выкрал дудочку, сел в лодку и восвояси отправился.

Приплыл он домой, рассказал обо всем отцу-императору, а тот и обрадовался:

— Теперь весь мир завоюем!

Схватил он поскорей дудочку, стал дуть в нее изо всех сил. Дул-дул — молчит волшебная дудочка. Рассердился император и выбросил ее в море. Закачалась дудочка на волнах и на родину поплыла.

Говорят, она и сейчас у берегов Кореи плавает.

Перевод *Е. Катасоновой*

ДРУЖНЫЕ БРАТЬЯ

(народная сказка)

В одном царстве давным-давно жили два дружных брата. Хотя их дома находились по разные стороны горы, они жили дружно, в полном согласии, помогая друг другу.

Однажды осенью братья собрали урожай и поделили все поровну.

В ту ночь старший брат подумал: «Мы делили урожай пополам. Но это неправильно. Брат только начал обзаводиться хозяйством. Ему нужно больше, чем мне».

Встал старший брат и ночью отнес младшему мешок своего зерна.

А в это время младший брат тоже лежит и думает: «Нет, мы неправильно поделили урожай. У брата большая семья, и он старше меня. Ему нужно больше, чем мне».

Под утро младший так же украдкой отнес мешок зерна старшему. Утром братья заглянули в свои амбары и удивились: «Как это так случилось? Помню, вчера мешок зерна отнес брату, а зерна не убавилось». Они по нескольку раз пересчитывали мешки и удивлялись: «Ну и чудеса...»

Как только наступила ночь, старший брат и младший, каждый водрузив на спину по мешку зерна, вышли из дома навстречу друг другу.

Полная луна ярко освещала горку, и здесь у сосны встретились оба брата. Начал спрашивать старший:

— А, это ты, куда так поздно?..

Младший сказал:

— А, это вы, а вы куда?

Они подумали и вдруг поняли, в чем дело. А после этого полюбили друг друга еще больше.

Перевод *И. Ли*

Юн Ён Ман

(1920)

Прозаик, пишет о природе и животных.

УТРО ЕНОТА

(басня)

В лесном поселке жили по соседству енот и косуля. Трудолюбивая косуля вставала рано и начинала свой день с того, что подметала не только свой двор, но и дорогу за забором. Приятно было проходить мимо дома косули, и все соседи в один голос хвалили ее.

Каждый раз, слыша похвалы в адрес косули, енот завистливо бубнил:

— Ну и что тут особенного? Просто я люблю поспать, а то не хуже ее подметал бы.

Однажды еноту не спалось, и он решил подмести улицу у своего дома, чтобы его тоже похвалили. Но было рано, и никто не оценил его трудов. Тогда он отложил метлу и стал ждать, когда появятся соседи. Смотрит, с горки спускается заяц. Енот схватил метлу и начал стараться вовсю. Только пыль стояла столбом!

Но заяц почему-то не стал его хвалить. Наоборот — он пошел другой дорогой. Так же поступили олень и медведь.

Растерянный енот догнал их и спрашивает:

— Почему вы обходите стороной дорогу перед моим домом? Я же так хорошо ее подметаю.

А медведь ему отвечает:

— Общую улицу нужно подметать рано, пока никто по ней не ходит. Как же мы пройдем мимо твоего дома, когда у тебя пыль стоит столбом?

— Подумаешь, пыль! — Енот был озадачен.

— Слушай, енот, — сказал вернувшийся заяц. — Надо работать, как косуля, — честно, от души. Нельзя трудиться лишь ради похвалы.

Перевод И. Ли

КУБА

Мирта Агирре

(1912—1980)

Литературовед, известный поэт, автор веселых стихов для малышей.

МОРСКОЙ КОНЕК

Скажи-ка мне, морской конек,
Конек без гривы и без ног,
Тебе в заливе хоть один
Встречался плачущий дельфин?

На дне, в коралловых садах,
Неужто только соль в плодах?
Скажи, есть в море уголок,
Где был бы сахарным песок?

Морской конек, скажи-ка мне:
Колибри водятся на дне?
И есть ли там для них еда
Или с едой на дне беда?

Всегда ли ты, смешной прыгун,
Оди среди морских лагун?
Наверно, на душе тоска,
Когда ты — конь без седока?

Вольный перевод П. Грушко

Николас Гильен

(1902—1989)

Крупнейший поэт Кубы.

ДИАЛ

Мне студеная весна
Даже даром не нужна.
Если в марте дует ветер
И с небес течет вода,

Вот уж, вот уж, вот уж, вот уж
Настоящая беда!
Погодите, как же так!
Где гвоздика, роза, мак?
Ну, конечно, кто же станет
Распускаться в холода,
Вот уж, вот уж, вот уж, вот уж
Настоящая беда!
Целый день с небес вода,
Настроенье — никуда,
Да еще не распустились
Ни тюльпан, ни резеда,
Вот уж, вот уж, вот уж, вот уж
Настоящая беда!

САХАРНЫЙ ТРОСТИК

Рвется ввысь летун зеленый —
Дротик, в небо устремленный, —
Туче метит в серый бок,
Чтобы дождик — друг студеной —
На поля пролиться смог.
Хохолок его пушистый
С детства гладить я привык,
Он и мягкий и ершистый —
Тонкий дротик звонколистый,
Милый сахарный тростник!

А СЕЙЧАС НАМ СТАНЦУЕТ СЛОН:

— А сейчас нам станцует слон,
На передних ногах котильон!
— Нет уж, нет уж, сеньор укротитель,
На передних — и не просите!
Мне на задних больше идет...
— Кто сказал тебе? — Дон Бегемот.
— А еще? — А еще донья Берта
Перед самым началом концерта.
— А еще? — А еще донья Клара,
Притащившая манго с базара.
— А еще? — А еще дон Бурбон,
Угощая конфетой «бон-бон».
Раз не хочешь ты, привередник,
Танцевать котильон на передних,

Мы попросим исполнить самбу
Досточтимого дона Карамбу,
И попросим исполнить румбу
Достославного дона Турумбу.
Уводите скорей дона Хобота!
Отказался плясать — вот стыдоба-то!
Выводите Турумбу с Карамбой,
Пусть потешат нас румбой и самбой!

ДВА ОЛЕНЕНКА

Встретились утром на водопое
Два олененка — стало их двое,
Стали друзьями, стало их двое,
Пляшут, играют на водопое.
Бродит охотник, рыщет и рыщет,
Ищет следы их — и не отыщет,
Рыщет по рощам — и не отыщет,
Нет не отыщет, как он ни рыщет!

МОРСКОЙ НАПЕВ

Ветер к вечеру крепчает,
Море лодочку качает,
Возле острых скал качает —
В лодочке души не чаёт
море...
Ночь на море наплывает,
Море сонное зевает,
Ночь густеет, наплывает —
Черной шалью накрывает
море...

БАСНЯ

Говорил внучонку	(Вот такие крылья,
Дедушка Горилла:	Вот такие жала!)
«Прогуляться, что ли,	А потом чetyре
От жары сморило.	Грозных крокодила!...»
Виснуть на деревьях —	Говорил внучонку
Нет моих силенок...»	Дедушка Горилла:
Отвечал Горилле	«Как тебе не стыдно,
Юный горилленок:	Маленький трусишка.
«Мне, дедуля, страшно:	С виду ты горилла,
Ведь на той неделе	А в душе мартышка.
Около болота	Из тебя не выйдет
Чуть меня не съели!	Смелой обезьяны,
Я от двух mosкитов	Есть тебе придется
Удирал сначала,	Тухлые бананы.

Жалкие объедки
Достаются трусу...»
«Ну, а вдруг кому-то
Я придусь по вкусу!»
«Вовремя, мой милый,
Удережь на ветки!»
«Ну, а вдруг поймают?»
«Выскользнешь из клетки!»
«Ну, а вдруг поранят?»
«Заживет, мой милый...»

После разговора
С дедушкой Гориллой
Словно подменили
Внучка-горилленка:
По лесу гуляет,

Распеваает звонко,
Жить ему на свете
Интересней стало.
(Но глядит, конечно,
Нет ли где шакала!)
Рядом гориллята
Из соседней роши —
Жить с друзьями рядом
Веселей и проще.

Вывод?

Будь то люди
Или же гориллы,
Смелость прибавляет
Радости и силы.

Вольный перевод *П. Грушко*

Элисео Диего

(1920)

Поэт, прозаик, переводчик.

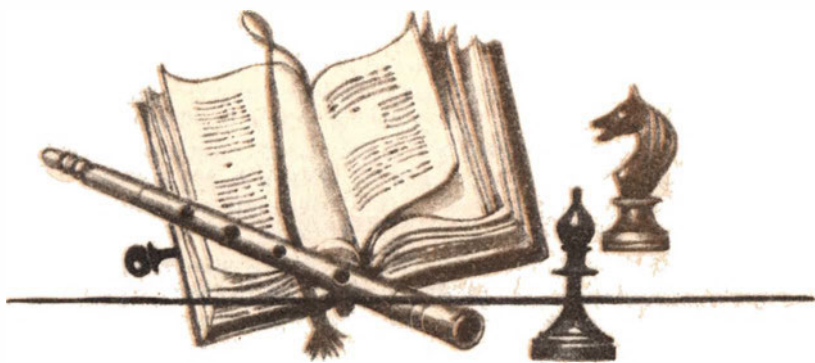
покой

На кухне мирно дремлет кот,
Снаружи ливень льет и льет,
Как будто спит сто первый год
Ночь на дворе, как в кухне кот.
Забылся кот столетним сном.
Сто первый ливень за окном.
Спит кот на кухне, спит покой,
Лишь ливень

к морю мчит рекой.

Вольный перевод *П. Грушко*

МОНГОЛИЯ

СЧАСТЬЕ АНАНДЫ (народная сказка)

Стояли в степи рядом две юрты. В одной жил бедный арат¹, в другой богатый. Были у аратов сыновья. Сына бедного звали Ананда, сына богатого — Бумба.

Когда Ананде пошел десятый год, позвал его отец и сказал:

— Ступай в город, наймись к богатому человеку в слуги. Днем прислуживай хозяину, ночью учись читать, писать. Грамотного человека несчастье боится, стороной обходит.

Прежде чем покинуть родную юрту, зашел Ананда к соседу, стал Бумбу с собой звать ехать грамоте учиться.

Бумба махнул рукой, отвернулся, сказал:

— Не в грамоте счастье — в богатстве. У моего отца тысяча овец. Зачем мне учиться? Я и так счастливый: ем сколько хочу!

Отправился Ананда в город, нанялся к чиновнику в слуги. Днем прислуживал хозяину, ночью, когда все спали, учился читать, писать.

Два года прошло — стал Ананда читать быстро, писать хорошо.

Вернулся он к отцу, говорит:

— Как ты приказал, так я и сделал. Читать научился, писать могу.

Похвалил его отец, а когда спать стали ложиться, сказал:

— Завтра опять ступай в город. Хочу, чтобы научился ты играть на флейте. Хороший музыкант сильнее волшебника: он может заставить улыбаться злых и сделать жестокие сердца добрыми.

Не хотелось Ананде покидать юрту, но не мог он ослушаться совета отца.

Опять зашел он к Бумбе, опять стал звать его с собой.

— Зачем играть на флейте? — сказал Бумба. — Я могу хоть десять музыкантов нанять, было бы только серебро да золото!

Пришел Ананда в город, снова нанялся прислуживать чиновнику. Когда солнце заходило и чиновник ложился спать, Ананда отправлялся на другой конец города. Там жил старый музыкант. Он умел хорошо играть на флейте, но не умел читать и писать. Музыкант сказал Ананде:

¹ Арат — скотовод-кочевник.

— Учи меня читать, а я научу тебя на флейте играть.

Шестьсот раз заставляла полночь Ананду у музыканта. Ни дождь, ни холод, ни буря — ничто не могло его остановить. И настал час, когда старик сказал Ананде:

— Теперь ты играешь лучше меня, можешь вернуться к отцу. Спасибо тебе, что научил меня читать.

Вернулся Ананда домой, послушал отец игру его, доволен остался. А когда стали ложиться спать, сказал:

— Завтра снова ступай в город. Хочу, чтобы научился ты играть в шахматы.

Ушел утром Ананда из родной степи, а Бумба узнал об этом и стал смеяться:

— Не любит Ананду его отец: все время гонит из юрты!

Шестьсот дней учился играть Ананда в шахматы. Стал он играть так хорошо, что никто не мог с ним сравниться.

Счастливый и радостный возвращался Ананда домой. Но дома ждало его большое горе. Пока он учился в городе, заболел и умер старый его отец. В юрте же отцовской разбойники поселились. Увидели разбойники Ананду, говорят:

— Сегодня на заре пойдем коней красть. Тебя возьмем с собой. Будешь нам помогать. Не поедешь, голову отрубим.

Выехали разбойники на заре, Ананду с собой забрали. Обернулся он — видит: позади Бумба тащится. Разбойники его тоже заставили ехать. Ехали, ехали, сделали привал у озера. Посмотрел Ананда на разбойников — страшно ему стало: такие у них злые лица. И тут вспомнил он слова отца: «Хороший музыкант сильнее волшебника: он может заставить улыбаться злых и сделать жестокие сердца добрыми».

Срезал незаметно Ананда тростинку, смастерил из нее флейту и заиграл грустную песню.

Хорошо играл Ананда, так хорошо, что разбойники забыли даже, куда ехали. Слушали они грустную песню, и лица их становились все добрее и добрее. Кончил Ананда играть, разбойники закричали:

— Еще играй! Играй, сколько можешь! Никогда не слышали такой хорошей музыки!

Снова заиграл Ананда. Играл, пока солнце не остановилось над головой. Тогда главный разбойник сказал:

— В награду за твою игру отпускаем тебя на волю. Проси у нас чего хочешь.

Показал Ананда на Бумбу:

— Отпустите его тоже, лошадей нам дайте хороших.

Спрашивают разбойники Бумбу:

— А ты что умеешь делать?

— Ничего не умею, — отвечает Бумба.

Обрадовались разбойники:

— Не отпустим тебя. Кто ничего не умеет делать, из того обязательно хороший вор получится!

Сел Ананда один на коня, приехал в большой хот айл¹, а как жить дальше, не знает: денег нет, есть нечего.

¹ Хот айл — становище, группа юрт.

А в том хот айле стояла большая белая юрта, и в ней столько хранилось еды, что сто человек можно было сразу накормить. Хозяином был один богач. Во всем хот айле он один умел писать. Кто на него неделю даром проработает, тому он записку давал. По записке из белой юрты можно было получить немного мяса, жира, соли, чаю кирпичного.

Узнал про это Ананда, написал сто таких записок и раздал их всем голодным аратам. Пришли араты к белой юрте, показали сторожу записки и забрали всю еду. В этот день бедняки в первый раз в жизни наелись досыта.

Сказали добрые люди Ананде:

— Спасибо тебе, что накормил нас. А теперь уезжай отсюда скорее, а то поймает тебя богач, прикажет к лошадиному хвосту привязать!

Послушался Ананда добрых людей. Приехал он в соседнее княжество, а там все ходят печальные: смеха не слышно, улыбок не видно.

Спрашивает он, почему все печальные ходят. Отвечают жители:

— Хан наш очень любит в шахматы играть. Каждый день ханские цирики¹ хватают какого-нибудь человека, приводят к хану играть в шахматы. Кто проиграет хану, тому голову отрубают.

Спросил Ананда:

— А если хан проиграет, тогда что?

— Не было такого ни разу,— говорят жители.— Хан наш лучше всех играет в шахматы.

Подожел Ананда к ханской юрте, видит: сидит невдалеке человек, плачет горько. Присмотрелся Ананда, а это, оказывается, Бумба.

— Что плачешь? — спрашивает Ананда.

— Неудача идет по моим следам,— застонал Бумба.— Еле живой от разбойников вырвался. А теперь меня цирики ханские схватили, в шахматы играть с ханом заставляют!

— Плохо твое дело! — говорит Ананда.— Быть тебе без головы!

Опять заплакал Бумба, стал просить:

— Научи меня играть в шахматы, может, я выиграю у хана.

Ответил Ананда:

— Видно, ты забыл поговорку: «Отвернуться от хорошего легко, научить-ся хорошему трудно!»

В это время вышел хан, приказал поставить столик у юрты, стал играть с Бумбой. Сделал Бумба один глупый ход, потом второй глупый ход, а на третьем ходу проиграл.

Схватился хан за саблю, замахнулся, чтобы срубить голову Бумбе. Тут выступил вперед Ананда, сказал хану:

— Подожди казнить его, сыграй со мной. Если проиграю, обоим нам руби головы.

— Ладно,— согласился хан.— Видно, надоело тебе с головой ходить! Садись, будем играть!

Сел Ананда, спрашивает хана:

— Если я проиграю, быть мне без головы, а если ты проиграешь, тогда что будет?

Опять стал смеяться хан:

¹ Цирики — солдаты.

— Никому я не проигрывал, а такому мальчишке и подавно не проиграю! Если же выиграешь, обещаю выполнить любую твою просьбу.

Начали они играть. Кругом народу собралось, пешего и конного,— не протолкнуться. Часа не прошло — выиграл Ананда у хана.

Вскочил хан с ковра злой-презлой, а сделать ничего не может: сам обещал выполнить любую просьбу, если проигрывает.

— Одна у меня просьба,— говорит Ананда,— чтобы не было отныне в твоём ханстве казней.

Услышал это народ, закричал:

— Правильная просьба! Правильная!

Видит хан, что ничего ему не сделать, приказал объявить всем:

— Запрещаю отныне казни в моем ханстве.

Бросился Бумба к Ананде, стал его обнимать, говорить ему:

— Счастливый ты, что у хана выиграл.

Ответил Ананда:

— Трижды я счастлив! Счастлив потому, что слушал отца своего; счастлив потому, что с детских лет трудиться научился; счастлив потому, что труд мой делает злых добрыми, а жестоких бессильными.

Пересказ *Н. Ходзы*

Жамбын Дашдондог

(1929)

Известный поэт, пишущий для взрослых и для детей.

СКОРЕЙ БЫ ПОДРАСТИ

Сын пастуха Того-пастушок
Горюет, что мал — всего с ноготок!
Надел он отцовскую шапку без спроса —
Торчит из-под шапки лишь пуговка носа!
Шажок да шажок — упал за порог
Сын пастуха Того-пастушок.
Однажды он в мамин халат нарядился:
Скок, скок за порог — и в канаву свалился!
Лежит, как упавший с телеги мешок,
Сын пастуха Того-пастушок.
Не плачь, не теряй на удачу надежды!
Малы тебе станут и эти одежды,
Отца перегонишь — дай только срок,
Сын пастуха Того-пастушок!

Перевод *Ю. Кушака*

Лодонгийн Тудэв

(1935)

Государственный и общественный деятель, автор повестей, романов, литературоведческих работ, стихов и рассказов для детей.

ДЭМБЭ

Однажды отец достал со дна сундука длинную желтую камышинку. На ее округлой гладкой поверхности были просверлены небольшие отверстия. Отец продул дырочки и слегка смочил слюной подушечки пальцев. Затем, перебирая ими отверстия, принялся легонько дуть в камышинку. И начались чудеса.

Сперва раздался звук, очень похожий на слабый свист ветра, потом послышалось, как переливчато за журчал ручеек. Никогда прежде не слышал я более прекрасной музыки. Отцовские пальцы, двигаясь все быстрее, уже плясали по камышинке, и, поспевая за ними, менялись и танцевали звуки.

На какой-то миг мне почудилось, что отец и дудка как бы играют друг с другом в интересную игру, похожую на соревнование. И все-таки волшебная камышинка повиновалась отцу — его пальцы заставляли ее то радоваться и веселиться, то предаваться унынию и грусти. Временами она звучала, как шум леса в летнюю пору, а иногда — как плеск прозрачной воды о камни. Услышал я и отчетливый крик лесной кукушки. Потом загоготали дикие гуси — казалось, еще немного, и они спустятся к нам в долину с высокой горной вершины. Стонала дрофа, ухал филин, стрекотала болтливая сорока, каркала ворона, поскрипывал коршун. Да только ли это! На мягком осеннем ветру шелестели туго налитые колосья, шумели летние травы, блеяли ягнята.

Каким неизъяснимым восторгом наполнилось мое сердце! Еще немного — и, казалось, оно выскочит из груди. Непередаваемое наслаждение переполнило меня. В те минуты, позабыв обо всем на свете, я не отрывал глаз от маленькой желтой камышинки, по которой с таким проворством сновали мо-золистые, неуклюжие на вид пальцы отца. Отцовский лоб перерезала глубокая морщина, в которой скопился прозрачный пот, как вода в ложбине, губы отца едва заметно подрагивали, а взгляд был задумчивый, словно человек засмотрелся в далекую даль.

Незаметно подкрались сумерки, и во дворе, где мы сидели, стало холодно. Отец кончил играть.

— Пойдем домой, сынок, — сказал он.

— Папа, что это у тебя за дудка? — спросил я, все еще находясь под впечатлением чуда.

— Дудка? Нет, лимбэ, сын. Это называется лимбэ. Музыкальный инструмент. Он может воспроизвести все звуки, какие только бывают на свете!

«Воспроизвести!» Странное слово! Но я не удивился — с тех пор как мой отец сделался рабочим, в его речи то и дело проскальзывали замысловатые словечки и выражения.

— Лимбэ! Одно название звучит как музыка! Научи меня играть на лимбэ. Я буду очень стараться.

— Гм... научить, говоришь? Не представляю, как за это взяться, меня са-

мого никто не учил. Ты попробуй сам. Если у тебя ничего не получится, значит, нет таланта. А без таланта какая уж игра на лимбэ!

Целый месяц я не выпускал из рук чудесную дудочку. Я дул в нее изо всех сил, пока у меня не начинало шуметь в голове. А результат? Нельзя сказать, что лимбэ в моих руках не издавала никаких звуков. Но ее пение больше смахивало на вой одинокого волка, который кружит вокруг стойбища глухой зимней ночью. Или на свист ветра в дырявом котле, выброшенном хозяйкой из юрты. Пронзительные звуки, наводящие уныние на окружающих.

— Перестал бы дудеть, внучек, голова разболелась,— умоляла бабушка.

— От твоей игры в ушах сплошной звон стоит, хватит, сынок,— сердилась мама.

Подобное отношение могло обескуражить кого угодно, но только не меня. С неостывающим пылом я продолжал предаваться своему занятию. Должна же когда-нибудь лимбэ послушаться меня и запеть так же, как у отца.

Однажды, когда я особенно сильно дудел, мать позвала меня к себе.

— Послушай, сынок,— мягко сказала она,— брось ты свою лимбэ, я научу тебя играть на другом инструменте.

С этими словами она показала мне маленькую бамбуковую пластинку, размером меньше спичечного коробка. Посередине пластинки были два язычка, а за конец одного из них привязана длинная нитка.

— Это — аман-хур, маленькая скрипочка,— пояснила мать и положила пластинку себе в рот между языком и нёбом. Потом, плотно сомкнув губы, потянула за нитку.

Раздался слабый мелодичный звук, отдаленно напоминающий голос лимбэ. Я пришел в восторг! Как это просто — играть на аман-хуре! Надо немедленно попробовать.

— Ну как, сынок, нравится? Я так и знала! «Отличный инструмент, этот аман-хур»,— бывало, говаривал мне в молодости твой отец — он любил эту скрипочку да и меня приучил к ней. Частенько просил: «А ну, потяни за ниточку!» — и крепко прижимался щекой к моей щеке.— Мать, вздохнув, погладила меня по голове.

С тех пор я полюбил музыку. Когда отец наигрывал на лимбэ или мать — на аман-хуре, сердце мое сжималось, а в горле застревал непрошенный комок.

Я принял твердое решение стать музыкантом. Вскоре я уехал в худон. Там, в гостях у дяди, я познакомился еще с одним инструментом. Он представлял собой бурдючок из хорошо выделанной вывернутой кожи, к которому прикреплена длинная рейка с натянутыми вдоль нее струнами из конского волоса. Станный инструмент! Едва заметив его на сундуке, я немедленно заинтересовался, что это такое.

— Бисанза. На ней играют.

Дядя взял инструмент в руки. Локтем правой руки он уперся в бурдючок, а левая рука со смычком, похожим на лук, стала двигаться туда-сюда, туда-сюда, как при пилке дров.

Полилась музыка. Голос у бисанзы оказался более глубоким и гибким, чем у лимбэ, он мог быть и очень высоким, и совсем низким. Я был покорен, душа устремилась к бисанзе.

Заметив мое томление, отец посулил сделать мне бисанзу и вскоре выполнил свое обещание. Но мне недолго пришлось водить смычком по струнам.

Вскоре после возвращения отца в город на работу к дяде приехал дедушка.

— Какая красивая бисанза! Дай-ка, внучек, я попробую сыграть!

— Инструмент надо сперва настроить, — сказал другой старик, приехавший вместе с дедом.

— Я постараюсь, — ответил дедушка и принялся подкручивать струны.

Меня отправили спать, а наутро я увидел печальную картину: дека бисанзы оказалась сломанной, а ее струны лежали безжизненно, свернувшись в клубок; ни дать ни взять — дохлая змея.

— Дедушка не рассчитал свои силы, — объяснил дядя, утешая меня. — Не горюй, мы с тобой съездим к отцу, он быстро починит твою бисанзу.

Вскоре дядя сдержал свое слово и отвез меня к отцу вместе с инструментом.

Там я отправился поиграть к соседским ребятам и в руках одного мальчишки, его звали Баст, увидел незнакомый мне музыкальный инструмент. Баст был проворный толстогубый парнишка с лукавыми зеленоватыми глазами, а инструмент его смахивал на половник — такой же пузатый, с длинной ручкой.

— Эй, приятель, что это у тебя?

— Мандолина! — выпятил губы Баст. — Слышал про такую? Нет? Я так и знал. Такому, как ты, сопляку, мандолина наверняка показалась просто половником.

«Да он читает мои мысли», — испугался я и тут же решил записаться к Басту в ученики. Он немного поломался — для приличия, — но кому не лестно обзавестись учеником? К тому же я преподнес ему в дар свою любимую, совсем новенькую рогатку и еще отличное желтое стеклышко.

Баст благосклонно принял мое подношение, и урок начался. Очень скоро подушечки пальцев на моей левой руке покрылись волдырями. От каждого соприкосновения со струнами они горели огнем.

Но я был упрям — боль не погасила желания научиться играть на мандолине. Я уже прилично наигрывал две песенки, как случилась беда. Когда я бойко тренькал по струнам, внезапно раздался какой-то чужеродный звук, и одна из струн свилась кольцом — лопнула.

Лопнула, лопнула! Мы с Бастом ревели в три ручья. Мой приятель знал: раздобыть новую струну совершенно невозможно.

Нет, видно, не судьба мне стать музыкантом, и все.

После того как в мандолине оборвалась струна, интерес к музыке у меня стал понемногу остывать, тем более что у меня появилось новое, очень сильное увлечение — рисование. Ради нового искусства я изменил старому. Но я навсегда запомнил, что музыка способна передавать звуки окружающего мира.

Перевод Г. Матвеевой

НОРВЕГИЯ

Улаф Кушерон

(1912)

Автор научно-художественных книг, в которых приключенческие элементы дополняют богатое познавательное содержание.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАЛЕНЬКОЙ ТРЕСКИ

(отрывок)

РОЖДЕНИЕ ТРОНДА

Мир был маленький и круглый. Он был такой тесный, что Тронд едва мог пошевелиться. И все же он казался Тронду удивительным и прекрасным. Большими, широко раскрытыми глазами Тронд разглядывал стены своего мирка — а ведь это была всего-навсего обыкновенная тресковая икринка.

Ну, а когда ты узнаешь, что обыкновенная бутылка из-под молока может вместить полмиллиона тресковых икринок, то легко поймешь, что Тронду негде было особенно резвиться.

Он должен был смирненько лежать в сероватой, полупрозрачной икринке и глядеть большими черными глазами на ее удивительную оболочку. Каждую секунду на этой оболочке появлялся новый узор: яркие зеленые цветы сменялись светло-серыми.

Впрочем, Тронду пока и не требовалось особенно много места. Ведь в длину он имел всего каких-нибудь пять миллиметров и, по правде говоря, больше всего напоминал коротенькую булавку.

И все же, хотя в икринке по-прежнему было так много интересного, Тронд вскоре заскучал. Кругом становилось все теплее и светлее. Внезапно Тронд ощутил во всем теле какое-то странное покалывание. Теперь ему уже стало просто необходимо расширить свой крошечный мирок. Он начал яростно вертеться, словно червяк на рыболовном крючке.

Прошло несколько дней, а Тронд все барахтался в своей икринке. Но по-

немного он набирался сил, и движения его становились все размашистее и увереннее. Нет, оставаться в икринке было просто невозможно...

Крак! Сначала Тронд не смел шевельнуться, он был полон страха и ожидания. Его привычный мирок внезапно начал рушиться!

Потом он осторожно высунул наружу мордочку и почувствовал, как на него хлынуло что-то прохладное и соленое. Это в икринку просочилась морская вода. Она проникла Тронду в рот и жаберные щели.

Мы, люди, дышим воздухом, потому что нашему организму необходимо вещество, которое называется кислородом. В воздухе много кислорода. Но он содержится и в воде, иначе там не могли бы жить рыбы и другие животные — ведь все живые существа нуждаются в кислороде.

Как только рыба раскрывает рот, он быстро наполняется водой. Тогда рыба закрывает рот, а воду выталкивает наружу через щели по обеим сторонам головы. Щели эти прикрыты жаберными крышками. Под каждой крышкой можно увидеть красноватую бахрому, покрытую тончайшей пленкой, через которую всасывается кислород. Это жабры.

Наверно, тебе не раз приходилось видеть, как рыба внезапно останавливается в воде и начинает как бы «хлопать ушами», то раскрывая, то закрывая рот? Это она дышит. Разумеется, увидеть, как дышит треска-однодневка, совсем не легко — ведь она еще такая крошечная! Но, какой бы крошечной она ни была, все равно у нее уже есть настоящие жабры, как у всякой порядочной рыбы.

Тронд почувствовал, как вода струится через его жаберные отверстия, и начал дышать. Сердце его забило сильнее, и кровь быстрее побежала по телу. Это было замечательно! Тронд ощутил в себе поистине богатырскую силу и решительным движением снова высунул голову из икринки.

Он начал усиленно ворочаться и наконец несколько расширил отверстие. Теперь он высунулся еще дальше. Чего только не было кругом! Тронд от удивления разинул рот. Ах, как огромен мир! Пожалуй, можно даже вытянуться во весь рост...

И Тронд начал с новой силой выбираться из икринки. Особенно трудно было протолкнуть толстое брюшко.

Наконец Тронд выскользнул наружу и очутился в море. Он плыл, слегка помахивая хвостиком. Прохладная вода нежно ласкала его тельце.

Большие темные глаза Тронда оглядывали огромный, бесконечный мир, в котором ему открывалось так много нового и диковинного.

Кругом простиралась зеленая толща воды. Внизу проплывали рыбы, и повсюду было полным-полно тресковой икры. Некоторые икринки уже успели отделиться от остальных, другие же плавали в воде маленькими комочками. Тронд видел, как постепенно, с большим трудом выбирались из икринок его братья и сестры. Сначала они неподвижно лежали в воде, а затем, как и Тронд, начинали учиться плавать. Пустые оболочки икринок оседали на дно.

Блеск воды, изменчивая игра красок — все это поразило Тронда. Он увидел плавающие водоросли и множество других диковинных вещей. Раньше он принимал все это за узоры на оболочке икринки. Ему ведь и в голову не приходило, что когда-нибудь он увидит такие чудеса! До чего же это замечательно! Тронд никак не мог вдоволь насмотреться на все, что его окружало.

Высоко над ним висел огромный огненный шар. Он пылал так ярко, что в воде было совсем светло. А внизу все исчезало в непроглядном мраке.

Тронда уже не защищала плотная оболочка икринки. Он очутился в новом, непривычном мире. И в этом мире ему приходилось рассчитывать только на самого себя. Теперь он выучился свободно передвигаться в воде и почувствовал, что по-настоящему живет на свете.

Если бы Тронд смог осмотреть себя, то обнаружил бы, что тело его прозрачно. Он заметил бы внутри себя маленький темный комочек, который то расширялся, то, наоборот, сокращался. От этого комка отходило несколько тонких трубочек. Так Тронд «открыл» бы собственное сердце и кровеносные сосуды. А еще он увидел бы два мешочка. Первый — это желудок, а второй, блестящий, словно перламутр, — плавательный пузырь. Был у Тронда и маленький кишечник, но только что вышедшие из икринки рыбешки кишечником не пользуются.

Тронда можно было сравнить с грудным ребенком — ведь он еще не умел самостоятельно добывать себе пищу. Но зато в его распоряжении был мешочек с едой. Да, да, хочешь — верь, хочешь — нет, а под брюшком у Тронда в самом деле висел мешочек с едой. Этот мешочек, запасами которого питается в первые дни своей жизни крохотная рыбешка, называется желточным мешочком.

Цыпленок в яйце тоже питается желтком. Но стоит только цыпленку вылупиться, как он уже в состоянии сам добывать себе пищу. А вот только что появившаяся на свет рыбка еще не умеет делать этого, и нет у нее ни папы, ни мамы, которые могли бы ей помочь. Тех запасов, что хранятся в желточном мешочке, хватит надолго, до тех пор, пока крошка не подрастет и не окрепнет. Рыбку с желточным мешочком называют личинкой. Когда будет израсходован желточный запас, мешочек исчезнет, словно втянется в брюшко. В этот день личинка сделается «мальком» — станет настоящей, пусть и крохотной рыбкой.

Каждый вечер угасал большой огненный шар над головой Тронда, а в морской глубине становилось темно и жутко. Ночью Тронд плохо видел: треска немного близорука.

Впрочем, у Тронда ведь и не было никаких особых дел. Он по-просту неподвижно лежал в воде и отдыхал, а течение несло его все дальше, между тем как на море сползал темно-лиловый мрак. Вокруг Тронда мелькали черные тени. Течение пронесло его над песчаной отмелью, густо покрытой темными водорослями. Тронду показалось, что оттуда к нему тянутся чьи-то страшные щупальца. Он весь затрепетал от страха. Кто знает, какие опасности подстерегают маленькую треску!

Не так уж приятно в первый раз путешествовать на воде без всякой помощи. Тронду нигде было спрятаться, и некому было его защитить. Правда, было у него одно преимущество — он не мог утонуть и к тому же не нуждался в том, чтобы кто-нибудь штопал ему носочки. И все же он еще так мало знал о жизни — ведь он жил на свете всего несколько дней!

Тронд чувствовал себя куда лучше, когда на небе появлялся большой огненный шар и разливал свой свет по морщинистой поверхности воды. Солнечные блики плясали вокруг Тронда и расцвечивали мир яркими красками. Поутру веселые солнечные лучики прорезали водную гладь, и вода становилась прозрачной, словно кристалл. Лучики щекотали спинку Тронда, согревая его после ночной прохлады. И тогда Тронд становился более подвижным и бойко помахивал хвостиком. Хорошо, когда пригреет солнце!

Но были и такие дни, когда солнце не показывалось. Тогда становилось холодно и грустно. Тронд цепенел, лежа неподвижно в воде, он почти все время дремал. В такие пасмурные дни лишь немногим удавалось вылупиться из икринок: холод отнимал силы. Иногда над головой Тронда раздавался страшный шум. Казалось, в воду впиваются тысячи иголок. Солнце исчезало в серых тучах — лил дождь! Вода становилась противной. Куда девались ее свежесть и замечательный соленый вкус! Тронд был недоволен. К тому же он заметил, что в такой воде гораздо труднее плыть. Поэтому, как только начинался дождь, Тронд спешил опуститься поглубже.

Маленький Тронд появился на свет зимой, в конце февраля, на песчаных отмелях у Лофотенских островов. Он был тогда еще икринкой. Вместе с миллиардами других тресковых икринок он медленно поплыл к северу. Икринки держались в воде на глубине одного-двух метров. На север их несло течение Гольфстрим.

Через две-три недели Тронд вылупился из икринки — это было всего в нескольких милях от нерестилища.

Тронд — личинка трески — был такой крошечный; да к тому же прозрачный, что многие даже не замечали его. В то время он еще не представлял себе, какие необыкновенные приключения его ожидают. Случалось, что голодные крачки с ярко-красными клювами и большие серо-белые чайки начинали охотиться за мелкой рыбешкой. Но Тронд и его соседи почти всегда держались на такой глубине, что их не так-то легко было заметить.

А случалось и так, что какой-нибудь рыбе вдруг приходило в голову полакомиться тресковой «детворой». Но Тронду везло — он благополучно пережил опасное время своего раннего детства.

СРЕДИ ДРЕЙФУЮЩИХ ЛЬДОВ БАРЕНЦЕВА МОРЯ

Всю весну Тронд плыл вдоль берегов Норвегии. Течение Гольфстрим относило его к северо-востоку. Чем дальше на север, тем короче становились ночи. А потом наступил нескончаемый день. Над северной Норвегией сияло полуденное солнце.

К лету Тронд и его друзья добрались до Баренцева моря и очутились к северу от Финмаркена. За это время Тронд успел вырасти, он стал большим и сильным. В длину он достигал нескольких сантиметров. Теперь Тронд походил на настоящую треску. Он уже не был прозрачным. У него появились зубы и развился кишечник. Мешочек с запасами пищи давно уже исчез, и теперь Тронд добывал себе пропитание самостоятельно. Из беспомощной личинки он превратился в удалого маленького пловца.

Часто навстречу попадались целые тучи крошечных рачков. Тронд тотчас же набрасывался на них и ел с таким аппетитом, что на брюшке у него вскоре вздувалась огромная шишка.

С наступлением лета этих рачков становилось все больше и больше.

В море всегда плавают множество мельчайших растений. Эти растения бурно размножаются весной и летом, когда они начинают получать больше света и тепла. Тот, кому случалось летом бывать у моря, конечно, замечал, как вода порой мутнеет. Это значит — мелких растений становится так много, что они окрашивают воду в серо-зеленый цвет.

Этими-то растениями и питаются маленькие рачки, а сами они — прекрасный корм для рыб и других обитателей моря. Когда рачкам перепадает побольше пищи, они начинают быстро размножаться. Все эти крошечные растеньица и мелкие плавающие животные называются планктоном. Чем больше планктона, тем сытнее живет мелкая рыба, особенно малькам.

Но среди обитателей моря встречались и такие, которые были не прочь проглотить самого Тронда,— есть ведь всем нужно.

Тронд не умел передвигаться в воде с такой быстротой, как большие рыбы, и ему негде было укрыться, потому что он боялся прятаться в глубине.

Не раз приходилось ему улепетывать даже от своих голодных сородичей. Однажды он спасался от большой, страшной рыбы и вдруг увидел перед собой какой-то странный желтоватый колпак. Колпак то сжимался, то разжимался медленными, ленивыми движениями. Таким образом он и перемещался в воде. Колпак казался почти совсем прозрачным, с него свисали длинные нити, словно бахрома украшала края зонтика. Конечно, вид у колпака был страшный, но ведь надо как-то сохранить себе жизнь. И Тронд юркнул под колпак. Он оказался в большой компании. Под колпаком кишели тресковые мальки: они тоже воспользовались медузой как укрытием.

— Скажи, здесь не опасно? — спросил Тронд у маленькой трески, которая только что заплывала под колпак и поздоровалась с Трондом.

Тронд все еще немного побаивался.

— Опасно? Нет, что ты! — засмеялась рыбка. — Напротив, здесь самое надежное место в мире. Никто не может тронуть нас, когда мы под защитой медузы. Всякий, кто захочет на нас напасть, непременно обожжется об эту бахрому — о щупальца. Поэтому здесь мы в полной безопасности.

— Но, если так, мы, наверно, тоже можем обжечься? — спросил Тронд и от волнения даже взмахнул хвостиком.

— Нет, если будем осторожны. Напрасно ты так дрожишь. Все это очень интересно: щупальца покрыты крохотными пузырьками, а в пузырьках спрятаны спиральные нити с тонким острием. Всякий, кто коснется щупалец, обязательно обожжется. Ведь от прикосновения пузырьки лопаются, а спиральные нити выбрасываются наружу и больно ранят своим острием неосторожных рыб или других животных.

— А ожоги очень опасны? — спросил Тронд.

— Да, конечно, потому что в тело жертвы вводится яд, который парализует ее. Как только в этих нитях запутается маленькое животное, медуза пожирает его. Так что не зевай. Правда, нас, тресковых мальков, медуза стрекает не так уж часто, но все же никогда нельзя знать наперед...

Долгое время Тронд вместе со своими друзьями жил под этим странным стекловидным колпаком, который по-прежнему передвигался в воде неторопливыми толчками. Каждый день был похож на предыдущий как две капли воды — у самой поверхности моря не увидишь ничего особенного.

От других мальков Тронд слышал, что много интересного можно повидать у песчаных отмелей, которые тянутся вдоль побережья. Однако он был еще слишком мал, чтобы пуститься в такое далекое путешествие.

Собственно говоря, ему совсем неплохо жилось под колпаком. Там всегда было вдоволь еды — кто только не обжигался о нити медузы! Не покидая своего надежного убежища, Тронд постоянно упражнялся в плавании. С каждым днем он становился все больше и сильнее.

Но когда ребенок становится взрослым, он не хочет вечно оставаться в детской. Жажда приключений взяла верх, и вскоре Тронд снова самостоятельно отправился в путь.

И вот он очутился на самом севере Норвежского моря, около Финмаркена. Воды Гольфстрима смешались с водами Северного Ледовитого океана. Вода была теперь не такой соленой, но куда более холодной.

На поверхности плавало множество странных животных, и Тронд с любопытством разглядывал их. Белые или прозрачные, как стекло, они почти неподвижно лежали на воде и лишь слегка покачивались на волнах. От них исходила удивительная прохлада. Одни были величиной с рыбу, другие же — огромные и величественные. Но вид у них был совсем не страшный. Тронд отважился подплыть к одному из них и осторожно ткнулся в него мордочкой.

— Ух! — Тронд тут же отпрянул. Он прикоснулся к чему-то холодному и твердому, как камень. Так Тронд познакомился с дрейфующими льдинами.

Вскоре он сообразил, что льдин бояться нечего. Но ведь с ними нельзя было разговаривать.

«Наверно, это не совсем живые существа», — решил он.

Маленькую треску отнесло далеко на север, но в воде ей не было холодно — ведь стояло еще лето.

Теперь никто уже не сравнил бы Тронда с грудным ребенком. Как у всякой порядочной рыбы, у него выросли отличные плавники на спине, под брюшком и по обе стороны груди. С их помощью он удерживал равновесие. К тому же грудные плавники служили ему рулями.

Кроме плавников, у Тронда было теперь и приспособление для плавания — плавательный пузырь. Этот пузырь — пожалуй, самое замечательное, что только есть у рыб. Ты помнишь, что, когда Тронд был еще прозрачным, у него можно было рассмотреть продолговатый мешочек под позвоночником. А сейчас ты узнаешь, как пользуется плавательным пузырем взрослая рыба.

В плавательном пузыре находится газ, в состав которого входит азот, немного кислорода и углекислоты. Когда рыба хочет погрузиться глубже, часть этого газа всасывается кровью. Тогда плавательный пузырь становится меньше, и рыба опускается, совсем как воздушный шар, если из него выпустить газ. Когда же рыба захочет снова подняться, ее кровь выделяет часть газа, и плавательный пузырь расширяется. Так рыба снова всплывает на поверхность.

Однажды Тронд опустился почти до самого дна и завел беседу с большими рыбами. «Теперь для тебя настало время отправиться к побережью, — сказали рыбы. — Такой большой треске, с настоящим плавательным пузырем, не к лицу вечно торчать здесь, в открытом море». С этим Тронд был совершенно согласен. Жажда приключений давно уже не давала ему покоя, и он потихоньку готовился к путешествию. Внизу, у больших рыб, он увидел много нового и привлекательного и понял, как скучно жил до сих пор.

В морских глубинах вода была более соленой и гораздо более холодной, чем наверху. Откровенно говоря, это не очень нравилось Тронду. Его охватывало какое-то оцепенение, и он совершенно терял аппетит. И все же здесь было необычайно интересно.

Внизу, под собой, он различал каменистое дно.

— На такой большой глубине почти ничего не растет, — пояснил ему старый налим-менёк.

— Но я вижу цветы! — возразил Тронд.

Он ясно различал стебелек, который поднимался с самого дна, и на нем — несколько красивых цветков.

— Нет, это не цветы, — сказал менёк. — Это полипы. То, что ты принимаешь за растение, на самом деле множество крошечных животных. Они сидят внутри чашечек и выставляют наружу лишь свои щупальца. А в щупальцах у них пузырьки с крапивными нитями, совсем как у медузы. Поэтому мелким рыбешкам лучше не подплывать к ним близко.

— Ну, мы не так глупы, — заметил Тронд.

Менёк даже замахал плавниками от возмущения.

— Видно, ты еще мало знаешь мир! — проговорил он. — Мелкие рыбешки не понимают, что полипы — опасные хищники, а то они старались бы держаться от них подальше.

— По-моему, это просто подлый обман, — сказал Тронд.

— Тебе легко так рассуждать, — ответил менёк. — Но тому, кто не может сдвинуться с места, приходится трудно. Если бы полипы не хватали подплывающих к ним простаков, они были бы обречены на гибель. А жить ведь всем хочется. Здесь, в море, у того, кто не умеет сам отыскивать пищу и бороться с опасностями, нет никакой надежды остаться в живых и вывести потомство. Если увидишь что-нибудь красивое, — продолжал менёк, — смотри не дай себя обмануть. Многие рыбы были обмануты блеском и яркими красками и погибли. Помни об этом!

Менёк говорил так сердито, что Тронд в испуге попятился.

— Ну, ну, незачем так дрожать. Я вовсе не собирался тебя запугивать. Но я-то отлично знаю, что такие малыши, как ты, еще не успели набраться ума и редко обдумывают свои поступки. Всегда можно кое-чему научиться у старших, — добавил менёк и добродушно подтолкнул Тронда хвостовым плавником. — Видишь вон там, внизу, светло-желтый цветок? Это не растение, а тоже особый полип. — Менёк явно кичился своими познаниями. — А вон те фиолетовые...

— Где, где?

— Вон там, на камнях, толстые комочки и ветвистые пучки, — нетерпеливо продолжал менёк, — это водоросли, вот они — самые настоящие растения.

— Ну и чудеса! — взволнованно воскликнул Тронд.

Под ними проплыла вереница голубых огоньков. Казалось, кто-то несет маленькие горящие факелы.

— Не лучше ли мне убраться отсюда? — пугливо спросил Тронд у менёка. Ведь менёк был так умен: он знал решительно все на свете!

— Зачем же, можешь оставаться здесь, — покровительственно ответил тот.

— Но ведь ты говорил, все красивое опасно...

— Гм! Гм!.. — менёк явно смутился. — Конечно, не все, что сверкает и блестит, опасно для тебя. Когда станешь старше и опытнее, узнаешь, чего следует бояться. А это всего лишь стая светящихся рачков-креветок.

— А-а-а-а, — протянул Тронд. Ему было немного стыдно. Он знал, что креветок ничуть не стоит бояться. — Но отчего же они все-таки светятся? — с любопытством спросил он.

— А вот отчего, — ответил менёк. — Креветки живут на такой глубине, где всегда темно, как ночью. Свет излучают их собственные тельца — ты толь-

ко что видел это сам,— и они могут обходиться без солнца.— Да, да,— самодовольно захихикал менёк,— мы, жители моря, отлично приноровились к здешним условиям.

— Но ты вот совсем не светишься? — возразил Тронд.

— Уж не принимаешь ли ты меня за такого простака, который станет околачиваться на самой глубине? — обиженно зафыркал менёк. Он явно был уязвлен замечанием Тронда.— Ведь мое семейство...

— Нет, нет,— поспешил ответить Тронд,— я ничего плохого о тебе не подумал. Но скажи мне, почему они обязательно должны видеть там, в глубине?

— Какой глупый вопрос! — ворчливо проговорил менёк. Он все еще дулся на Тронда, который не оценил его по достоинству.— Ведь иначе они не смогли бы добывать себе корм. Неужели ты этого не знаешь, глупец!

— Ты, наверно, хочешь сказать — малец,— поправил Тронд.

— Да, да, конечно, хотя, в сущности, это одно и то же.— Маленьку, видимо, показалось, что он обошелся с Трондом слишком сурово, и он добавил уже гораздо приветливее: — А кроме того, когда креветки светятся, им легче не терять друг друга из виду. Это особенно важно, когда они ходят косяками.

— Косяками? — удивленно переспросил Тронд.

— Ты и про это ничего не знаешь? — Менёк даже испугался: он не представлял себе, что можно так мало знать.— Хотя верно, ты же треска, а тресковые мальки никогда не ходят косяками. Видишь, наверху что-то поблескивает? Вон сколько там сельди. Сельдь ходит большими стаями, иногда по многу тысяч штук. Такие стаи называются косяками. Сельдь всегда ходит косяками. Это очень удобно — держаться вместе и помогать друг другу. Однако многие рыбы привыкают ходить косяками и совсем теряют сообразительность. А ведь смекалка дана нам, рыбам, не зря, а для того, чтобы мы ею пользовались. Взять хотя бы этих селедков: они, наверно, даже не знают, чего хотят и куда плывут.— Менёк презрительно фыркнул.— А знаешь, что мне частенько приходится видеть? — сказал он, приблизив свою голову к голове Тронда. Было ясно, что менёк говорит не без некоторого злорадства.— Иногда такой косяк вдруг изгибается и начинает кружиться в хороводе: передние догоняют задних, и вот у косяка уже нет ни начала, ни конца... Ха-ха-ха...— Менёк рассмеялся так громко, что даже его собственный спинной плавник начал хлопать его по спине.— Ведь глупые селедки давно уже утратили всякую смекалку, вот они и кружатся в воде до тех пор, пока на них не накинута хищная рыба. А иногда они попадают в сети и становятся добычей людей.

— Прости меня, но я не понимаю, о ком ты говоришь,— сказал Тронд удрученно.— Иногда бывает трудно сообразить, чего хотят взрослые.

— Да ты, верно, еще и не слыхивал о людях,— вздохнул менёк.— Они живут не в море, а там, наверху, где нет воды. И, странное дело, они не тонут в море, хотя и живут на суше, окруженные воздухом,— добавил он, видя, что Тронд смотрит на него с недоверием.— Люди тоже хотят есть, а еды у них мало. Поэтому они забрасывают сети, чтобы поймать нас. Большей частью они ловят сельдь. Люди необычайно прожорливы и потому стараются вылавливать целые косяки. Впрочем, треска тоже ходит косяками зимой, когда сами намерены нереститься.

— Нереститься? — переспросил Тронд.

Менёк по-прежнему говорил загадками.

— Ну, метать икру, если тебе это понятнее. Ты еще успеешь об этом узнать, когда вырастешь. Но советую тебе быть начеку, как только заметишь в море большую сеть.

— Не надо забывать и об удочках,— произнес кто-то в темноте.

Из густой синевы вынырнула большая зеленовато-черная рыба с серебристым брюшком. Она подплыла ближе и так сильно ударила хвостом, что волна едва не отбросила в сторону маленького Тронда.

— Кто это? — спросил он шепотом. Он ощутил некоторое беспокойство. Эта большая рыба была красивая, и потому...

— Меня зовут люр,— любезно сообщила рыба.

Она была так вежлива, что и половины этой вежливости было бы более чем достаточно. Люр приветливо помахивал грудными плавниками, желая показать, что он и в самом деле благовоспитанный представитель славного семейства тресковых.

— Я рад нашей встрече,— сказал люр и тут же перевернулся в воде, чтобы Тронд мог видеть его во всем великолепии.— Ведь мы с тобой родичи. Правда, я обычно живу в более южных краях, но временами заплываю и на север. Надо же следить за тем, что происходит на свете. А теперь я хочу дать своему юному родичу хороший совет,— продолжал люр.— Если ты внимательно поглядишь на мой рот, то поймешь, почему я вмешался в разговор. Да будет тебе известно: эта замечательная отметина — своего рода боевой орден. Я заработал его в борьбе с людьми...

— Как это ужасно! — сказал Тронд, полный сочувствия к люру, в губе которого торчал большой железный крючок.— Наверно, это очень, очень больно,— добавил он.— Или, может быть, вы считаете, что на боль не следует обращать внимания, раз это почетный знак? — Тронду казалось, что к такой благородной рыбе можно обращаться только на «вы».

— Ну, знаешь ли, за такой почет можно дорого заплатить...— проговорил люр.

— Но как же это случилось? — Тронд заинтересовался не на шутку.

— Что такое? Ах, ты про крючок... Видишь ли, люди, о которых менёк тебе рассказывал, спускают в воду длинные нити с крючками на конце. Эти хитрецы к тому же насаживают на крючки всякую мелочь — селедочных мальков, улиток или еще что-нибудь вкусное. Если тебе захочется отведать этих лакомств, ты все-таки не хватай их, иначе повиснешь на крючке, и люди вытащат тебя из воды. Я, как-никак, довольно сильная рыба,— сказал люр, скромно опустив глаза,— поэтому мне удалось оборвать крючок и уйти.

— Люди необычайно предусмотрительны: они забрасывают свои крючки по утрам, когда мы голодны; а также по вечерам, перед ужином, еще засветло,— заметил менёк.

Он считал, что и ему следует сказать свое слово.

— Выходит, поедать мелюзгу всегда опасно? — спросил Тронд.

Жить на свете оказалось гораздо труднее, чем он думал.

— Нет, только тогда, когда она висит на нитке,— ответил люр.— Нам, рыбам, надо уметь разбираться, что к чему. Видишь вон там косяк маленьких красновато-коричневых животных?

— У них крылья, как у чаек, что летают наверху, в воздухе,— ответил Тронд с удивлением.

— Да, так кажется на первый взгляд,— согласился люр.— Поэтому их и называют крылоногими. Но то, что ты принимаешь за крылья,— на самом деле просто крупные складки кожи, с помощью которых они передвигаются в воде. Крылоногие моллюски — отличная пища. Ими лакомятся не только рыбы, но и киты и морские птицы. У многих из них нет домика, в отличие от тех моллюсков, которых можно увидеть у берега и на дне моря. Кстати, я не советую тебе поедать улиток со дна, потому что от них может разболеться живот.

— Не следует ли мне также остерегаться чаек? — спросил Тронд.

— Нет, чайк тебе нечего особенно бояться,— ответил люр.— Они больше охотятся за сельдями. Но избегай подплывать к самой поверхности: когда крачки охотятся — это значит, они высматривают мальков трески... Ну, а теперь мне пора, у меня еще много дел,— с достоинством добавил люр.— Надеюсь, мы вскоре опять встретимся.

Он несколько раз сильно ударил по воде хвостом и исчез в морской глубине, словно серая тень.

— Может быть, и мне прогуляться туда же? — спросил Тронд у старого менька.

— Вряд ли тебе там понравится,— ответил менёк.— А впрочем, поступай как знаешь. На ошибках ведь тоже учатся.

Как и все малыши, Тронд не мог преодолеть любопытства. Он не стал зря терять время и на прощание помахал меньку хвостом. Затем сжал свой плавательный пузырь и погрузился в черную глубину моря...

Внезапно с ним стало твориться нечто странное. По мере того как он погружался в море, вода все сильнее и сильнее сдавливала его тельце. Ему казалось, что его брюшко вот-вот лопнет, а глаза провалятся куда-то внутрь.

Нет, кажется, лучше снова подняться наверх!

— Что ты здесь делаешь? — внезапно послышался чей-то голос.

Тронд поспешно повернулся и начал озиаться по сторонам.

Вокруг царила непроглядная тьма. К тому же Тронд, как и всякая треска, был близорук. Поэтому он не сразу разобрал, откуда доносится голос.

— Это вы, дяденька люр? — спросил Тронд дрожащим голосом.

Здесь, на дне моря, среди густого мрака, он совсем растерялся.

Ответа не было. Но, как только глаза Тронда привыкли к темноте, он увидел удивительную рыбу, которая выплыла из-за большого камня. Она была вся красная, с блестящей чешуей и колючими плавниками.

— Кто ты? — спросил Тронд.

Он впервые видел такую рыбу. «Всегда лучше узнать, с кем имеешь дело», — думал Тронд. К тому же у этой рыбы была настоящая зубастая пасть, как у всех морских хищников. Впрочем, рыба как будто была сыта и вовсе не собиралась проглотить Тронда.

— Меня называют красным окунем,— пояснила она, повернувшись к Тронду.

— Здравствуй,— вежливо сказал Тронд.— Я ни разу не встречал тебя у нас наверху.

— О да, я никогда не поднимаюсь наверх,— ответил красный окунь.— Я не переношу перемены в давлении воды.

— Давлении воды? — Тронд ничего не понял.

— Мне думается, ты уже испытал его на себе,— сказал окунь.

— Так, значит, это оно сдавило меня со всех сторон? — спросил Тронд.

— Ну да. Ты, наверно, знаешь, что вода имеет немалый вес, который нелегко выдерживать. Чем глубже ты опускаешься, тем больше над тобой воды и тем сильнее давление.

— Как же мне тебя жаль! Ведь тебе всегда приходится выдерживать это дав...дав...давление — так, кажется? Должно быть, трудно все время испытывать это ужасное давление, — заметил Тронд.

— Вовсе нет, я привык к нему, — возразил красный окунь. — Я же здесь родился. Если я поднимусь на поверхность, где нет такого сильного давления, мне будет казаться, что глаза вот-вот выпрыгнут у меня из орбит, а внутренности вылезут наружу. Я знаю об этом со слов моего дядюшки. Ему самому пришлось однажды испытать такое, когда он в последнюю секунду сорвался с крючка. А ты вот, пожалуй, не сможешь долго пробыть здесь: как-никак, ведь ты всего-навсего треска.

— А ты сам живешь здесь с тех пор, как был икриной? — полюбопытствовал Тронд.

— Я? — Красный окунь затрясся от смеха. При этом он проглотил изрядное количество воды. — Нет, мы, морские красные окуни, не появляемся на свет из икринок. Наши матери рожают нас живыми. Я знаю, так бывает лишь у немногих рыб, поэтому мы — редкостное семейство...

Знаешь ли, мне сдается, что тебе уже пора наверх, у тебя такой бледный, измученный вид!

— Да, спасибо, — ответил Тронд и быстро поднялся к поверхности, где он чувствовал себя хорошо.

Обо всем, что ему удалось увидеть и услышать на дне моря, он рассказал своим приятелям. После этого им так захотелось повидать свет, что они условились сразу же отправиться в путь.

Перевод С. Тархановой и Ю. Яхниной

Ингер Хагеруп

(1905)

Известный лирический поэт для взрослых, в детскую поэзию Норвегии ввела стихи-нонсенсы.

МАЙСКИЙ ЖУК

— Майский жук, а майский жук,
Ты куда собрался вдруг?

— Нынче звал меня к себе
Мой старинный друг.

— Майский жук, а майский жук,
Как его зовут?

— Ты о нем слыхал сто раз.
Это скипер Кнут.

— Майский жук, а майский жук,
А зачем он звал?

— Нынче будет у него
Развеселый бал.

— Майский жук, а майский жук,
Что же ты грустишь?

— Дело в том, что у меня
Сто один малыш.

Столько маленьких — беда:
Драки, гам и вой.

Не могу их никуда
Повести с собой.

Перевод Ю. Вронского

Турбьёрн Эгнер

(1912)

Поэт, прозаик, сказочник, переводчик, автор знаменитой книги «Приключения в лесу Елки-на-горке».

ПЕСНЯ ЮНГИ

Зовут меня Юхáнес.	И вместо платья простыни
Я юнгой взят на борт,	Привык носить народ.
Я очень редко вижу	Мы гору апельсинов
Родимый Флеккефьорд.	Погрузим там на борт —
Мы грузим наше судно —	Чудесные гостинцы
Везем за океан	Получит Флеккефьорд...
Копченую селедку	Мы плаваем в Канаду,
Народам разных стран.	В Бразилию, в Судан
Нас весело встречают	И флаг свой поднимаем
Чужие города:	Навстречу всем судам.
Норвежская селедка —	Мы грузим наше судно
Прекрасная еда!	Пшеницей золотой,
Мы возим бочки, бревна,	Мы кофе, шерсть и хлопок
Бумагу, рыбий жир	Везем к себе домой.
И вяленую рыбу	Объехал я все земли
В Марокко и Алжир.	И знаю каждый порт,
Там нестерпимо жарко,	Но хорошо вернуться
Там лето круглый год,	Домой, во Флеккефьорд.

ОХОТА НА ЛИСА

Мы на цыпочках пойдем	Не шути
Очень осторожно...	И сучками
Лис, наверно,	Не хрусти
За кустом,	И, насколько можно,
Не болтай	Топай осторожно!
О том	Лиса следует искать
О сем	Очень осторожно.
И, насколько можно,	Может, лис
Топай осторожно!	Улегся спать?
По пути себя вести	Чур, на хвост не наступать!
Надо осторожно.	И, насколько можно,
На охоте	Топай осторожно!

ЛОВЛЯ ТРЕСКИ У ЛОФОТЕНСКИХ ОСТРОВОВ

Хожу я с давних пор
На шхуне «Элинóр».
Всего матросов
Пятеро,
И все как на подбор,
Далёко дом
И Снурпефьорд.
Эхей-охо!
Как дует норд!
Но сеть давно готова —
Она пойдет за борт,
Едва услышим слово
От старшего по лову.
И пусть крепчает норд!
Нам надоело вдаль смотреть,
И вдруг:
— Охо-эхей!
Здесь рыба есть!
Берите сеть,
И за борт поживей! —
Гудит протяжно шхуна,
Идет
На разворот,
Мы все летим
Как пули
К своим местам...
И вот
Огромным полукругом
За судном сеть плывет.
Мы по своим

Местам стоим,
Стоим
И на воду глядим,
Тревожимся слегка:
А есть ли там треска?
И волны поминутно
Кидаются на судно.
Но старший
В лодочке своей
Гребет спокойно
Вдоль сетей:
— Эхей-охо!
Местечко — клад!
Здесь настоящий
Рыбный склад!
Охо-эхей!
Тяни живей!..
Мы тянем,
Ветер
Хлещет,
В сетях
Треска
Трепещет.
— Тут сколько ж будет килограмм?
— Да тысяч десять с лишком! —
Эхей-охо!
Тут хватит нам,
И хватит им,
А также вам,
Девчонкам и мальчишкам!

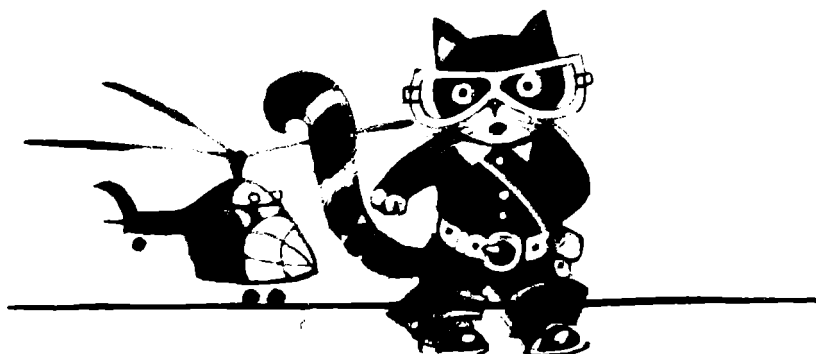
МЫШИНАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Баю-баюшки, малыш,
Звери спят повсюду,
Спи и ты, малютка Мышь,
Я с тобой побуду...

Сладкий сон сморил Осу,
Задремала Муха,
Даже Лис уснул в лесу,
Спрятав хвост под ухо.

Перевод Ю. Вронского

ПОЛЬША

Юлиан Тувим

(1894—1953)

Знаменитый поэт, по оценке критики, «не имеет себе равных в польской литературе». Писал для взрослых, но славу ему принесла детская поэзия.

ПРО ПАПА ТРУЛЯЛИНСКОГО

Кто не слышал об артисте
Тралиславе Трулялинском!
А живет он в Припевайске,
В переулке Веселинском.
С ним и тетка — Трулялётка,
И дочурка — Труляюрка,
И сынишка — Трулялишка,
И собачка — Трулялячка.
Есть у них еще котенок,
По прозванию Трулялёнок,
И вдобавок попугай —
Развеселый Труляляй!
На заре они встают,
Чаю наскоро попьют,
И встречает вся компания
Звонкой песней утро раннее.
Палочку-трулялочку
Поднимет дирижер —
И сразу по приказу —
Зальется дружный хор:
«Тру-ля-ля да тру-ля-ля!
Тра-ля-ля да тра-ла-ла!

Честь и слава Тралиславу!
Трулялинскому Хвала!»
Трулялинский чуть не пляшет —
Дирижерской палкой машет
И, усами шевеля, подпевает:
«Тру-ля-ля!»
— Тру-ля-ля! — звучит уже
На дворе и в гараже,
И прохожий пешеход
Ту же песенку поет,
Все шоферы — Трулялёры,
Почтальоны — Труляльоны,
Футболисты — Трулялисты,
Продавщицы — Трулялицы,
Музыканты — Трулялянты,
И студенты — Труляленты,
Сам учитель — Трулялитель,
А ребята — Трулялята!
Даже мышки, даже мушки
Распевают: «Трулялюшки!»
В Припевайске весь народ
Припеваючи живет.

Перевод Б. Заходера

Ян Бжехва

(1900—1966)

Автор прозаических и поэтических произведений для взрослых и детей. Истоки его поэзии в забавных перевертышах, шутливых побасенках, нелепицах, свойственных устному народному творчеству.

НА ГОРИЗОНТСКИХ ОСТРОВАХ

На веселых,	Там растут на вербе груши,
На зеленых	Шоколад
Горизонтских островах,	И мармелад,
По свидетельству ученых,	А по морю, как по суше,
Ходят все	Скачут зайцы,
На головах!	Говорят!
Говорят,	Дети
Что там живет	Взрослых
Трехголовый Кашалот,	Учат в школах!
Сам играет на рояле,	Вот какие,
Сам танцует,	В двух словах,
Сам поет!	Чудеса
По горам	На тех веселых
На самокате	Горизонтских островах!
Ездят там	Иногда мне жаль немного,
Бычки в томате!	Что никак —
А один ученый Кот	Ни мне, ни вам! —
Даже водит	Не найти нигде
Вертолет!	Дороги
	К этим славным островам!

СОМОМНЕНИЕ

Был в реке	И делит,
Усатый Сом	Сом
Уважаемым лицом.	И множит,
Жил он в славе	Сом
И в почете	Сложить и вычесть
За успехи	Может! —
В устном счете.	Дни текли.
Сам любил похвастать Сом	Река текла.
Этим редким	В гору
Мастерством.	Шли его дела.
— Эй, сюда плывите, рыбки,	Но однажды
Сом	Издалека,
Считает без ошибки!	Из какого-то притока,
Сом	Старый Линь приплыл к Сому

Да и говорит ему:
 — Есть задача у меня
 Не по силам
 Для Линя.
 Не могу,
 Как ни верти,
 Ноль
 Отнять
 От десяти!
 Вы слывете,
 Милый Сом,
 Знаменитым
 Мудрецом.
 И для вас моя задачка
 Будет просто пустячком! —
 Сом
 С самодовольной миной
 Подкрутил свой ус соминый
 И сказал:
 — Ну что ж, изволь!
 Из десятки
 Вычесть ноль?
 Это будет...
 Единица.
 Впрочем, можно
 У-сом-ниться... —
 И умолк.
 Идут часы.

Сом бурчит себе в усы:
 — Единица... Десять... Ноль...
 Как же так?.. Позволь, позволь...
 Эх! Вот если был бы мел
 И писать бы я умел...
 Во что! Десять и конец!
 Нет, один!.. —
 А Линь, хитрец,
 Знай смеется:
 — Что, усатый?
 Не умеешь, так не хвастай! —
 Дни текут,
 Река течет,
 Но еще не кончен счет.
 Сом
 Считает и считает.
 Сом,
 Как свечка,
 Тает, тает...
 Высох,
 словно килька,
 С горя
 И уплыл из речки в море.
 Там,
 Как видно на картинке,
 Он
 Женился
 На сардинке!

Перевод Б. Заходера

Ванда Хотомская

(1921)

Автор юмористических и сатирических стихов, где много вымысла и игры.

СКАЗКА ПРО ЕЖИК

Среди елок и осин	Щетки,
Еж	Щетки!
Устроил магазин.	Всех размеров
На витрине	И сортов,
Буквы	Назначений
Четки:	И цветов:
«В магазине —	Обувные

И зубные,	С женой!
Платяные,	Ничего не замечает!
Головные,	Только деньги получает!
Для усов	Продает
И для ресниц,	Родных детей
Для мужчин	Вместо щеток
И для девиц!»	Для ногтей!
Всем нужна	Но когда
В хозяйстве	Ежова сына
Щетка.	Понесли
И пошла	Из магазина,
Торговля	Кто-то крикнул:
Ходко!	— Глупый Еж!
Постепенно	Ты кого же
Входит	Продаешь?
В раж	Охнул
Наш	Ежик —
Удачливый	И
Торгаш:	Свернулся...
Продавал	К жизни
Зубную	Он уж
Щетку —	Не вернулся,
Завернул	Но зато
Родную	С тех пор
Тетку!	Повсюду
Вместо щетки	Моют ёжиком
Платяной	Посуду!
Распростился он	

Пересказ *Б. Заходера*

Людвик-Ежи Керн

(1932)

Автор сказок, веселых произведений в прозе и стихах.

СТИХИ ПРО ЧЕТЫРЕ НОГИ

Едва мы чуть-чуть обогнали мартышку,
 К вершинам прогресса
 Направив шаги,
 Как с лаем за нами
 Помчались вприпрыжку
 Мордочка,
 Хвост
 И Четыре Ноги.
 Порою
 С пути нам случается сбиться,
 Но даже во тьме,

Где не видно ни зги,
Нам всем
Не дадут навсегда заблудиться
Мордочка,
Хвост
И Четыре Ноги!
Пусть в чаше
Свирепые хищники воют,—
Тебе не страшны
Никакие враги.
«Не бойся, мы рядом!» —
Тебя успокоят
Мордочка,
Хвост
И Четыре Ноги.
А если порою
Тоска тебя гложет,
(Бывает такая тоска — хоть беги!)
Поверь,
Что никто тебе так не поможет,
Как Мордочка,
Хвост
И Четыре Ноги.
Маленечко мяса,
Маленечко каши,
(Короче, влезать не придется в долги!)
Матрасик в углу —
И вот они
Наши:
Мордочка,
Хвост
И Четыре Ноги!

Перевод *Б. Заходера*

РУМЫНИЯ

СОЛЬ В КУШАНЬЕ
(народная сказка)

Тогда это было, когда и в помине не было. Не случись оно в ту пору — не было б и разговору. А случилось это в ту самую пору, когда на тополе груши росли, а на раките фиалки цвели, когда медведи хвостами виляли, а волки, словно братьев, ягнят обнимали, когда мухи на стенах писали и блох ковали, а они до неба сигали и на землю сказки присылали.

Ну а тот, кто нашей вере неймет, сам без меры врет.

Жил-был царь, у него было три дочери. Остался царь вдовцом и всю любовь свою отдал дочерям. Заботливо воспитывал их отец, наукам учил, от горя и болезней оберегал. Подросли дочки и всегда старались утешить отца, царь все горевал со дня смерти их матери.

Решил однажды царь задать своей старшей дочери такой вопрос:

— Дочь моя, скажи, как ты меня любишь?

— Как люблю, отец? Люблю я тебя так же, как люблю мед.

Царевна сказала так, потому что считала, будто ничего слаще меда на свете нет. Только на такой ответ и хватило ума у старшей царевны.

— Дай тебе бог долгих лет счастливой жизни мне на радость, дочь моя! — ответил ей довольный царь.

Спросил царь среднюю дочь:

— А ты, дочь моя, как сильно меня любишь?

— Как сахар, отец.

Ничего лучшего средняя царевна не смогла придумать.

— Дай бог тебе всякого добра, живи мне на радость, дочь моя, — ответил царь, довольный ответом и средней дочери.

Надо сказать, что обе эти царевны были лстивыми и хотели показать отцу любовь, какую на самом деле вовсе не испытывали.

А царь обрадовался ответам старших своих дочерей, потому что и сам считал: лучшей любви, более сладкой, чем мед и сахар, и быть не может.

Взглянул царь на младшую дочь, царевна робко стояла в стороне, и спросил ее:

— А ты? Как ты любишь меня, дочь моя?

— Я люблю тебя, отец, как соль в кушанье! — ответила царевна с сияющим любовью лицом. Она опустила глаза, оробев от своей смелости и оттого, что отец и на нее, самую младшую, тоже обратил внимание.

Услышав ответ младшей царевны, сестры так и прыснули со смеху и отвернулись. А царь нахмурился.

— А ну-ка, подойди ко мне, негодница, — сердито сказал он, — подумай, что ты мне ответила? Разве ты не слышала, как любят меня твои старшие сестры? Так вот как, значит, ты меня любишь? Для того ли я старался воспитывать вас, беречь и учить, хотел, чтобы равных вам по уму и на всем свете не было. Поди прочь от меня со своей солью!

Младшая царевна готова была сквозь землю провалиться, горестно ей стало, что невольно обидела отца, она его и взаправду очень любила.

— Прости меня, отец, не хотела я тебя обидеть. Моя любовь к тебе, если не сильнее любви моих сестер, то и не хуже меда и сахара.

— Вот как? — грозно прервал отец свою младшую дочь. — Ты еще осмеливаешься сравнивать себя с сестрами? Прочь из моего дома, бесстыжая, и чтоб я о тебе больше никогда не слышал!

И не дав дочери и слова сказать, царь удалился, оставив царевну в слезах.

Сестры принялись ее утешать, но слова их шли не от сердца, и потому-то еще больше опечалилась царевна.

Поняла младшая царевна, что и сестры не жалеют ее. Решила она уйти из дому куда глаза глядят.

Надела царевна самое старое платье и пошла бродить из деревни в деревню, пока не пришла ко двору соседнего царя.

Подошла царевна к воротам царского дворца и стала ждать.

Увидела ее ключница, вышла и спросила, что ей надобно. Царевна ответила, что она, мол, бедная сирота и хочет поступить к кому-нибудь служанкой.

На счастье царевны, недавно ушла у ключницы помощница, и ей нужна была другая. Осмотрела царевну ключница с головы до ног зорким взглядом, девушка ей понравилась.

Спросила царевну ключница, какую она потребует плату. Та ответила, что не хочет назначать плату, пока не пройдет время, чтобы смогли оценить ее работу. Сколько полагается, столько пусть ей и заплатят.

Ключнице понравился такой ответ, и она взяла царевну себе в помощницы. Объяснила девушке все, что она должна делать, передала ей связку ключей, ту, что обычно носила при себе.

Царевна была девушка старательная и смышленная, тотчас же принялась она убирать комнаты и шкафы, ключи от которых доверила ей ключница.

Оказалось, что царевна умела хорошо стряпать, печь пироги, варить варенье, готовить всякие тонкие блюда и подавать их к царскому столу. Вскоре доверили ей царские кладовые со всеми запасами.

Все были довольны царевной, потому что она исполняла порученное дело разумно и честно, да и не болтала попусту.

Молва о прилежности, уме и скромности помощницы ключницы дошла вскоре до самой царицы. Та пожелала увидеть девушку. И вот царевна предстала перед царицей. На ее вопросы она отвечала умно, почтительно, но без подобострастия.

Царице девушка очень понравилась. Кроме того, она поняла, что помощница ключницы не простая крестьянка. И взяла ее царица к себе в служанки.

Куда бы ни пошла царица, повсюду брала она с собой свою новую служанку. Если царица садилась за рукоделие, она и ее сажала с собой рядом. Какие вышивки выходили у девушки — просто загляденье!

Но больше всего нравились царице умные речи девушки. И полюбила ее царица, как родную дочь. Царя удивляла благосклонность царицы к своей служанке.

Был у царя с царицей единственный сын, они гордились им и любили его беспредельно.

Вот отправился царь на войну и взял с собой царевича, чтобы приучить его к военному делу.

Случилось так, что царевича опасно ранили и пришлось отправить его домой.

Уж как горевала царица, уж как плакала она над бедным своим сыном! Ночь за ночью проводила она у его постели, а когда силы оставляли ее, поручала ухаживать за сыном своей верной служанке. Днем и ночью то одна, то другая дежурили у постели раненого царевича.

Ласковые слова, нежность, красота и скромность служанки пробудили в сердце раненого царевича чувство, какого он еще никогда не испытывал. Шло время, царевич мало-помалу стал выздоравливать. Однажды, беседуя с матерью, царевич сказал ей:

— Матушка, я хочу жениться.

— Хорошо, сынок, хорошо. Пойщу достойную тебе царевну.

— Я уже нашел невесту, матушка...

— Кто же она? Знаю ли я ее?

— Не сердись, матушка. Люблю я твою новую служанку, люблю как самого себя. Сколько ни перевидал я царевен и королевен, ни одна мне так не понравилась...

Воспротивилась было царица, стала отговаривать сына от женитьбы, но царевич продолжал стоять на своем.

«Ну, что ж,— подумала царица,— избранница царевича девушка хорошая, кроткая, честная и прилежная...» Теперь оставалось убедить самого царя, чтобы и он дал свое согласие.

Упросили они царя, и дал он своему сыну благословение на брак с любимой девушкой. После помолвки назначили день свадьбы. Стали созывать народ на пир. Невеста попросила, чтобы позвали и ее отца, но скрыла, что она царская дочь.

В день свадьбы прибыли все гости. Веселились с утра до поздней ночи. Столы царские так и ломились от разных яств, напитков, пирогов, да таких вкусных, что у гостей слюнки текли.

Невеста сама научила поваров и стряпух, что и как подавать к столу. Лишь для одного гостя приготовила она угощение своими собственными руками и наказала своему верному слуге, чтобы это угощение он поставил перед царем, приглашенным по ее просьбе, а другим гостям этих блюд ни в коем случае не подавал.

Слуга сделал все так, как ему приказала царевна.

Гости сели за стол, едят, пьют и веселятся, а царю, отцу невесты, кусок в горло не лез. Он то и дело поглядывал на невесту.

Уж очень походила она на его младшую дочь, ту, что он выгнал из дома, но как она могла стать невестой царевича?

Беспокойно было царю от этих мыслей, но спросить кого-нибудь, кто эта девушка, он не решался.

Глядя на веселье гостей, захотелось и царю поесть и повеселиться вволю. Но когда слуга подал ему кушанья, царь, едва попробовав, тотчас перестал есть. Слуга то и дело убирал со стола нетронутые блюда, приготовленные для царя самой царевной.

Дивился царь на то, с какой охотой едят другие гости: ведь все, что подавал ему слуга, очень уж было невкусным!

Царь решил спросить соседа своего — нравятся ли ему кушанья. Тот ответил, что таких вкусных блюд ему давно не доводилось есть. Попробовал царь из тарелки соседа: кушанье в самом деле превкусное.

От голода у царя засосало под ложечкой. Но разве можно есть то, что подавали ему? Не вытерпел он, поднялся и громогласно спросил:

— Послушай, царь, ты, видно, позвал меня на свадьбу сына, чтобы насмеяться надо мной?

— Помилуй, твое величество, как можешь ты обо мне думать такое? Все люди добрые видят, что я тебя принял с таким же почетом, как и других именитых гостей...

— Прости меня, царь, но это не так. Всем гостям подают кушанья очень вкусные, а те, что подают мне, в рот взять нельзя!

Разгневался отец жениха и приказал позвать сюда поваров, чтобы найти виновника и предать его смерти.

А весь секрет состоял в том, что царевна приготовила все кушанья для своего отца без соли, а лишь с медом и с сахаром. Солонка перед царем и та была наполнена толченым сахаром. Напрасно бедный царь брал из солонки то, что он принимал за соль, и сыпал в свое кушанье: вместо того чтобы стать вкусным, оно делалось еще слаще, а стало быть, и еще противнее.

Но вот поднялась невеста и обратилась к царю-свекру:

— Не вини поваров, это я приготовила нарочно такие кушанья для царя. А царь этот — мой отец. Нас у моего батюшки было три дочки. Стал нас отец по очереди спрашивать, как мы его любим. Старшая сестра ответила, что любит его, как мед. Средняя — что любит его, как сахар. А я сказала, что люблю его, как соль в кушанье. Думала я, что нет более крепкой любви, чем такая. Но отец рассердился и выгнал меня из дому. Только не пропала я — сами видите, чего добилась честным трудом. Вот сегодня я и хотела доказать отцу, что без меда и сахара человек может прожить, а без соли нет. Я сама приготовила для него кушанья без соли. А теперь рассудите своим царским умом, кто из нас был прав: я или мой батюшка...

Царь-свекор и все гости заявили в один голос, что жестоко было изгнать дочь из отчего дома, да еще за такой умный ответ.

Тут и отец невесты признал, что не сумел оценить свою младшую дочь, и попросил у нее прощения.

Царевна поцеловала руку отца и тоже попросила прощения.

Перевод Ф. Миренер

Поэт, автор многих поэтических и прозаических книг для взрослых и детей.

ГОРЬКИЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ

Каждый день приносит Баруцу новые разочарования. Все в жизни происходит не так, как ему хочется. Его поражает, до чего неустойчивы предметы, которые стоят на ножках или на колесиках: Мальчик совершенно растерян: что бы он ни делал, все у него выходит шиворот-навыворот.

Баруцу взбирается на спинку стула, чтобы достать со шкафа скрипку, а вместо этого грохается на пол. И случается это как раз тогда, когда Баруцу уже дотронулся кончиками пальцев до грифа скрипки. Словно кто-то нарочно его толкнул, чтобы он упал. Баруцу хватает в руки палку, чтобы поколотить стул, но ударяет сам себя по голове. А вздумает мальчик кому-нибудь пожаловаться на то, что у него нос поцарапан и губа вспухла, его же за это и бранят. Все будто сговорились обижать его.

Но самое обидное то, что ему же потом задают всякие вопросы: «Почему ты встал на стул?», «Почему ты полез за скрипкой?», «Почему» да «почему»!.. Сколько неприятных «почему»!.. Бедняга Баруцу еще не знает, что вопросы ему будут задавать сперва в начальной школе, потом в гимназии, потом в институте, а если он станет ученым, то вопросы ему будут задавать всю жизнь.

Сидя за обеденным столом, Баруцу пытается разрезать куриное крылышко ножом и вилкой, которые ему подарил дедушка, как вдруг тарелка слетает на пол, забрызгав всю стену соусом и заляпав ее гарниром из нашинкованной моркови. Вся семья бросается на выручку, пытаясь спасти, что можно. А выходит еще хуже. стакан с газированной водой проливается в перечницу. Мама, как белье, выжимает шелковую юбку, которую надела впервые, а папа стряхивает морковь и лапшу с галстука, размазывая их по жилетке. Мама кричит: «Негодник! Что мне с тобой делать?!» А папа, вытаскивая лапшинки из усов, говорит умиротворяюще: «Ничего не поделаешь, случается».

Как-то раз Баруцу раздобыл молоток и гвоздь и без всякого злого умысла попытался вбить гвоздь в зеркало. Гвоздь, конечно, внутрь не вошел... а зеркало почему-то лопнуло, словно рассеченное молнией, и покрылось трещинами.

Такую проделку никак не скроешь. Баруцу тайком раздобыл на кухне пробку и веревочку, чтобы починить зеркало, но у мальчика ничего не вышло. Наверное, потому, что он еще слишком маленький. Да и инструментов у него всего — молоток да гвоздь. Нет ни станка, ни рубанка, ни пилы, ни жести. Баруцу пытался склеить зеркало слюной, но оно не склеилось. Теперь из зеркала на Баруцу смотрит какой-то мальчик с двумя носами и четырьмя губами.

Баруцу решил позвать на помощь кошку, потому что кошка все умеет, даже ловить мышей без мышеловки. Но кошка ему не помогла.

Тогда Баруцу побежал в другую комнату, чтоб никто не догадался, кто разбил зеркало. Как ни в чем не бывало он сел за швейную машинку и принялся ее крутить. Нитки запутались, педаль заело, и колесо перестало крутиться.

Тогда Баруцу забрался в рабочий кабинет отца, где он натворил бог знает что: сломал грифели у карандашей, погнул перья и принялся выковыривать пробку из пузырька с чернилами, чтобы полюбоваться, как они растекутся по столу.

Тут его и нашли.

Чем это кончилось, лучше не вспоминать. Оставим мальчика пока в углу, куда его поставила мама, обозвав самыми обидными словами: «горе мое», «негодник», «разбойник».

Перевод А. Садецкого

Октав Панку-Яш

(1929—1975)

Популярный детский писатель, автор повестей и рассказов.

ПРИДЕТСЯ МЧТАТЬ О ЧЕМ-НИБУДЬ ДРУГОМ

Славно думать о том, что скоро у тебя будет новый велосипед со звонком, насосом -- словом, всем, что положено новому велосипеду. Об этом можно мечтать каждый вечер: как войдешь с папой в веломагазин, он пожмет тебе руку, подмигнет, а потом и говорит продавцу:

— Мне почему-то кажется, что бегемотов у вас тут не продают.

— Нет, товарищ, здесь продают велосипеды.

— Вот и отлично. У нас и так дома полно бегемотов, больше просто ни к чему. А вот велосипеда у нас нет ни одного.

— Тут их сколько угодно.

— Ну, пока нам хватит и одного. Но, уж конечно, нужен самый лучший.

— Для кого?

— Для одного человека.

— Скажите, пожалуйста, точнее.

— Вы его все равно не знаете. Положим, зовут его Раду.

— Раду или Рэдуку?

— Рэдуку.

— Рэдуку или Дуку?

— Дуку.

— Тогда, понятно. Могу предложить вам четвертушку, детскую модель, или половинку, подростковую.

— Нет, уж вы дайте нам целую модель. Половинки я видел только в цирке, а на четвертушках и вообще, наверное, невозможно кататься.

— Вы не так меня поняли, товарищ. Я не предлагаю вам четверть или половину велосипеда. Речь идет о подростковой или детской модели.

— Разве не все одинаковые?

— Нет. Велосипеды бывают трех моделей: полные для взрослых, половинки для подростков и четвертушки для детей.

— Занятно. Очень занятно. А знаете, в других местах не так. Например, в кондитерских. Там одинаковые пирожные — и для взрослых, и для детей.

— Верно. Но вы же хотите купить велосипед, а не пирожные.

— Кто знает. Может, мы и пирожные купим. Больше всего, к вашему сведению, нам нравятся эклеры. А едим мы аккуратно, ложечкой, стараемся не закапать курточку.

— Это к велосипедам никакого отношения не имеет.

— Извините, но нам лучше знать, имеет или нет. И уж коли на то пошло, так знайте, что имеет самое прямое отношение. Если ковыряешь пальцем пирожное или роняешь крем на курточку, если утром моешь одни глаза и забываешь про шею и уши, или, скажем, заваливаешь бумагами комнату, или бегаешь к пруду без разрешения, или бросаешься на пол, орешь и чего-то требуешь, не видать тебе велосипеда как своих ушей.

— Что ж, наше дело сторона, мы продаем велосипеды всем, кто только пожелает.

— И напрасно. Велосипеды не следует продавать всем без разбору. Вот нам можете продать спокойно. Без звонка — не пойдет, без насоса — тоже, а вот без разбору можно.

— Четвертушку?

— Да, если это называется четвертушкой.

— Какого цвета?

— Ну, скажем, зеленого. Или, скажем, серого. Самый красивый.

— У нас есть и голубые.

— Тогда дайте нам такой, чтоб был немного зеленый, немного серый и немного голубой.

— Надо поискать.

Славно думать о дне, когда у тебя будет новый велосипед со звонком, насосом — словом, всем, что положено новому велосипеду. Об этом можно мечтать каждый вечер. Войдешь с папой в веломагазин, он пожмет тебе руку и подмигнет: мол, давай позабавимся немного. Так и радости прибавится и велосипед кажется красивее.

Но сегодня вечером, лежа в постели и наблюдая, как гаснут одно за другим окна соседнего дома, он в последний раз думает о новом велосипеде со звонком, насосом — всем, что положено новому велосипеду. В последний раз, потому, что завтра велосипед уже будет здесь. Папа был в магазине, заплатил за него, и завтра покупку доставят на дом. Он найдет ее в прихожей, у гардероба. Там был ящик, но его сегодня оттуда убрали, освободили место для велосипеда.

Последний вечер... Хотя нет, последний был вчера. Сегодня он хочет думать о велосипеде, но ничего не получается.

Месяц назад, неделю назад, да что там — вчера вечером все было так ясно, он хорошо представлял себе, как все произойдет.

Вот он входит с папой в многоэтажный магазин, где толпится такое множество людей, что, как говорит мама, иголке и то негде упасть.

— Добрый день.

— Добрый день.

— Велосипеды у вас есть?

— Какие угодно.

— Дайте нам, пожалуйста, кулек велосипедов.

— Велосипеды не продаются в кульках.

— Но ведь ириски продаются в кульках!

— Велосипеды не имеют ничего общего с ирисками.

— Извините, но нам лучше знать, имеют или нет. И коли уж на то пошло, так знайте, что имеют даже очень много общего. Если, вместо того чтобы жевать ириску с закрытым ртом, вынимаешь ее то и дело изо рта да еще начинаешь тянуть ее или если не хочешь угостить девчонку с первого этажа, то велосипеда не видать тебе как своих ушей.

— Наше дело сторона. Мы продаем велосипеды всем, кто только пожелает:

— И напрасно. Велосипеды не следует продавать всем без разбору. Но нам можете продать спокойно.

— Пойдемте на склад, там и выберем.

Или входят они в магазин, где продают одни велосипеды да мотоциклы и детали к ним.

— Привет!

— Привет!

— Нам нужен велосипед для мальчика, который сам одевается и обувается, который помогает бабушке лущить горох и ложится спать до окончания телевизионных передач, а не канючит: «Я еще посижу, спать неохота...» Есть у вас такие велосипеды?

— Есть.

— И вам совсем неинтересно знать, какая связь между велосипедом, одеждой, обувью, горохом и телевизором?

— Неинтересно.

— Жаль. А то бы вы узнали, что связь самая прямая. Дайте нам зеленый велосипед с желтым насосом, красным сиденьем и звонком наполовину серебряным, наполовину золотым.

— Таких велосипедов у нас нет.

— Нам-то какое дело! Чтоб был!

Месяц назад, неделю, да что там — вчера вечером все выглядело так забавно. А вот сегодня ничего в голову не приходит. Велосипед уже куплен. Его еще нет в доме, но он уже принадлежит ему.

Теперь придется мечтать о чем-нибудь другом. А жаль. И никому ведь не скажешь, что жаль. Никто не поверит. Тебе покупают велосипед, тебе покупают ве-ло-си-пед, а ты сидишь и вздыхаешь...

Перевод М. Фридмана

СИРИЯ

КТО УМНЕЕ?

(народная сказка)

Сейчас я расскажу вам сказку, а потом вы закроете глазки...

Это случилось в далекие времена, когда человек и джинн жили на земле вместе, бок о бок. Однажды поспорили джинн и человек, кто из них умнее. Человек сказал: «Я умнее тебя». А джинн возразил: «Нет, я умнее». Разошлись они, и каждый из них стал думать, как доказать другому свою смекалку. На следующий день пришли человек с джинном на поле. Джинн и говорит: «Послушай, приятель, давай поработаем вместе, а урожай с этой земли мы потом поделим». «Я согласен», — ответил человек. Тогда джинн сказал: «Когда урожай созреет, я соберу то, что растет под землей, а ты — все, что над ней». Согласился человек и предложил джинну посеять вместе пшеницу. Вспахали они землю, засеяли и стали ждать, когда придет время жатвы. Созрела пшеница, человек взял себе зерно, а джинн — корни. Расстроился джинн: «Такой раздел несправедливый. Следующий раз я заберу себе то, что растет над землей, а ты возьмешь все, что растет под землей». Человек согласился и предложил джинну посадить морковь. Вспахали они землю и стали ждать. Когда морковь созрела, человек взял себе корнеплоды, а джинн — зеленую ботву, от которой мало проку. И тогда понял джинн, что человек умнее и невозможно над ним одержать верх. Собрал он остальных джиннов, и ушли они далеко-далеко, а куда — никто не знает. С тех пор и остался человек на земле хозяином.

Тут и сказке конец.

А кто слушал — молодец.

Перевод О. Демкиной

Закария Тамер

(1931)

Журналист, признанный мастер короткой новеллы и рассказа для детей.

МЕЧ И РОЗА

Поспорили как-то Меч и Роза. Меч сказал:

— Я сильнее! Меня не согнут самые злые ураганы и бури. А ты слабая и тоненькая. Быстро пропадешь!

— За что же ты так меня обижаешь? — сказала Роза. — Ведь я такая красавица!

— Что толку в твоей красоте? — заметил Меч с издевкой.

В это мгновение на дороге показался старый человек, и Роза сказала Мечу:

— Давай спросим у старца!

Меч согласился и спросил у мудреца:

— Рассуди нас, скажи, в ком больше пользы для человека — в мече или в розе?

Мудрец задумался на мгновение и сказал так:

— Человеку на земле нужны и роза и меч вместе. Меч оберегает его от опасностей, а роза приносит человеческому сердцу радость.

Меч с Розой обрадовались тому, что сказал мудрец, и перестали спорить.

ЛЕЙЛА

Лейла — маленькая, красивая девочка. Ее единственная подружка — восковая куколка. У куколки светлые волосы и голубые глаза. Лейла очень любила разговаривать со своей подружкой-куколкой.

— Расскажи мне про солнце! — сказала однажды Лейла куколке.

— Солнце — это золотой мячик, — сказала куколка. — До него не могут дотянуться дети и поиграть им.

— А ночь? — спросила Лейла. — Что ты знаешь про ночь?

— Ночь — это черный конь вороной, — сказала куколка. — В тот час, когда заходит солнце, ночь мчится по улицам и полям, пока утром не прокричит петух на заре. Тогда ночь отправляется к себе домой и засыпает глубоким сном.

— А море? — спросила Лейла.

— Море — это много-много голубых городов из прозрачной воды, где живут рыбки.

Лейла засмеялась и спросила:

— А Лейла? Кто она такая?

— Лейла — маленькая кошечка, которая лижет молочко своим розовым язычком, — сказала куколка.

Прошли годы. Маленькая девочка Лейла выросла и стала большой девушкой, у которой очень много подруг. Однако она все еще продолжает разговаривать со своей давней подружкой-куколкой.

Правда, куколка совсем замолчала, потому что она любит разговаривать только с маленькими девочками.

Перевод И. Ермакова

Даляль Хатем

(1931)

Журналист, автор многих книг для детей.

АВАРИИ

Лика вошла на кухню и молча встала около матери. Та была занята приготовлением обеда и спросила, не оборачиваясь:

— Хочешь пить?

— Нет, не хочу, — ответила Лика.

— Еда скоро поспеет, — сказала мать. — Пойди поиграй пока с сестренкой.

— Рима читает книгу, не хочет играть.

— Ну, тогда иди в свою комнату, поиграй в игрушки.

— Игрушки не говорят, — сказала девочка. — А мне надо, чтобы поговорил кто-нибудь.

Мать погладила малышку по голове:

— Ладно. Садись на этот маленький стульчик, поразговаривай со мной.

Лика быстро схватила маленький стул, поставила его в угол кухонной комнаты и села.

— Мама! Рассказать тебе сказку? Новую сказку, совсем новую, а?

— Ну, расскажи, — сказала мама. — Я тебя слушаю.

Лика немного помолчала, задумалась будто, и мама ободряюще взглянула на нее:

— Что же ты? Где твоя сказка?

— Я не знаю, как начать... — проговорила девочка.

Мать рассмеялась:

— Так и начни: жили, мол, были...

Морщинки на лице Лики разгладились, и она начала свой рассказ:

— Жили, мол, были... Жила-была маленькая красивая кукла, и захотела она однажды пойти на прогулку. Пошла она на станцию и села в электричку. Тут поезд встал на железную дорогу и стал свистеть: ту-ту-ту-ту...

Здесь Лика замолчала, и мама сказала ей:

— Ах, как интересно! Ну, и что же случилось дальше?

Лика продолжала:

— Поезд подъехал к полю, на котором росло много деревьев. Вдруг там показался маленький козлик и остановился на рельсах. И кукла сказала поезду: «Внимание-внимание... Прямо на пути маленький козлик!» И поезд засвистел, чтобы его услышали: «Ту-ту!» Только козлик не ушел. Поезд попытался остановиться, чтобы не раздавить козлика, да не смог, сошел с рельсов и столкнулся с машиной. Он перевернул ее и поломал дверцы. Кукла вдруг очутилась на земле, и у нее сломалась рука.

Тут Лика замолчала во второй раз, и мама спросила ее:

— Как же так? Ой, как нехорошо! А что случилось потом?

— Ничего не случилось... — голос Лики немного дрожал. — Вот и все. Кончилась сказка.

Мама покачала головой:

— А все-таки рука у куклы сломана, машина перевернута, поезд сошел с рельсов... Что же ты не придумала историю поинтереснее, а?

— Я не придумала, — сказала Лика. — Я тебе рассказала все так, как было... Просто я забыла сказать, что электричка заехала под кровать, а куклу надо отнести к доктору, чтобы он починил сломанную руку...

Мама наконец поняла, что случилось на самом деле. Она выключила огонь на плите. Повернулась и взяла Лику за руку:

— Ну что же... Давай пойдем лечить твою куклу. Как «скорая помощь»!

Но когда они, взявшись за руки, вошли в комнату, мама не сдержалась и вскрикнула от удивления:

— Ой! Ну и происшествие! Настоящая авария!

У куклы была оторвана рука, растрепаны волосы, вагоны поезда валялись вверх колесами на полу, а дверцы автомашины были выломаны со всем...

— Кто это сделал, Лика? — спросила мама.

Лика прижалась к материнской груди, спрятала голову в складки платья:

— Мамочка! Я не хотела. Я ей говорила, а она все не отвечала. Я ее ударила по руке, а рука оторвалась... Что, моя кукла так и останется теперь с оторванной рукой? Мама, скажи?!

Мать обняла дочь, погладила ее по голове:

— Да, так вот и останется, пока папа не придет! Он у нас мастер игрушки чинить, вставит кукле руку на место... Ну, пошли на балкон, подождем папу.

Они уже вышли было на балкон, как тут Лика вспомнила о своем маленьком козлике. Она вернулась к нему, посадила его в коробку и стала громко отчитывать:

— Ах ты такой-сякой! Все из-за тебя! Что за козлик такой, козел! Надо тебе внимательнее быть, на светофор надо смотреть, ничего бы не случилось тогда! Вот! Будешь теперь в коробке сидеть, пока не исправишься и прощения не попросишь! Правда, мама?

Перевод И. Ермакова

США

Джоэль Чендлер Харрис

(1848—1908)

Писатель-фольклорист, прожил всю жизнь среди негров Северной Америки и записал много негритянских сказок.

БРАТЕЦ ЛИС И БРАТЕЦ КРОЛИК

Как-то вечером мама долго искала своего сынишку. Джоэля не было ни в доме, ни во дворе. Она услышала голоса в старой хижине дядюшки Римуса, заглянула в окно и увидела, что мальчик сидит рядом со стариком.

Мальчик прислонил голову к плечу дядюшки Римуса, во все глаза глядя в морщинистое ласковое лицо.

И вот что услышала мама.

Гонялся, гонялся Братец Лис за Братцем Кроликом и так и этак ловчился, чтобы его поймать. А Кролик и так и этак ловчился, чтобы Лис его не поймал.

— Ну его совсем, — сказал Лис.

И только вылетели эти слова у него изо рта, глядь — вот он скачет по дороге — гладкий, толстый и жирный Кролик!

— Эй, там, погоди, Братец Кролик! — сказал Лис.

— Некогда мне, Братец Лис.

— Мне с тобой поболтать охота, Братец Кролик.

— Ладно, Братец Лис. Только ты оттуда кричи, где стоишь, не подходи ко мне близко: блох у меня сегодня, блох! — так сказал Кролик.

— Я видал вчера Братца Медведя, — сказал Лис. — Он такую мне трепку задал за то, что мы с тобой все не ладим. «Вы, говорит, соседи, должны жить дружно». Я обещал ему, что потолкую с тобой.

Тут Кролик поскреб лапкой за ухом — вроде как от радости, — встал и говорит:

— Отлично, Братец Лис. Приходи ко мне завтра, пообедаем вместе, да жenuшка с ребятами пошарят, уж найдут, чем тебя угостить.

— Я с удовольствием,— сказал Лис.

— Ну, я буду ждать,— сказал Кролик.

Домой пришел Братец Кролик грустный-грустный.

— Что с тобой, муженек? — спрашивает Матушка Крольчиха.

— Завтра в гости обещался прийти Братец Лис,— говорит Кролик.—
Нужно нам держать ухо востро, чтобы он не застал нас врасплох.

На другой день Братец Кролик и Матушка Крольчиха встали ранехонько, до света, и пошли в огород; набрали капусты, моркови и спаржи, состряпали знатный обед.

Вдруг один из крольчат, который играл во дворе, бежит и кричит:

— Ой, мама! Ма! Братец Лис идет!

Тогда Кролик живо детишек за уши и усадил их, а сам с Матушкой Крольчихой — у дверей: ждут Братца Лиса.

Ждут они, ждут — не идет Лис.

Вот немного погодя выглянул Братец Кролик за дверь потихонечку. Смотрит — из-за угла торчит самый кончик хвоста Лиса. Тогда закрыл Кролик дверь, сел, лапки положил за уши и запел:

— Если миску уронить —
Разобьется миска.
Если близко лисий хвост —
Значит, близко Лиска.

Вот пообедали Братец Кролик, и матушка Крольчиха, и все ребятки, и никто им не мешал. А потом приходит Братец Еж и говорит:

— Братец Лис просит прощения: он захворал, никак не мог прийти. Он просит, чтобы Братец Кролик завтра пришел к нему на обед.

Солнышко поднялось совсем высоко; тогда Кролик вскочил и побежал к дому Лиса. Прибегает, слышит стонет кто-то. В дверь заглянул и видит — сидит Лис в кресле, весь закутанный в байковое одеяло, а вид у него слабый-слабый.

Глянул Кролик по сторонам — нигде не видно обеда. Миска стоит на столе, а рядом острый ножик.

— Никак, на обед у тебя курочка, Братец Лис? — говорит Кролик.

— Да, Братец Кролик, а какая молоденькая да свеженькая! — говорит Лис.

Тут Кролик разгладил усы и сказал:

— Ты, никак, сготовил без укропа, Братец Лис? Что-то мне в горло не лезет курятина без укропа.

Вскочил Кролик из дверей и стрельнул в кусты, присел и ждет Лиса. Долго ждать не пришлось, потому что Лис сразу скинул байковое одеяло — и за ним вдогонку.

А Кролик кричит ему:

— Эй, Братец Лис! Вот я тут положил на пенек укроп. Бери скорей, пока не увял!

Так он крикнул и поскакал дальше. И Лис его не поймал.

СМОЛЯНОЕ ЧУЧЕЛКО

— Что же, Лис никогда-никогда не поймал Кролика? А, дядюшка Римус? — спросил Джоэль на другой вечер.

— Было и так, дружок — чуть-чуть не поймал. Помнишь, как Братец Кролик надул его с укропом?

Вот вскоре после этого пошел Братец Лис гулять, набрал смолы и слепил из нее чelовечка — Смоляное Чучелко.

Взял он это Чучелко и посадил у большой дороги, а сам спрятался под куст. Только спрятался, глядь — идет по дороге вприскок Кролик: скок-поскок, скок-поскок.

Старый Лис лежал тихо. А Кролик, как увидел Чучелко, удивился, даже на задние лапки встал. Чучелко сидит и сидит, а Братец Лис — он лежит тихо.

— Доброго утра! — говорит Кролик. — Славная погодка нынче.

Чучелко молчит, а Лис лежит тихо.

— Что ж это ты молчишь? — говорит Кролик.

Старый Лис только глазом моргнул, а Чучелко — оно ничего не сказало.

— Да ты оглох, что ли? — говорит Кролик. — Если оглох, я могу погромче кричать.

Чучелко молчит, а Старый Лис лежит тихо.

— Ты грубиян, я тебя проучу за это! Да, да, проучу! — говорит Кролик.

Лис чуть не подавился со смеху, а Чучелко — оно ничего не сказало.

— Когда тебя спрашивают, надо отвечать, — говорит Кролик. — Сейчас же сними шляпу и поздоровайся, а нет — я с тобой разделаюсь по-свойски!

Чучелко молчит, а Братец Лис — он лежит тихо.

Вот Кролик отскочил назад, размахнулся и как стукнет Чучелко по голове кулаком! Кулак прилип, никак не оторвешь его: смола держит крепко.

А Чучелко все молчит, и Старый Лис лежит тихо.

— Отпусти сейчас же, а то ударю! — говорит Кролик.

Ударил Чучелко другой рукой, и эта прилипла.

А Чучелко — ни гу-гу, а Братец Лис — он лежит тихо.

— Отпусти, не то я тебе все кости переломаяю! — Так сказал Братец Кролик.

Но Чучелко — оно ничего не сказало. Не пускает, и только.

Тогда Кролик ударил его ногами, и ноги прилипли. А Братец Лис лежит тихо.

Кролик кричит:

— Если непустишь, я буду бодаться!

Боднул Чучелко — и голова прилипла. Тогда Лис выскочил из-под куста.

— Как поживаешь, Братец Кролик? — говорит Лис. — Да что ж ты не здороваешься со мной?

Повалился Лис на землю и ну смеяться. Уж он хохотал, хохотал, даже в боку закололо.

— Ну, сегодня-то мы пообедаем вместе, Братец Кролик! Нынче я и укроп припас, так что ты у меня не отвертись, — сказал Лис.

...Тут дядюшка Римус замолчал и стал вынимать из золы картошку.

— Старый Лис съел Братца Кролика? — спросил мальчик дядюшку Римуса.

— А кто их знает, — ответил старик. — Сказка-то кончена. Кто говорит — Братец Медведь пришел, его выручил, а кто говорит — нет. Слышишь, мама зовет тебя. Беги, дружок.

КАК БРАТЕЦ КРОЛИК ПОД
ПЕРХИРИЛ БРАТЦА ЛИСА

— Дядюшка Римус,— спросил Джоэль вечером, когда старик как будто ничем не был занят,— скажи, когда Лис поймал Кролика Чучелком, он не убил его и не съел?

— Разве ж я не рассказывал тебе об этом, дружок? Ну да, я ведь сонный был, и в голове у меня все спуталось, и мама как раз позвала тебя. О чем же мы тогда толковали? Помню, помню. Ты, никак, и глазки уже трешь? Нет, плакать по Братцу Кролику погоди. Даром, что ли, он был такой шустрый? Ты послушай, что дальше будет.

Приклеился, значит, Братец Кролик к Чучелку, а Старый Лис ну кататься по земле, ну хохотать.

А потом говорит:

— Сдается мне, Братец Кролик, на этот раз я тебя поймал. Может, я и ошибаюсь, но кажется мне, что поймал. Ты все тут скакал и потешался надо мной, но теперь конец твоим шуткам. И кто просил тебя лезть не в свое дело? И зачем сдалось тебе это Чучелко? И кто это прилепил тебя к нему? Никто, никто в целом свете! Никто не просил тебя, а просто ты сам взял и вцепился в это Чучелко! И сам ты во всем виноват, Братец Кролик! Так и надо тебе, так и будешь сидеть, пока я не наберу хворосту и не зажгу его, потому что я, конечно, зажарю тебя сегодня, Братец Кролик.

Так сказал Старый Лис.

А Кролик отвечал так смиренно, послушно:

— Делай со мной что хочешь, Братец Лис, только, пожалуйста, не вздумай бросить меня в этот терновый куст. Жарь меня, как хочешь, Братец Лис, только не бросай меня в этот терновый куст.

— Пожалуй, слишком много возни с костром,— говорит Лис.— Пожалуй, я лучше повешу тебя, Братец Кролик.

— Вешай, как хочешь высоко, Братец Лис,— говорит Кролик.— только бы ты не вздумал бросить меня в этот терновый куст.

— Вережки-то у меня нет,— говорит Лис,— так что, пожалуй, я утоплю тебя.

— Топи меня так глубоко, как хочешь, Братец Лис,— говорит Кролик.— только не бросай меня в этот терновый куст.

Но Братец Лис хотел расправиться с Кроликом покрепче.

— Ну, говорит,— раз ты боишься, как раз я брошу тебя в терновый куст.

— Где тебе! — говорит Братец Кролик.— С Чучелком-то я слишком тяжел, не добросишь.

Схватил Лис Кролика за уши да как тряхнет! Отклеилось, упало Чучелко.

— А вот и доброшу,— говорит Лис.

Как размахнется, как бросит Кролика в середку тернового куста, даже треск пошел. Встал Лис на задние лапы, смотрит, что будет с Кроликом. Вдруг слышит — кличет его кто-то. Глядь — там, на пригорке, Братец Кролик на бревнышке, нога на ногу, сидит-посиживает, смолу из шерсти вычесывает щепкой.

Понял тут Лис, что опять остался в дураках. А Братцу Кролику позлить его охота, он и кричит:

— Терновый куст — мой дом родной, Братец Лис! Терновый куст — мой дом родной!

Вскочил и пропал, как сверчок в золе.

СКАЗКА ПРО ЛОШАДЬ БРАТЦА КРОЛИКА

Раз после ужина мальчик прибежал к старому негру, чтобы послушать еще про Братца Кролика и его приятелей.

Дядюшка Римус был очень весел в тот день.

Только Джоэль сунул голову в дверь, он услышал песенку:

— Где ты, Братец Кролик?
Сидишь на крылечке,
Куришь сигару,
Пускаешь колечки?

И мальчик тотчас вспомнил, как гнался за Кроликом Старый Лис.

— Дядюшка Римус, — спросил Джоэль, — а Кролик совсем удрал, когда отлепился от Чучелка?

— Что ты, дружок? Зачем ему было совсем удирать? Такой человек, как Братец Кролик, да вдруг удирает! Конечно, он посидел дома, пока не выскреб из шерсти смолу; день, другой посидел и опять за свое: скачет то здесь, то там как ни в чем не бывало.

Все соседи посмеивались над Кроликом:

— Ну-ка, ну-ка, Братец Кролик, расскажи, что случилось у тебя со Смоляным Чучелком?

Уж так-то ему это надоело. Вот зашел он раз навестить свою соседку, Матушку Мидоус с дочками, а девчонки ну потешаться над ним, ну хохотать. Братец Кролик сидел спокойно, будто оглох.

— А кто это — Матушка Мидоус? — спросил мальчик.

— Не перебивай, дружок. Ну просто так говорится в сказке: Матушка Мидоус с дочками, а больше я ничего не знаю.

Слушал, слушал Кролик, как они потешались над ним, потом положил ногу на ногу, подмигнул девочкам и говорит:

— Милые вы мои, да ведь Братец Лис у моего папаши тридцать лет был верховой лошадью; может, и больше, но тридцать — это наверное.

Так он сказал и встал, и откланялся, и пошел прочь медленным, важным шагом. На другой день заглянул к Матушке Мидоус Братец Лис.

Только стал вспоминать про Чучелко, Матушка Мидоус и скажи, что говорил тут Кролик.

— Вот как! — сказал Старый Лис. — Ну ладно. Я заставлю Братца Кролика разжевать и выплюнуть эти слова тут же, на этом самом месте.

С тем и ушел.

Выбрался на большую дорогу, отряхнул росу с хвоста и пустился прямо-хонько к дому Кролика.

Но Кролик ждал его, и дверь была на запоре.

Старый Лис постучался. Никто не отвечает. Опять постучался. Опять никого. Тогда он постучался покрепче: блям! блям!

Тут Кролик откликнулся слабеньким голосом:

— Это ты, Братец Лис? Будь добр, сбегай за доктором. Поел я утром фасоли, уж так мне от нее стало худо! Пожалуйста, Братец Лис, беги быстрее!

— А я за тобой, Братец Кролик, — говорит Лис; — Нынче у Матушки Мидоус праздник будет, я обещал им тебя привести.

— Куда мне! — говорит Кролик. — Я и встать не могу.

— Ну, далеко ли тут идти? — говорит Братец Лис.

— Да я слаб, не дойду.

— Ну, я понесу тебя.

— Как, Братец Лис?

— Ну, на руках, Братец Кролик.

— А если я свалюсь?

— Не свалишься.

— Ну ладно, так и быть, только ты на спине меня повези, Братец Лис.

— Хорошо, Братец Кролик.

— А седла-то нет у меня, Братец Лис.

— Ну, я достану седло, Братец Кролик.

— Как же я буду сидеть в седле без уздечки?

— Ну, я достану уздечку.

— Только тебе еще нужны наглазники, Братец Лис; а то, чего доброго, испугаешься по дороге — я и вылечу из седла.

— Ладно, и наглазники будут, Братец Кролик.

— Ну, тогда хорошо, Братец Лис.

Старый Лис сказал, что доведет Кролика почти до самого дома Матушки Мидоус, а там ему придется слезть и дойти пешком. Кролик согласился, и Лис побежал за седлом и уздечкой.

Конечно, Кролик знал, что Лису верить нельзя, вот он и решил перехитрить его. Только успел Кролик шерсть причесать и усы закрутить, глядь — воротился Лис с седлом и уздечкой, смирный с виду, как пони в цирке. Подбежал к дверям, остановился, лапой землю скребет, грызет уздечку, совсем как лошадь.

Кролик сел в седло, и они поскакали.

Старому Лису в наглазниках не видно, что делается сзади, но вдруг он чувствует — Кролик поднял ногу.

— Что ты там делаешь, Братец Кролик?

— Стремя подтягиваю, Братец Лис.

Немного погодя Кролик поднял другую ногу.

— Что ты теперь делаешь, Братец Кролик?

— Штаны поправляю, Братец Лис.

А все это время Кролик привязывал шпоры. Как подъехали они близко к дому Матушки Мидоус, где Кролику надо было слезать, стал Лис останавливаться... Тут Кролик как всадит ему шпоры в бока и пошел, и пошел!..

Подъехали они к дому. Матушка Мидоус со всеми дочками сидела у порога. Братец Кролик проскакал мимо, прямо к коновязи, и привязал Лиса. А потом входит в дом, пожимает ручки девочкам, сидит, раскуривает свою сигару.

Затянется, пустит колечко дыма, а сам говорит:

— Разве я не рассказывал вам, что Братец Лис еще моего папашу катал? Он потерял немножко резвость, но я натаскаю его снова за месяц-другой.

Тут Братец Кролик усмехнулся, а девочки — хохотать, а Матушка Мидоус знай похваливает лошадку Братца Лиса.

— И это все, дядюшка Римус? — спросил мальчик.

— Все не все, да хватит. А то будет слишком много холста на пару штанов,— ответил поговоркою старый негр.

Перевод и обработка *М. Гершензона*

Уолт Дисней

(1901—1966)

Знаменитый на весь мир создатель мультфильмов, комиксов, автор сказок, У. Дисней подарил детям Микки-Мауса и сказочный город «Диснейленд».

О ПЕРВЫХ ЧЕТЫРЬХ МАЛЕНЬКОГО ЩЕНКА

Мать звали Неженкой, а отца — Бродягой. И эти имена им очень подходили.

Щенята их были самыми прекрасными в мире (так казалось родителям). И первые три щенка были действительно очаровательны: благовоспитанные, послушные — они нравились буквально всем.

Но четвертый щенок... С утра до вечера в доме только и слышалось: «Где наш брат?», «Куда он убежал?», «Где постреленок?», «Смотрите, что он наделал!»

Да, четвертый щенок, этот негодник, причинял много тревог и огорчений.

Когда подходило время обеда, трое милых щенят заранее вставали на задние лапки перед самой миской и терпеливо ждали разрешения. А четвертый щенок вдруг появлялся в самую последнюю минуту и, юркнув мимо них, принимался за еду первый!..

Лишь только наступало время игр, благовоспитанные братцы примерно играли со своими щенячьими игрушками.

А четвертый — этот безобразник — грыз все, что ему попадалось: ковер — так ковер, ботинок — так ботинок...

Как только приближалась ночь, три милых братца спокойно ложились в свою корзинку и засыпали.

Но четвертый щенок... негодник выбирал именно это время для того, чтобы полаять да повыть на разные лады. Он даже не обращал внимания на окрики!

Однажды щенят отпустили на прогулку.

Каждый щенок нес в зубах на обед себе душистую, чудесную лепешку. Первые три щенка чинно отправились в ближайший парк, чтобы пообедать там в тени и прохладе.

А четвертый — этот маленький проказник — мгновенно проглотил свою лепешку и бросился на поиски приключений.

Он вскоре увидел двух очень приветливых и красивых друзей. Они весело играли. Постреленку так хотелось поиграть — он кинулся к ним. Но при виде щенка у этих милых и ласковых существ вдруг появились когти и клыки... Ведь это были кошки! И постреленку пришлось бегством спастись от них. С разбегу он налетел на горку разрытой земли и замер. Маленький трудолюбивый крот рыл так проворно и ловко, как это умеют делать только кроты.

Постреленку это очень понравилось.

— Какая интересная игра! — сказал он. — Как ты научился?

— Рыл и копал, копал и рыл — вот и научился, — ответил крот.

Тогда и постреленок начал копать. Он копал, копал и вдруг... откопал огромную, великолепную сладкую кость.

Для такого маленького щенка она была даже слишком велика. Поднять он ее не мог, и до самого парка эту чудесную кость ему пришлось тащить по земле, выбиваясь из сил.

А немного раньше этим же путем шел большой и злой пес.

«Ого! Чем это так здорово пахнет?» — сказал он, потянув вдруг носом. И тут же увидел вблизи дороги, под развесистым деревом, три чудесные лепешки, а возле них — трех щенят.

Щенята все еще любовались своими соблазнительными лепешками, вдыхая их запах.

Пес был такой свирепый и такой голодный, что три благовоспитанных щеночка мигом остались без обеда, так и не попробовав своих душистых лепешек!

Бедные маленькие щенятки! Они сразу почувствовали себя такими голодными, обиженными, беззащитными...

Но кто это приближается к ним? О! Да это же постреленок тащит свою огромную вкусную кость!

— Эй, ребята! — крикнул он. — Идите-ка сюда! Смотрите, что я нашел! Идите, идите! Я вас угощаю!

Теперь щенята уже не теряли времени даром. И когда пришла пора возвращаться домой, три маленьких щенка шли сытые, довольные, а впереди гордо выступал четвертый — наш постреленок.

Перевод Л. Елисейевой

Доктор Сьюз

(1904)

Доктор Сьюз — псевдоним Теодора Сьюза Гайзеля, автора эксцентрических сказок в стихах о самых невероятных животных.

СЛОП ХОРТОН ЖДЕТ ПИЩА

— Ах, мне надоело!

Ах, как я устала! —

Ленивая Мейзи капризно шептала. —

Я ногу на этом гнезде отсидела!

Какое противное, скучное дело!

Нет! Если себе я замену найду,

то я на каникулы сразу уйду!

Да я ни секунды бы здесь не сидела,

когда бы замену себе приглядела!

Тут Мейзи как раз увидела слона.

— Ах, здравствуйте, Хортон! —

сказала она.—
 Я так отсидела здесь левую ногу...
 Быть может, тут вы посидите немного?
 Слон Хортон ужасно смеялся в ответ:
 — Ну что вы! На мне ведь ни перышка нет!
 Ни крыльев, ни клюва... И, кроме того,
 Яйцо так мало! Я велик для него!
 — Ну да... Вы довольно высокого роста...
 Но вам беспокоиться не о чем. Просто
 садитесь! Хотя вы не так и малы,
 но как вы мягки! Как нежны и милы!
 Слон буркнул:
 — Нет-нет... Вы уж как-нибудь сами...
 Но птичка взмолилась к нему со слезами:
 — Пожалуйста! Я ненадолго! Клянусь!
 Я слово даю вам, что скоро вернусь!
 — Ну, что ж... коли так... то попробовать можно.
 Я буду сидеть на яйце осторожно.
 Я буду стараться его не сломать.
 — До встречи! — пропела беспечная мать.
 Исследовав дерево, прежде всего
 слон Хортон подпорки нашел для него:
 — Пусть дерево будет надежным и прочным.
 Ведь тонны четыре во мне — это точно.
 Обычно я все же стоял на полу...
 И слон осторожно полез по стволу.
 Долез. Улыбнулся. Вокруг поглядел...
 И сел на гнездо.
 И сидел...
 И сидел...
 И днем он сидел, согревая яйцо,
 и ночью,
 и ветры хлестали в лицо,
 и молнии бились,
 и гром грохотал...
 — Погодка неважная...— слон бормотал.—
 Мне мокро... и холодно... и... неприятно...
 Скорее бы Мейзи вернулась обратно!
 А Мейзи в то время на Пальмовом пляже
 о милом гнезде и не помнила даже.
 Решила она, что отныне ничто
 ее не заставит вернуться в гнездо.
 А Слон между тем все сидел и сидел.
 Вот осень настала. И лес облетел.
 Деревья надели свой зимний наряд.
 На хоботе грустно сосульки висят...
 А Слон все сидит и упрямо твердит:
 — Яйцо не замерзнет!
 Птенец победит!

По-моему, мысль моя очень проста:
 слон верен от хобота и до хвоста.
 Он так и сидел без травинки и сна,
 пока, наконец, не настала весна.
 Но беды иные с весной начались!
 Все звери лесные вокруг собрались,
 кричали, шумели, давились от смеха:
 — Слон Хортон на дереве!
 — Что за потеха!
 — Он, может, теперь и по небу летает?
 Ведь он себя, кажется, птицей считает!
 Они разбежались...
 А Хортон остался...
 Он так бы сейчас по траве покатался!
 Он так бы сейчас погулял, побродил!..
 Но слон все сидел и упрямо твердил:
 — По-моему, мысль моя очень проста:
 слон верен от хобота и до хвоста.
 Какая бы нас ни постигла беда,
 ребенку не будет, не будет вреда!
 Но Хортон-бедняга не знал ничего
 о том, что еще ожидало его.
 Пока он сидел, позабыв про покой,
 такой терпеливый и добрый такой,
 охотники медленно крались к гнезду
 и ружья нацеливали на ходу.
 И слон увидал из гнезда своего
 три дула, нацеленных на него!
 Бежал ли от страшной опасности слон?
 Нет! Даже и с места не сдвинулся он.
 Слон Хортон не струсил и прочь не удрал.
 Он выпятил грудь и свой хобот задрал.
 И так на охотников смело глядел,
 как будто бы молча сказать им хотел:
 «Стреляйте! Я здесь остаюсь до конца.
 Ведь я без тепла не оставляю яйца.
 По-моему, мысль моя очень проста:
 слон верен от хобота и до хвоста».
 ...Охотники вовсе в него не стреляли.
 И ружья из рук их на землю упали.
 Смотрите! Смотрите! — они закричали. —
 Такого нигде мы еще не встречали!
 На дереве — слон!
 Как забавно!
 Как ново!
 Ведь это неслыханно! Честное слово!
 Не будем его убивать. Пощадим.
 Мы в цирк подороже его продадим.
 Телегу огромную соорудили,

беднягу слона на нее посадили,
и Хортон оставил родные места,
несчастный от хобота и до хвоста.
И к самым вершинам телега ползла,
и к самому небу телега везла
и ствол, и гнездо, и яйцо, и слона...
И к самому морю спустилась она.
И вот, помахав на прощанье земле,
слон Хортон качается на корабле.
Но гнездам, и яйцам, и даже слонам
не так уж привычно сновать по волнам.
А шторм разгулялся! И не утихал.
И Хортон сидел и устало вздыхал:
— По-моему, мысль моя очень проста:
я гибну от хобота и до хвоста.
И так две недели. И так две недели...
Но вот они берег вдаль разглядели.
Подъемного крана тугая стрела
слона и гнездо к небесам вознесла.
И ствол, и яйцо, и гнездо, и слона
в Нью-Йоркском порту опустила она.
И ствол, и яйцо, и гнездо, и слона
купила бродячая труппа одна.
И вот потекли бесконечные дни.
И люди глазели. Смеялись они.
В Чикаго, Вихайкене и Вашингтоне,
в Огайо, в Даутоне и в Бостоне,
и в Каламазоо, и в Минесоте,
смеялись в Канзасе, смеялись в Дакоте,
за несколько центов всегда и везде
смеялись над странным слоном на гнезде.
...И Хортон мрачнел,
но с гнезда не сходил.
В шатре цирковом он печально твердил:
— По-моему, мысль моя очень проста:
слон верен от хобота и до хвоста.
Но цирк, продолжая свой долгий вояж,
приехал однажды на Пальмовый пляж.
И кто прилетел поглядеть на слона?
Бездельница Мейзи!
Конечно, она!
Все так же ленива, все так же беспечна,
она о гнезде позабыла, конечно.
И вдруг, увидав балаган в отдаленье,
пропела: «Ура! Поглядим представление!»
И Мейзи, как молния, вниз головой
с небес ворвалась в балаган цирковой...
— Ого... что за встреча...— она пропищала.—
Мне кажется, я вас когда-то встречала...

Слон вздрогнул... и стал вдруг белее, чем мел!
Он что-то беглянке ответить хотел,
но хруст скорлупы балаган огласил!
В ней кто-то царапался что было сил!
И тут у слона просветлело лицо!
Он крикнул:
— Мое дорогое яйцо!
Но пискнула Мейзи:
— Неправда!
Ты лжешь!
Ты — слон!
И на птицу ничуть не похож!
И дерево это мое! и яйцо!
Ты лжешь мне бессовестно прямо в лицо!
И бедному Хортону стало невмочь.
С тяжелой душой он двинулся прочь.
Но тут
разломилась совсем скорлупа —
и замерли Мейзи,
и слон,
и толпа...
Ведь то, что на свет из нее вылетало,
приветливо хоботом длинным мотало!
И хвостик слоновий,
и уши,
и кожа —
все страшно на Хортон было похоже!
И люди вокруг головами качали!
Они ликовали!
Смеялись!
Кричали!
«Смотрите!
Ура!
Новый вид!
Слоно-птица!»
Но так и должно было это случиться.
Ведь молнии бились.
И шторм бушевал,
а Хортон сидел и яйцо согревал.
И слон возвратился в родные места,
счастливый от хобота и до хвоста.

Перевод *Т. Макаровой*

Автор веселых приключенческих книг, полных юмора и небезобидной насмешки над провинциальной жизнью.

«ЗУДЕСНЫИ ЧАНАХ»

(из книги «Приключения Гомера Прайса»)

В двух милях от городка Сентерберга, штат Огайо, на развилке дорог № 56 и 56-а, живет мальчишка по имени Гомер. Отец Гомера — владелец небольшого кемпинга для автотуристов, а помощницей у него мать Гомера. Целыми днями жарит она цыплят, отваривает сосиски и прибирает туристские домики, пока отец заправляет машины бензином или моет их.

Гомер тоже редко остается без дела: он протирает ветровые стекла, а иногда подметает комнаты или помогает матери накормить проезжающих.

Когда Гомер не в школе, не помогает по хозяйству и не играет во что-нибудь с друзьями, тогда он занимается своим любимым делом: собирает радиоприемник. В одном из углов комнаты у него целая мастерская, и немало вечеров корпит он там над своими схемами.

Перед сном он обычно спускается в кухню выпить стакан молока с печеньем, потому что ничто так не возбуждает аппетита, как сборка радиоприемников. И всегда в это время у ног Гомера появляется кот по имени Тебби и тоже тянется к молоку.

Однажды вечером, как всегда, Гомер скатился по перилам лестницы на кухню, открыл дверцу холодильника, взял бутылку и налил молока — в блюдце для Тебби и стакан для себя. Потом поставил бутылку обратно и окинул взглядом внутренность холодильника: нет ли там чего интересного и на других полках? В это время послышались легкие шаги, что-то мягкое задело Гомера по ногам, и он наклонился, чтобы погладить Тебби... Но это оказалось не Тебби!..

Молоко лакал совсем не кот, а самый настоящий скунс!

Гомер чуть-чуть перепугался от неожиданности, но не сделал ни одного резкого движения, потому что вспомнил про то, что читал в книжках. Ведь скунсы, или, как их еще называют, вонючки, когда разозлятся, издают такой запах, что не обрадуешься! От этого запаха не то что человек, любой зверь сбежит!.. Но если скунса не трогать, он ведет себя вполне дружелюбно.

Пока неожиданный пришелец с аппетитом допивал чужое молоко, Гомеру пришла в голову интересная мысль — приручить его. Потому что в тех же книжках Гомер читал, что скунса очень легко приручить. Если, конечно, с ним хорошо обращаться. Гомер даже имя уже придумал для своего нового питомца — «Аромат».

Приняв это решение, он налил еще молока скунсу, а заодно и себе.

Аромат вылакал и второе блюдце, облизал мордочку и спокойно двинулся

к выходу. Гомер осторожно пошел следом и обнаружил, что живет Аромат у них под домом, прямо под окном его комнаты.

Несколько дней Гомер обдумывал, как же все-таки приручить Аромата. Он совсем не был уверен, что мама очень обрадуется, когда узнает, что у них в доме завелся скунс. Поэтому в конце концов он решил, что раз уж Аромат давно живет у них под домом и никто об этом не знает, пусть оно так и продолжается.

Каждый вечер, когда никто не видел, он относил Аромату блюдечко с молоком, и не прошло и нескольких недель, как скунс привязался к Гомеру, словно щенок.

И тогда Гомеру захотелось, чтобы Аромат совсем переселился к нему. Разве плохо, если зверек будет рядом, когда он возится со своим приемником?..

Гомер взял старую корзинку, привязал к ее ручке веревку — и получился лифт. Потом он опустил корзинку из окна и начал постепенно приучать Аромата по свистку забираться в корзинку.

И наступила минута, когда Гомер потянул за веревку, корзина поднялась вверх, а с нею и Аромат, который таким образом очутился в комнате у Гомера. Находясь в гостях, Аромат большую часть времени спал в маленьком чемодане из-под инструмента. Гомер же усиленно трудился у стола над своим радиоприемником.

В один из вечеров Гомер сказал:

— Ну вот. Еще один проводок припаять — и все. Приемник — готов. Поставлю новые лампы — и можно пробовать...

Аромат приоткрыл один глаз, но больше ничем не проявил своего интереса, даже когда приемник действительно заработал — и совсем неплохо — и когда голос диктора произнес: «...Еще сообщаем, что Н. В. Блотт из Сентерберга стал обладателем главного приза — две тысячи долларов — в конкурсе на лучшую рекламу «Крем для бритья фирмы Дреггз».

— Ой, я знаю этого Блотта! — сказал Гомер. — Он живет недалеко от дядюшки Одиссея.

Аромат оставался безучастным даже в тот момент, когда диктор объявил, что на следующей неделе будет транслироваться специальная программа прямо из Сентерберга — вручение победителю двух тысяч долларов и двенадцати бутылок с кремом для бритья за лучшую рекламу этого самого крема. Награду вручит лично мистер Дреггз...

— Слышишь, Аромат? — сказал Гомер. — Передача из нашего Сентерберга. Надо обязательно поехать и посмотреть!

День радиопередачи наступил, и Гомер отправился в город на велосипеде. Он был на центральной площади чуть ли не раньше всех и сумел выбрать удобное место неподалеку от звукооператора, откуда уж непременно будет все видно и слышно.

Сначала мистер Дреггз произнес речь о том, что мистер Н. В. Блотт своей прекрасной рекламой сделал значительный вклад в будущее американского бритья. Затем он зачитал эту рекламу:

Друзья, от крема для бритья
В восторге все — ты, он и я!
Его наносишь тонким слоем —
И чувствуешь себя героем!

И потом мистер Дреггз вручил победителю чемоданчик, как две капли похожий на тот, что был дома у Гомера, только в этом лежали две тысячи долларов и двенадцать бутылок крема для бритья — того самого, от которого «чувствуешь себя героем».

Н. В. Блотт проговорил несколько ответных слов перед микрофоном, и передача закончилась. И тут вперед вышли четверо мужчин. Они сказали:

— Руки вверх!

А один из них добавил:

— Если позволите... — и выхватил из рук Н. В. Блотта чемоданчик с деньгами и кремом...

Все были поражены. Мистер Дреггз был поражен, Н. В. Блотт был поражен, диктор был поражен, звукооператор тоже. И все были страшно напуганы. А грабители скрылись раньше, чем кто-нибудь что-либо сообразил...

Они вскочили в машину, помчались по дороге № 56-а и уже исчезли из глаз, когда местный шериф воскликнул:

— Подождите, сейчас я объявлю тревогу, и мы отправимся в погоню. Я не допущу, чтобы в нашем городе безнаказанно действовали вадироры... то есть я хотел сказать — радиоворы!..

Шериф сообщил в полицию, и вскоре несколько вооруженных человек помчались на его машине по дороге № 56-а.

Гомер еще был в городе, когда преследователи вернулись, и слышал, как шериф сказал:

— Их и след простыл! Мы обыскали все дороги. Нигде ничего!

В тот же вечер за ужином Гомер рассказал родителям о том, что произошло сегодня в городе. Потом он помог матери убрать посуду и отправился к себе в комнату, куда через некоторое время поднял на лифте-корзинке своего Аромата.

Наступил час последних известий. Гомер включил радио и услышал, что «недавнее ограбление поставило полицию в тупик. След грабителей потерян. Мистер Н. В. Блотт предлагает половину выигранных денег и шесть бутылок с кремом тому, кто поможет вернуть утерянную награду».

— Аромат, слышишь? — сказал Гомер. — Если мы поймаем этих грабителей, у нас будет столько денег, что можно сделать хоть сто радиоприемников, а может, даже и телевизор.

Но все-таки он решил, вместо того чтобы понапрасну мечтать о поимке воров, просто пойти и лечь спать: ведь завтра суббота, и он собирался чуть свет отправиться на рыбалку.

Он проснулся на рассвете, натянул штаны, поел наскоро овсяной каши, разыскал удочку и вышел на улицу. Здесь он тихонько свистнул, хотя это было излишним: Аромат уже поджидал его в корзинке возле своей норы. Гомер привязал корзинку к багажнику велосипеда, и они двинулись по дороге № 56-а.

Не доезжая моста через ручей, Гомер свернул в лес. Тут он спешился, оставил велосипед и пошел вдоль берега ручья, а за ним, подняв хвост трубой, брел Аромат.

Все утро просидел Гомер над ручьем с удочкой в руках, но, увы, напрасно: рыба в этот день просто не желала клевать. Он перепробовал все лучшие, известные только самым заядлым рыбакам места — и все равно ничего!..

В обратный путь они с Ароматом отправились не извилистым берегом,

а напрямик через лес, по старой, давно не езженной дороге. Не прошли они и полмили, как услышали какие-то голоса, и Гомер мог бы с уверенностью сказать, что запахло жареной грудинкой. Это показалось ему странным, потому что никто раньше не заезжал сюда и не делал остановки на этом холме. И Гомер решил разузнать, что там за люди.

Когда они с Ароматом подкрались и выглянули из-за большого валуна, то увидели четырех мужчин.

«Грабители!» — сразу мелькнуло в голове у Гомера. И действительно, это были они. На земле рядом с ними лежал раскрытый чемодан, и в нем две тысячи долларов и двенадцать бутылок с кремом для бритья. Грабители только что проснулись и собирались побриться и закусить — над костром жарилась грудинка, а щеки у них были в мыльной пене.

Гомер так разволновался, увидев совсем рядом с собой настоящих грабителей, что совершенно позабыл об Аромате. А тем временем Аромат смело вылез из-за укрытия и двинулся прямо к раскрытому чемодану с деньгами!.. Ведь этот предмет был так похож на тот, в комнате у Гомера.

Аромат забрался в чемодан, свернулся клубочком на денежных пачках и моментально уснул. Грабители же ровно ничего не заметили, потому что были заняты бритьем, и давалось им это отнюдь не легко: у них было всего лишь одно зеркало, а бриться они желали все одновременно.

— Скорей бы попробовать этот знаменитый крем, который наносишь тонким слоем — и чувствуешь себя героем, — сказал один из них.

Второй грабитель (он стоял скособочившись, потому что так удобнее было бриться, а еще оттого, что у него разыгрался радикулит после ночи в лесу) с трудом выпрямился, повернулся... и тут заметил Аромата.

— Эй, глядите! — сказал он. — Улегся на наших деньгах, как на своих. Какой наглец!

Все обернулись, увидели Аромата и очень удивились.

— Это, друзья мои, не наглец, — сказал третий грабитель, — это млекопитающее семейства кунниц, отряда хищных, то есть «мефитис мефитис», в просторечии скунс, а попросту вонючка.

Гомер, который все это слышал, сразу догадался, что третий грабитель — человек с образованием; должно быть, даже окончил колледж по курсу зоологии.

— А мне наплевать, — сказал менее образованный грабитель, — мефитис это или вонючка... Пусть он не валяется на наших деньгах! Не то я приготовлю из него жаркое!

И, схватив пистолет, он прицелился в Аромата.

— Я бы не делал этого на твоём месте, — сказал грабитель с высшим образованием. — Выстрелы могут привлечь полицию, и потом, млекопитающих семейства кунниц не принято убивать таким способом.

После этих слов грабители попробовали, насадив кусок грудинки на палку, выманить Аромата из чемоданчика. Но Аромат только фыркнул несколько раз, зевнул и продолжал спать.

Тогда четвертый грабитель поднял камень и сказал:

— Думаю, это его немного испугает...

Камень просвистел в воздухе и с треском влетел в чемодан. Тррах!.. Он не попал в Аромата, но зато добрая половина бутылок с кремом фирмы Дреггз разлетелась на кусочки и воздух наполнился его резким запахом...

Но этот запах был ничто в сравнении с другим запахом — с тем, который испустил разозленный Аромат и от которого хотелось закрыть глаза и не дышать.

Грабители с криком разбежались кто куда, ничего почти не замечая вокруг, а Гомер, спрятавшись за стволом дуба, подозвал Аромата, и они помчались через лес к тому месту, где оставили велосипед, и весь обратный путь проделали с рекордной скоростью.

Дома была только мать. Отец уехал в дальний город за покупками и собирался вернуться лишь поздно вечером. Гомер уже хотел было рассказать матери обо всем, что сегодня видел, как вдруг она сказала:

— Что это? Кажется, запах скунса? Ты не чувствуешь? Надо сказать отцу, когда он вернется. От этих животных нужно сразу же избавляться, иначе никто не захочет останавливаться в нашем кемпинге. Кому приятно нюхать этот запах?

И тогда Гомер очень испугался за Аромата и решил ничего вообще не говорить. Ведь грабителей и так поймают. Для чего же полиция существует? Во всех книжках всегда так...

Остаток дня Гомер помогал матери отваривать сосиски для приезжих, а также выполнял обязанности заправщика на бензоколонке. В перерывах между делами он еще успевал почитать журнал для юных радиотехников и заглянуть в новый каталог марок.

Около восьми вечера, когда уже стемнело, в ворота кемпинга въехала машина, и из нее вышли четверо путешественников.

— Хотим заночевать у вас,— сказали они.— Нам нужна большая комната.

— Пожалуйста,— ответил Гомер.— Пойдемте за мной.

И он проводил их к туристскому домику.

— Думаю, вам здесь будет хорошо,— сказал он.— Пожалуйста, четыре доллара задатка.

— Вот тебе пять, парень,— сказал один из путешественников.— Сдачи не надо.

Гомер поблагодарил, сунул деньги в карман и выбежал из комнаты, потому что со стороны бензоколонки слышались настойчивые сигналы — кто-то очень спешил заправиться...

Гомер уже собрался положить пятидолларовую бумажку в кассовый ящик, как вдруг ему почудился знакомый запах. Запах был смешанный... Пахло наполовину кремом — тем, который «наносишь тонким слоем», наполовину Ароматом... Откуда идет этот запах? Гомер понюхал свой рукав, пальцы, понюхал деньги. Конечно! Пахли зеленые доллары в его руке!..

Все стало ясно: эти четверо — грабители! Как он сразу не догадался?

Теперь уже Гомер знал, что делать: он позвонит в город шерифу и все расскажет. Гомеру было хорошо известно, где застать шерифа в это время — конечно, в сентербергской парикмахерской: там он каждый субботний вечер играет в шашки и толкует с друзьями о политике. Но Гомер не хотел тревожить мать; поэтому подождал, пока она вышла из дома отнести кому-то из постояльцев второе одеяло, и только тогда схватил телефонную трубку.

— Алло,— сказал Гомер, когда шерифа наконец подозвали к телефону.— Эти грабители остановились на ночь в нашем кемпинге... Все четыре, да... Слышите? Приезжайте и заберите их!

— Разрази меня гром! — сказал шериф. — А деньги и эти... кутылки с кремом... то есть я хотел сказать — бутылки с кремом, тоже там?

— Да, да, — ответил Гомер. — Все с ними.

— И оружие, наверно? Много? — спросил шериф.

— Ой, точно не знаю, — сказал Гомер. — Не кладите трубку — я сбегаю посмотреть...

Он выскользнул из дверей, подкрался к домику, который отвели четверем грабителям, и осторожно заглянул в окошко. Грабители собирались ко сну, они раздевались, и повсюду были разбросаны их брюки и рубашки, а также пистолеты и даже один автомат. Оружие валялось на столе, на стульях, на тумбочке, под кроватью. Целый оружейный склад!

Гомер помчался обратно к телефону и сказал в трубку:

— Там, наверно, штук десять, если не двадцать!

— Хм, двадцать, говоришь? — переспросил шериф. — Очень хорошо... Слушай, сынок, я начал тут стричься, понимаешь? Я уж достригусь, а ты посподи за ними... Пускай они заснут, а через часок я пожалуй со своими ребятами, и мы их захватим тепленькими... Прямо в постельке... Там и надеждем наручники. Без лишнего шума. Понял?

— Хорошо, шериф. До встречи, — ответил Гомер.

Потом, когда пришла мать, Гомер сказал ей, что пойдет к себе в комнату — у него там важное дело, а сам снова подкрался к окошку, за которым были грабители, и снова заглянул в него. Он увидел, что воры уже легли в свои постели, но пребывали в очень плохом настроении и все время переругивались. По доносившимся к нему словам Гомер понял причину их недовольства: они никак не могли поделить между собой деньги и оставшиеся шесть бутылок с кремом, а главное, боялись уснуть — вдруг кто-нибудь из них уедет среди ночи с заветным чемоданчиком.

В конце концов они решили улечься вчетвером на одну кровать — так вернее: уж если кто-то вздумает сбежать, то обязательно проснутся остальные...

Улечься всем вместе было делом нелегким, но кое-как им это наконец удалось, и они даже накрылись одним одеялом, положив его поперек. А чемодан с деньгами и кремом лежал у них в ногах посредине постели.

Они потушили свет, и долгое время было совсем тихо, но вот один из грабителей сказал:

— Вы знаете, а не очень-то удобно тут спать.

— Но все-таки лучше, чем в лесу, — сказал второй, — где комары и всякая мошкара.

— И некоторые другие животные, — добавил третий, — которые к тому же пахнут не слишком приятно.

— Да, нужно честно признать, что наше теперешнее состояние можно определить словами: и в тесноте, и в обиде.

Это сказал, конечно, грабитель с высшим образованием.

— Точно сказано, — произнес первый. — По-моему, нам давно пора срысываться в Мексику. Чего ждать, не понимаю? Все равно спать нельзя в таких условиях... Давайте рванем к границе.

— Не люблю ездить в машине по ночам, — сказал второй. — Это действует мне на нервы.

— И мне тоже, — сказал третий. — Кругом темень, тени... Кажется, что везде прячутся полицейские...

И грабители надолго заспорили о том, ехать им все-таки в сторону мексиканской границы сейчас или дожидаться рассвета. Пока они спорили, Гомер упорно думал. Он понимал, что необходимо что-то предпринять, и побыстрей, иначе грабителей может след простыть, прежде чем шериф дострижет волосы и прибудет сюда... И Гомер, кажется, кое-что придумал.

Стараясь не производить шума, он покинул свой наблюдательный пост и помчался к дому; но не к дверям, а к той стене, под которой находилась норка Аромата. Гомер тихонько посвистел, и Аромат, как всегда, вылез и забрался в свою корзинку. Гомер осторожно вернулся с корзинкой в руках на свой наблюдательный пост, поставил корзинку у окна и прислушался.

Грабители лежали в темноте и продолжали спорить насчет того, уезжать им сейчас из кемпинга или не уезжать. И никак не могли прийти к соглашению. Аромат тоже лежал в темноте в своей корзинке, и хотя он давно уже успокоился, но запах еще не совсем прошел.

Четверо на одной постели были так увлечены спором, что не заметили и не услышали, как Гомер протянул руку через низкое окошко и водрузил корзину с Ароматом на табуретку возле окна... Конечно, Аромат сейчас же вылез из корзины и перелез в чемоданчик, стоявший на постели в ногах у грабителей.

— Перестань щекотаться! — проворчал самый долговязый из грабителей, чьи ноги далеко вылезли из-под одеяла.

Не мог же он знать, что это пушистый хвост Аромата прошелся по его ногам.

— Никто тебя не щекочет! — сказал ему сосед по кровати. — Эй, слушайте! По-моему, опять пахнет этим проклятым животным...

— Да, теперь и я начинаю чувствовать, — сказал третий.

А четвертый потянулся к выключателю и проговорил:

— Ну вот, вопрос решен! Сейчас оденемся — и вперед, в Мексику. Не оставляйте же здесь, чтобы всю ночь нюхать эту вонь! Он зажег свет, и в тот же момент Гомер закричал:

— Будет еще хуже, если вы пошевелитесь! Он сейчас так запахнет — не обрадуетесь! Лучше не двигайтесь!

Грабители, даже не поглядев как следует, накрылись с головой одеялом и замерли.

— Через пять минут придет шериф! — смело сказал Гомер.

Но прошло пять минут и еще пять, а шерифа все не было. Грабители спокойно зашевелились, а это не понравилось Аромату, и он начал перебирать лапами и волноваться.

Гомер тоже забеспокоился: что скажет его мать, если Аромат возьмет да испортит один из лучших туристских домиков?! И он быстро сообразил, что нужно сделать.

Он влез в окно и начал складывать в корзину все оружие грабителей. А затем подобрал всю их одежду и выбросил за окошко. После этого он выбрал самый большой пистолет, направил его на грабителей и сказал:

— Ну, можете вылезать из-под одеяла!.. Только руки вверх!

Грабители откинули одеяло и стали осторожно вылезать из кровати — так, чтобы не потревожить Аромата. И сразу же поднимали руки вверх.

— Мы не хотели этого делать, мальчик... Совсем не хотели, — пробормотал один. — Честное слово!

— Мы вернем все деньги,— сказал второй.

— Во всем виновато общество, в котором мы живем,— сказал образованный грабитель.— Оно и должно отвечать.

— Извините,— сказал Гомер,— но я должен отвести вас к шерифу.— Он указал пистолетом на чемодан с призовыми деньгами и с кремом и приказал одному из грабителей захватить его с собой.— Ну, вперед!— скомандовал он.

— Как? Прямо в пижамах?!— вскричал один.

— И босиком?— ужаснулся другой.

— Но это неприлично!— завопил самый образованный.— Что скажут люди?!

— Аромат волнуется, не кричите,— напомнил Гомер.

Грабители прекратили споры и покорно поплелись, в пижамах и босые, по усыпанной гравием дорожке к выходу из кемпинга. Они шли молча, но не могли сдержать стонов и криков, потому что какие же грабители умеют ходить босиком?! Нет, они бы теперь никуда не убежали, даже если за ними и не следовали бы Гомер с пистолетом и Ароматом с хвостом трубой.

Так они и шли: сначала первый грабитель с поднятыми руками, за ним второй грабитель с поднятыми руками, за ним третий грабитель с поднятыми руками, и только у четвертого была поднята одна правая рука, а левая опущена — в ней он нес чемодан с деньгами и кремом. Аромат, конечно, ковылял рядом со своим любимым чемоданчиком, а сзади всех шагал Гомер, и у него были заняты обе руки: в правой он держал пистолет, а в левой — корзинку с оружием... Целый оружейный склад!..

Они вышли на дорогу № 56-а и вскоре вступили на главную улицу Сентерберга... Вот и парикмахерская, где в кресле все еще сидит и никак не подстрижется шериф, а вокруг его друзья — беседуют и играют в шашки.

Когда шериф увидел, кто подходит к парикмахерской, он прервал на полуслове свои рассуждения о политике и закричал:

— Разрази меня гром, если это не ваши норы... то есть я хочу сказать — наши воры! Конечно, это они!

И шериф вскочил с кресла, хотя одна половина головы у него была острижена, а другая нет, и в одну минуту надел наручники на грабителей. И так же, с недостриженной головой, он препроводил их в тюрьму...

Ну вот, все и рассказано.

А на следующий день в газетах можно было увидеть такие заголовки: «Мальчик и его ручной скунс выследили грабителей по запаху!», «Похитители крема обезврежены!» В последних известиях по радио тоже много говорили об этом.

Родители Гомера сказали ему, что теперь он может держать своего скунса, потому что их дело из-за него не пострадает, а наоборот — люди со всех сторон будут нарочно приезжать на развилку дорог № 56 и 56-а, чтобы взглянуть на Аромата, а заодно уж и заправиться бензином и поесть сосисок или даже целый обед.

Вскоре после этого, когда Гомер отправился в Сентерберг подстричься, он встретил там шерифа, и тот сказал ему:

— Вот люди говорят, что, мол, от скунса плохой запах... А я утверждаю и всегда буду утверждать: это зудесный чапах... то есть я хотел сказать — чудесный запах!

Перевод Ю. Хазанова

Джон Чиарди

(1916)

Ученый, поэт, автор стихов, песенок, считалочек, загадок.

МИСТЕР ЖУК

Был когда-то	Тут при помощи сука
Я знаком	Мне пришлось
С рыжим	Достать Жука.
Мистером Жуком.	Выполз он,
Познакомились мы так:	Ворча сердито:
Мистер Жук,	— Кто просил вас
Большой чудака,	Лезть в корыто?
Прямо,	Плыл я курсом
Честно	Вест-вест-норд.
И открыто	Обожаю водный спорт;
Вечером упал в корыто.	Я сказал бы вам
Я спросил его:	«Спасибо»,
— Куда вы?	Но, простите,
Вот так милые	Слишком горд.
Забавы!	С детских лет,
Вы, наверное, хотите	Признаюсь вам,
Пароходом стать	Все привык я делать сам:
В корыте?	Ползать САМ
Жук сказал,	И САМ кусаться,
Идя ко дну:	САМ тонуть
— Отвяжитесь!	И САМ спастись.
Я тону.	

Перевод Р. Сефа

Лилиан Муур

(1932)

Автор веселых сказочных книг для малышей.

КРОШКА ЕНОТ И ТОТ, КТО СИДИТ В ПРУДУ

Крошка Енот был маленьким, но храбрым.

Однажды Мама Енотиха сказала:

— Сегодня луна будет полной и светлой. Крошка Енот, можешь ли ты один сходить к быстрому ручью и принести раков на ужин?

— Ну да, конечно,— ответил Крошка Енот.— Я наловлю вам таких раков, каких вы никогда еще не ели.

Крошка Енот был маленьким, но храбрым.

Ночью взошла луна, большая и светлая.

— Пора, Крошка Енот,— сказала Мама.— Иди, пока ты не дойдешь до пруда. Ты увидишь большое дерево, которое перекинато через пруд. Перейди по нему на другую сторону. Это самое лучшее место для ловли раков.

При свете луны Крошка Енот отправился в путь.

Он был такой счастливый! Такой гордый!

Вот он какой —

Пошел в лес

Совсем один,

Первый раз в жизни!

Сперва он шел не спеша,

Потом чуть быстрее,

А дальше — вприпрыжку.

Вскоре Крошка Енот вошел в густой-прегустой лес. Там отдыхал Старый Дикобраз.

Он очень удивился, увидев, что Крошка Енот гуляет в лесу без мамы.

— Куда ты идешь совсем один?— спросил Старый Дикобраз.

— К быстрому ручью!— ответил Крошка Енот гордо.— Я иду ловить раков на ужин.

— А тебе не страшно, Крошка Енот?— спросил Старый Дикобраз.— Ты ведь знаешь, что у тебя нет того, что есть у меня,— таких острых и длинных иголок.

— Я не боюсь!— ответил Крошка Енот: он был маленький, но храбрый.

Крошка Енот пошел дальше при свете яркой луны.

Сперва он шел не спеша.

Потом чуть быстрее.

А дальше — вприпрыжку.

Вскоре он пришел на зеленую полянку. Там сидел Большой Скунс. Он тоже удивился, почему Крошка Енот гуляет в лесу без мамы.

— Куда ты идешь совсем один?— спросил Большой Скунс.

— К быстрому ручью!— ответил Крошка Енот гордо.— Я иду ловить раков на ужин.

— А тебе не страшно, Крошка Енот?— спросил Большой Скунс.— Ты ведь знаешь, у тебя нет того, что есть у меня: я разбрызгиваю жидкость с противным запахом, и все убегают.

— Я не боюсь!— сказал Крошка Енот и пошел дальше.

Недалеко от пруда он увидел Толстого Кролика. Толстый Кролик спал. Он приоткрыл один глаз и вскочил.

— Ой, ты меня напугал!— сказал он.— Куда же ты идешь совсем один, Крошка Енот?

— Я иду к быстрому ручью!— сказал Крошка Енот гордо.— Это по ту сторону пруда.

— Оо-ооо!— сказал Толстый Кролик.— А ты не боишься Его?

— Кого мне бояться?— спросил Крошка Енот.

— Того, кто сидит в пруду,— сказал Толстый Кролик.— Я ЕГО боюсь!

— Ну, а я не боюсь!— сказал Крошка Енот и пошел дальше.

И вот наконец Крошка Енот увидел большое дерево, которое было перекинато через пруд.

— Здесь мне надо перейти,— сказал сам себе Крошка Енот.— А там, на другой стороне, я буду ловить раков.

Крошка Енот начал переходить по дереву на ту сторону пруда.

Он был храбрым, но зачем только он повстречал Этого Толстого Кролика! Ему не хотелось думать о Том, кто сидит в пруду, но он ничего не мог с собой поделать.

Он остановился и заглянул.

Кто-то сидел в пруду!

Это был Он! Сидел там и смотрел на Енота при свете луны. Крошка Енот и виду не подал, что испугался.

Он скорчил рожу.

Тот, в пруду, тоже скорчил рожу.

Что это была за рожа!

Крошка Енот повернул обратно и побежал со всех ног. Он так быстро промчался мимо Толстого Кролика, что тот опять напугался. И вот он бежал, бежал не останавливаясь, пока не увидел Большого Скунса.

— Что такое? Что такое?— спросил Большой Скунс.

— Там, в пруду, сидит Кто-то большой-пребольшой!— вскричал Крошка Енот.— Я не могу пройти!

— Хочешь, я пойду с тобой и прогоню его?— спросил Большой Скунс.

— О, нет, нет!— ответил Крошка Енот торопливо.— Вы не должны этого делать!

— Ну, хорошо,— сказал Большой Скунс.— Тогда захвати с собой камень. Только чтобы показать Ему, что у тебя есть камень.

Крошке Еноту хотелось принести домой раков. Поэтому он взял камень и пошел обратно к пруду.

— Может быть, Он уже ушел!— сказал Крошка Енот сам себе.— Нет, Он не ушел!

Он сидел в пруду.

Крошка Енот и виду не подал, что испугался.

Он высоко поднял камень.

Тот, кто сидел в пруду, тоже высоко поднял камень.

Ой, какой это был большой камень!

Крошка Енот был храбрым, но он был маленький.

Он побежал со всех ног. Он бежал, бежал не останавливаясь, пока не увидел Старого Дикобраза.

— Что такое? Что такое?— спросил Старый Дикобраз.

Крошка Енот рассказал ему про Того, кто сидит в пруду.

— У него тоже был камень!— сказал Крошка Енот.— Большой-пребольшой камень.

— Ну, тогда захвати с собой палку,— сказал Старый Дикобраз,— вернись обратно и покажи ему, что у тебя есть большая палка.

Крошке Еноту хотелось принести домой раков. И вот он взял палку и пошел обратно к пруду.

— Может быть, Он успел уйти,— сказал Крошка Енот сам себе.

Нет, Он не ушел!

Он по-прежнему сидел в пруду.

Крошка Енот не стал ждать. Он поднял вверх свою большую палку и погрозил ею.

Но у Того, в пруду, тоже была палка. Большая-пребольшая палка! И он погрозил этой палкой Крошке Еноту.

Крошка Енот уронил свою палку и побежал.

Он бежал, бежал

Мимо Толстого Кролика,

Мимо Большого Скунса,

Мимо Старого Дикобраза,

Не останавливаясь, до самого своего дома.

Крошка Енот рассказал своей маме все про Того, кто сидит в пруду.

— О мама,— сказал он,— мне так хотелось пойти одному за раками! Мне так хотелось принести их на ужин домой!

— И ты принесешь!— сказала Мама Енотиха.— Вот что я тебе скажу, Крошка Енот. Вернись назад, но на этот раз...

Не строй рож,

Не бери с собой камня,

Не бери с собой палки!

— Что же я должен сделать?— спросил Крошка Енот.

— Только улыбнуться!— сказала Мама Енотиха.— Пойди и улыбнись Тому, кто сидит в пруду.

— И больше ничего?— спросил Крошка Енот.— Ты уверена?

— Это все,— сказала мама.— Я уверена.

Крошка Енот был храбрым, и мама была в этом уверена.

И он пошел обратно к пруду.

— Может быть, Он ушел наконец!— сказал Крошка Енот сам себе.

Нет, не ушел!

Он по-прежнему сидел в пруду.

Крошка Енот заставил себя остановиться.

Потом заставил себя заглянуть в воду.

Потом заставил себя улыбнуться Тому, кто сидел в пруду.

И Тот, кто сидел в пруду, улыбнулся в ответ!

Крошка Енот так обрадовался, что стал хохотать. И ему показалось, что Тот, кто сидел в пруду, хохочет, точь-в-точь как это делают еноты, когда им весело.

— Он хочет со мной дружить!— сказал сам себе Крошка Енот.— И теперь я могу перейти на ту сторону.

И он побежал по дереву.

Там, на берегу быстрого ручья, Крошка Енот принялся ловить раков...

Скоро он набрал столько раков, сколько мог донести.

Он побежал обратно по дереву через пруд.

На этот раз Крошка Енот помахал рукой Тому, кто сидел в пруду.

А Тот махнул ему рукой в ответ.

Крошка Енот мчался домой со всех ног, крепко держа своих раков.

Да! Никогда еще ни он, ни его мама не едали таких вкусных раков. Так сказала Мама Енотиха.

— Я теперь могу идти туда совсем один, когда хочешь!— сказал Крошка Енот.— Я больше не боюсь Того, кто сидит в пруду.

— Я знаю,— сказала Мама Енотиха.

— Он совсем не плохой, Тот, кто сидит в пруду!— сказал Крошка Енот.

— Я знаю,— сказала Мама Енотиха.

Крошка Енот посмотрел на маму.
— Скажи мне,— сказал он.— Кто это сидит в пруду?
Мама Енотиха рассмеялась.
А потом сказала ему.

Пересказ О. Образцовой

Вильям Смит

(1935)

Известный поэт, наполовину индеец из племени чокто, автор книг для взрослых и детей.

ПОТРЕБ ЧАС

— Ура! Как раз
 потехе час! —
Расхохотался Дикобраз. —
— Ха-ха!
— Хи-хи! — сейчас же подхватил
Веселый Нильский Крокодил. —
Ха-ха! Хи-хи!
— Хе-хе! — откликнулся Жираф,
Высоко голову задрав. —
Хи-хи! Хе-хе!
— Хо-хо! — раздался хохот Льва.
— Уху! — отозвалась Сова. —
Хе-хе! Хо-хо! Уху!
Смеялись все — и млад и стар.
Смеялся Ворон — кар-кар-кар!
Смеется Песик — гав-гав-гав!
Кто веселится, тот и прав!
На небо поднялась луна.
Заулыбалась и она.
По всей Земле:
У вас,
У нас —
Везде настал
ПОТЕХИ ЧАС!
Ха-ха! Хи-хи! Хе-хе! Хо-хо!
Уху-уху-уху! Кар-кар! Гав!

ПРО ЛЕТАЮЩУЮ КОРОВУ

ОЧЕНЬ МНОГИЕ
Считают,
Что коровы не летают.
Так что я
Беру с вас слово:
Кто увидит,
Что Корова

Пролетает в вышине,
Тот,
Договорившись с мамой,
Пусть сейчас же телеграммой,
(ЛУЧШЕ —
СРОЧНОЙ ТЕЛЕГРАММОЙ)
Сообщит об этом мне!

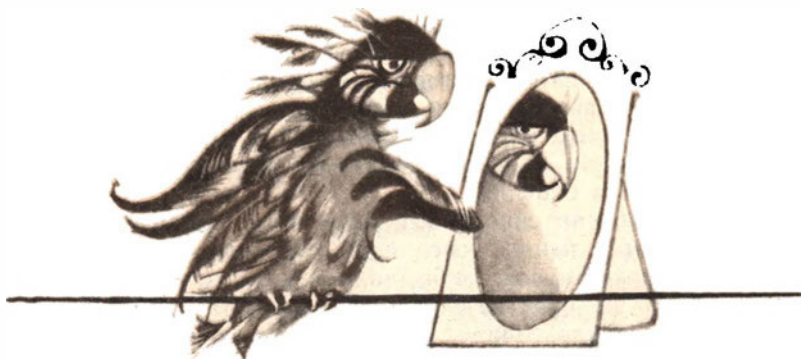
КРОКОДИЛОВ СМЕХ

Сидел над Нилом Крокодил
И слезы лил, и лил, и лил...
Я посочувствовал ему,
И я его спросил:
— О чем, над чем
И почему
Ты плачешь,
Крокодил?
Ты так хорош, ты полон сил,
Ты в самом цвете лет —
О чем же плакать, Крокодил?
— Увы, мне белый свет не мил! —
Прохныкал он в ответ. —
Увы, мне видеть невтерпёж,
О, мой двуногий друг,
Несправедливость, зло и ложь,
Царящие вокруг.
Мне жаль верблюда: он горбат.
Мне жаль крота: он слеп.
Мне жалко Тех, Кого Едят,
И Тех, Которые Едят, —
Нелегкий это хлеб!
И вот я слезы лью и лью
Над горькой их судьбой,
А также — честно признаю! —
Я плачу над собой:
Хотя меня боятся львы,
(А на гиен — плевать!)
Но не умею я, увы,
Ни петь, ни танцевать!..
— О, мой чешуйчатый собрат!

Ведь ты слышал и сам,
Что крокодиловым слезам
Никто, никто не рад.
Да, спору нет, не всё вокруг.
Сплошная благодать,
Но лучше, мой зубастый друг,
Смеяться, чем рыдать.
Да и закон не запретил
Нам посмеяться всласть!
А ну-ка, милый Крокодил,
Разинь пошире пасть!
Его я, видно, убедил,
Что жизнь не так плоха.
Вот улыбнулся Крокодил,
Вот произнес «ха-ха!»
Потом «хи-хи!» он произнес
Смелей, чем в первый раз.
Потом утер глаза и нос
И вдруг
Пустился в пляс!
Какой успех имел танцор!
Какой он произвел фурор!
Народ бежал со всех сторон.
Примчались Зебра, Лев и Слон,
Жираф, Гиена, Бегемот,
Из подземелья вылез Крот,
И даже, кажется, Тюлень
Из Арктики приплыл.
Что говорить!
Не каждый день
Танцует Крокодил!

Пересказ Б. Заходера

УРУГВАЙ

Орасио Кирога

(1878—1937)

Подобно Андерсену, братьям Гримм, Шарлю Перро и другим знаменитым сказочникам из разных стран, Кирога стремится в своих сказках научить читателей добру, привить им ненависть к насилию и любовь к справедливости. Но есть у него еще одна дополнительная задача: нарисовать широкую картину того особого мира, в котором живут герои его сказок, мира, уже не фантастического, а живого, зримо раскинувшегося вокруг.

ПОПУГАЙ-ЧАСОВОЙ

Жила когда-то в лесу стая попугаев.

Каждый день поутру летали они на соседнее поле клевать маис, а на обед ели апельсины. Они обычно очень шумели и кричали, а один из них взлетал на самое высокое дерево — следить, не идет ли кто.

Попугаи хуже саранчи, потому что, выклеывая зерна, они обдирают молочные початки, которые потом сгниют, как только начнутся дожди. И так как, кроме того, у попугаев очень вкусное мясо, то батраки часто охотятся на них.

Как-то раз один батрак метким выстрелом подбил попугая-часового, который упал, раненный, на землю и долго отбивался, не давая себя схватить. Батрак отнес птицу домой и отдал детям хозяина, а дети вылечили попугая, у которого было, оказывается, сломано крыло. Попугай поправился и стал совсем ручным. Его звали Педрито. Он научился давать лапку и очень любил садиться на плечи к людям и клювом слегка щекотать их за ухом.

Жил он на свободе и почти целый день проводил в саду, среди апельсиновых деревьев и эвкалиптов. Часа в четыре, когда в доме обычно пили чай, попугай вместе со всеми спешил в столовую и, быстро работая клювом и лап-

ками, взбирался по скатерти на стол, где для него тоже был готов чай с молоком и размоченный в нем хлеб.

Педрито так подружился с детьми и они ухитрялись так много ему наболтать за день, что попугай скоро выучился говорить. Он кричал: «Добрый день, дур-рак! Хор-р-роша кар-р-ртошка! Дайте Педр-р-рито кар-р-ртошки!» Употреблял он также такие слова, которые неудобно повторять, потому что попуган, как и дети, легко выучиваются ругаться.

Когда шел дождь, Педрито распускал перышки и подолгу тихонько рассказывал что-то самому себе. А когда погода прояснялась, он начинал летать взад-вперед, крича как бешеный.

Был он, как видите, очень счастливый попугай и, кроме желанной свободы, о какой мечтают все птицы, имел еще, как все состоятельные люди, свой собственный и неплохой кусок хлеба, даже с маслом, вернее с молоком...

Ну вот, посреди всего это счастья случилось как-то раз, что после пяти ненастных дней вдруг выглянуло солнце. Педрито полетел в сад с криком:

— Хор-р-роший вечер-р-р, Педр-р-рито. Хор-р-роша кар-р-ртошка. Здравствуй, Педр-р-рито! — и полетел далеко-далеко, пока не увидел где-то внизу, низко-низко, реку Парану, которая сверху казалась широкой белой лентой. А он летел и летел, пока наконец не опустился на какое-то дерево отдохнуть. И вдруг сквозь ветки он увидел внизу два зеленых огня, похожих на огромных светляков.

«Что это? — подумал попугай. — Хор-р-роша кар-р-ртошка!.. Что это такое? Добр-р-рый день, Педр-р-рито!...»

Он, как и другие попуган, всегда болтал без толку, и понять его порой было очень трудно. А так как он был очень любопытный, то стал спускаться с ветки на ветку, пока не оказался близко от земли. И тогда он увидел, что два зеленых огня были глазами тигра, который, притаившись под деревом, пристально смотрел на него.

Но Педрито был в таком хорошем настроении, что совсем не испугался.

— Добрый день, тигр, — сказал он. — Здр-р-равствуй, Педр-рито.

И тигр таким вот страшным и хриплым голосом, каким всегда говорят тигры, ответил:

— Доб-рый де-ень!

— Добрый день, тигр, — повторил попугай. — Хор-р-роша кар-р-ртошка!.. Хор-р-роша кар-р-ртошка!.. Хор-р-роша кар-р-ртошка!..

И он без усталости повторял: «Хороша картошка!» — потому что было уже четыре часа, и ему очень захотелось чаю с молоком. Он совсем забыл, что дикие звери не пьют чай с молоком, и пригласил тигра на чашку чая.

— Хороший чай, хорошо молочко! — сказал он. — Добрый день, Педр-р-рито, добрый день, тигр!.. Хочешь чашку чая? Хор-р-роший чай, хор-р-рошее молочко!

Но тигр страшно рассердился, думая, что попугай смеется над ним, а так как он к тому же был голоден, то и решил съесть болтливую птицу. Поэтому он ответил:

— Ладно! Под-ле-ти-ка ближе, друг, я на у-хо туг!

Тигр не был туг на ухо, просто он хотел заманить попугая поближе, чтоб удобнее было его схватить. А попугай думал только о том, как обрадуются все в доме, когда он явится пить чай с молоком в обществе такого блистательного друга. И он перелетел на другую ветку, поближе к тигру.

— Хор-р-роша кар-р-ртошка!— повторил он как мог громче.

— Подойди-ка ближе! Ну-ка!— ответил тигр своим хриплым голосом.

Попугай подлетел поближе и сказал:

— Хор-рроший чай, хор-р-рошо молочко!

— Подлети-ка ближе!— повторил тигр.

Бедный попугай подлетел совсем близко, и в этот момент тигр прыгнул так высоко, что мог бы дом перепрыгнуть, и схватил Педрито своими острыми когтями. Ему не удалось убить попугая, но он выдрал у него все перья на спине и оторвал хвост. Ни одного перешка не осталось в хвосте у Педрито.

— Получай свой чай!— прорычал тигр.— Получай свой чай с молочком!..

Попугай, крича от боли и страха, поторопился улететь. Но летел он с трудом, потому что у него не было хвоста, который служит птицам вместо руля. Он летел, наклоняясь в воздухе то в одну сторону, то в другую, и встречные птицы испуганно шарахались от такого странного существа.

Наконец он долетел до дома и первым делом поспешил на кухню, чтоб посмотреть в кухаркино зеркало.

Бедный Педрито! Он выглядел самой уродливой и самой несуразной птицей, какую только можно себе представить: плешивый, бесхвостый и дрожащий от холода. Как явится он теперь в столовую в таком виде?.. И он полетел в сад и нашел в одном из эвкалиптов дупло, такое глубокое, как настоящая пещера. И он забился в дупло, дрожа от холода и стыда.

А между тем в столовой хватились попугая.

— Где это наш Педрито?— говорили все. И звали:— Педрито! Хороша картошка, Педрито! Хороший чай!

Но Педрито все сидел в своей пещере, немой, неподвижный, и не отзывался. Его разыскивали повсюду, но не могли найти. Тогда все решили, что Педрито умер, и дети горько заплакали.

Каждый вечер за столом все вспоминали о попугае, вспоминали и о том, как он любил чай с молоком и размоченный в нем хлеб. Бедный Педрито! Никогда больше они не увидят его, он, верно, умер...

Но Педрито не умер, а продолжал сидеть в своем дупле, не показываясь никому на глаза, потому что ему было очень стыдно, что он голый, словно крыса какая. По ночам он вылезал чего-нибудь поест и быстро прятался обратно. А на рассвете еще раз тихонечко спускался с дерева и шел посмотреть в зеркало, и был всегда очень грустный, так как перья отрастали очень медленно.

Но вот наконец однажды, когда вся семья сидела за вечерним чаем, в комнату вдруг вошел Педрито, с невозмутимым видом, вразвалочку, как будто ничего и не случилось. Все прямо с ума посходили от радости, видя его целым и невредимым, да еще с такими роскошными перьями.

— Педрито, дурачок Педрито!— говорили ему.— Что с тобой случилось, Педрито? Ах, какие у него перышки!

Но никто не знал, что это были новые перышки, а Педрито, очень важный, не говорил ни слова. Он только и делал, что ел размоченный в чае с молоком хлеб. И ни гугу...

Поэтому хозяин дома очень удивился, когда на следующее утро попугай вдруг прилетел и уселся к нему на плечо, болтая без умолку. В две минуты он рассказал все, что с ним произошло: свою прогулку в Парагвай, свою

встречу с тигром и все остальное, и после каждого рассказа кричал нараспев:

— У Педр-р-рито нет ни пер-р-рышка! Нет ни пер-р-рышка! Ни пер-р-рышка!

И он предложил хозяину пойти охотиться на тигра.

Хозяин дома как раз намеревался купить шкуру тигра, чтоб положить перед камином, и предложение попугая пришлось очень кстати. Он пошел в дом, взял ружье и вместе с Педрито отправился в Парагвай. Они решили: как только Педрито увидит тигра, он примется отвлекать его своей болтовней, пока охотник не подойдет на нужное расстояние.

Так и случилось. Попугай, сидя на ветке, болтал себе и болтал, а сам озирался по сторонам, не видно ли тигра. Наконец он услышал треск ломающихся веток и внезапно увидел два устремленных на него из-под дерева зеленых огня,— это были глаза тигра.

Тогда попугай начал кричать:

— Хор-р-роший вечер!.. Хор-р-роша кар-ртошка!.. Хор-р-роший чай, хорошо молочко!.. Хочешь чашку чаю?..

Тигр очень обозлился, узнав плешивого попугая, которого давно считал мертвым и у которого, оказывается, выросли новые, такие красивые перья; он поклялся, что на этот раз попугай от него живым не уйдет, и в глазах у него сверкнули гневные молнии, когда он хрипло прорычал:

— Под-ле-ти-ка бли-же! Ну-ка!

Попугай перелетел на другую ветку поближе, продолжая без умолку болтать:

— Хороший хлеб, хорошо молочко!.. Он под этим деревом!..

Услышав последние слова попугая, тигр взревел и одним прыжком поднялся с земли.

— С кем ты говоришь?— прорычал он.— Кому ты сказал, что я здесь, под этим деревом?

— Никому, никому!— ответил попугай.— Добрый день, Педрито... Здравствуй, дур-р-рачок!..

И он продолжал болтать и прыгать с ветки на ветку, все приближаясь к тигру. Однако слова «он под этим деревом» попугай сказал, чтоб предупредить охотника, который приближался крадучись, с ружьем на плече.

И вот настал момент, когда попугай не смог приблизиться еще больше, а то бы он обязательно попал к тигру в лапы. И тогда он закричал:

— Хороша картошка!.. Осторожнее!

— Под-ле-ти-ка еще бли-же!— проревел тигр, припав к земле и готовясь к прыжку.

— Хороший чай, хорошо молочко!.. Осторожно! Он сейчас прыгнет!

И действительно, тигр прыгнул. Он прыгнул так высоко, что попугай избежал его когтей лишь потому, что стрелой взмыл в воздух. И в тот же самый миг охотник, который целился, уперев ствол ружья в развилину какого-то дерева, спустил курок — и тигр, издав такой страшный рев, что весь лес содрогнулся, рухнул на землю.

Попугай даже закричал от радости, что ему удалось отомстить гадкому тигру, который выдрал у него все перья.

Охотник же был доволен, что у него теперь есть тигровая шкура, которую можно положить у камина в столовой.

Когда они вернулись домой, все узнали, почему Педрито так долго скрывался в дупле, и принялись хвалить его за храбрый поступок.

С тех пор все зажили очень счастливо. Но попугай не забыл истории с тигром, и каждый вечер, являясь в столовую пить чай с молоком, он подбегал к тигровой шкуре у камина и приглашал и ее к столу.

— Хор-р-роша кар-р-ртошка!..— говорил он тигровой шкуре.— Хор-роший чай, хочешь чаю?.. Дайте тигру кар-р-ртошки...

И все помирали со смеху. И Педрито вместе со всеми.

Перевод С. Мамонтовой

Хулио Эррера-и-Рейссиг

(1875—1910)

Видный поэт модернистской школы.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

От почвы материнским повеяло теплом...
 Пасется у дороги мул на краю селенья.
 Гора под зимним солнцем сияет в отдаленье,
 Как старая крестьянка в переднике льняном.
 А небо благодуще, и веет ветерком.
 Пастушка под сосною сидит, обняв колени,
 и тучный скот степенно, вразвалку, в направленье
 холма бредет, свирелью пастушеской влеком.
 Идет пастух, тяжелой вязанкой дров нагружен;
 чуть свет он дом покинул, но на закате дня
 ему наградой будут уют и сытный ужин.
 Кормильца у порога ждет вся его семья,
 а верный пес, приходом хозяина разбужен,
 вертит хвостом и лает, у ног его снуя.

Перевод М. Самаева

ФИНЛЯНДИЯ

Анни Сван

(1875—1958)

Автор «книг для девочек», романов для юношества и сказок.

БЕЛЬЧОНОК И ЕЛОЧКА

Высоко-высоко, на самой верхушке ели, примостилось старое сорочье гнездо. Его прежняя владелица, сорока с длинным хвостом, улетела, и никто даже не знает — куда. Но в один прекрасный день в гнездо переселились новые обитатели. Их было всего двое — папа-белка и его веселая, светлоглазая женушка. Они были так счастливы и от всей души любили друг друга. Об этом мог бы порассказать заяц, а уж ему-то можно верить. Ведь у Йёссе такие большущие глаза и такие длиннющие уши, что он знает обо всем, что только случается в лесу. И как же ему было не знать обо всем об этом? Правда, злые языки поговаривают, что заяц, когда скачет по лесу, разносит сплетни по всей округе. Но думаю, это всего-навсего клевета.

Так вот, молодые супруги сидели в своем гнезде и лушили шишки. И вдруг, откуда ни возьмись, в один прекрасный день с соседних ветвей послышался тоненький писк.

Ах, подумать только, в сорочьем гнезде лежали уже трое маленьких, голых и слепых бельчат. И папа-белка, сам не свой от радости, поцеловал маму-белку прямо в усы.

— Спасибо, спасибо тебе, моя женушка! — сказал он.

Малышей называли: Курре, Карре, Кирре. Верно, не чудесно?

В гнезде было два окошечка. Мама-белка заткнула мхом одно из них.

— Чтобы не дуло и малыши не простудились бы, — сказала она муженьку, и тот одобрительно кивнул головой.

— Ты всегда так умна и предусмотрительна,— сказал он.— Такой прекрасной жены нет ни у одного папы-белки во всем лесу.

Но вторую оконную отдушину мама не заткнула мхом, и через нее бельчата стали выглядывать в лес и смотреть на мир, как только у них открылись глаза.

Рядом с большой елью, укрывавшей беличье гнездо, росла милая юная Елочка. Она была такая тихая и серьезная. Лучшего ребенка никто бы себе не пожелал. Скромно стояла она на своем месте под защитой матушки и лишь иногда поднимала вверх свою крону и простирала вперед веточки. Она смотрела на беличье гнездо, а оттуда глядела вниз пара живых крошечных глазок, а маленькая косматая головка весело кивала молодой Елочке.

То был Кирре, самый младший малыш, самый проворный и самый своевольный из всех троих. Частенько он чуть не вываливался вниз головой из гнезда, и невозможно даже представить, сколько за ним водилось разных фокусов и плутовских проделок. Папа-белка то и дело бранился, а мама тысячу раз умирала от страха за него.

— И все же, он — самый красивый из наших малышей,— кивала на Кирре мама.— Посмотри только,— говорила она своему муженьку,— какое у него мягкое и гибкое тельце. Не говоря уж об ушках. А такие хорошенькие кисточки на ушках, как у него, редко встретишь. Он унаследовал их от моей покойной бабушки. Она была одной из самых красивых белок в здешних лесах.

— Еще бы,— поддержал ее муж.— Ты тоже в нее уродилась.

Юная Елочка тоже никогда не видала бельчонка проворнее Кирре. И что бы он ни вытворял, Елочке всегда казалось это остроумным и веселым. Она даже ничуть не оскорблялась, когда своевольный бельчонок бросал сосновые шишки на ее ветки; она только смеялась. Когда Кирре подрос и мог передвигаться уже за пределами гнезда, юная Елочка простирала к нему руки и застенчиво кивала макушкой:

— Иди ко мне, Кирре, можешь тут попрыгать!

И Кирре бросался вниз головой в объятия юной Елочки. Но она никогда не колола его иголками, хотя других не пощадила бы. Ах, ах! Сколько радостей выпало на их долю тем летом! Бельчонок и юная Елочка только и делали, что проказничали. Вокруг шумел лес, щебетали птицы, а ветер играл на верхушках деревьев. Кирре раскачивался на Елочкиных ветвях, бросал шишки в пробегавшего мимо зайца или карабкался по стволу. Елочка тихонько стояла на месте, она была счастлива.

Но в жизни всегда бывает так, что, когда радость достигает вершины, наступает беда. Так случилось и теперь. Однажды Кирре ускакал в лесную чашу и больше не вернулся. Папа-белка с женой целый день искали его в лесных дебрях и в кустах и карабкались на все деревья. Кирре и Карре кричали и звали его, но ничего не помогало. Кирре исчез. Юная Елочка молча стояла на своем месте. Она тоже хотела бы бегать и искать своего друга, но не могла. Она знала, что хорошо воспитанная юная елочка должна оставаться на своем месте. Так тысячелетиями поступали все юные елочки, так поступают они и теперь. Потому-то и маленькая Елочка стояла неподвижно, хотя сердце ее болело.

«Может, Кирре еще вернется назад?»— думала она, чтобы утешить самое себя.

Но папа-белка покачал головой и сказал:

— Какой-нибудь охотник застрелил нашего Кирре.

Это случилось поздним летом, когда красные ягоды брусники мерцали меж кочками. Лесные звери заторопились. Перелетные птицы готовились к отлету, ветер сотрясал ветви деревьев, а большинство животных начало думать о зимней одежде. Белки собирали в своих кладовках большие склады шишек — зимний запас. И ни у кого не было времени думать об исчезнувшем Кирре. Одна лишь юная Елочка испытывала чувство утраты и горя. Она чувствовала себя такой одинокой! Но когда она рассказывала другим деревьям о своей утрате, они смеялись, и с того дня юная Елочка ни с кем больше не говорила о Кирре.

И вот мало-помалу наступила белоснежная зима. Земля покрылась снегом, лиственные деревья дрожали от холода, а белки надели серые зимние шубки. Однажды пришли в лес два человека с топором на плече. Они срубили множество елей и под конец увидели юную Елочку.

— Смотрите, какое стройное рождественское деревце! — сказали они и срубили ее. Юную Елочку положили среди других елок на сани и повезли в город на продажу. Она была так печальна!

«Теперь мне больше никогда не увидеть Кирре», — думала она.

Втайне она еще надеялась, что Кирре когда-нибудь вернется в родные края. И она крепко обхватила ветвями матушку, большую ель, на макушке которой находилось беличье гнездо.

— Не давай им увезти меня, — молила она.

Но мама-ель не могла ей помочь. Ветви юной Елочки были слишком слабы. Некоторые обломились и упали в снег, а саму юную Елочку повезли дальше, до самого городского рынка. Там Елочку купили и темным зимним утром привезли в большой дом. Она была совершенно не в себе. А не то бы она подивилась всей той спешке, которая царила на улицах, и всем тем диковинам, которые стоило там посмотреть. Теперь она могла лишь тосковать и думать. Целый день Елочка оставалась в зале совсем одна, но в сумерках пришли родители детей и их старшая сестра, чтобы нарядить елку. На ее ветки повесили яблоки, позолоченные орехи, флажки и разноцветные розы и золотые звезды, конфеты и поставили свечи. На самой верхушке укрепили сверкающую золотом звезду.

— Это — Вифлеемская звезда, — объяснила старшая сестра детям, которые, стиснув кулачки, молча разглядывали Елочку. Они были в таком восхищении, что не могли вымолвить ни слова. Но когда в залу вошел рождественский соломенный козел с дедом-морозом на спине и всем принес подарки — одному лошадь, другому лодку, третьей — красивую куклу — то-то было радости! Дети танцевали вокруг рождественского деревца и пели веселые рождественские песенки.

Однако же юная Елочка по-прежнему стояла, словно во сне, блеск свечей, игры и неистовое веселье детей только мучили ее.

— Ах, попасть бы теперь домой, — вздыхала она.

— Давайте принесем белку, пусть тоже посмотрит на рождественское деревце!

И один из мальчиков помчался за клеткой; там на задних лапках сидел светлоглазый бельчонок, держа в передних сухарик. Он посмотрел на рождественскую Елочку, а Елочка посмотрела на него. О, как она задрожала!

Но на этот раз только от радости. Ведь в клетке сидел Кирре, Кирре — живой и здоровый! И сразу на душе у Елочки посветлело и потеплело. Она не смела шевельнуться, ее ветви были увешаны лакомствами и украшениями, но она не отрывала взгляда от бельчонка, дивясь, что он не сразу узнал ее.

Кирре втягивал носиком запах ели, который не вдыхал с того самого дня, как его унесли из леса. О, как это было чудесно! Ему вспомнились дом на макушке высокой ели, папа и мама, Курре и Карре. Он думал также о маленькой серьезной Елочке, которая росла рядом с большим деревом. И чем дольше разглядывал рождественское деревце, тем более знакомым казалось оно ему. Он перекувырнулся в своей клетке, уселся на хвост и, наострив ушки, поклонился точь-в-точь так, как некогда дома, когда играл на ветвях юной Елочки. И она поняла, что бельчонок узнал ее. Вокруг рождественского деревца со своими подарками играли дети. Ярко горели свечи, от рождественской каши, стоявшей на столе, шел пар...

Но бельчонку и юной Елочке казалось, словно они снова дома, где по вересковой пустоши носится и прыгает заяц, а высокие деревья шумят на ветру. Бельчонок и Елочка стали кивать друг другу, или вернее, кивал бельчонок, потому что Елочка не смела пошевелиться. На своем собственном лесном языке они тихонько беседовали, так тихо, что люди ничего не слышали, хотя они так и толпились вокруг.

— Как ты здесь очутился? — спросила юная Елочка.

— Ах, это — печальная история, — вздохнул бельчонок. — Ты, верно, помнишь, что маленьким я был совершенно диким и своевольным?

— Да, да, помню, — ответила Елочка. — Твоя мама частенько жаловалась, что у нее с тобой хлопот больше, чем с остальными малышами.

— Так оно и было. А в один прекрасный день мне показалось скучно в родном лесу. Я носился с дерева на дерево, перепрыгивал с одной пустоши на другую и все дальше уходил от дома. Внезапно, сидя на ветке, я увидел внизу, у корней дерева, пару свирепо сверкающих глаз. Я тотчас догадался, что животное, подстерегавшее меня, и была кровожадная куница. Мама часто предостерегала нас от этой хищницы. Я знал, что она даже более жестока, чем человек. Сердце ушло у меня в пятки, и я перепрыгнул на другое дерево, но куница быстро лазала по деревьям и погналась за мной. У меня и сейчас еще мурашки бегают по спине, когда я думаю об этом. Так примчались мы к берегу реки, я — впереди, куница — по-прежнему за мной. Тут я прыгнул на низенькую вербу, простиравшую свои ветви над берегом. Куница ринулась за мной, ветви не выдержали, и, плюх, я полетел кувырком в воду! Но это меня спасло. Совсем рядом со мной плыл обломок доски. Я влез на него и, держа курс с помощью хвоста, гордо проплыл мимо куницы. Эта обжора, совершенно озадаченная, осталась на берегу, а я плыл все дальше и дальше. Вероятно, я на моем кораблике доплыл бы до самого конца света, если бы мальчишки с этой усадьбы не заметили моего кораблика. Они подгребли ко мне на лодке, схватили и, не выпуская из рук, принесли к себе домой. И вот теперь я здесь.

Тут Кирре кончил свой рассказ и перевел дух. Он говорил без передышки, а это отражается на горле и дыхании.

— Теперь твой черед рассказывать новости, — сказал он Елочке.

И она начала рассказывать.

— Старшая твоя сестра Курре вышла замуж. Всех белок из ближайших окрестностей пригласили на свадьбу. Пир был на славу. Я заглядывала в гнездо; более роскошного пиршества я в жизни не видала. Потом Курре со своим муженьком перебралась в совершенно новое гнездо в сосняке по соседству. Там, должно быть, особенно хорошо с шишками. Мама-белка считает, что Курре сделала неплохую партию.

— Как приятно,— сказал Кирре,— расскажи еще!

И юная Елочка стала рассказывать, как хорошо в лесу зимой, когда снег покрывает землю, а деревья сбрасывают свои наряды из листвы. Она говорила о том, как грустно было расставаться с перелетными птицами. Они и сами печалились, когда улетали в чужие страны. А Кирре слушал, широко открыв глаза. Он так несказанно радовался! И время от времени вдыхал запах ели.

Настала ночь. Свечи гасли одна за другой, детям захотелось спать, и мама уложила их в постель. В зале было совершенно темно; ель, одеревенелая и застывшая, стояла на полу во всем своем пышном убранстве. Тогда бойкий бельчонок осторожно отворил дверцу клетки. Обычно она бывала тщательно закрыта, но в рождественской спешке и веселье ее оставили чуть приоткрытой. Кирре ловко соскочил на пол и вскарабкался на ветви Елочки. Там он уселся точь-в-точь, как когда-то в лесу, он выкидывал свои старые фокусы и прыгал вокруг, задрав хвостик. Затем Елочке снова пришлось рассказывать о том, что было в лесу. «До чего интересно»,— думал бельчонок.

Под конец Кирре захотелось спать. Он прижался маленькой головкой к стволу дерева, скрестил лапки на груди и сладко заснул среди зеленых ветвей. У него было веселое рождество, точь-в-точь, как у детей, хотя рождественский козел с дедом-морозом не привезли ему никаких подарков. Во сне он прыгал по всему шелестящему лесу, наперегонки с Курре и Карре.

Но Елочка не спала. Она разглядывала бельчонка, спящего на ее ветвях, и думала о лесе. В окно заглядывал старик-месяц. Он кротко улыбнулся.

— Привет с вересковой пустоши,— шепнул он.— Там тоже рождество.

Юная Елочка улыбнулась месяцу. Она была так счастлива. Она нашла своего исчезнувшего друга. Больше она ничего не желала.

Перевод Л. Брауде

Тове Янссон

(1914)

Лауреат Золотой медали Х. К. Андерсена, художник, писатель, создатель сказочной страны Муми-троллей.

ПЛЯНА ВОЛНИ БНИКА

(отрывок)

ВСТУПЛЕНИЕ

Первый снег пал на Муми-дол хмурым утром. Он подкрался густой и безмолвный и за несколько часов выбелил всю долину.

Муми-тролль стоял на крыльце, смотрел, как зима пеленает землю в свой белый саван, и думал спокойно: «Вечером мы погрузимся в спячку». Ведь все муми-тролли делают так в ноябре (и, по правде сказать, это очень разумно, если кто не любит холода и темноты). Он закрыл дверь, неслышным шагом подошел к маме и сказал:

— Идет снег.

— Знаю,— ответила мама.— Я уже приготовила для вас самые теплые одеяла. Можешь лечь наверху в западной комнате вместе со Сниффом.

— Снифф ужасно храпит,— сказал Муми-тролль.— Можно, я лягу вместе со Снусмумриком?

— Как хочешь,— отвечала Муми-мама.— Тогда устроим Сниффа в восточной.

Муми-семейство, все его друзья и знакомые готовились к долгой зимней спячке серьезно и обстоятельно. Муми-мама накрыла стол на веранде, но в чашке у каждого были лишь хвойные иголки. (Совершенно необходимо, чтобы желудок был набит хвойными иголками, если предстоит проспать целых три месяца подряд.) После обеда (а он казался уже совсем безвкусным) все чуть серьезнее обычного пожелали друг другу доброй ночи, и Муми-мама велела всем вычистить зубы. А Муми-папа обошел весь дом, закрыл все двери и ставни и обернул люстру сеткой от комаров, чтобы не запылилась. Потом каждый залез в свою кровать, устроил в ней вмятину поуютнее, укрылся с головой одеялом и стал думать о чем-нибудь приятном. И только Муми-тролль со вздохом сказал:

— Какую уйму времени мы теряем зазря!

— Ничуть!— отозвался Снусмумрик.— Нам снятся сны. А когда мы проснемся, уже будет весна...

— Мм...— пробормотал Муми-тролль, уже погружаясь в сумрачный мир сновидений.

А на дворе сыпал снег, мелко, но густо. Он уже завалил крыльцо и грузными шапками свешивался с крыши, с наличников окон. Весь Муми-дом скоро должен был превратиться в сплошной пухлый сугроб. Одни за другими перестали тикать часы — пришла зима.

в которой рассказывается о том, как Муми-троль, Снусмумрик и Снифф нашли шляпу Волшебника, как неизвестно откуда появились пять маленьких тучек, а Хемуль обзавелся новым хобби.

Как-то весенним утром, часа в четыре, над Муми-домом пролетела первая кукушка. Она уселась на синюю крышу Муми-дома и прокуковала восемь раз — с легкой хрипотцой, понятно, потому что весна была еще в самом начале.

Ну, а потом кукушка полетела дальше на восток.

Муми-троль проснулся и долго лежал, уставясь в потолок и соображая, где он. Он проспал сто ночей и сто дней подряд, он был еще овеян сновидениями и не хотел расставаться со сном.

Но, перевернувшись с боку на бок, чтобы найти новое удобное положение, он увидел такое, что сон с него как рукой сняло. Кровать Снусмумрика была пуста.

Муми-троль так и подскочил в постели.

Ну, конечно! Шляпы Снусмумрика тоже нигде не видать.

— Это надо же! — сказал Муми-троль.

Он подошел к раскрытому окну и выглянул во двор. Ага, Снусмумрик воспользовался веревочной лестницей. Муми-троль перебрался через подоконник и, осторожно переступая коротенькими ножками, спустился по лестнице вниз.

На сырой земле отчетливо виднелись отпечатки ног Снусмумрика. Они были запутанные, словно куриный след, и не было никакой возможности определить, куда он направился. Местами следы делали длинные прыжки и перекрещивались между собой. «Это он от радости, — размышлял про себя Муми-троль. — А вот тут он перекувырнулся, уж это точно».

Муми-троль поднял голову и прислушался. Где-то далеко-далеко Снусмумрик играл на губной гармошке, играл свою самую веселую песенку: «Эй, зверятки, завяжите бантиком хвосты».

Муми-троль побежал прямо на музыку и внизу у реки увидел Снусмумрика. Тот сидел на перилах моста, нахлобучив на лоб свою старую шляпу, и болтал над водой ногами.

— Привет, — сказал Муми-троль, усаживаясь с ним рядом.

— Привет, привет, — отозвался Снусмумрик, не отнимая от губ гармошки.

Солнце только что поднялось над верхушками деревьев и светило им прямо в лицо. А они жмурились от его лучей, болтали ногами над бегущей сверкающей водой, и на сердце у них было привольно и беззаботно.

По этой реке они не раз отправлялись в большой мир навстречу необыкновенным приключениям, и в каждом путешествии обзаводились новыми друзьями и проводили их к себе домой, в Муми-дол. Муми-папа и Муми-мама принимали всех незнакомцев с невозмутимым спокойствием — лишь ставили новые кровати да расширяли обеденный стол. Так вот и выходило, что в доме всегда было полно народу и каждый занимался чем хотел, насколько не заботясь о завтрашнем дне. Ну и, разумеется, время от времени в доме случались потрясающие, прямо-таки ужасные вещи, но зато уж на скуку никто пожаловаться не мог. (А ведь это как-никак делает честь любому дому.)

Доиграв последнюю строчку своей весенней песенки, Снусмумрик сунул гармошку в карман и спросил:

— Снифф проснулся?

— Вряд ли,— ответил Муми-тролль.— Он всегда просыпается на неделю позже других.

— Тогда нужно его разбудить,— решительно сказал Снусмумрик и прыгнул с перил.— В такой славный денек непременно надо придумать что-нибудь совсем необыкновенное.

Муми-тролль стал под окошком восточной мансарды и, сунув в рот лапы, дал сигнал по одним им понятной тайной системе: три простых свистка и один долгий. (Это означало: «Есть дело».) Слышно было, что Снифф перестал храпеть, но не шелохнулся.

— А ну-ка еще раз!— сказал Снусмумрик, и они повторили сигнал с удвоенной силой.

Окошко с треском распахнулось.

— Я сплю!— сердито крикнул Снифф.

— Давай к нам да не сердись,— сказал Снусмумрик.— Мы задумали что-то совсем необыкновенное.

Снифф наострил помятые со сна уши и спустился вниз по веревочной лестнице. (Пожалуй, излишне упомянуть, что в Муми-доме веревочные лестницы были под каждым окном — ведь выходить каждый раз через крыльцо такая морока!)

День и вправду обещал быть чудесным. Повсюду было полно еще не совсем проснувшейся от долгой зимней спячки ползучей мелюзги, она шныряла во все стороны и заново знакомилась друг с другом. Одни проветривали платье и чистили щеткой усы, другие строили себе дома, третьи на все лады готовились к встрече весны. Муми-тролль, Снусмумрик и Снифф то и дело останавливались посмотреть, как строится дом, или послушать какую-нибудь ссору. (Это часто случается в первые дни весны, потому что, когда выходишь из спячки, с утра нередко бываешь в дурном настроении.) На ветвях деревьев сидели древесные феи, расчесывая свои длинные волосы, а в снегу, островками лепившемся с северной стороны стволов, прокладывали длинные ходы мыши и прочая мелюзга.

— С новой весной! — сказал один пожилой уж.— Как зимовалось?

— Спасибо, ничего,— ответил Муми-тролль.— А вам, братец, хорошо спалось?

— Отлично,— ответил уж.— Кланяйтесь от меня папе и маме!

Такие вот примерно разговоры вели они с многочисленными личностями, попадавшимися им по пути. Но чем выше в гору, тем безлюднее становилось вокруг, и под конец им лишь изредка встречались хлопотливые мыши-мамы, занятые весенней уборкой.

— Ой, как неприятно!— сказал Муми-тролль, высоко подбирая лапы на тающем снегу.— Муми-тролли не любят, когда так много снега. Это мне мама сказала.— Он чихнул.

— Послушай-ка, Муми-тролль,— сказал Снусмумрик.— Есть идея. Что, если забраться на самую верхушку горы и сложить там пирамиду из камней? Пусть знают, что мы первые побывали на вершине.

— Идет,— сказал Снифф и тотчас двинулся в путь, не желая никого пропускать впереди себя.

На вершине разгуливал весенний ветер и на все четыре стороны распахивался голубой горизонт. На западе было море, на востоке река, петляя, уползала в глубь Одиноких гор, на севере, как весенний ковер, простирались дремучие леса, а на юге из трубы Муми-дома курился дымок — это Муми-мама варила к завтраку кофе. Но Снифф ничего этого не замечал. Потому что на вершине горы лежала шляпа, точнее говоря, черный цилиндр.

— Кто-то уж побывал тут до нас! — сказал он.

Муми-тролль поднял шляпу и стал ее рассматривать.

— Шляпа что надо, — сказал он. — Может, будет тебе как раз впору, Мумрик?

— Нет, нет, — ответил Снусмумрик (он очень любил свою старую зеленую шляпу). — Уж слишком новая!

— А может, она понравится папе? — размышлял вслух Муми-тролль.

— Захватим ее с собой, — сказал Снифф. — А теперь я хочу домой. Смерть как хочется кофе. А вам?

— Еще бы! — с жаром отозвались Муми-тролль и Снусмумрик.

Вот как получилось, что они нашли шляпу Волшебника и забрали ее с собой, не подозревая о том, что тем самым превратили Муми-дол в арену всяческого волшебства и удивительнейших событий.

Когда Муми-тролль, Снусмумрик и Снифф вошли на веранду, все уже попили кофе и разбрелись кто-куда. Один только Муми-папа остался дома читать газету.

— Так, так, — сказал он. — Стало быть, и вы тоже проснулись. Удивительно пустая сегодня газета. Ручей прорвал запруды и уничтожил поселение муравьев. Жертв не было. А еще, в четыре часа утра в долину прилетела первая весенняя кукушка и проследовала дальше на восток.

— Посмотри-ка, что мы нашли, — гордо сказал Муми-тролль. — Мировецкий черный цилиндр, как раз для тебя.

Муми-папа оглядел шляпу со всех сторон, а потом примерил перед зеркалом в гостиной. Шляпа была для него чуточку великовата и тяжела, но общее впечатление было весьма внушительное.

— Мама! — позвал Муми-тролль. — Поди-ка взгляни на папу!

Муми-мама открыла дверь, да так и застыла на пороге от удивления.

— Ну как, идет? — спросил Муми-папа.

— Идет-то идет, — отвечала Муми-мама. — У тебя в ней очень мужественный вид. Вот разве что чуточку великовата.

— А так не лучше будет? — спросил Муми-папа и сдвинул шляпу на затылок.

— Мм... и так ничего, — сказала Муми-мама, — только, пожалуй, без шляпы ты выглядишь гораздо солиднее.

Муми-папа оглядел себя в зеркало и спереди и сзади, оглядел с боков и со вздохом положил шляпу на комод.

— Ты права, — сказал он. — Не шляпа красит человека, а человек шляпу.

— Не то хорошо, что хорошо, а что к чему идет, — добродушно заметила Муми-мама. — Ешьте побольше яиц, дети, ведь вы прожили на хвойных иголках целую зиму!

И она снова ушла на кухню.

— Но ведь должна же она на что-нибудь пригодиться! — не унимался Снифф. — Такая прекрасная шляпа!

— Используем ее вместо корзины для бумаги,— ответил Муми-папа и удалился наверх писать мемуары (большую книгу о своей бурной юности). Снусмумрик поставил шляпу на пол между комодом и кухонной дверью.

— Ну вот, теперь у вас прибавилось обстановки,— сказал он, широко ухмыляясь,— радость обладания вещами была ему совершенно чужда. Он вполне обходился старым платьем, которое носил с того момента, когда родился (где и как, неизвестно), и единственное, с чем он никогда не расставался, была губная гармошка.

— Покончите с завтраком, пойдем проведем снорков,— сказал Муми-тролль и, прежде чем выйти в сад, бросил яичную скорлупу в новую корзину для бумаги, потому что (иногда) он был очень аккуратный муми-тролль.

Гостиная опустела. А в углу, между комодом и дверью на кухню, осталась шляпа Волшебника с яичной скорлупой. И тут сотворилось чудо: яичная скорлупа начала преображаться.

Дело в том, что всякая вещь, если она достаточно долго пролежит в шляпе Волшебника, превращается в нечто совершенно иное и никогда нельзя знать заранее, во что именно. Муми-папе ужасно повезло, что шляпа ему не подошла; побудь он в ней чуточку подольше — и только покровителю всех троллей и сниффов известно, какая участь его ожидала.

Муми-папа заработал лишь легкую головную боль (которая прошла после обеда). Зато яичные скорлупки, оставшиеся в шляпе, мало-помалу начали менять свой вид. Они сохранили белый цвет, но все росли и росли в размерах и стали мягкими и пухлыми. Немного погодя они целиком заполнили шляпу, а потом из шляпы выпорхнули пять маленьких круглых тучек. Они выплыли на веранду, мягко спустились с крыльца и повисли в воздухе над самой землей. А в шляпе Волшебника стало пусто.

— Это надо же!— сказал Муми-тролль.

— Уж не пожар ли?— обеспокоенно спросил Снорк.

Тучки неподвижно стояли перед ними и словно чего-то ждали.

Фрёкен Снорк тихонечко протянула лапу и потрогала тучку, которая была к ней поближе.

— Совсем как вата!— удивленно сказала она.

Тут все придвинулись ближе и стали ощупывать тучки.

— Подушка, да и только,— сказал Снифф.

Снусмумрик осторожно толкнул одну из тучек. Она проплыла немного в воздухе и снова застыла на месте.

— Чьи они?— спросил Снифф.— Как они попали на веранду?

Муми-тролль только покачал головой в ответ.

— Таких чудес со мной еще не вытворялось,— сказал он.— Пожалуй, надо позвать маму.

— Нет, нет!— возразила фрёкен Снорк.— Исследуем их сами.— Она прижала тучку к земле и погладила ее лапками.— Какая мякенькая!— В следующее мгновение она уже сидела на тучке и с хихиканьем подсакивала на ней.

— А я-то! А я-то!— завопил Снифф и мигом взобрался на другую тучку.— А ну давай!

И только он крикнул: «А ну давай!», как тучка поднялась над землей и описала небольшую изящную дугу.

— О господи!— изумленно воскликнул Снифф.— Она движется!

Тут уж и все остальные взобрались каждый на свою тучку и закричали: «А ну давай! Гоп!»

Тучки, словно большие послушные кролики, длинными плавными скачками парили над землей. Ими можно было управлять — это открытие сделал Снорк. Легкий нажим одной ногой — поворот. Обеими ногами — полный вперед. Чуть покачаешь тучку — и она набирает высоту.

Все это было страшно занятно. Расхрабрившись, они взлетали до верхушек деревьев и даже на крышу Муми-дома. А Муми-тролль остановился на своей тучке перед окном Муми-папы и громко крикнул: «Кукареку!» (Ему просто не пришло в голову ничего более умного, в таком восторге он был.) Муми-папа выронил ручку и бросился к окну.

— Клянусь моим хвостом! — вырвалось у него. — Клянусь моим хвостом!

Больше он ничего не мог сказать.

— Из этого выйдет мировая глава для твоих мемуаров, — сказал Муми-тролль и, подрулив к кухонному окну, позвал маму. Но Муми-мама спешно готовила мясо с картошкой и луком, и ей было некогда.

— Что ты еще там придумал, золотко мое? — спросила она. — Смотри не упади!

А внизу в саду Снорк и Снусмумрик изобрели новую игру. Они с разгона сталкивались друг с другом, и, кто сваливался на землю, тот проигрывал.

— Сейчас я тебе покажу! — кричал Снусмумрик, прищипывая тучку. — А ну пошла!

Но Снорк ловко вильнул в сторону и коварно напал на него снизу. Тучка Снусмумрика накренилась, и он воткнулся головой в цветочную грядку, так что шляпа налезла ему на нос.

— Третий раунд! — закричал Снифф — он был судьей и парил чуть выше противников. — Счет: два — один! По местам! Готовы? Начали!

— Прокатимся немножечко вместе? — предложил Муми-тролль фрёкен Снорк.

— С удовольствием, — сказала она и подрулила к нему. — А куда?

— Давай разыщем Хемуля. То-то он удивится!

Они облетели все излюбленные места Хемуля, но его нигде не было.

— Обычно он никогда не уходит из дому надолго, — сказала фрёкен Снорк. — В последний раз, когда я его видела, он разбирал свои почтовые марки.

— Так ведь это было полгода назад, — заметил Муми-тролль.

— Ой, верно! — отозвалась фрёкен Снорк. — Ведь мы же проспали всю зиму.

— И сладко тебе спалось? — спросил Муми-тролль.

Фрёкен Снорк с изяществом перепорхнула через верхушку дерева и, немного подумав, ответила:

— Мне снился страшный сон. Какой-то противный дядька в черном цилиндре глядел на меня и усмехался.

— Странно, — сказал Муми-тролль. — И мне то же самое снилось. А что, он был в белых перчатках?

— Вот-вот, — кивнула фрёкен Снорк.

Они плавно парили между деревьями, думая о своем сне, и вдруг увидели Хемуля. Он брел по лесу, заложив руки за спину и уставившись носом в

землю. Муми-тролль и фрёкен Снорк спланировали вниз, пристроились у него по бокам и разом крикнули:

— С добрым утром!

— Ой!— вскрикнул Хемуль.— Ну и испугался же я. Разве вы не знаете, что мне нельзя устраивать такие сюрпризы? У меня сердце в пятки уходит.

— Ах, прости,— сказала фрёкен Снорк.— А ты видишь, на чем мы едем?

— Диковина, ничего не скажешь,— ответил Хемуль.— Ну да уж мне не в новинку, что у вас что ни шаг — то диковина. А я вот захандрил.

— С чего бы это?— сочувственно спросила фрёкен Снорк.— Хандрить в такой славный денек!

Хемуль покачал головой.

— Не поймете вы меня.

— Как-нибудь постараемся,— сказал Муми-тролль.— Опять потерял какую-нибудь печатку?

— Как раз нет,— мрачно ответил Хемуль.— У меня всё цело. Всё до единой марки. Моя коллекция совершенна. В ней нет недостат.

— Ну, так что же тогда?— подбодрила его фрёкен Снорк.

— Я знал, что вы меня не поймете.

Муми-тролль и фрёкен Снорк озабоченно переглянулись. Они поотстали от Хемуля из уважения к его горю и держались теперь позади. А Хемуль продолжал брести дальше. Они терпеливо выжидали, когда он поведает им свою печаль.

И вот немного погодя Хемуль воскликнул:

— Нет! Это бессмысленно...

А еще немного погодя сказал:

— К чему всё, всё? Можете использовать мою коллекцию вместо туалетной бумаги!

— Да что с тобой, Хемуль?— взволнованно воскликнула фрёкен Снорк.— Ты прямо-таки кошунствуешь. У тебя самая лучшая коллекция марок на свете!

— В том-то и дело!— в отчаянии сказал Хемуль.— Она закончена! На свете нет ни одной марки, ни одной печатки, которой бы у меня не было. Ни одной, ни однёшенькой. Чем же мне теперь заняться?

— Я, кажется, начинаю понимать,— медленно произнес Муми-тролль.— Ты перестал быть коллекционером, теперь ты всего-навсего обладатель, а это вовсе не так интересно.

— Да,— с убитым видом подтвердил Хемуль,— вовсе не интересно.— Он остановился и повернул к ним нахмуренное лицо.

— Милый Хемуль,— сказала фрёкен Снорк и тихонько похлопала его по руке.— Я вот что надумала. Не начать ли тебе собирать что-нибудь другое, совсем другое?

— Это идея,— согласился Хемуль. Но морщины по-прежнему не сходили с его лба: он попросту не мог радоваться после такого серьезного огорчения.

— Ну, скажем, бабочки?— предложил Муми-тролль.

— Это исключено,— сказал Хемуль, и лицо его помрачнело еще больше.— Бабочек коллекционирует мой двоюродный брат. А я терпеть его не могу.

— Ну, а кинозвезды?— спросила фрёкен Снорк.

Хемуль лишь презрительно фыркнул.

— Может быть, драгоценности?— с надеждой спросила фрёкен Снорк.— Ведь драгоценностям никогда не будет конца!

— Тьфу!— только и сказал Хемуль.

— Ну, больше я ничего не могу придумать,— сказала фрёкен Снорк.

— Ладно, что-нибудь мы тебе подберем,— утешил его Муми-тролль. Уж мама-то наверняка сумеет. Да, кстати, ты не видал Ондатра?

— Он еще спит,— грустно ответил Хемуль.— Он считает, что незачем вставать так рано, и, в сущности, он прав.

И Хемуль в одиночестве побрел дальше по лесу.

А Муми-тролль и фрёкен Снорк поднялись над верхушками деревьев и, плавно покачиваясь, поплыли в солнечном блеске. При этом они не переставая думали о том, что бы предложить Хемулю для коллекционирования.

— Может быть, раковины?— сказала фрёкен Снорк.

— Или пуговицы от штанов?— сказал Муми-тролль.

Когда они вернулись домой обедать, Хемуль поджидал их на крыльце. Он весь так и сиял от радости.

— Ну?— спросил Муми-тролль.— На чем же ты остановился?

— Растения!— воскликнул Хемуль.— Займусь ботаникой. Это меня Снорк надоумил. Соберу самый замечательный гербарий на свете!

И он развернул поля юбки¹ и показал свою первую добычу. Это был тоненький стебель гусиного лука, облепленный комьями земли и листьями.

— *Gadea lutea*,— гордо сказал Хемуль.— Номер первый в коллекции. Безупречный экземпляр.

Он вошел в дом и вывалил содержимое юбки на обеденный стол.

— Ступай-ка в уголок,— сказала Муми-мама.— Здесь будет стоять суп. Ну как, все в сборе? Ондатр еще спит?

— Без задних ног,— высказался Снифф.

— Веселый был сегодня денек?— спросила Муми-мама, наполняя тарелки.

— Ужасно веселый!— хором ответило все Муми-семейство.

— Когда наутро Муми-тролль вышел выпустить тучки из дровяного сарая, их там не оказалось. И никому в голову не пришло, что они имеют какое-либо отношение к пяти яичным скорлупкам, которые как ни в чем не бывало снова лежали в шляпе Волшебника.

Перевод В. Смирнова

¹ Хемуль всегда ходил в платье, унаследованном от тетки. Подозреваю, что все хемули ходят в юбках. Странно, но факт. (Прим. автора.)

ФРАНЦИЯ

Народные песенки, шутки, считалочки, небылицы

СЮЗОН И МОТЫЛЕК

Сюзон шагала в школу,
А путь был недалек.
Над нею закружился
Красивый мотылек.
Над нею закружился
Красивый мотылек.

Она ему сказала:

— Дай лапку, мой дружок!

Она ему сказала:

— Дай лапку, мой дружок!

Не учишь ты уроков,
Счастливый мотылек!

Не учишь ты уроков,
Счастливый мотылек!

Давай с тобою вместе

Кружиться весь денек!

Давай с тобою вместе

Кружиться весь денек!

Прощай, прощай, мой милый,

Уже звенит звонок!

РУЧКИ, СПЛЯШИТЕ РАЗОК

Ручки, спляшите разок —

Будет вам завтра пирог!

Ах вы, мои мастериčky,

Быстрые ручки-сестрички!

Яблочный будет пирог,

Только спляшите разок!

ГДЕ ЖИВЕТ КОСОЙ?

Я и знаю и не знаю,
Где живет косо́й зайчишка,
Он уходит рано утром
С одеялами под мышкой.

УТЯТА

Когда шагают лугом
Утята друг за другом,
То первый — впереди,
Последний — позади.
Когда шагают лугом
Утята друг за другом,
То первый — погляди —
Шагает впереди!

ЖАН ИДЕТ К РЕКЕ

Жан идет к реке,
Тросточка в руке,
Шляпа на глазу,
Клякса на носу!

ДОЖДЬ

Дождь! Дождь! Надо нам
Расходиться по домам!
Гром! Гром, как из пушек.
Нынче праздник у лягушек.
Град! Град! Сыплет град!
Все под крышами сидят,
Только мой братишка в луже
Ловит рыбку нам на ужин.

ЗОНТИК

Зонтик, зонтик дождевой,
Ты хорош для ясных дней,
Ну, а в дождик мы с тобой
Промокаем до костей!

ТРОЕ ГУЛЯК

В поле гуляли трое гуляк,
После прогулки делали так:
Апчи!
Апчи!
Чхи!

БЕЛЕНЬКИЙ КОТЕНОК

Беленький котенок
К мамочке идет,
Чай из магазина
В сумочке несет.
Пахнет чай гвоздикой,
Розой пахнет чай,
Вот он, чай душистый,
Мама, получай!

ОСЛИК МОЙ, БЫСТРЕЙ ШАГАЙ

Ослик мой, быстрее шагай,
Едем мы в далекий край.
Что оттуда привезем?
Привезем в родимый дом
Ломтик солнечный в мешке,
Ломтик лунный в узелке!

РЫБКИ

Плавают рыбешки
В нашей речке чистой,
Плавают рыбешки
Быстро, быстро, быстро!
Рыбки-рыбешки
Все хороши:
Папы, и мамы,
И малыши!
Рыбки-ребятишки
На больших похожи —
Плавают, как папы,
Тоже, тоже, тоже!
Рыбки гуляют
Только в воде
И не гуляют
Больше нигде.

ЮБОЧКА

— Танцую я, танцую я!
Идет мне юбочка моя?
— Да, идет!
Да, идет!
Так и скачет взад-вперед,
И туда,
И сюда,
Словно хвостик у кота!
Вьется там,
Вьется тут —
Люди со смеху помрут!

КОТОРЫЙ ЧАС?

— Который час?
— Двенадцать бьет.
— Кто вам сказал?
— Знакомый кот.
— А мышка где?
— В своем гнезде.
— Чем занята?
— Штанишки шьет.
— Кому?
— Супругу своему.
— А кто ее супруг?
— Барон Кукарекук!

БЕДНЫЙ ОСЛИК

Наш бедный ослик болен —
Заболела голова.
Хозяйка ему сделала наколку в кружевах.
Наколку в кружевах.
И башмаки на каблуках,

ах, ах!

Наш бедный ослик болен —
Болят у него ушки.
Хозяйка ему сделала пуховые подушки.

Пуховые подушки,
Наколку в кружевах
И башмаки на каблуках,

ах, ах!

Наш бедный ослик болен —
Болит у него холка.
Хозяйка ему сделала воротничок из шелка.

Воротничок из шелка,
Пуховые подушки,
Наколку в кружевах
И башмаки на каблуках,

ах, ах!

Наш бедный ослик болен —
Болит у него грудка.
Хозяйка ему сделала фланелевую куртку.

Фланелевую куртку,
Воротничок из шелка,
Пуховые подушки,
Наколки в кружевах
И башмаки на каблуках,

ах, ах!

Наш бедный ослик болен —
Болят у него ляжки.
Хозяйка ему сделала штанишки и подтяжки.

Штанишки и подтяжки,
Фланелевую куртку,
Воротничок из шелка,
Пуховые подушки,
Наколку в кружевах
И башмаки на каблуках,
ах, ах!

Наш бедный ослик болен —
Болят у него ножки.
Хозяйка ему сделала бумажные сапожки.

Бумажные сапожки,
Штанишки и подтяжки,
Фланелевую куртку,
Воротничок из шелка,
Пуховые подушки,
Наколку в кружевах
И башмаки на каблуках,
ах, ах!

ЧТО Я ВИДЕЛ

— Что я видел! Что я видел!
— Куманёк, а что ты видел?
— Я видел, как чиж
Весь город Париж
Упратал в мешок!
— Ой, врешь, куманёк!
— Что я видел! Что я видел!
— Куманёк, а что ты видел?
— Корова в саду
Плясала на льду
В июльский денек!
— Ой, врешь, куманёк!
— Что я видел! Что я видел!
— Куманёк, а что ты видел?
— Медведица в шарфе

Играла на арфе,
А жук дул в рожок!
— Ой, врешь, куманёк!
— Что я видел! Что я видел!
— Куманёк, а что ты видел?
— Пятнадцать лягушек
Палили из пушек
В дубовый пенек!
— Ой, врешь, куманёк!
— Что я видел! Что я видел!
— Куманёк, а что ты видел?
— Сорока в лесу
Доила козу
В дырявый горшок!
— Ой, врешь, куманёк!

Перевод Н. Гернет и С. Гиппиус

Шарль Перро

(1628—1703)

Выдающийся поэт и критик, в наше время известен главным образом как один из основоположников жанра литературной сказки. Всему миру известны его «Мальчик с пальчик», «Красная Шапочка», «Спящая красавица», «Ослиная кожа» и другие сказки.

КРАСНАЯ ШАПОЧКА

Жила-была в одной деревне маленькая девочка, такая хорошенькая, что лучше ее и на свете не было. Мать любила ее без памяти, а бабушка еще больше.

Ко дню рождения внучки подарила ей бабушка красную шапочку. С тех пор девочка всюду ходила в своей новой, нарядной красной шапочке.

Соседи так про нее и говорили:

— Вот Красная Шапочка идет!

Как-то раз испекла мама пирожок и сказала дочке:

— Сходи-ка ты, Красная Шапочка, к бабушке, снеси ей этот пирожок и горшочек масла да узнай, здорова ли она.

Собралась Красная Шапочка и пошла к бабушке, в другую деревню.

Идет она лесом, а навстречу ей — серый Волк.

Очень захотелось ему съесть Красную Шапочку, да только он не посмел — где-то близко стучали топорами дровосеки. Облизнулся Волк и спрашивает девочку:

— Куда ты идешь, Красная Шапочка?

А Красная Шапочка еще не знала, как это опасно — останавливаться в лесу и разговаривать с волками. Поздоровалась она с Волком и говорит:

— Иду к бабушке и несу ей вот этот пирожок и горшочек масла.

— А далеко ли живет твоя бабушка?— спрашивает Волк.

— Довольно далеко,— отвечает Красная Шапочка.— Вон в той деревне, за мельницей, в первом домике с краю.

— Ладно,— говорит Волк,— я тоже хочу провести твою бабушку. Я по этой дороге пойду, а ты ступай по той. Посмотрим, кто из нас раньше придет. Сказал это Волк и побежал что было духу по самой короткой дорожке.

А Красная Шапочка пошла по самой длинной дороге. Шла она не торопясь, по пути то и дело останавливалась, рвала цветы и собирала в букеты.

Не успела она еще и до мельницы дойти, а Волк уже прискакал к бабушкиному домику и стучится в дверь:

— Тук-тук!

— Кто там?— спрашивает бабушка.

— Это я, внучка ваша, Красная Шапочка,— отвечает Волк тоненьким голосом.— Я к вам в гости пришла, пирожок принесла и горшочек масла.

А бабушка была в это время больна и лежала в постели. Она подумала, что это и в самом деле Красная Шапочка, и крикнула:

— Дерни за веревочку, дитя мое,— дверь и откроется!

Волк дернул за веревочку — дверь и открылась.

Бросился Волк на бабушку и разом проглотил ее.

Он был очень голоден, потому что три дня ничего не ел.

Потом закрыл дверь, улегся на бабушкину постель и стал поджидать Красную Шапочку. Скоро она пришла и постучалась:

— Тук-тук!

— Кто там? — спрашивает Волк.

А голос у него грубый, хриплый. Красная Шапочка испугалась было, но потом подумала, что бабушка охрипла от простуды и оттого у нее такой голос.

— Это я, внучка ваша, — говорит Красная Шапочка. — Принесла вам пирожок и горшочек масла.

Волк откашлялся и сказал потоньше:

— Дерни за веревочку, дитя мое, — дверь и откроется.

Красная Шапочка дернула за веревочку — дверь и открылась.

Вошла девочка в домик, а Волк спрятался под одеяло и говорит:

— Положи-ка, внучка, пирожок на стол, горшочек на полку поставь, а сама приляг рядом со мной. Ты, верно, очень устала.

Красная Шапочка прилегла рядом с Волком и спрашивает:

— Бабушка, почему у вас такие большие руки?

— Это чтобы крепче обнять тебя, дитя мое.

— Бабушка, почему у вас такие большие уши?

— Чтобы лучше слышать, дитя мое.

— Бабушка, почему у вас такие большие глаза?

— Чтобы лучше видеть, дитя мое.

— Бабушка, почему у вас такие большие зубы?

— А это чтоб скорее съесть тебя, дитя мое!

Не успела Красная Шапочка и охнуть, как злой Волк бросился на нее и проглотил вместе с башмачками и красной шапочкой.

Но, к счастью, в это самое время проходили мимо домика дровосеки с топорами на плечах.

Услышали они шум, вбежали в домик и убили Волка. А потом распороли ему брюхо, и оттуда вышла Красная Шапочка, а за ней и бабушка — обе целые и невредимые.

Обработка А. Введенского, под ред. С. Маршака

Робер Деснос

(1900—1945)

Известный поэт, участник французского Сопротивления, погиб в концлагере.
Один из самых веселых детских поэтов.

КИТ

Я сочувствую китам:
По соленым по волнам
Кит плывет без передышки,
Ждут кита его детишки,
И совсем не так легко
Доставать им молоко.
И оно холодное.
Пьют его без аппетита

Малыши голодные.
В глубине, на дне морском,
Кит для них построил дом,
Там и спит он без подушки,
А вокруг него — ракушки,
А над ним то целый флот,
То кораблик проплывет.

Перевод *М. Кудинова*

Алэн Боске

(1924)

Известный поэт, пишущий для взрослых и для детей.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

— Зачем тебе такая
Большая борода?
— Чтоб от тебя услышать:
«Смотри, вот это да!»
— А почему бывает
И дождь и даже гром?
— Чтоб в луже твой кораблик
Поплавать мог потом.
— А для чего нам звезды
И для чего Луна?

— Глядят они на Землю,
В порядке ли она.
— А что такое время?
— Ну, как тебе сказать,
Оно идет, чтоб вырос ты
И мог мужчиной стать,
И чтоб не раз услышал:
«Смотри, вот это да!»
И чтобы ни при чем, дружок,
Была тут борода.

Перевод *М. Кудинова*

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ

(словацкая народная сказка)

Знаешь ли ты, сколько месяцев в году?

Двенадцать.

А как их зовут?

Январь, февраль, март, апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь.

Только окончится один месяц, сразу же начинается другой. И ни разу еще не бывало так, чтобы февраль пришел раньше, чем уйдет январь, а май обогнал бы апрель.

Месяцы идут один за другим и никогда не встречаются.

Но люди рассказывают, будто в горной стране Богемии была девочка, которая видела все двенадцать месяцев сразу.

Как же это случилось?

А вот как.

В одной маленькой деревушке жила злая и скупая женщина с дочкой и падчерицей. Дочку она любила, а падчерица ничем ей не могла угодить. Что ни сделает падчерица — все не так, как ни повернется — все не в ту сторону.

Была зима. Шел январь месяц. Снега намело столько, что от дверей его приходилось отгрести лопатами, а в лесу на горе деревья стояли по пояс в сугробах и даже качаться не могли, когда на них налетал ветер.

Люди сидели в домах и топили печки.

В такую-то пору под вечер злая мачеха приоткрыла дверь, поглядела, как метет вьюга, а потом вернулась к теплой печке и говорит падчерице:

— Сходила бы ты в лес да набрала бы там подснежников. Завтра сестрица твоя именинница.

Посмотрела на мачеху девочка: шутит она или вправду посылает ее в лес? Страшно в лесу теперь, да и какие среди зимы подснежники? Раньше марта месяца они и не появятся на свет, сколько их ни ищи. Только пропадешь в лесу, увязнешь в сугробах.

А сестра говорит ей:

— Если пропадешь, так плакать о тебе никто не станет. Ступай, да без цветов не возвращайся. Вот тебе корзинка.

Заплакала девочка, закуталась в рваный платок и вышла из дверей.

Ветер снегом ей глаза порошит, платок с нее рвет. Идет она, еле ноги из сугроба вытягивает.

Все темнее становится кругом. Небо черное, а земля чуть светлее.

Вот и лес. Тут уже совсем темно — рук своих не разглядишь. Села девочка на поваленное дерево и сидит. Все равно, думает, где замерзать.

И вдруг далеко меж деревьев сверкнул огонек. Будто звезда среди ветвей запуталась.

Поднялась девочка и пошла на этот огонек. Тонет в сугробах, через бурелом перелезает. «Только бы,— думает,— огонек не погас!» А он не гаснет, он все ярче горит. Уже дымком запахло, и слышно стало, как потрескивает в огне хворост.

Девочка прибавила шагу и вышла на полянку, да так и замерла.

Светло на полянке, точно от солнца. Среди полянки большой костер горит — чуть ли не до самого неба достает. А вокруг костра сидят люди, кто поближе к огню, кто подальше. Сидят и тихо беседуют.

Смотрит на них девочка и думает: «Кто же они такие? На охотников будто не похожи, на дровосеков еще того меньше: вон они какие нарядные — кто в серебре, кто в золоте, кто в зеленом бархате». Стала она считать, насчитала двенадцать: трое старых, трое пожилых, трое молодых, а последние трое совсем еще мальчишки. Молодые у самого огня сидят, а старики поодаль.

И вдруг обернулся один старик, самый высокий, самый бородатый, и поглядел в ту сторону, где стояла девочка.

Испугалась она, хотела убежать, да поздно. Спрашивает ее старик громко: — Ты откуда пришла? Чего тебе здесь нужно?

Девочка показала свою пустую корзинку и говорит:

— Нужно мне набрать в эту корзинку подснежников.

Засмеялся старик:

— Это в январе-то подснежников? Вон чего выдумала!

— Не я выдумала,— отвечает девочка,— а прислала меня сюда за подснежниками моя мачеха и не велела без цветов домой возвращаться.

Тут все двенадцать поглядели на нее и стали между собой переговариваться.

Стоит девочка, слушает, а слов не понимает, будто не люди разговаривают, а деревья шумят.

Поговорили они, поговорили и замолчали.

А высокий старик опять обернулся и спрашивает:

— Что же ты делать будешь, если не найдешь подснежников? Ведь они раньше марта месяца и не выглянут.

— В лесу останусь,— говорит девочка.— Буду марта месяца ждать. Уж лучше в лесу замерзнуть, чем домой без подснежников вернуться!

Сказала и заплакала.

И вдруг один из двенадцати, самый молодой, в шубке на одном плече, встал и подошел к старику:

— Братец Январь, уступи мне на час свое место.

Погладил свою длинную бороду старик и говорит:

— Я бы уступил, да не бывать Марту прежде Февраля.
— Ладно уж,— проворчал другой старик, весь лохматый, с растрепанной бородой.— Уступи, я спорить не стану!
— Ну, будь по-вашему,— сказал Январь.
Он стукнул о землю своим ледяным посохом и заговорил:

Не трещите, морозы,
В заповедном бору,
У сосны, у березы
Не грызите кору!
Полно вам воронье
Замораживать,
Человечье жилье
Выхолаживать!

Замолчал старик, и тихо стало в лесу. Перестали потрескивать от мороза деревья, а снег начал падать густо, большими мягкими хлопьями.

— Ну, теперь твой черед, братец,— сказал Январь и отдал посох меньшому братцу, лохматому Февралю.

Тот стукнул посохом, замотал головой и загудел:

Ветры, бури, ураганы,
Дуйте, что есть мочи!
Вихри, вьюги и бураны,
Разыграйтесь к ночи!
В облаках трубите громко,
Вейтесь над землею!
Пусть бежит в полях поземка
Белою змеею!

И только он это сказал, как зашумел в ветвях бурный, мокрый ветер. Закружились снежные хлопья, понеслись по земле белые вихри.

А Февраль отдал свой ледяной посох младшему брату и сказал:

— Теперь твой черед, братец Март.

Взял младший брат посох и ударил им о землю.

Смотрит девочка: а это уже не посох. Это большая ветка, вся покрытая почками.

Усмехнулся Март и запел звонко, во весь свой мальчишеский голос:

Снег теперь уже не тот —	И на вербах серебром
Потемнел он в поле.	Светятся сережки.
На озерах треснул лед,	Разбегайтесь, ручьи!
Будто раскололи.	Растекайтесь, лужи!
Облака бегут быстрее,	Вылезайте, муравьи,
Небо стало выше,	После зимней стужи!
Зачирикал воробей	Пробирается медведь
Веселей на крыше.	Сквозь лесной валежник,
Все чернее с каждым днем	Стали птицы песни петь,
Стежки и дорожки.	И расцвел подснежник.

Девочка даже руками всплеснула. Куда делись высокие сугробы? Где ледяные сосульки, что висели на каждой ветке? Под ногами у нее мягкая весенняя земля. Кругом каплет, течет, журчит. Почки на ветвях надулись и уже выглядывают из-под темной кожуры первые зеленые листики.

Глядит девочка, наглядеться не может.

— Что же ты стоишь?— говорит ей Март.— Торопись, нам с тобой всего один часок братья мои подарили.

Девочка очнулась и побежала в чашу подснежники искать. А их видимо-невидимо. Под кустами и под камнями, на кочках и под кочками,— куда ни поглядишь.

Набрала она полную корзинку, полный передник — и скорее опять на полянку, где костер горел, где двенадцать братьев сидели. А там уже ни костра, ни братьев нет. Светло на поляне, да не по-прежнему. Не от огня свет, а от полного месяца, что взошел над лесом.

Пожалела девочка, что поблагодарить ей некого, и побежала домой. А месяц за ней поплыл.

Не чуя под собой ног, добежала она до своих дверей, и чуть вошла в дом, как за окошками опять загудела зимняя вьюга, а месяц спрятался в тучи.

— Ну что?— спросили ее мачеха и сестра.— Уже домой вернулась? А подснежники где?

Ничего не ответила девочка, только высыпала из передника на лавку подснежники и поставила рядом корзинку.

Мачеха и сестра так и ахнули.

— Да где же ты их взяла?

Рассказала им девочка все, как было. Слушают они обе и только головами качают — верят и не верят. Трудно поверить, да ведь вот на лавке целый ворох подснежников — свежих, голубеньких. Так и веет от них мартом месяцем.

Переглянулись мачеха с дочкой и спрашивают:

— А больше они тебе ничего не дали?

— Да я больше ничего и не просила.

— Вот дура так дура!— говорит сестра.— В кои-то веки со всеми двенадцатью месяцами встретишься, а ничего, кроме подснежников, не выпросила. Ну, будь я на твоём месте, я бы знала, чего просить. У одного — яблочек да груш сладких, у другого — земляники спелой, у третьего — грибов беленьких, у четвертого — свежих огурчиков.

— Умница, доченька,— говорит мачеха.— Зимой землянике да грушам цены нет. Продали бы мы все это и сколько бы денег выручили! А эта дурушка подснежников натаскала! Одевайся, дочка, потеплее да сходи на полянку. Уж тебя-то они не проведут, даром что их двенадцать, а ты одна.

— Где им!— ответила дочка, а сама руки в рукава, платок на голову. Мать ей вслед кричит:

— Рукавички надень, шубку застегни!

А девочка уже за дверь. Убежала в лес.

Идет по сестриним следам, торопится. «Скорее бы,— думает,— до полянки добраться».

А лес все гуще, все темней. Сугробы все выше, бурелом стеной стоит.

«Ох,— думает мачехина дочка,— и зачем только я в лес пошла! Лежала бы сейчас дома в теплой постели, а теперь ходи да мерзни. Еще пропадешь тут!»

И только она это подумала, как увидела вдалеке огонек, точно звездочка в ветвях запуталась.

Пошла она на огонек, шла, шла и вышла на полянку. Посреди полянки

большой костер горит, а вокруг костра сидят двенадцать братьев, двенадцать месяцев. Сидят и тихо беседуют.

Подошла мачехина дочка к самому костру, не поклонилась, приветливого слова не сказала, а выбрала место, где пожарче, и стала греться.

Замолчали братья-месяцы. Тихо стало в лесу. И вдруг стукнул Январь-месяц посохом о землю.

— Зачем пришла?— спрашивает.

— За подарками, — отвечает мачехина дочка. — Пусть Июнь-месяц мне земляники в корзину насыплет, да покрупней. А Июль-месяц огурцов свежих и грибов белых, а месяц Август — яблок да груш сладких, а Сентябрь-месяц — орехов спелых.

— Погоди, — говорит Январь-месяц. — Не бывать лету перед весной, а весне перед зимой. Далеко еще до Июня-месяца. Я теперь в лесу хозяин, тридцать один день царствовать буду.

— Ишь, какой сердитый!— говорит мачехина дочка. — Да я не к тебе пришла. От тебя, кроме снега да инея, ничего не дождешься. Мне летних месяцев надо.

Нахмурился Январь-месяц.

— Ищи лета зимой!— говорит.

Махнул он широким рукавом — и поднялась в лесу метель от земли до неба. Заволокла и деревья, и полянку, на которой братья-месяцы сидели. Не видно стало за снегом и костра, а только слышно было, как свистит где-то огонь, потрескивает, полыхает.

Испугалась мачехина дочка.

— Перестань!— кричит.

Да где там!

Кружит ее метель, глаза ей слепит, дух перехватывает. Свалилась она в сугроб, и замело ее снегом.

А мачеха ждала свою дочку, в окошко смотрела, за дверь выбегала, — нет ее, да и только. Закуталась она потеплее и пошла в лес дочку разыскивать. Да разве найдешь кого-нибудь в чаще в такую метель и темень!

Ходила она, ходила, искала, искала, пока и сама не замерзла. Так и остались они обе в лесу лета ждать.

А падчерица долго на свете жила, большая выросла, замуж вышла и детей вырастила.

И был у нее, рассказывают, около дома сад, да такой чудесный, какого и свет не видывал. Раньше, чем у всех, расцветали в этом саду цветы, поспевали ягоды, наливались яблоки да груши. В жару было там прохладно, в метель — тихо.

— У этой хозяйки все двенадцать месяцев разом гостят, — говорили люди.

Кто знает, — может, так оно и было.

Перевод С. Маршака

Витезслав Незвал

(1900 – 1958)

Поэт, сказочник, писавший для взрослых и для детей.

Я на всех обижусь,
В Африку уеду,
Конь мой деревянный
Отвезет меня.
Будут апельсины
В Африке к обеду,
Я совсем не буду
Ни о ком скучать.

Конь заржет тихонько.
Плакать мы не станем,
Если и взгрустнется
Нам когда-нибудь.
Радужные бабочки
Пролетят над нами
И расскажут сказки,
Тихие, как сны.

Перевод *И. Токмаковой*

Мирослав Валек

(1927)

Поэт, пишущий для взрослых и детей. Его ассоциативная поэзия эмоциональна, образна, богата звуками, слово в ней многозначно.

МУДРЕЦЫ

Шли мудрецы из Трамтáрии,
Распевая капустные арии.
И каждая ария вкусная
Была бесконечно капустная.
И звенела мелодия странная,
Симпатичная, белокочанная.
Трам-тарарам-тарампам-тирампам,
Ешьте капусту,
Советуем вам!
Ешьте капусту цветную,
Ешьте капусту морскую,
В море, в ущелье,
Над бездною,
Ешьте капусту полезную
И при любой передышке
Помните о кочерыжке!
Шли три мудреца из Трамтарии,
Распевая
Капустные арии,
И каждая ария грустная
Была бесконечно капустная.
Трам-тарарам-тарара-тарара,
Кислую ешьте капусту
С утра.
В полдень

Советуем щи и солянку,
Можно капустный компот
Спозаранку,
И при любой передышке
Вспомните о кочерыжке!
Нету на свете
Стихов без конца...
Шли из Трамтарии три мудреца,
Ветер большие деревья качал,
Первый капустный мудрец замолчал.
Рыбка плеснулась
В реке под горой,
И замолчал почему-то
Второй.
Третий скапустился
В тихой печали,
И мудрецы
Навсегда
Замолчали.
Трам-тарарам-тратата-таратария...
Что же такое
Капустная ария?
Эти капустные три головы
Нам не сумели ответить,
Увы.

Перевод *Р. Сефа*

ШВЕЙЦАРИЯ

КАК В АЛЬПАХ
ПЕТЬ НА ТИРОЛЬСКИЙ ЛАД НАУЧИЛИСЬ

(народная сказка)

В давние времена пас молодой пастух каждое лето на горном выгоне свое стадо. А звали его Рез. Вечером, когда солнце садилось, начинал пастух петь-аукаль, так что эхо отзывалось далеко-далеко в горах и долго повторяло его песню. Только пел Рез нескладно, грубым, хриплым голосом. Ведь в ту пору в горах еще не знали чудесного искусства йодлей-певцов, тех, что пели с переливами на тирольский лад.

Однажды вечером на закате поднимался пастух в гору и, как всегда, пел да аукал. Взобрался он высоко и неподалеку от пастушьей хижины растянулся на траве. Устал Рез от дневных трудов — работа пастуха нелегкая — да тут же и заснул. Посреди ночи разбудил его какой-то шорох, и почудилось ему, будто в хижине огонь трещит. Протер пастух глаза, поспешно поднялся на ноги, заглянул в окошко и тут же снова бросился на землю. Лежит, глаз от хижины не отрывает. Что же он увидел? А вот что: сидят в хижине трое незнакомцев! Они, верно, и огонь в очаге развели, и котел, в котором сыр варят, над огнем повесили. Вроде бы собираются в том котле молоко кипятить. Дверь же в хижину закрыта.

«Чего вам надо э моей хижине?» — хотел было крикнуть незнакомцам Рез, однако вовремя поостерегся. Один из незнакомцев был огромный, словно великан, бородатый, лохматый, рыжий как огонь. Бородач стоял у очага, следил за котлом. Другой — высокий тощий человек с длинными, черными прямыми волосами. На нем была зеленая охотничья куртка, а через плечо — охотничья сумка. Он подносил воду и дрова, клал в очаг поленья и раздувал огонь с такой силой, что искры во все стороны сыпались. Третий был с виду славный малый: русоволосый, с голубыми, как небо, глазами. Он помогал великану: носил ведра с молоком и выливал их в котел. Лил молоко, лил, пока котел доверху не наполнился.

Вдруг раздался такой шум и грохот, будто рухнула крыша лачуги. Видит

пастух — подошел Русоволосый к двери — и она сама собой отворилась. Слышит пастух — поет кто-то, аукает, кричит. В жизни не доводилось ему слышать, чтобы кто-нибудь так зазывно пел. Да и не думал, что такое диво бывает на свете. Понял Реза: то пел Русоволосый.

— Хо-хо-ли-о-ху, хо-ли-хе, хо-хо-ли-ло-ба! — слышалось в темноте.

Эхом отозвались эти звуки в горах. Они колыхались в воздухе, разносились над вечными снегами. Казалось, будто множество людей поет, аукает и кричит хором, будто кругом все поет и веселится: скалы, ручьи, водопады. В пении слышался то звон коровьих бубенцов, то чистое звучание колокольчиков. У Реза защемило на сердце, на глазах выступили слезы.

Тут русоволосый юноша снова вошел в хижину и взял из угла длинный гнутый пастуший рог, украшенный зелеными ветками да алыми цветами. Взял юноша рог, встал у дверей хижины и снова стал петь-аукать. Только на этот раз он еще трубил в рог. Вначале Резу показалось, будто это ветер свистит, крышу хижины сдувает. Потом ему почудилось, словно горный вестер проносятся над вершинами темных елей и те шумят. А потом — будто зазвенели, зажурчали, словно весной, все родники и ручьи, и еще показалось пастуху, будто горный водопад шумит.

Меж тем рыжий великан, видно, со своей работой управился и стал молоко по чанам разливать. Смотрит пастух — ну и чудо! В одном чане молоко — алое, как кровь! В другом — изумрудное, как альпийские луга, а в третьем — белое, как вечные снега. Вышел Рыжеволосый на порог хижины и кричит Резу:

— Эй, иди сюда, выбирай себе молоко по вкусу!

Испугался пастух, задрожал всем телом, кровь застыла у него в жилах. Но тут подошел к нему Русоволосый со своим рогом и посмотрел на Реза светлым, ясным взором, страх и прошел. Собрался пастух с духом, встал со своего ложа и подошел к незванным гостям.

— Вот тебе три чана! Попей молока из одного, да гляди, не прогадай! — сказал Рыжеволосый, и зычный голос его будто гром загремел.

— Коли ты алого молока отведаешь, — продолжал великан, — станешь таким сильным да храбрым, что никому против тебя не устоять! А в придачу получишь еще сотню бурых коров. Завтра увидишь, как они в твоём выгоне пасутся. В долине же выделяют тебе крепкую усадьбу со всякими угодьями — с полями и лугами, лесами и садами. Ну, теперь выбирай!

Вышел тогда вперед черноволосый человек в охотничьей куртке. Голос Черноволосого будто охотничий рог зазвучал:

— Коли ты изумрудного молока отведаешь, дам тебе денег сколько душе угодно. Сможешь накопить всего, что только приглянется. Станешь самым богатым человеком во всем государстве! Будешь лучшим стрелком в окрестных горах и долах, отважным и смелым воином. Иноземные князья станут твоей дружбы домогаться. И будешь всему миру хозяин. Глянь-ка сюда!

Снял охотник сумку с плеча, вытряхнул ее на стол. Посыпались звонкие золотые дукаты да серебряные талеры. У Реза даже дух захватило.

А Русоволосый в темноте стоял. Облокотился он на свой длинный рог и, казалось, спит. Но вдруг поднял глаза, и щеки его порозовели, а глаза заблистали. И заговорил он таким чистым, звонким голосом, словно серебряный колокольчик:

— Коли ты белого молока отведаешь, подарю я тебе мой голос, мои песни,

мой рог. И ранним утром, на заре, ты будешь петь с переливами и трубить в рог так, как это делаю я. А у того, кто услышит твоё пение и звук твоего рога, потеплеет на сердце. До конца дней своих не забудет он твоего пения! И станут люди любить и почитать тебя.

— Отведаю я белого молока,— сказал Рез.

Зачерпнул он кружкой молоко и поднес к губам. Ну и тёплое, ну и душистое было то молоко! Никогда прежде не приходилось пастуху пить такого!

— Твоя правда,— сказал Русоволосый.— Хорошо выбрал! Выбери ты алое или изумрудное молоко — быть бы большой беде. Рыжеволосый-то покровитель пастухов, а Черноволосый — охотников. Вот и думают они, что в горах только и дела — за стадом смотреть и охотиться. А песни, мол, пастухам и охотникам только помеха. Вот и хотели они тебя подкупить. Я же — покровитель певцов-йодлей. Я принес в Альпы свои песни. И откажись ты от белого молока, не смог бы я передать мой дар людям. И прошли бы сотни, многие сотни лет, прежде чем они научились бы петь на тирольский лад.

Произнес он эти слова и исчез. А с ним вместе и рыжий великан и черноволосый охотник. Огонь в очаге погас, и Рез сам не знал, было ли это всё наяву или сон ему приснился. Лег пастух снова на траву и крепко заснул.

Когда же померкли звезды, защебетали птицы и снова взошло солнце, Рез проснулся. Рядом с ним на траве лежал пастуший рог, тот, что был у Русоволосого.

Рез мигом вскочил на ноги, выбежал на альпийский луг перед хижиной, стал петь и трубить в рог. Пел он с переливами на тирольский лад, как и поныне в Альпах йодли поют. Сбежались тут к нему со всех сторон коровы, и самая новистая смирилась и дала себя подоить.

По-всякому пел Рез — то тихо, то громко, ну точь-в-точь как Русоволосый. Неслась его песня по горам и долам, журчала, как ручеек, шелестела, словно ветер в лесу, гремела, как бурный водопад в горных ущельях. И люди, что слышали песню альпийского пастуха, не забывали её до конца своих дней.

Стало тогда искусство йодлей переходить из рода в род. Сохранилось оно до нынешних дней, и никогда не разучатся альпийские пастухи петь с переливами и трубить в рог.

Перевод Л. Брауде

Йорг Мюллер

(1942)

Автор книг на экологическую тему. Созданные им в соавторстве с художником Йоргом Штайнером книги рассматриваются как художественные пособия по экологическому воспитанию.

КОМУ СЛИ МЕДВЕДЬ ОСТАЛСЯ МЕДВЕДЬ?

Опадали листья. Дикie гуси потянулись к югу. Медведь почувствовал первые порывы холодного ветра. Появилась усталость. «Пахнет снегом», — подумал Медведь и, тяжело ступая по шуршащей листве, направился к любимой берлоге. Здесь было тепло, все располагало ко сну.

Вы знаете, ребята, медведям не обойтись без зимней спячки.

Как-то утром повалил снег. Да, пришла зима! Но наш Медведь ничего этого уже не видел: он спал крепким сном.

Тем временем в лесу появились люди. Пришли они не с пустыми руками. Прихватили какие-то чертежи, приборы и давай вырубать лес — дерево за деревом. А потом завезли технику — краны, экскаваторы, машины. И... закипела работа. В лесу строили фабрику.

Наступила весна. Медведь проснулся. Потянулся так, что хрустнули косточки. После долгого сна быстро не встанешь! Позевал и побрел к выходу. Тут он ахнул. «Может, я еще сплю?» — подумал он. Протер глаза, но нет. Не показалось. Действительно, лес исчез.

— Эй! — вдруг раздался чей-то грубый голос. — А ну, принимайся за работу!

Бедный Медведь! Его сердце так и замерло от страха.

— Простите! Простите! Но я Медведь...

— Медведь?! — возмутился вахтер. — Смех да и только! Ты просто грязный лентяй! А ну, пошли к начальнику!

— Я Медведь, — старался вежливо объяснить он, — вы же видите!

— Что я вижу — мое дело! — буркнул начальник. — Не вижу я никакого Медведя, а вижу грязного лентяя!

И поволок его к заместителю директора.

Тот уже кое-что прослышал про это дело и жутко расвирепел. Увидев входящих, тут же схватился за телефон и доложил директору.

Директор не стал тратить своего драгоценного времени на разбирательство, да и дневные газеты он еще не прочитал.

— Грязный элемент! Отвести его к главе строительной компании. Будет ему наука!

К главе строительной компании... Вы понимаете, ребята, это был самый главный начальник на фабрике. Денег он получал больше всех, и кабинет у него был самый большой. Но все это не очень-то его радовало. Вот и сейчас он скучал, поэтому и обрадовался: хоть какое-то развлечение.

— Так... так... Вы Медведь? Не так ли?

— Ах, — с облегчением вздохнул Медведь, — наконец-то я вижу человека, который меня понимает!

— Посмотрим... посмотрим. Если и впрямь медведь, то должны доказать это.

— Доказать? — удивился Медведь.

— Конечно! Ведь настоящие медведи бывают только в цирке или в зоопарке.

Для доказательства Медведя отвезли в соседний город. Там был зоопарк. Зоопарковые медведи неодобрительно покачали головами, увидев незнакомца, вылезавшего из автомобиля.

— Нет! — твердо заявили они, — Это не настоящий медведь. Настоящий медведь не разъезжает в машине. Настоящий медведь живет за решеткой, как мы.

— Ложь! — не сдержался Медведь. — Я... я Медведь! Медведь!

— Ну и упрямец, — сказал глава строительной компании, он еще не потерял терпения. — Едем дальше. В соседнем городе есть цирк.

Цирковые медведи долго разглядывали незнакомца.

— Выглядит как медведь, — наконец заявили они. — Но он не медведь. Медведь не сидит в зрительном зале. Медведь танцует на арене. Ты умеешь танцевать?

— Нет! — последовал удрученный ответ.

— Вы только поглядите! — возмутился самый маленький медвежонок. — Не умеет танцевать! Да он просто лентяй. Еще и шубу надел!

Все захохотали. И наш Медведь потерял последнюю надежду на помощь. На обратном пути он сокрушенно думал: «Я ведь верю, что я медведь. Но почему мне не верят?»

Когда ему на фабрике выдали спецодежду, он и сам начал сомневаться... А вахтер все время что-то бубнил про работу.

Рабочие меж тем не теряли времени, нажимали на какие-то кнопки, двигали рычагами. Медведь в растерянности поскреб затылок, потом решил все-таки прикоснуться к какой-то кнопке. Но напрасно: ничего не сдвинулось.

— Эй, ты! Возьмешься, наконец, за работу? — вахтер не успокаивался.

Медведь со всей силой надавил на кнопку. Машина не взорвалась. (Чего он так боялся!) Лишь маленькая лампочка, мигнув, показала, что и здесь начали работать.

Так Медведь стал рабочим. Из дня в день он стоял с другими рабочими у машин, двигал рычагами, нажимал на кнопки. А за высоким забором тем временем расцветали ландыши. Наступила весна, за ней — жаркое лето. Но вот погода испортилась. За непогодой пожаловала осень.

Как-то в обеденный перерыв Медведь заметил улетающих гусей. Долго провожал их глазами.

— Ты опять спишь на ходу? — заорал вахтер.

И вправду, чем пестрее становились деревья, тем больше уставал Медведь. Чем веселее плясали под порывами осеннего ветра яркие листочки, тем больше его клонило ко сну.

— Пахнет снегом, — думал он. — А я так устал.

По утрам рабочие еле вытаскивали Медведя из постели. Бывали случаи, что он засыпал у своих рычагов. Как-то к нему подбежал вахтер.

— Ты все портишь!— закричал он...— Не можем мы терпеть такого лентяя. А ну-ка убирайся! Ты уволен!

Медведь не поверил своим ушам.

— Уволен? Значит, я могу идти куда хочу? И никто меня не задержит?

— Уходи! И чтоб духу твоего здесь не было!

Взял Медведь свой узелок и отправился прочь. Шел он день по городу, шел он ночь, потом еще день. Чтоб не заснуть, считал проезжающие машины. Но на фабрике его научили считать только до пяти, так что он часто сбивался. Повалил снег. Стало совсем не до счета. Замерзший и мокрый, уже в сумерках заметил Медведь одинокий дом. За длинной стойкой стоял человек. Заставив посетителя подождать, человек, наконец, обратился к Медведю: «Что угодно?»

— Я очень устал,— Медведь старался быть вежливым.— Нет ли у вас свободной комнаты?

— Так-так! Комнаты! Мы не сдаем рабочим, тем более медведям!

— Что вы сказали?

— Я сказал: мы не сдаем рабочим, тем более медведям!

— Я не ослышался? Вы сказали медведям? Вы считаете, что я медведь?

Человек у стойки побледнел, потом схватился за телефон. Но это было излишне. Медведь уже вышел и прикрыл за собой дверь.

Проваливаясь в сугробы, побрел он к лесу. Шел и шел, не зная, что делать, пока не наткнулся на берлогу.

— Надо все хорошенько обдумать,— решил Медведь, усаживаясь у края берлоги.

— Ах! Если бы я не устал! Я должен хорошо подумать, что делать дальше...

Медведь сидел и зевал. Смотрел в черноту берлоги. Слушал шум ветра. А снег валил и валил...

Перевод Э. Ивановой

ШВЕЦИЯ

ОХОТНИК БРЮТЕ

(народная сказка)

Жили в старину в Сконе бедные торпари, муж с женой, и был у них один-единственный сын. С малых лет любил мальчик с ружьем за спиной ходить. И прозвали его поэтому Охотник Брюте.

Немало времени прошло, подрос Брюте, стал рослым и сильным. Вот как-то раз пошел он по обычаю своему в лес на охоту и видит: на вершине голой скалы дитя малое сидит и ручонками от огромного орла отбивается. А орел так и кружит над ним, так и норовит камнем на него упасть. Зарядил Брюте ружье, прицелился да и пальнул в орла. Тот и упал замертво.

Влез Брюте на скалу, чтоб дитя снять, только оказалось, что спас он вовсе не дитя человеческое, а троллénка. Задумался было Брюте: «Вроде зря орла загубил. Чего троллево отродье жалеть?» Но взглянул на троллénку и увидел, что тот добрый и ласковый. А троллénок будто мысли его отгадал и говорит:

— Не печалься, что ты орла загубил. Не орел это вовсе, а злой тролль, что поклялся паше семейство извести. Много он нам бед и горя причинил. Спасибо тебе, добрый охотник! Пойдем со мной! Вознагражу я тебя по заслугам.

Привел троллénок Охотника Брюте к себе домой. Услыхали старые тролли, что Охотник их детище от орла спас, и захотели его одарить — повели в свою сокровищницу и говорят:

— Выбери себе здесь из всего, что приглянется, три сокровища.

А выбирать есть из чего: тут и золото, и серебро, и лошади, и золотые кареты! Стоит Брюте, глаза у него разбегаются. Увидел троллénок его растерянность, подкрался и тихонько шепчет:

— Бери серого ослика, деревянную дудочку да старое ружье.

Послушался Брюте и взял все, что троллénок ему посоветовал. Распрощался он с троллями и уходить собрался. А троллénок ему напоследок шепчет:

— Королю как раз искусный охотник нужен. Попробуй к нему на службу наняться!

Послушался Брюте троллѐнка и на этот раз. Пошел он в королевский замок и нанялся к королю в охотники. Стал он королю служить, и сгодились ему деревянная дудочка и старое ружье, что он в подарок от троллей получил. Выйдет Брюте в лес, заиграет на дудочке, а к нему со всех сторон какая хочешь дичь слетается. Поспевай только прицеливаться да стрелять. А ружье его тоже без промаха било, поспевай только дичь подбирать.

Никогда еще на королевском столе такой богатой дичины не было, и никогда еще ни один охотник в такой милости, как Брюте, у короля не был. Разозлились королевские придворные и ждали только случая, чтобы досадить Брюте и лишить его королевской милости.

А у Брюте и в мыслях не было, что против него зло затевают. И не думал он вовсе скрывать, как дичь для королевского стола добывает. Вскоре узнали недруги все его тайны. Пошли они к королю и говорят так, мол, и так, Брюте — злой тролль, извести его надо. А хочет спасти свою жизнь — пускай добудет украденную злой ведьмой дочку короля.

Приказал король позвать Брюте и спрашивает его:

— Хочешь спасти свою жизнь? Верни мне принцессу! Знаем мы, что ты с троллями водишься!

— Помирать сейчас у меня охоты нет. Уж лучше положить на это дело всю жизнь и отыскать принцессу,— сказал Брюте королю, а сам подумал: «Попытаю счастья. Кто смел, тот и цел!»

И ушел от короля.

Стоит он у ворот королевского замка и не знает, куда ему путь держать, где принцессу искать.

— Эх, был бы со мной троллѐнок!— сказал он сам себе и вспомнил вдруг про троллеву дудочку.

Вытащил он дудочку и заиграл. Слышит: стон по лесу, рев да свист пошли. Не успел опомниться — стоит перед ним маленький серый ослик.

— Забыл ты меня с собой взять,— молвил ослик,— ну да ладно, прощу тебя! Троллѐнка-то от орла ты спас! Садись ко мне на спину, да поживее, отвезу я тебя в замок к ведьме. Слушайся меня во всем — принцесса твоя! Но помни: испугаешься, захочешь назад воротиться — пропали мы, и ты и я!

Пообещал Брюте ослику делать все, как он велит.

— А храбрости мне не занимать,— сказал он.

И пустились они в путь-дорогу дальнюю, Брюте незнакомую. Ослик же знай себе трусит рысцой, будто не впервой ему тут ехать. Добрались они наконец до ведьминога замка. Постучался Брюте в ворота, и они будто сами отворились. Вышла к ним ведьма, страшная-престрашная. Ноги у нее — страусиные, туловище — жабье, шея — гусиная, а голова — орлиная. Не думал Брюте, что есть на свете такое чудовище,— задрожал от страха, да, к счастью, вовремя одумался, вспомнил, что обещал ослику ничего не бояться. Набрался он храбрости и сказал ведьме:

— Отдавай мне принцессу, что ты украла.

Поняла ведьма, что Брюте не запугаешь, обернулась человеком, пригласила в замок, а ослика приказала на конюшню отвести. В замке ведьма сама проводила Брюте к принцессе.

Сидит принцесса в горнице и шелком да золотом волшебный узор вышивает. Спрашивает ведьма принцессу:

— Хочешь с Брюте домой отправиться?

— Как не хотеть! — отвечает принцесса.

Вот и говорит тогда ведьма Брюте:

— Даю тебе три дня сроку на испытание: отыщешь трижды за три дня принцессу — освобожу ее, и пусть с тобой домой отправляется. А не отыщешь — ты моим пленником станешь.

Согласился Брюте — понадеялся, что ослик ему поможет. Повела его ведьма в богатую опочивальню, а он и говорит:

— Нет уж! Спасибо тебе! Не хочу в замке ночевать.

И пошел к ослику на конюшню. Разозлилась ведьма, разъярилась, а заставить его в замке ночевать не может. Нет у нее пока над ним власти. И все вышло, как хотел Брюте.

Пришел он на конюшню, накормил, напоил своего ослика и про уговор с ведьмой рассказал. А ослик ему наказывает: так, мол, и так делай.

Пришел наутро Брюте в замок, а ведьма уже принцессу спрятала. Ищет охотник принцессу, ищет и наткнулся на ее корзинку с рукоделием. Взял он оттуда самый маленький шелковый клубочек и хочет себе в карман сунуть!

— А я тут! — говорит принцесса.

Заколдовала ее ведьма, и сделалась принцесса такой маленькой, что смогла в шелковый клубочек спрятаться.

— Повезло тебе на этот раз! — проворчала ведьма. — Завтра я ее получше спрячу!

Вторую ночь Брюте снова на конюшне спал. И снова дал ему ослик добрый совет: так, мол, и так делай.

На другой день пришел Брюте в замок, а ведьма уже принцессу спрятала. Ищет принцессу охотник, ищет и наткнулся на дубовый стол. Взял он со стола хлеб и нож и хочет тем ножом хлеб разрезать.

— Ой, ой! Пощади мою жизнь, не режь меня, — взмолилась принцесса.

Заколдовала ее ведьма, и сделалась принцесса такой маленькой, что смогла в каравай хлеба спрятаться.

— Понятно мне, кто твой советчик! — разозлилась ведьма. — Поглядим, как дело в третий раз обернется.

И вот на третий день задумала ведьма такое, что не смог ослик наперед сказать, куда она принцессу спрячет. Пришел охотник в замок, ищет принцессу, ищет, а найти никак не может.

Ведьма от радости ухмыляется.

Пошел Брюте к ослику и рассказал про свою беду.

— Отведи меня к колодцу на водопой! — попросил ослик.

Отвел охотник ослика к колодцу и видит вдруг: на ослином копыте слепень сидит.

— Вот я тебя сейчас поймаю! — сказал Брюте. Испугался он, что слепень ослика ужалит.

— Ой, ой, ой! Не убивай меня! — закричала принцесса.

Заколдовала ее ведьма и превратила в слепня, а Брюте ее и в третий раз нашел. Разозлилась ведьма и лопнула с досады. Ослика тоже как не бывало, а вместо него стоит у колодца тролленок и говорит:

— Одержал ты верх и над другим нашим недругом — ведьмой! Пусть

тебе и земли ее достанутся. Теперь ты с отцом принцессы богатством сравняешься.

Сказал — и с глаз сгинул.

А Брюте с принцессой покатали в золотой карете четвериком к ее отцу-королю. Сыграли в королевском замке свадьбу, а после стал Брюте королем в ведьмином государстве и правит им поныне.

И ни разу не доводилось мне слышать, чтобы кто в обиде был на короля — Охотника Брюте.

Перевод Л. Брауде

Из народной поэзии

ГДЕМ, ЕДЕМ НА ЛОШАДКЕ

Едем, едем на лошадке
По дорожке гладкой.
В гости нас звала соседка
Кушать пудинг сладкий.
Мы приехали к обеду,
А соседки дома нету.
Две собачки у порога
Нам сказали очень строго:
— Ав-ав-ав!
— Гав-гав-гав!

ПРЯНИЧНЫЕ ЧЕЛОВЕЧКИ

Нас трое. Мы явились
Из пряничной страны:
На нас рубашки сладкие
И сладкие штаны.
Мы пробыли сегодня
В дороге целый день.
У нас глаза — изюминки
И шапки набекрень.
Нас трое человечков,
Мы в гости к вам пришли,
Но пряничного козлика
С собой не привели.
Ему не захотелось
Из печки вылезать.
Просил он вам горячий
Привет свой передать.

КОРАБЛИК

У речки плачет Лассе —
Случилась с ним беда:
Исчез его кораблик
Неведомо куда.
Ты свой кораблик, Лассе,
Напрасно не ищи:
На нем уплыли в море
Уклейки и лещи.

ПЕР-ПРОСТАК

Пошел на рынок Пер-простак,
Фаллэри-лери-ли!
Пошел на рынок Пер-простак,
Фаллери-лери-ли!
Корову отдал он за так,
Купил он скрипку за пятак,
Теперь на ней играет так:
Фаллери-лери-ли!

ВОДЯТ ПЧЕЛЫ ХОРОВОД

Водят пчелы хоровод —
брум, брум,
В барабан ударил кот —
трум, трум.
Стали мыши танцевать —
тир-ля-ля,
Так, что начала дрожать
вся земля.

ПОД КУДРЯШКОМ

Маленький барашек
Нам мешок кудряшек
Подарил к зиме,
Подарил к зиме.
Вышла брату шубка,
Вышла маме юбка
И носочки мне,
И носочки мне.

БЕЗДЕЛЬНИК

Белка сено косит,
Галка сено носит,
Только кот-бездельник
Сел и денег просит:
— Помогу вам, ладно,
Только не бесплатно.
Дайте мне, по крайней мере,
Десять эре, десять эре.

ОТЛИЧНЫЕ ПИРОГИ

Мы печем пшеничные
Пироги отличные.
Кто придет к нам пробовать
Пироги пшеничные?
Мама, папа, брат, сестра,
Пес лохматый со двора.
И другие, все, кто может,
Пусть приходят с ними тоже.
Тесто замесили мы,
Сахар не забыли мы,
Пироги пшеничные
В печку посадили мы.
Печка весело горит,
Наша мама говорит:
— Крошки, что останутся,
Воробью достанутся.

ВРОНЫ

На воротах три вороны сели в ряд,
На воротах три вороны говорят:
— Полетим-ка в Данию, в дальний край.
Для вороны в Дании — рай, рай, рай.
Там сапожки для вороны
Продаются за три кроны.
Купим там сапожки
И согреем ножки!

МЫ ПОШЛИ ПО ЕЛЬНИКУ

Мы пошли по ельнику, ельнику,
Мы пришли на мельницу к мельнику.
Нам навстречу из ворот
Вышел черный-черный кот.
Говорит он:— Мельник нынче
В гости вас совсем не ждет!

Перевод И. Токмаковой

Астрид Линдгрен

(1907)

Популярная во всем мире писательница, лауреат Золотой медали Х. К. Андерсена, автор знаменитых книг о Пеппи Длинныйчулок, Малыше и Карлсоне, Расмусе-бродяге, Калле Блумквисте, Эмиле и др.

ДЕЛО СЕСТРЫ И МЛАДШЕГО БРАТА

— Ну,— сказала старшая сестра младшему брату,— теперь я расскажу тебе сказку. Может, хоть ненадолго прекратишь свои шалости.

Малыш сунул палец в стенные часы, чтобы посмотреть, остановятся они или нет. А потом сказал:

— Ладно!

— Понимаешь,— начала сестра,— жил-был однажды король. И сидел на троне с кроной¹ на голове...

— Чудно держать деньги на голове,— перебил ее малыш.— Я всегда кладу свои кроны в копилку.

— Фу, какой ты глупый,— сказала сестра.— Это совсем другая корона, это — корона.

— Вот что...— протянул малыш, взял графин с водой и выплеснул немного воды на пол.

— ...У короля был маленький сын и однажды король сказал принцу, что он тяжело болен, так как чувствует себя очень худо.

— А откуда король знал, что принц чувствовал себя очень худо?— спросил малыш и полез на стол.

— Так это ж королю было худо,— нетерпеливо заметила старшая сестра.

— Так бы и сказала. А дали ему касторку?

— Кому? Королю?

— Ясное дело, королю,— сказала малыш.— Если, в самом деле, худо было ему, зачем же давать касторку принцу?

— Ты болтаешь глупости,— рассердилась сестра.— В сказках не бывает касторки.

— Вот как,— удивился малыш и стал изо всех сил раскачивать лампу над столом.— Это нечестно. Я-то принимаю касторку всегда, когда болею.

— ...Раз королю было так худо, он и сказал принцу, что должен отправиться в дальние страны и привезти оттуда яблоко...

— Не очень-то хорошо ехать собирать яблоки, когда тебе так худо,— сказал малыш.

— Я рехнусь из-за тебя,— ответила сестра.— Ведь это принц должен был отправиться в дальние страны и привезти яблоко.

— Так и скажи,— продолжал малыш, чуть сильнее раскачивая лампу.— Зачем же ему нужно было отправляться в дальние страны? Разве поближе не было какого-нибудь сада, где бы можно своровать немного яблок?

— Ты что не понимаешь? Яблоко то было не простое, а чудотворное.

¹ Игра слов: по-шведски крона — корона и денежная единица.

И если кто-нибудь заболит, стоит ему только понюхать это яблоко — и он уже здоров.

— А по мне, хватило бы и касторки. И не надо было бы тратить деньги на дорогие билеты на поезд, чтобы попасть в дальние страны, — сказал малыш и сунул палец в дырку чулка, так что она стала чуть побольше.

— Принц не ехал поездом, — объяснила сестра.

— Да! А паромом ехать ничуть не дешевле.

— Он не ехал ни поездом, ни паромом. Он летел.

Наконец-то младший брат, казалось, заинтересовался.

— На ДЦ-6? — спросил он, прекратив на мгновение ковырять чулок.

— Он не летел на ДЦ-6, — недовольно заметила сестра. — Он летел на ковре.

— Молчи-ка лучше. Ты думаешь, что можешь вбивать мне в голову что угодно!

— Но так оно и было, — заверила сестра. — Он уселся на ковер — и сказал: «Лети, лети в дальние страны!» И ковер полетел по воздуху и над морем.

— И ты в это веришь? — снисходительно сказал малыш. — Я тебе покажу, что это неправда. Спрыгнув со стола, он уселся на маленький коврик из лоскутков перед открытой дверцей печки.

— Лети, лети в дальние страны! — велел он.

Но коврик продолжал спокойно лежать на месте.

— Ну что! — радовался малыш. — Так я и знал. На ковре и полпути до Сёдертёлье не пролетишь, не то что в дальние страны.

— Раз ты такой глупый, я не стану рассказывать тебе сказки, — оскорбилась сестра. — Ты что, не понимаешь? Это же был не такой ковер. Это был волшебный ковер, сотканный индийским магом¹.

— А какая разница, соткан ли ковер тощим индийцем или толстым шведом? — удивился малыш.

— Хватит глупых выдумок, — рассердилась сестра. — Маг — это все равно что волшебник. Принц летел на ковре и все. Он летел, летел и летел...

— Ты рассказываешь так подробно, что король много раз успеет умереть, пока принц доберется домой с яблоком, — сказал малыш. — Вообще-то я думаю, что принц сам сгрыз по дороге яблоко.

— Конечно, нет, — объяснила старшая сестра. — Это был добрый принц и вовсе не такой глупый, как ты. Но прежде чем раздобыть яблоко, ему пришлось сперва победить могущественного волшебника в тех дальних странах. Волшебник сказал принцу: «Сейчас здесь прольется кровь христианина».

— Кровь христианина, — спросил малыш, — а что это такое? — Верно, он думал: «Кровь из носа». — Будь я на месте принца, я бы как дал ему по носу; он бы сразу увидел кровь христианина.

— Рассказывать тебе сказки неинтересно, — сказала сестра.

— Это жутко веселая сказка, — ответил малыш.

— Понимаешь, когда принцу наконец удалось убить волшебника, он прижал яблоко к груди.

— Как мог волшебник прижать яблоко к груди? — спросил малыш, — ведь он же был уже мертвый.

— О! — воскликнула сестра. — Это же принц прижал яблоко к груди...

— Принц прижал яблоко к груди волшебника? А зачем? Лучше бы он взял его и отправился восвояси.

¹ Игра слов: по-шведски магер — маг и тощий.

— Я рехнусь из-за тебя!— закричала старшая сестра.— Принц прижал волшебника, нет, что я говорю, яблоко прижало... ой, нет, ты совсем запутал меня своей глупой болтовней, злой ты мальчишка!

— А я расскажу тебе, как все было на самом деле,— начал малыш.— Сначала принц прижал яблоко к лицу волшебника, и тогда волшебник взял ковер, прижал его к лицу принца и сказал:

«Лети, лети в дальние страны!» И тогда принц уселся на яблоко и полетел в Сёдертёлье, а потом примчался ковер верхом на волшебнике, который был такой тощий, что сразу станешь здоровым, как только понюхаешь его, король, который уже умер, так как ты очень долго болтала, прижал волшебника к груди принца, и тогда ковер съел яблоко, и все они жили долго и счастливо.

— Никогда больше не стану рассказывать тебе сказки,— пообещала старшая сестра.

— Вот хорошо!— обрадовался младший брат.

КТО ВЫШЕ!

— Сопляк! Сопляк!

Резко, протяжно и ликующе пронзил этот крик вечернюю тишину. Тот, кто, очевидно, и был сопляком, поднялся на грядке с клубникой и стал внимательно всматриваться в соседний сад. Но враг не показывался. Зато снова прозвучало как вызов:

— Сопляк!

Тогда тот, кто был на грядке с клубникой, всерьез разозлился.

— Иди сюда, ты — трус!— воскликнул он.— Иди сюда и скажи мне это в лицо, если посмеешь!

Белокурая голова с быстротой молнии вынырнула из густой листвы вяза, росшего возле соседского забора.

— Если посмею,— откликнулся белокурый и рассеянно плюнул через забор.— Если посмею! Сопляк!

По всему селению пронеслось словно лесной пожар: Альбин и Стиг снова принялись за свое! И несколько мгновений спустя все окрестные мальчишки в напряженном ожидании уже стояли на дороге.

Да, Альбин и Стиг снова принялись за свое. Они занимались этим каждый вечер. Они занимались этим давным-давно. Между ними существовало соперничество, соперничество, которое продолжалось почти девять лет. То есть с тех самых пор, когда Альбин и Стиг лежали в колыбелях.

— Подумать только, у Стига уже вырос первый зуб,— гордо сказала мама Стига маме Альбина, когда мальчикам было по шесть месяцев.

После чего мама Альбина пошла домой и сунула указательный палец в ротик Альбина. Но нащупала лишь мягкую, беззубую десну.

— Подумать только, Стиг уже может стоять, если только есть за что держаться,— сказала несколько месяцев спустя мама Стига маме Альбина.

Мама Альбина пошла домой, вытащила его из колыбели и поставила возле дивана на кухне. Но маленькие кривые ножки Альбина подогнулись, и он с криком рухнул на пол.

— Подумать только, Стиг ходит уже так хорошо, что, по-моему, может уже маршировать,— еще несколько месяцев спустя сказала мама Стига.

Тогда мама Альбина ринулась со своим мальчиком к доктору, чтобы узнать, не болен ли чем-нибудь Альбин.

Конечно же, он ничем не был болен.

— Все дети начинают ходить в разное время,— сказал доктор.

Но вот настал праздник и на улице мамы Альбина.

— Подумать только, Альбин говорит уже «метеосводка», хотя ему не больше двух лет,— сказала она маме Стига.

Мама Стига отправилась домой и вонзила взгляд в Стига.

— Скажи «метеосводка»,— решительно велела она.

— Да — да,— сказал Стиг.

Это означало: «дедушка» и было не совсем то же самое, что «метеосводка».

Мало-помалу Альбин и Стиг начали ходить в школу. Они сидели на одной парте и, собственно говоря, должны были бы стать лучшими друзьями. Но о какой дружбе может идти речь, когда им все время надо было состязаться друг с другом! Им обоим надо было во что бы то ни стало переплюнуть друг друга, потому что так уж повелось с тех самых пор, когда они были совсем маленькими. До чего же утомительно им жилось! Если учительница ставила Альбину «хорошо» по арифметике, то Стиг свирепствовал, точно лев. Он сидел дома и считал, считал без конца, пока глаза не вылезали у него на лоб. А если Стиг отличился, пройдя на руках вокруг школьного двора, то Альбин потом полдня надрывался дома за скотным двором, повторяя этот трюк.

То, что Альбин сидел теперь на дереве и кричал «сопляк» Стигу, было вызвано тем, что Стиг в тот же самый день прыгнул на пять сантиметров выше Альбина во время состязания, устроенного окрестными мальчишками на лугу, у церкви. Это раздосадовало Альбина и задело его до самой глубины души; и самое меньшее, что он мог сделать, это кричать: «Сопляк!»

Стиг гневно взглянул вверх на вяз и сказал:

— Тебе бы лучше потренироваться в прыжках в высоту, чем сидеть на дереве и обзывать старших.

Старшим был не кто иной, как Стиг. Он родился на два дня раньше Альбина.

— Я не интересуюсь прыжками в высоту,— сказал Альбин.— По крайней мере, прыжками в высоту снизу вверх. Но держу пари, что переплюну тебя в прыжках сверху вниз. Я не побоюсь спрыгнуть вниз с этой ветки, а ты не осмелишься!

И Альбин спрыгнул. Стиг тотчас перелез через забор, взобрался на вяз и повторил маневр Альбина. Мальчишки, стоявшие на дороге, заинтересованно наблюдали за ходом событий. Одни болели за Альбина, другие за Стига.

— Давай, давай, Альбин!— кричал один из «альбинистов».

— Эй, Стиг!— кричал болельщик Стига.

Тогда Альбин влез на крышу отхожего места.

— Я не побоюсь спрыгнуть отсюда!— закричал он Стигу.

И спрыгнул. Стиг презрительно фыркнул. С крыши отхожего места он-то мог бы спрыгнуть и в двухлетнем возрасте, заверял он.

— Но я не побоюсь спрыгнуть с самого высокого штабеля досок наверху у лесопилки,— продолжал он.

Все мальчишки устремились к лесопилке и восторженно смотрели, как Стиг прыгает вниз с самого высокого штабеля досок.

Альбин размышлял. Что бы ему теперь придумать?

— А я не побоюсь прыгнуть с моста,— сказал он, но голос его звучал не очень уверенно.

— Bravo, Альбин!— закричали «альбинисты». И вся толпа устремилась к мосту, чтобы посмотреть, как Альбин прыгнет оттуда.

— Давай, Стиг!— кричали болельщики Стига.

Стиг судорожно глотнул воздух. Прыгать с моста жутко высоко. Что бы такое придумать?

— Я не побоюсь прыгнуть с крыши самого высокого дровяного сарая,— сказал он под конец.

— Стиг не знает поражений!— горланили его болельщики.

Стиг достал лестницу и влез на крышу сарая. Он посмотрел вниз. От высоты кружилась голова.

— Ха-ха, слабо тебе, трус ты этакий!— заревел Стиг.

Он спокойно лежал уже некоторое время после прыжка, чтобы в животе все снова успокоилось.

Альбин совершенно растерялся. В чем-то он должен был переплюнуть Стига, того, кто прыгнул выше него на пять сантиметров.

В полдень пошел дождь. И тут, стоя у дровяного сарая, Альбин увидел, как маленький дождевой червь, привлеченный сыростью, вылез из щели. Альбина осенило.

— Я не побоюсь съесть дождевого червяка,— сказал он.— А ты не посмеешь!

И раз, он проглотил червяка.

— Bravo, Альбин!— закричали «альбинисты».

— Стиг тоже может сожрать червяка!— закричали болельщики Стига и принялись услужливо искать для него червяка.

Стиг побледнел. По-видимому, червяк не был его самым любимым кушаньем. Но его болельщики вскоре появились с дождевым червяком, которого нашли под камнем.

— Слабо тебе, трус ты этакий!— кричал Альбин.

Тогда Стиг съел червяка. После этого он исчез за деревом. Но потом мало-помалу появился опять. Но вид у него был смущенный.

— Сожрать червяка может любой сопляк,— сказал он.— А я спрыгнул с крыши дровяного сарая. А тебе слабо.

— Мне — слабо!— возмутился Альбин.

— Ему — не слабо!— орал «альбинисты».

— Ясное дело, слабо!— кричали болельщики Стига.

— Я спрыгну с крыши хлева,— заявил Альбин. Но ему стало холодно, когда он произносил эти слова.

— Bravo, Альбин!— орал «альбинисты».

— Никогда! Слабо ему!— говорили болельщики Стига.

Лестницу подтащили к хлеву. Из соображений безопасности ее поставили у той стены, которая не просматривалась из дома. Могло ведь случиться и так, что мамам Стига и Альбина не пришлось бы по вкусу именно такое состязание.

Альбин дрожащими ногами полез по ступенькам лестницы. И вот он уже

стоит на крыше хлева. Он смотрит вниз, в бездну. Какими маленькими кажутся там, внизу, мальчики! Сейчас-сейчас он прыгнет! Нет, это просто ужасно! Он переводит дух и молит бога, чтобы ноги поднялись сами собой. Но ноги не поднимаются.

— Он боится!— торжествуяше воскликнул Стиг.

— Покажи ему, как это делается!— заорали болельщики Стига.— Спрыгни сам с крыши хлева, Стиг, пусть он лопнет от стыда!

М-да, это было не совсем то, о чем мечтал Стиг. Он ведь уже спрыгнул с крыши сарая, наверное, хватит с него.

— Стиг, точно, боится!— закричали «альбинисты».— Подумаешь, крыша сарая, это раз плюнуть: Альбин спрыгнул бы с нее тысячу раз, правда, Альбин?

— Ну да!— закричал с крыши хлева Альбин. Хотя в душе понимал, что никогда больше не захочет прыгать ниоткуда, даже с крыльца.

Тут Стиг тоже полез на крышу.

— Сопляк,— ласково сказал ему Альбин.

— Сам ты — сопляк,— огрызнулся Стиг.

Потом он глянул вниз и лишился дара речи.

— Прыгай, Альбин!— орали «альбинисты».

— Прыгай, Стиг!— кричали болельщики Стига.

— Позор Стигу!— горланили «альбинисты».

— Пусть малышу Альбину будет стыдно!— вопили болельщики Стига.

Стиг и Альбин закрыли глаза. Разом шагнули они в пустоту.

— Как это, наконец, случилось?— удивленно спросил доктор, наложив шину Стигу на правую, а Альбину на левую ногу. Две сломанных ноги в один и тот же день!

Стиг и Альбин пристыженно поглядели на него.

— Мы еще посмотрим, кто прыгнет выше,— пробормотал Стиг.

Потом они лежали рядом, каждый в своей больничной кровати и упрямо смотрели каждый в свою сторону. Но, как бы там ни было, они вдруг покосились друг на друга и начали хихикать, несмотря на свои сломанные ноги. Сначала они просто хихикали, но им все больше хотелось смеяться. И вдруг они так громко расхохотались! На всю больницу! И тогда Альбин спросил:

— Ну что в этом, собственно говоря, хорошего — прыгать с крыши хлева?

Стиг расхохотался так, что едва смог произнести:

— Ты, Альбин! И зачем только мы слопали этих дождевых червяков?

Перевод Л. Брауде

Мария Грипе

(1923)

Известная писательница, лауреат Золотой медали Х. К. Андерсена, автор популярной серии книг о мальчике Эльвисе Карлссоне.

ЭЛЬВИС! ЭЛЬВИС!

(отрывок)

ОПЯТЬ БЕДА!

Мама собирает с пола осколки и все корит Эльвиса и корит:

— Сколько раз тебе говорила: захочешь пить, попроси у меня стакан! Раз сто, наверно, говорила, не меньше! Так ведь?

— Да-а...

Она говорила ему это столько раз, что Эльвис уж больше и не слушает.

— Ты прекрасно знаешь: я запрещаю тебе брать посуду из кухонного шкафа, потому что это всегда плохо кончается... Ведь ты такой неловкий...

Хуже нет что-нибудь сломать или разбить. Такое чувство тогда появляется, будто у тебя самого что-то сломалось внутри и так ноет и саднит, что просто сил нет дышать...

— И всегда-то ты чем-нибудь досадишь, всегда чем-нибудь испортишь настроение!— причитает мама, глядя на осколки рюмки у себя на ладони.

— Папа починит рюмку,— говорит Эльвис.

— Ну мыслимо ли болтать такие глупости? Разве можно починить хрустальную рюмку! Да что там, лишь выбросить осколки остается.

И мама сердито бросает осколки в мусорное ведро. Эльвис вздрагивает.

— Я куплю тебе новую рюмку!— говорит он.

— Нет, не купишь,— говорит мама.— Таких рюмок теперь уже не продают. Эти бабушка подарила мне на свадьбу. И что только скажет бабушка, когда узнает... Надо думать, она не обрадуется, бедняжка. Впрочем, чего ж еще ждать, когда в доме такой растяпа, как ты, Эльвис. Уж ты непременно все чашки и рюмки перебьешь. Скоро у меня ни одного свадебного подарка не останется...

Тут мама, конечно, преувеличивает: в доме у них полным-полно свадебных подарков, и мама то и дело вытирает их или стряхивает с них пыль.

— Не бойся, подарков еще много,— говорит Эльвис.

Мама всхлипывает.

— Уж ты бы лучше не спорил.

А он вовсе и не хотел спорить, он просто хотел маму утешить. Но утешения не вышло.

Мама смахивает слезу и глядит на осколки хрустальной рюмки в мусорном ведре. Затем она переводит взгляд на Эльвиса — и взгляд этот выдержать нелегко.

Он до сих пор не понимает, как это случилось. Эльвис распахнул дверцу кухонного шкафа и хотел достать самый обыкновенный стакан. И тут вдруг вывалилась наружу драгоценная рюмка. Сама вывалилась. Он даже не прикоснулся к ней. Но объяснить такое нельзя. Беду объяснить нельзя. Просто сказать, как все было на самом деле, нельзя. Потому что мама непременно подумает, что он лжет. Вот и приходится что-то сочинять и говорить кучу всяких слов. Только тогда мама ему поверит.

Да только Эльвис всего этого не умеет. Он не умеет оправдываться — всегда только молчит.

А жаль. Потому что мама любит слова. Но Эльвису никакие слова на ум нейдут, а если он что и придумает, все равно его слова не согласуются с маминими, слова их словно бы вздорят друг с другом. Тогда уж лучше помалкивать.

И вот мама снова начинает говорить. Эльвис разоряет семью, говорит она. Из-за него родители скоро станут нищими. Но Эльвис видел нищих по телевизору. Они живут где-то в далеких странах, им совсем нечего есть и почти нечего надеть на себя, и даже настоящего жилья у них нет. И папа с мамой станут такими вот нищими, и все только из-за того, что Эльвис разбил хрустальную рюмку, — уж этого он никак в толк не возьмет.

Эльвис внимательно прислушивается к словам мамы, он хочет, наконец, понять, почему так опасно разбивать свадебные подарки.

Ах, вот оно что, оказывается, за подарки заплачено много денег! Теперь все понятно. Это он уже знает. Мама часто толкует с папой о деньгах, которые вот-вот кончатся.

В семье должны быть деньги, иначе не на что станет жить. Потому что решительно всё вокруг стоит денег. В этой жизни за каждый шаг надо платить.

А вот за свадебные подарки платить не надо. Когда человек женится, ему дарят разные вещи. И деньги за них платят другие люди. Значит, когда мама женилась, ей не пришлось тратить на подарки свои последние жалкие гроши. Вот почему мама так любит эти вещи. А бить или ломать свадебные подарки — все равно что проматывать деньги. Теперь Эльвису все ясно.

Дедушка тоже проматывает деньги, но по-другому. Он, случается, покупает в лавке «чекушки» и выпивает, говорит мама. Так что и дедушка, и Эльвис одинаково испорченные люди.

Стоит только вспомнить про деда — и словно камень с души. Выходит, не один Эльвис испорченный; хоть это, может, и слабое утешение, но прожил же дедушка целую жизнь, покупал изредка чекушки и все же не стал из-за этого нищим. Так что, может, и незачем маме так уж сильно волноваться.

Но ей этого не объяснишь. Мама волнуется из-за денег. Так что у нее даже сердце ныть начинает, говорит она.

Все это очень печально.

И ведь Эльвис еще сколько денег стоит... Не сам он, конечно, сам-то он родителям задаром достался, но зато одежда его уйму стоит — теперь

ведь он уже больше не влезает в костюмы Юхана — папиного младшего брата, который умер шести лет от роду. А сколько Эльвис всего съедает! Не сосчитать! Да уж, наверное, родителям не по средствам его растить...

У Эльвиса есть поросенок — копилка, подарок бабушки, — круглый, толстый, славный такой поросенок. Только глаза у него большие, черные и какие-то невеселые. Это оттого, что ему все время суют в брюхо монеты, мама говорит, что без монет поросенку грош цена. А Эльвису поросенок куда дороже всех этих монет, пусть бы их и вовсе не было.

Эльвис мигом сбегал за поросенком и вынул у него из брюшка пробку. Потом высыпал все монетки на кухонный стол.

— Это тебе! Возьми! — сказал он маме.

Монетки разлетелись во все стороны. Со стола попадали на пол. Под диван закатились и за буфет. До чего же весело звенят монетки! Уж тут-то мама обрадуется!

Но мама не взяла деньги у Эльвиса.

— Как ты себя ведешь! — сердито прикрикнула она на сына и, нагнувшись, стала подбирать монеты.

А Эльвис ей помогал. Потом она велела ему побросать деньги назад в копилку, монетку за монеткой. Мама стояла и смотрела, как он это делает. Потом взяла поросенка и поставила на самый высокий шкаф, чтобы Эльвис не мог его достать.

— Так! Ты совсем не понимаешь, что такое деньги! — сказала она.

Но Эльвис очень даже хорошо понимает... Он наконец-то разобрался, что это такое.

Потом, когда мама вышла за покупками, Эльвис бросился к телефону.

— Ну вот, я тут опять деньги промотал, — сказал он дедушке.

Точно таким же тоном обычно разговаривает папа, признаваясь, что его футбольная команда опять проиграла.

— Вот как? — отозвался дедушка. — Так как же ты их промотал?

— Свадебный подарок, — коротко ответил Эльвис.

— Что? — удивился дедушка. Он решил, что Эльвис сходил в магазин и купил кому-то свадебный подарок. Кто же это женится, стал гадать дедушка...

— Да нет, черт побери, — продолжал Эльвис папиным тоном. — Я, понимаешь ли, разбил одну штуку. Свадебный подарок!

— Как же это вышло? — спросил дедушка.

— Не повезло, — снова произнес Эльвис папиным тоном. — Чертовски не повезло!

— Понятно, — сказал дедушка. — Это со всяким может случиться, даже с самым достойным из людей!

— И с недостойным тоже! — мрачно возразил Эльвис. Теперь он уже оставил папин тон. Папе хорошо: он всегда может свалить вину на команду. Как-никак там одиннадцать человек, а Эльвису некого винить, кроме себя самого.

Опять ему стало очень, очень грустно.

Он ждал, что дедушка скажет: «А я тоже немало денег промотал на своем веку».

Но дедушка ничего не сказал. И Эльвису пришлось самому спросить его об этом.

— Что? — спросил дедушка. — Конечно, я тоже промотал немало денег, — ответил он так спокойно, словно речь шла о каком-то пустяке.

— Сколько же ты всего промотал?— спросил Эльвис.

— Знаешь, неохота даже вспоминать,— сказал дедушка.— Что толку плакать о пролитом молоке.

— Молоке?— удивленно спросил Эльвис.— А разве в чекушках не водка?

Тут дедушка расхохотался и сказал, что Эльвис — чужак.

Но Эльвис не смеялся. Он вдруг сообразил: дедушка, что там ни говори, другое дело — он ведь проматывает свои собственные деньги, которые сам заработал. А Эльвис проматывает не свои. Мамины и папины.

Эльвису захотелось забыть о неприятном происшествии, и он заговорил с дедушкой о другом. И, как всегда, у них вышел очень веселый разговор. А все же где-то внутри у него будто заноза засела — память о беде, случившейся по его вине, и о всех других подобных бедах.

И мама тоже никогда не забудет того, что случилось. В этом можно не сомневаться.

Сегодня маме обязательно надо принарядиться: ведь Эльвис в первый раз идет в школу, и мама будет его провожать. Она снует от зеркала в прихожей к зеркалу в ванной комнате и обратно. В первом зеркале мама может видеть себя во весь рост, а во втором — получше рассмотреть лицо и убедиться, что оно в полном порядке.

«Вот именно»,— думает Эльвис, но молчит.

Мама набрасывает на шею косынку, говорит, так лучше. Потом примеряет другую косынку, с ней пальто смотрится еще лучше, говорит она. А вообще-то, может, зря она купила это пальто, говорит мама, может, разумнее было бы купить другое — зеленое, как советовала тетя Гуни-Бритт. А теперь ей, наверное, вечно придется таскать на себе это пальто, говорит она зеркалу, ей ведь ни в чем не везет...

Эльвис знает это. Вот, например, с ним маме не повезло, пусть она сейчас молчит об этом, но он столько раз уж слышал, как ей было досадно, что у нее родился он, Эльвис, а не девочка какая-нибудь. Девчонок ведь куда интереснее наряжать.

Мама вдруг обернулась и спросила, не забыл ли Эльвис зайти в уборную. Эльвис вздрогнул и сполз со стула. Да, то есть нет, не забыл.

— Ты уверен?

Мама потушила свет в прихожей, выключила приемник. Да, да Эльвис уверен, ему не надо в уборную.

— Хорошо! Тогда, значит, мы с тобой готовы!

Эльвис застыл на месте. Солнце светит в окно. Кругом так тихо, покойно. На кухне в своей корзинке спит Сёссан, мамина «ах ты, прелесть что за собачка».

Сейчас мама поправляет перед зеркалом прическу. Эльвис следит за ней глазами, взгляды их скрещиваются в зеркале.

— Что ж, пойдем?— говорит мама.

Эльвис отводит глаза, оглядывает комнату.

Порог ярко освещен солнцем. На полу словно сверкает золото. В другое время Эльвис сразу развеселился бы от одного вида солнечного отблеска. Золотистый порог — самое лучшее, что есть у них в квартире: когда Эльвис куда-нибудь уезжает и скучает по дому, он всегда первым делом вспоминает солнечный отблеск на полу.

— Что ж, пошли!— повторяет мама.

Она идет к двери, Эльвис нехотя следует за ней. Теперь уж ничего не поделаешь. Эльвис сдается. А ведь обычно с ним не так-то легко совладать. Но на этот раз он дал маху. Теперь остается только идти за мамой.

Назад он, должно быть, вернется совсем другим человеком. Он будет уже школьником. А уж эту породу людей он хорошо знает. Видел он этих школьников. Это совсем особое племя.

Эльвис невольно схватился за старый зонтик, стоящий в прихожей. Но мама быстро отобрала его.

— Зачем тебе зонтик? В солнечную-то погоду?

Эльвис сидит и дожидается, когда мама приведет себя в надлежащий вид. Сам-то он давно готов. Ведь сначала мама привела в надлежащий вид самого Эльвиса. С удивлением и тревогой смотрит он, как она суетится. Вчера она долго обсуждала с тетеньками по телефону, как ей одеться сегодня, настойчиво выясняла их мнение на этот счет,— не так-то уж легко решить, что же все-таки лучше подходит к такому случаю.

А теперь вопрос, значит, уже решился.

Мама наденет свое новое пальто, которое стоит 575 крон,— правда, купила она его на летней распродаже, и потому оно досталось ей за полцены, то есть за 250 крон. Летом, помнится, было много споров из-за этого пальто. Папа считал, что оно слишком дорогое, пусть даже вполцены; ему хотелось купить в рассрочку цветной телевизор, чтобы в красках смотреть все футбольные матчи. В конце концов маме пришлось занять денег у бабушки, и на них она купила себе пальто. А цветной телевизор папа до сих пор еще не приобрел, дальше разговоров дело не пошло.

До сих пор маме не представлялся случай надеть новое пальто, для каждого дня оно слишком нарядное, а вот сегодня, значит, она хочет его надеть. Потому что сегодня Эльвис в первый раз идет в школу! Как-то тревожно от этого на душе...

Эльвис сидит молча и сосредоточенно пытается обдумать случившееся...

Суть дела, как говорит дедушка, в том, что Эльвиса перехитрили. На этот раз он дал себя перехитрить.

Мама часто что-то говорила про школу, вроде ее и бояться нужно, и радоваться, что станешь школьником,— впрочем, он никогда и не слушал. Мама столько всего наговорит за день! И только теперь, когда мама решила надеть нарядное пальто, он вдруг осознал: все ведь из-за него, Эльвиса! До сих пор он не принимал разговоры о школе всерьез. Но когда из шкафа выплыло пальто, тут только Эльвису открылось, какое огромное событие должно произойти сегодня. Боже мой, ведь сегодня он в первый раз идет в школу!

Мама поворачивается перед зеркалом в разные стороны. Она стоит под самой лампой, той, что в потолке, и лампа эта горит, хотя за окном ясный день и вся комната освещена ярким светом.

Со своего места Эльвис может видеть пальто со всех сторон: мама стоит к нему спиной, но перед отражается в зеркале. Зрелище весьма печальное и злобующее. Маме оно тоже не нравится...

— М-да, сегодня я скверно выгляжу, и ничем тут не поможешь,— вздыхает мама.

Мама захлопнула дверь квартиры. Спустя мгновение за ними захлопнулась также входная дверь.

Назад уже нет возврата.

Впереди идет мама. Следом за ней бредёт Эльвис.

Чуть погодя мама останавливается и берет Эльвиса за руку. Только ненадолго... Ведь на ней белые перчатки! А руки у Эльвиса... Да разве можно быть уверенной, что... Конечно, мама велела ему вымыться получше, и, надо думать, руки у него чистые, а все же... Эльвис — это Эльвис. А белое есть белое. Так что скоро мама опять зашагала впереди одна, а Эльвис до самой школы плелся следом за новыми пальто и перчатками.

У каждой витрины мама замедляет шаг и любуется своим отражением.

— Кажется, у меня вполне приличный вид!— говорит она.— Уж тебе-то не придется из-за меня краснеть.

Что такое она говорит?

Эльвис так потрясен словами мамы, что застыл прямо посреди мостовой. Чтобы он стыдился своей мамы? Это же из-за него вечно краснеют родные!..

— Скорее ко мне! Еще попадешь под машину!— кричит ему с тротуара мама.

На лице у нее нетерпение. Да уж, должно быть, те слова ему просто посылались...

Вот уже и школа видна. Скоро они будут у цели. Со всех сторон к школе спешат мамы с детьми. Мама Эльвиса останавливается и глядит на них. Потом, наклонившись к сыну, рассматривает его руки. Выбрав ту, что почище, мама весь последний отрезок пути снова ведет Эльвиса за руку.

— Приятно смотреть на всех мам, которые за руку ведут своих детей в школу. Не правда ли, Эльвис?— говорит мама, оглядываясь по сторонам, и смеется:— Ты-то что думаешь?

Но Эльвис ничего уже не думает, он просто бредет, куда его ноги несут. Никаких мыслей у него больше нет. А мама очень довольна. Все идет как по маслу, размышляет она, может, Эльвис не такой уж несносный, как иной раз кажется. Наверно, ему будет полезно учиться в школе. Никогда еще он не был таким покладистым. Какой милый мальчик...

Мама оглядывается по сторонам, кому-то кивает, смеется. Ловит чужие улыбки. Прислушивается к чужим словам и, подражая другим мамам, старается те же слова говорить Эльвису, чтобы подбодрить его, как подбадривают своих детей чужие мамы. Она хочет во всем походить на них.

— Какой большой, красивый при школе двор! Видишь, Эльвис? Здесь вы будете играть на переменах! И сколько друзей у тебя теперь будет! Ты только погляди!

Мама на глазах расцвела. Новое пальто ей к лицу. Ей кажется, будто все любят их. До чего же весело в первый раз идти с Эльвисом в школу!

Мама радостно сжимает руку сына.

— Да-а, Эльвис, детка, сегодня у тебя настоящий праздник!

Мама и Эльвис входят в школу. Само здание прохладное, гулкое, но воздух в нем какой-то серый. Эльвис старается не отставать от мамы. А мама начинает болтать с другими мамами.

— Мой Гуннар с таким нетерпением ждал этого дня!— говорит одна из них.

— Мой Эльвис тоже! — подхватывает мама.

И Эльвис молчит, не спорит. У него уже совсем нет сил сопротивляться. Он чувствует, что еще немного — и он превратится в школьника. Словом, он ошеломлен и почти ничего вокруг не замечает.

Похоже, они наконец отыскали учительницу и вместе с ней вошли в класс. Теперь Эльвис стоит в классе и смотрит. А мама разговаривает с учительницей. Хотя вообще-то Эльвис не смотрит на них — ни на ту, ни на другую. И не слушает, что они говорят.

Но говорят они о нем — то и дело слышит он свое имя. Хотя, сказать по правде, ему неинтересно, что они говорят. Временами они смеются, то и дело слышны эти странные, тихие смешки. Вот мама слегка дернула Эльвиса за руку... И опять смешок!

Прошла целая вечность или около того, во всяком случае много-много времени прошло, и он вдруг заметил, что сидит за партой.

И на парте лежит солнечный отблеск.

Солнце светит на крышку парты, и она сверкает, в точности как порог дома у Эльвиса. Солнце светит, и от парты так вкусно пахнет... Сверху на крышке дерево гладкое, а внутри парты — шероховатое. Хорошая парта...

Воздух в классе посветлел, теперь он уже не серый, да и сам Эльвис повеселел, он уже не так оглушен, как прежде.

Но куда же девалась мама? Пальто и перчатки... где их теперь искать?

Все мамы — а их целая толпа — выстроились вдоль стен, но Эльвис не хочет туда смотреть. Только бы мама не спускала с него глаз, чтобы он не затерялся среди других детей. А то ведь в школе такая суета...

Интересно, а что тут происходит сейчас? Чей-то голос все время выкрикивает имена!

И всякий раз, как выкрикнут имя, кто-то из детей отвечает: «Здесь!»

К чему все это? Никто здесь ничего не делает. Все дети просто сидят за партами. А мамы стоят у стены! Такая странная, эта школа! Интересно, скоро все это кончится?

— Ох! — Эльвису вдруг так сильно захотелось в уборную. Просто ужас как захотелось!

Разумеется, надо терпеть. Эльвис умеет терпеть... Но легко терпеть, когда ты занят работой и весь ею поглощен. И совсем нелегко, когда ты просто вот так сидишь за партой. Без дела. И кругом ничего не происходит. Просто все говорят, говорят...

— Эльвис Карлссон! — вдруг выкликает кто-то.

Что же теперь будет?

Эльвис сосредоточенно глядит на крышку парты. Он даже глаз не поднимает. Пусть делают что хотят, только без него...

— Эльвис! Ты что, не слышишь? Учительница тебя вызывает! — доносится до него мамин голос.

Черт побери! До чего же Эльвису приспичило в уборную!

Чем только люди занимаются в этой школе? Сколько можно болтать языком?

Эх, кажется, сейчас он все же пустит струю...

И правда, струя вдруг как потечет!.. И запахло, и на пол полилось...

И сразу же рядом с ним возникло мамино пальто и перчатки...

Больше он ничего не запомнил.

Снова его будто оглушило что-то, и он даже толком не понял, чем же все-таки кончилось дело. Запомнил только, что им с мамой пришлось вернуться домой на такси. А после, конечно, разговорам не было конца.

Телефонные тетеньки сказали: наверное, Элвис очень нервничал, поэтому и не мог удержаться...

Чепуха! Элвис вовсе не нервничал. И вообще само слово «нервничал» — излюбленное словечко этих телефонных тетенок, они и к месту и не к месту вставляют его во всякий разговор.

С чего бы ему бояться школы? Там никто ровным счетом ничего не делает. За все время, что он там провел, никто палец о палец не ударил.

И школьник из Элвиса не получился. Каким он был, таким и остался. Никакого превращения с ним не произошло.

А насчет того, чтобы опять туда пойти, — это Элвис еще посмотрит. Есть еще время подумать...

Когда мама покончила со всеми звонками и вышла из дому, Элвис сразу позвонил дедушке. Он еще вчера обещал ему позвонить, как только можно будет, и рассказать про свой первый день в школе.

— Ну? — спросил дедушка. — Как дела?

— Так вот, — ответил Элвис, — я намочил в штаны. Что только скажут люди?

— Что такое? — с удивлением переспросил дедушка.

— Ну да, что скажут люди? — повторил Элвис.

— А тебе разве не все равно, что они скажут? — возразил дедушка.

Конечно, Элвису решительно все равно, хотя, впрочем...

— Нет, все-таки что скажут люди? — снова тревожно переспросил Элвис.

— А уж это их личное дело, — ответил дедушка. — Тебе-то какая забота? Пусть люди думают и говорят, что им заблагорассудится.

Да, конечно, вообще-то Элвис согласен с этим. В самом деле, стоит ли из-за чужого мнения волноваться.

— А больше в школе ничего интересного не было? — спросил дедушка.

— Вроде бы ничего больше, — ответил Элвис.

— А какая у вас учительница? Понравилась она тебе?

Но Элвис и учительницу тоже не запомнил. Он почти что и не смотрел на нее.

— А знаешь, на парте был солнечный зайчик, — вдруг вспомнил он.

— Что ж, отлично! — сказал дедушка.

— Да только я все равно больше туда не пойду!

В трубке на миг вдруг стало тихо-тихо. Потом дедушка спросил:

— А как ты полагаешь, разумно это?

— А ты что мне посоветуешь? — спросил Элвис.

— По-моему, ты сходи, хотя бы разгляди как следует учительницу, прежде чем принять окончательное решение! — сказал дедушка.

— Ты так считаешь?

— Само собой! Мыслимо ли бросать школу, когда даже не знаешь, какая у тебя учительница! Я, к примеру, нипочем так бы не поступил, — решительно заявил дедушка. — Не дурак же я в самом деле!

Да, конечно, еще разок, пожалуй, можно сходить в школу, чтобы только взглянуть на учительницу...

— Но школьником я все равно никогда не стану!— сказал Эльвис.

— А что в этом страшного?— возразил дедушка.— Эльвис всегда остается Эльвисом.

То же самое говорит и мама. Только как-то по-другому.

— Ты верен себе, Эльвис,— сказала она ему в тот же вечер.— Каким ты был, таким ты и остался.

Мама все оглядывает свое пальто. Пятно она вывела, но, конечно, она еще не раз попрекнет Эльвиса за всю эту историю. На этот счет у него нет сомнений.

Есть ли вообще смысл Эльвису ходить в школу? Хотел бы он это знать...

Эльвис теперь больше уже не боится, что станет школьником. Этого он когда-то еще давно испугался, потому что у маминых подруг, с которыми она так часто говорит по телефону, дети ходят в школу, и о них всегда было много разных толков, и мама то и дело повторяла:

— Да-а, Эльвис, вот когда ты пойдешь в школу, тогда начнется другая жизнь! В школе не место таким, как ты, там уж ты должен будешь вести себя, как школьник!

И казалось: стоит лишь начать ходить в школу, как сразу перестанешь быть самим собой. Но теперь-то Эльвис знает: каким он был, таким он и остался, и переменится он, только если сам того захочет...

А что, если он, Эльвис, не годится для школы? Особенно после того, как намочил в штаны,— что только подумают люди! Как же тут быть?

Вот о чем он сейчас размышляет.

Так как же ему теперь быть?

Что ж, если так, наверно, придется отказаться от школы...

Эльвис не видит другого пути: ведь если он не годится для школы, значит, и школа не годится для него. А раз так, пусть делают там, что хотят, только без него.

Может, это даже не так уж и плохо?

Эльвис без устали размышляет об этом, но маме — ни слова... И на следующее утро, когда мама собирала его в дорогу, он и бровью не повел, хотя почти совсем твердо решил больше не ходить в школу.

Мама купила Эльвису портфель и уйму разных школьных принадлежностей. Все это добро не пропадет, вещи эти когда-нибудь ему еще пригодятся, они вполне подходящие.

— Ты уверен, что сам найдешь дорогу?— спросила мама, когда Эльвис был совсем готов и пошел к двери.— Может, мне все-таки проводить тебя?

— Нет, не надо провожать.

Эльвис сам найдет дорогу.

Все же мама велела ему еще раз заглянуть в уборную — на всякий случай.

— Чтобы снова не случилось такой неприятности, как вчера!— сказала она.

В уборную Эльвис заглянул, да только совсем зря, зато хоть мама успокоилась,— и наконец-то он вышел из дома. Мама стояла у окна и смотрела ему вслед, и он услышал, как она по обыкновению закричала:

— Эльвис! Эльвис!

Обычно Эльвис не откликается, когда мама зовет его из окна, у него сов-

сем нет на это времени, ведь он всегда куда-нибудь спешит, но сегодня он все равно решил не ходить в школу, а потому остановился послушать, чего же хочет от него мама.

— Эльвис, слышишь, если ты не найдешь свой класс, спроси у кого-нибудь, где находится класс фрёкен Мágнуссон! Запомнил, Эльвис? Фамилия твоей учительницы — Магнуссон! А после уроков, смотри, сразу иди домой! Ты слышишь, Эльвис?

Эльвис кивает. Как-то нескладно все получается...

Как же ему теперь быть?

До школы всего два шага. Сейчас у Эльвиса как раз нет никаких особых дел, так что, пожалуй, можно и прогуляться туда. Это вовсе не значит, что он войдет в школу. Просто отчего же не пройти мимо. И поглядеть, что там делается...

Эльвис видит: в школьном дворе полным-полно детей. Как-то раз был такой случай: школьники гурьбой налетели на него и начали колотить его сумками. Правда, это было очень давно. И теперь у него самого уже есть школьная сумка.

Эльвис остановился и стал смотреть. Если школьники подбегут к нему и начнут приставать, он просто повернется и уйдет — и все тут.

Но к нему никто не подбегает. Никто даже не глядит на него. Он долго стоит и ждет, но нет... Никому до него нет дела. Для этих детей он все равно что пустое место.

Вот по улице мимо него прошли несколько мальчиков. Они вбежали в школьные ворота, и Эльвис невольно последовал за ними. Так он оказался на школьном дворе.

Черт побери! И зачем только он так бездумно пошел за этими мальчишками?

Впрочем, он еще может поступить, как ему вздумается, захочет уйти — и уйдет.

Эльвис прогуливается по двору — и никто его не трогает. Кругом много детей: кто гуляет, кто стоит на месте, кто бегают, но никто не обращает внимания на Эльвиса. Пока еще никто.

Может, они все же наконец заметят его?

Или, может, он сделался невидимкой?

Эльвис почти что уже обошел весь двор, но до сих пор никто его не заметил.

С одной стороны, это хорошо. Но с другой стороны — плохо.

Хорошо, потому что можно спокойно прогуливаться и думать о своем, хотя на школьном дворе детей полным-полно, будто рыбы в садке. Но вот если Эльвису захочется с кем-нибудь поболтать, тут дело хуже. Правда, ему пока вовсе не хочется ни с кем болтать, а все же...

Нет. Эльвис ни за что не побежит вслед за остальными в школу, как только прозвенит звонок. К тому же сегодня пасмурный день, и на парте наверняка не будет солнца. Наверное, там в классе все серое-серое...

Самое лучшее — убраться сейчас отсюда добру-поздорову.

Эльвис быстрым шагом устремился к воротам. Но навстречу ему во всю мочь бежали две девчонки. Одна с визгом и криком гналась за другой. Не заметив Эльвиса, девочки сбили его с ног, так что он упал на землю, школьная сумка полетела в одну сторону, шапка — в другую.

Но девчонки даже не оглянулись и помчались дальше. Эльвис встал, поднял шапку, а вот сумка куда-то пропала. Рядом стояли дети, но он не решился спросить их, не видели ли они ее. Он просто стоял и смотрел. Прочь отсюда, сейчас же, сию минуту, думал он, но без сумки ведь не уйдешь.

Что это с ним? Эльвис вдруг разозлился на самого себя. Стоит тут и боится чего-то. Даже очень боится. С чего бы это? Да потому что сумка его пропала! Будто в ней какая-то тайная сила. Если сейчас на него набросятся школьники и станут колотить сумками, как в тот раз, Эльвису нечем будет отбиваться.

Чепуха! Ведь это случилось однажды, давным-давно, когда он был маленький и ничего не понимал. Не сознавал, что просто он всегда один, совсем один. Но теперь-то он знает, что может положиться на самого себя, уж он справится со всяким, он никого не боится, ни тех, что видят, ни тех, что совсем не видят, не замечают его.

Может, не так уж и важно, уйдет ли Эльвис или останется. Разницы большой нет. Вот только сумку он должен отыскать! А уж потом — будь что будет...

Но все же куда девалась сумка?

Надо поскорее ее отыскать еще до звонка, ведь скоро все устремятся в школу, разойдутся по классам — кто куда. И тогда будет труднее найти сумку. Нет, надо постараться найти ее сейчас. Где-то ведь должна она быть.

Эльвис обошел весь двор — все напрасно. Но возможно ли, чтобы вещь пропала таким вот образом? Загадка!

Вдруг голос за его спиной:

— Слушай! Это твоя сумка?

Эльвис обернулся — перед ним стояла девочка и держала в руках его сумку.

— Я видела, как ты ее выронил, — сказала она и добавила, что она подняла сумку с земли, раз уж Эльвис сам этого не сделал.

— Ты все только стоял и смотрел и не видел ее, — сказала девочка и тут же изобразила, как Эльвис стоял и смотрел. Но она не смеялась над ним.

Эльвис взял у нее сумку, а девочка все не уходила, разговаривала.

— Знаешь, у меня точно такая же сумка, — сказал она и показала ему свою.

Да и правда, сумки одинаковые, Эльвис и сам это видит. Девочка открыла свою сумку и вытащила из нее большой старый географический атлас в синем переплете с изображением земного шара на обложке. Эльвис сразу узнал земной шар, хотя здесь он был желтый, а по телевидению — всегда серый.

— Нет, — возразила девочка, — в цветном телевизоре, освещенный солнцем, он вовсе не серый.

— А у нас нет цветного телевизора, — сказал Эльвис. — Мы вместо цветного телевизора купили маме пальто.

— У нас тоже нет, — сказала девочка, — просто я в других домах видела.

— А что, — спросил Эльвис, — разве надо приносить в школу такой вот атлас?! У меня такого нет!

Девочка покачала головой. Она сама не знает. Ей велели спросить у учительницы, надо ли приносить в школу атлас или нет. Сейчас ей дали атлас только на один день, но, может, когда-нибудь ей подарят его насовсем.

— Это прабабушкин атлас,— сказала она.— Она скоро умрет.

— Правда?— испуганно спросил Эльвис.— Она, что, больная?

— Нет, просто очень она старая! Этот атлас дороже денег,— строго пояснила девочка и сунула его назад в сумку. Он очень дорогой, и ей велели его беречь. А у тебя что в сумке? Покажи!— попросила девочка.

И Эльвис показал ей все, что накупила ему для школы мама.

— Отличные вещи,— похвалила девочка,— и я такие хочу!

Но Эльвис сказал: ее атлас куда лучше. Если у человека есть такой атлас, никаких школьных принадлежностей и не нужно. С этим девочка вполне согласилась, да только прабабушка велела ей показать атлас учительнице, она и скажет, что нужно приносить в школу.

Девочка оглядела школьный двор, потом стала разглядывать школу.

— Какая большая школа!— вздохнула она.— Я ни за что не найду свой класс.

— А я найду!— не подумав, сказал Эльвис и решил войти в школу вместе с девочкой. Да и не все ли равно, раз уже он здесь.

— Я отведу тебя в класс!— сказал он.

— А что, если мы с тобой в разных классах? В этой школе так много классов,— озабоченно протянула девочка.

— Я все равно и другой класс тоже найду!

Конечно, он плохо помнил, как школа выглядит изнутри, вчера ведь он был так рассеян, но девочка вдруг как-то по-особенному взглянула на него — глубоко-глубоко заглянула в самые глаза, и от этого он еще больше преисполнился уверенности в себе. Потому что девочка надеется на него. Да, конечно, Эльвис сразу доставит ее, куда ей нужно. И они с ней наверняка в одном классе, ей ведь тоже велели спросить фрёкен Магнуссон.

— Я вчера тебя не видела,— сказала девочка.— А ты меня видел?

Эльвис покачал головой — ему очень хотелось сказать, что он ее видел, но ведь это была неправда.

— Я вчера вообще никого не видел!— объяснил он.

— Ну как же так никого? А того мальчика, что намочил в штаны, уж его-то ты наверняка видел?

Эльвис удивленно и растерянно взглянул на девочку.

— Так это же я и был!— сказал он.

Неужели она не узнала его? Если так, глупо с его стороны признаваться. Но девочка глядела на него широко раскрытыми глазами, и в них было сомнение.

— Нет, правда?— переспросила девочка.

— Правда, правда,— кивнул Эльвис.— Это я!

— Да как же ты только посмел? Я бы умерла на твоём месте...

— Пустяки,— сказал Эльвис.— Не о чем говорить.

— Да, но ведь...

— Просто человек не может терпеть сколько угодно,— объяснил ей Эльвис.

— Конечно, да только...

— Словом, никто не может долго терпеть! И все тут!— заявил Эльвис. Девочка не расхохоталась ему в глаза, но и возмущаться не стала, а просто глядела на него неотрывно, и Эльвиса это радовало.

Тут как раз прозвенел звонок.

Все дети ринулись к дверям школы, и найти свой класс каждому было совсем не трудно, потому что внизу у самой лестницы дожидалась своих учеников фрёкен Магнуссон, и она уже знала в лицо всех, кто поступил в ее класс. И Эльвиса тоже знала. Правда, вчера он ни разу на нее не посмотрел, но, должно быть, она сама смотрела на Эльвиса. Даже его имя и то она запомнила.

— Добро пожаловать в школу, Эльвис!— сказала она.— Добро пожаловать, Аннарóза!

Аннароза? Ну да, конечно, так зовут девочку, что шагает рядом с ним.

Как только Аннарóза увидела учительницу, она тут же открыла сумку и снова достала атлас.

— Какой красивый атлас!— сказала учительница.— Я потом полистаю его.

— Нет, пожалуйста, полистайте сейчас!— заявила Аннароза и объяснила, что прабабушке необходимо сразу же узнать, потребуется ли атлас Аннарóзе в школе: он ведь такой дорогой.

Учительница взяла книгу и принялась осторожно ее листать, а все остальные дети столпились вокруг нее и смотрели.

— Это очень хороший и очень старый атлас,— сказала учительница.— И очень красивый. Он издан в 1887 году. Но, разумеется, книга эта слишком ценная, чтобы брать ее с собой в школу,— сказала учительница, возвращая атлас Аннарóзе.

— А вот и нет!— с пылом проговорила Аннароза.— Прабабушка подарит мне ее, если только я пообещаю ее беречь.— Она снова протянула учительнице книгу:— Смотрите, какие тут картинки красивые. Уж, конечно, мне позволят брать с собой атлас в школу!

Учительница задумалась, снова полистала атлас, но уже не стала его смотреть, заметил Эльвис; она просто переворачивала страницы и покусывала губы.

— Знаешь, к сожалению, этот атлас мало пригодится тебе в школе,— сказала она наконец.— Понимаешь ли, мир уже давно не тот, каким он изображен на этих картинках. Мир теперь совсем-совсем другой.

Учительница захлопнула книгу и снова отдала ее Аннарóзе.

Она вошла в класс, и все дети потянулись за ней. Про атлас все уже забыли.

Аннароза никак не могла засунуть книгу назад в сумку, и Эльвис кинулся ей помогать. Робко взглянул он на картинку с изображением земного шара. Неужели теперь Земля выглядит по-другому? Как же она выглядит?

Перевод С. Тархановой

Барбру Линдгрен

(1937)

Художник, поэт, автор веселых повестей.

КАК МАТТИАС ХОТЕЛ ПРОДАТЬ ФИЛИППУ

(отрывок из повести «Маттиас и его друзья»)

Филиппа только и знала — орать да орать. То она кричала оттого, что хотела есть, то оттого, что съела слишком много. А уж если у нее болел животик, от ее крика можно было сойти с ума! Тогда Маттиасу почти хотелось, чтоб Филиппы у них вовсе не было.

— Мама, ну когда она перестанет кричать? — спросил Маттиас из-под кухонного стола.

Завернувшись в одеяло, он катался там взад-вперед по полу — играл в «голубцы». Пол при этом был сковородкой, а «голубцом», ясное дело, он сам. Но Филиппа сегодня так разоралась, что Маттиас вскоре не выдержал.

— Пойду поищу золото! — сказал он, сбрасывая одеяло. Дело в том, что он коллекционировал золото. Да-да, и занимался этим уже довольно давно. Ведь золото — оно дорогое, да и блестит к тому же!

— Пока, я пошел.

Он уже был в дверях, собираясь помчаться вниз по ступенькам, но тут мама закричала ему вслед:

— Стоп! Стоп! Задний ход! Раз ты собрался гулять, возьми-ка с собой Филиппу!

— А как я буду искать золото, если возьму с собой Филиппу?! — сердито спросил Маттиас.

— Ничего, как-нибудь, — сказала мама.

Она постелила в коляску две обшитых кружевом простынки и розовое одеяльце, потом положила Филиппу и уже в коляске надела ей крошечную шапочку. Наверное, это была самая маленькая на свете шапочка, годившаяся разве что на апельсин, но Филиппе она оказалась в самый раз.

Потом мама вкатила коляску в лифт и нажала кнопку, на которой было написано «вниз».

Лифт медленно спустился, и Маттиасу ничего не оставалось, как вытащить коляску из кабины и пойти гулять с Филиппой.

Мама высунулась из окна и помахала ему рукой.

— Иди только по тротуару! — велела она. — Не смей переходить улицу!

Маттиас с унылым видом катил коляску. Весь день был испорчен.

Сначала он шел по своей улице Ванадисвеген. Но потом, дойдя до угла, свернул на Вестманнагатам. Удивительно, но Филиппа молчала. Она лежала, уставившись в небо, словно впервые его увидела. А когда высоко-высоко над нею потянулись провода, Филиппа засмеялась.

Нет, все-таки она была довольно миленькая девочка. У нее уже начали расти реснички. Если бы она не кричала так ужасно, было бы даже неплохо иметь такую сестренку.

На пустынных улицах стояла непривычная тишина. Наверное, было воскресенье. В самом деле — вот и церковные колокола зазвонили.

Маттиас снова завернул за угол и подходил уже к большому пивоваренному заводу, как вдруг Филиппа перестала смеяться, перестала смотреть на небо и закричала изо всех сил. Личико ее покраснело, и по щекам покатались слезы, такие маленькие-премаленькие слезки.

Маттиас поднял откидной верх коляски, чтобы не так было слышно, как она кричит. Но где там! Все равно прохожие все слышали и оборачивались проходя мимо, а кое-кто даже смеялся.

Ой, как же стыдно было Маттиасу! Бросить бы коляску и удрать! Пелле Маленький так бы и сделал, а Маттиас не решился — все-таки боязно было оставлять Филиппу одну.

В самый разгар этих горестных переживаний ему в голову вдруг пришла блестящая идея. Он продаст Филиппу какой-нибудь доброй тетеньке или дяденьке и получит за нее золото!

Нужно только найти человека, который захочет купить такого крикливого ребенка.

Маттиас снова завернул за угол и вдруг очутился перед настоящим ювелирным магазином, где продавали золотые вещи. Витрина вся искрилась золотыми кольцами, ожерельями и еще всякой всячиной.

Ну, и повезло ему! Лучшего места для задуманного не найти!

Когда он открыл дверь магазина, зазвонил маленький колокольчик. За прилавком стояла тетенька с серебряными волосами и в очках, очень похожая на бабушку Маттиаса.

— Что тебе здесь надо, малыш?— спросила она.

Маттиас поклонился.

— Тетенька, купите у меня Филиппу,— попросил он.— Ей три месяца, у нее уже растут реснички, и вообще она...

— Ты что, продаешь настоящего живого ребенка?— удивилась тетенька.

— Да! Можете сами посмотреть. Филиппа лежит в коляске у дверей.

Тетенька с серебряными волосами вышла следом за Маттиасом и заглянула в коляску. Филиппа кричала не переставая.

— Нет, спасибо, я ее не куплю,— сказала, тряхнув серебряными волосами, тетенька.— От такого шума у меня тотчас заболит голова. И что, она всегда так кричит?

— Да, почти всегда!— тяжело вздохнул Маттиас.— Ну, тогда до свидания.

— До свидания,— сказала тетенька и вернулась в магазин.

Маттиас двинулся дальше. Миновав молочный магазин, магазин тканей, он пошел к дому, на котором большими золотыми буквами было написано: «Парикмахерская». Читать, правда, Маттиас еще не умел, но он видел, что буквы из золота, и поэтому решил войти туда.

Ступенек в парикмахерской не было, и Маттиас легко вкатил туда коляску. Парикмахер как раз занес ножницы над головой какого-то дяденьки, собираясь остричь ему волосы. Вдоль стены, дожидаясь своей очереди, сидело много-премного других дяденек. Маттиас низко поклонился парикмахеру.

— Если хочешь подстричься, садись и жди своей очереди!— предложил ему парикмахер.

— Я не хочу стричься.

— Не хочешь стричься? Тогда зачем ты пришел сюда?
— Я пришел, чтобы продать Филиппу. Может, купите ее?
Рука парикмахера застыла в воздухе. Он обернулся.

— Это вон та, что в коляске, продается?

— Да!— твердо ответил Маттиас.

— Нет, для меня она слишком молода, ха-ха-ха!— рассмеялся парикмахер.— Вот настоящая служанка мне бы пригодилась! Приходи, когда у тебя найдется служанка на продажу!

Но тут другие дяденьки заинтересовались Филиппой. А один — с черными-пречерными усами — поднялся и подошел к Маттиасу.

— Сколько твоей девочке?— спросил он.

— Три месяца.

Дяденька с черными усами внимательно разглядывал Филиппу. По такому случаю она молчала и смотрела на всех большими удивленными глазами.

— По-моему, она мила,— заметил дяденька.— Она часто кричит?

— Часто, почти всегда,— ответил Маттиас.— Потому-то я ее и продаю.

— Я люблю крикливых детей,— заверил его усатый дяденька.— Я всегда мечтал о маленькой крикливой девочке! Сколько она стоит?

Маттиас немножко подумал.

— Десять золотых крон,— помедлив, сказал он.

Усатый дяденька вытащил из кармана большой кошелек и стал отсчитывать деньги.

— Ну, золотых крон у меня нет, а серебряные найдутся. Вот, как раз десять!

Немного поколебавшись, Маттиас согласился:

— Ладно, серебряные тоже годятся!

Усатый дяденька отдал ему деньги. Они пожали друг другу руки, и оба сказали «спасибо». Маттиас спрятал деньги в карман брючек.

— Могу я взять коляску в придачу?— спросил усатый дяденька.

— Ясное дело. Надо же Филиппе где-то спать!— сказал Маттиас.

Все дяденьки, дожидавшиеся своей очереди бриться, с большим любопытством наблюдали за этой сделкой.

Филиппа молча лежала в коляске и смотрела на незнакомого дяденьку. Она даже засмеялась, бедняжка, ведь она не знала, что ее только что продали.

— Ну, давай попрощайся с Филиппой,— сказал усатый дяденька.— Ведь я уйду вместе с ней.

Склонившись над коляской, Маттиас взял маленькую ручку Филиппы в свою, погладил бантик на ее маленький шапочке. Теперь уже маме не придется надевать на нее шапочку...

Ему стало как-то не по себе, хотя в кармане у него лежало столько серебряных крон! Что же он наделал! Неужели он и взаправду продал Филиппу? Как раз теперь, когда у нее отросли реснички и вообще...

— Еще раз спасибо! Ну, до свидания!— распрощался с ним усатый дяденька и подтолкнул коляску к выходу.

Тут Маттиас почувствовал, что его всего, с ног до головы, обдало жаром.

— Нет, не надо! Я ее не продам!— закричал он и, бросившись вперед, вцепился в коляску.— Вот вам обратно деньги, пожалуйста: одна, две, три, пять, четыре, семь, шесть, девять, восемь, десять, крон!

У дяденьки с усами округлились от удивления глаза, но деньги он взял и стал старательно засовывать их обратно в кошелек.

Казалось, он не так уж и огорчился, что ему не удалось купить Филиппу. Наоборот! Он вдруг так расхохотался, что у него начал колыхаться живот.

— Я так и знал, что ты не захочешь продавать свою сестренку!— хохотал дяденька.

— Все-таки она очень миленькая, когда смеется!— признался Маттиас.

Усатый дяденька снова раскрыл свой кошелек, достал крону и протянул Маттиасу.

— Это тебе за то, что ты передумал и не продал свою сестренку!— похвалил он Маттиаса.

Не успел Маттиас выйти из парикмахерской, как Филиппа снова закричала.

Она кричала так, что личико ее сделалось лиловым. Но Маттиасу уже больше не хотелось ее продавать. Он понял, что очень любит ее, хотя она совсем маленькая и страшная крикунья, а личико у нее совсем лиловое.

Перевод Л. Брауде

ЮГОСЛАВИЯ

Народные песенки

ДОЖДЬ

Льет дождик,
Льет.
Пьет поле,
Пьет.
Что не выпьет
Поле,
Речка заберет.

ДВЕ ДОРОГИ

— В лес пойду
Дорогой длинной —
Наберу
Ведро малины.
— Не ходи
Дорогой длинной —
Там стоит
Комар с дубиной.
— Я пойду
Короткой.
— Там улитка
С плеткой.
— Я пирог
Возьму с собой.
— Ну, тогда
Иди любой.

Приговорки и заклички

ПЧЕЛЕ,

ЧТОБЫ ЛЕТЕЛА ИЗ УЛЯ

Пчелка,	Полети
Пчелка,	На лужок,
Золотая	Принеси
Холка,	Мне медок!

ДОЖДЮ,

ЧТОБЫ ПЕРЕСТАЛ

Громы
В небе
Расходились,
Вёдра
В небе
Прохудились.
Выйди, выйди,
Солнышко —
Золотое
Донышко,
Почини
Вёдра,
Подари
Вёдро!

ДОЖДЮ,

ЧТОБЫ ШЕЛ

Ливень, ливень,
Водолей,
лей,
лей!
Ты водицы
Не жалея,
лей,
лей!
Для пшеницы,
Для полей
лей,
лей!

СНЕГУ,

ЧТОБЫ ВАЛИЛ ГУЩЕ

Падай, падай,
Белый снег!
Хватит, хватит
Всем на всех.
Падай, падай
На село,
На гусиное
Крыло!
Поле белым
Укрывай —
Будет летом
Каравай!

РЕЧКЕ,

ЧТОБЫ СКОРЕЕ ЗАМЕРЗЛА

Рыбий
Домик
Водяной,
Кройся
Крышей
Ледяной.
Стынь,
Вода
Зеленая.
Стань,
Река
Студеная.

ЗАГАДКИ

Закукулено,
Замумулено,
Заколочено,
Зазамочено.
И у вас
Не хватит мочи

Раскукулить,
Раззамочить,
Если кто-то
Закукулил,
Если кто-то
Замумулил.

(Ворота)

На черный
Платок
Просыпано
Просо.
Пришел
Петушок
А склевать-то
Не просто.
(Звезды)

Длиннохвостая
Лошадка
Привезла нам
Каши сладкой.
Ждет лошадка
У ворот.
Открывай
Пошире рот.
(Ложка)

Мы зеленый
Круглый дом
Отопрем
Большим
Ножом.
Там сидят
На красной
Печке
В черных
Куртках
Человечки.
Человечков
Мы не тронем,
Только с печки
Их прогоним.
Возле печки
Посидим,
А потом
ЕЕ съедем.
(Арбуз)

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ

Бродит дрема
Возле дома,
В тишине
Шуршит соломой,
Ходит с песенкой
Знакомой:
«Баю-бай,
Баю-бай».

*

Пролетал высоко
Сокол,
Обронил перо
В осоку.
Соколиного
Пера
Не найти нам
До утра.
Снова солнышко
Взойдет —
Йова перышко
Найдет.

*

В гости горлицы
Летали —

В нашу горницу
Попали.
Сели
Подле колыбельки,
Песню
Ласковую спели:
— Гули-гули,
Засыпай.
Гули-гули,
Баю-бай.

*

Нашей Любике
Не спится —
Прилетай к нам,
Аист-птица,
С тихой дремой,
С крепким сном.
Угостим тебя
Зерном,
Напоим тебя
Водичей.
Прилетай к нам,
Аист-птица!

*

По крутым
Волнам Дуная
Скачет
Лодочка резная,
Кач-кач.
В легкой лодочке
Для Йовы,
Кач-кач,
В сундучке
Лежат обновы,
Кач-кач.
Спи.
И лодочка во сне,
Кач-кач,
Приплывет к нам
По волне,
Кач-кач.

*

По камням
Стучат подковы,
По дворам
Мычат коровы

По лесам
Летают совы,
Прогоняют
Сон от Йовы.
Мама песенку
Споет —
Сон от Йовы
Не уйдет.

*

Месяц дует
В свой рожок,
Ночь приводит
На порог.
Спи, сынок.
Заалеет
Край небес,
Посветлеет
Дальний лес,

И настанет
Утро в срок
И поманит
За порог.
Спи, сынок.

Пересказ Л. Яхнина

РУБАХА СЧАСТЛИВОГО ЧЕЛОВЕКА

(народная сказка)

Жил когда-то король. И было у него девяносто девять болезней. Самые лучшие знахари пытались вылечить его хотя бы от одной, но ничего не могли поделать.

Тогда позвал король мудрецов. И один из них сказал:

— Найди человека, который всем на свете доволен и ничего ему не нужно. Надень рубаху этого счастливого человека и сразу излечишься от всех своих девяносто девяти болезней.

По всему свету разослал король своих слуг искать человека, который всем доволен. Искали его повсюду. Во все углы и закоулки заглядывали. Нет как нет.

Однажды самый расторопный королевский слуга забрел на просторный луг и углядел там босоногого оборванца, который спал под открытым небом и при этом во сне улыбался.

— Эй, мил-человек, проснись!— крикнул слуга.— Всем ли ты доволен? Не желаешь ли чего?

— А чего мне желать?— засмеялся оборванец.— Есть у меня небо над головой. Земля под боком. Всем я доволен.

— Подумай. Может, чего-нибудь все-таки захочешь?

— Чего же мне хотеть? Солнце у меня над головой. Трава под ногами. Я счастлив и ничегошеньки не прошу.

— Тогда пошли к королю.

— А чего я там не видал?

— Король даст тебе денег.

— Зачем? Мне не нужны деньги.

Но слуга не отставал и наконец уломал, уговорил оборванца, привел его на королевский двор.

Обрадовался король — вот оно, его спасенье!

— Дай мне поскорее твою рубаху! — подбежал он к оборванцу.

— Рубаху? — удивился тот. — А зачем?

— Не рассуждай! С королем говоришь! Давай сюда рубаху. Я тебе за нее полную горсть золота насыплю.

Улыбнулся оборванец, распахнул дырявую куртку, а под ней никакой рубахи и нет.

Увидел это король и с горя тут же замертво пал.

А счастливый человек запахнул рваную куртку на голой груди и пошел себе своей дорогой.

ВЕК ЖИВИ — ВЕК УЧИТЬСЯ

(народная сказка)

Давно, ой как давно, жил на свете старый Старец. Много он знал, а еще больше видал на своем веку. Как-то зимним вечером сидел старый Старец у огня и размышлял. Вдруг в дверь постучали. Пришла к нему маленькая Девочка.

— Дедушка, — сказала она, — у нас очаг погас. Пожалуйста, дайте мне три уголька.

Поразмышлял немного старый Старец и говорит:

— Дам я тебе, маленькая Девочка, три уголька. Только в чем ты их понесешь?

— На ладошке, дедушка, — отвечает маленькая Девочка.

Засмеялся старый Старец:

— Ты же, глупая, ладошку обожжешь!

— Не бойтесь, дедушка, не обожгу, — успокоила его маленькая Девочка.

Подошла она к очагу. Зачерпнула горстку остывшего пепла. Насыпала его на ладошку. А уж на толстый слой пепла положила угольки. Поблагодарила и ушла.

А старый Старец еще долго-долго размышлял. Потом поднял вверх указательный палец и сказал сам себе:

— И у маленькой Девочки можно чему-нибудь научиться. Век живи — век учись.

ХОЗЯИН И ПОДМАСТЕРЬЕ

(народная сказка)

Работал у одного мастерового в подмастерьях мальчишка Петар. Как-то хозяин говорит ему:

— Вот тебе, Петар, деньги. Купи на базаре гороху на обед.

— Хорошо, хозяин,— говорит Петар,— а если гороху не будет, можно я куплю халвы?

— Если не будет гороху,— настаивает его хозяин,— купи чечевицы.

— Слушаюсь, хозяин,— говорит Петар,— а если чечевицы не будет, можно я куплю халвы?

— Если не найдешь чечевицы, купи немного пшена.

— Исполню, хозяин,— говорит Петар,— но если не будет и пшена, можно я куплю халвы?

— Если не будет на базаре пшена, тогда купи немного муки.

— Я мигом, хозяин,— говорит Петар.— А вдруг и муки не будет, можно тогда я куплю халвы?

Рассердился хозяин, затопал ногами:

— Да хоть объедков-огрызков принеси!

— Ладно, ладно, хозяин. Все, как велено, так и исполню. А когда я тебе объедков-огрызков возьму, можно я куплю себе халвы?

ДВА ЛЕНИВЦА

(народная сказка)

Шли два Ленивца. Проголодались. Видят, растет яблоня. А на ней яблоко зреет. Заспорили Ленивцы, кому за яблоком лезть. Один Ленивец и говорит другому:

— Давай, друг, ляжем под яблоню. Подождем, пока яблоко само упадет. Тут и съедем его.

Легли они под яблоней. День лежат. Два. Неделю. Наконец, созрело яблоко и упало. Прямо на голову одному из Ленивцев. Огромную шишку набило.

— Повезло тебе,— позавидовал другой Ленивец,— яблоко само упало. Теперь наешься.

А тот вздохнул тяжело и говорит:

— Да за ним еще тянуться надо! Вот кабы оно прямо в рот влетело!

Так и остались оба Ленивца голодными.

ЗВАЛИ ОСЛА НА СВАДЬБУ

(народная сказка)

Дремал Осел над пустыми яслями. Вдруг кто-то постучал в ворота скотного двора. Оказалось, быстрая Ласточка.

— Скорей, Осел, собирайся. Меня послали за тобой — звать на свадьбу.

Осел не шелохнулся, с места не сдвинулся. А маленький Ослик, сын его, расстроился:

— Почему это тебя, старого, зовут на свадьбу, а меня, молодого, нет? Я ведь и песни громче тебя покричать могу и потанцевать-потопать резвее тебя умею.

— Поживи с моё,— ответил старый Осел,— и узнаешь, что осла на свадьбу не танцевать зовут. Им, наверно, воды привезти надо или дров притащить.

КОТЕЛ И СЛИВА

(народная сказка)

Встретились как-то Врун и Хвастун. Остановились посреди дороги и стали друг другу новости рассказывать.

В нашем селе,— начал Врун,— вырос дуб. Такой высоты, что мы на него залезаем во время дождя и тучу веником отгоняем. А на ветках у него вместо желудей сливы растут. Каждая слива величиной с луну. А сливовые косточки такие, что мы в них живем. Теперь никто и домов-то у нас не строит. Все в сливовых косточках живут. Крепкие они, надежные.

Хвастун кивает головой, соглашается:

— Слыхали мы про дуб, как же! Да на прошлой неделе мы из ваших слив компот варили. Взяли котел. А он у нас особенный. Вместо ушек — уши. Все слышат. Ему только скажи, мол, надо бы сливовый компот сварить. Он тут же на ноги встает, идет к вашему дубу, рвет сливы. Потом на речку сбегает, воды зачерпнет. А надо тебе сказать, что он такой большой, что всю реку разом может вычерпать. Сам он у нас и дрова рубит. Иногда и целой рощи на один костер не хватает. Разведет котел под собой костер и закипает. А как компот сварится, мы его поедим, тут и спать пора. Переворачиваем мы свой котел вверх дном и все, как один, под него заходим. Тут и коровы наши, и овцы помещаются. Все село. Котел наш и зимой не остывает. Тепло под ним. Так что приходи в гости. Только слив не забудь нарвать с вашего дуба. Компот сварим.

Покивали друг другу Врун и Хвастун и разошлись. До завтрашних новостей.

Пересказ Л. Яхнина

Йован Йованович Змай

(1833—1904)

Знаменитый сербский поэт, просветитель, демократ. Сейчас в Югославии издается популярный детский журнал «Змай», в этом журнале есть «Страничка дяди Йована», где печатаются стихи детей. Премия за лучшую книгу для детей в Югославии носит имя Змая. В городе Новый Сад, на родине поэта, ежегодно проводятся международные праздники детской книги, которые называются «Змаевы детские игры».

БОЖЬЯ КОРОВКА

Божья коровка, божья коровка
Бежит по руке моей быстро и ловко.
Но вот на мгновенье у края застыла,
Короткие лапки слегка напрягла
И круглую спинку свою разломила
На два одинаковых крепких крыла.
Божья коровка, божья коровка,
Крапинкой черной мелькнула головка.
Долго я буду следить за тобою —
Где ты исчезнешь, в какой стороне?
Оттуда сегодня веселой гурьбою
Пожалуют милые гости ко мне.
Божья коровка, божья коровка,
Где на пути у тебя остановка?
К раскрытой ладони какого мальчишки
Ты прикоснешься, упав с вышины,
И крылышек лаковых круглые крышки
Покроют крутой коробочек спины?

ЧАСЫ

На столе часы лежат.
Подошел мой младший брат,
Увидал — часы лежат.
Интересно!
Взял часы мой младший брат,
А часы в руке лежат
И тихонько говорят:
— Тик-так! Тик-так!

И решил мой младший брат:
— Молока они хотят,
Потому и говорят:
Тик-так! Тик-так!
Взял он чашку молока,
Окунул часы слегка,
И теперь они молчат:
Сыты. Больше не хотят!

Я сяду верхом
На коня и поеду,
Поеду кататься
По белому свету.
Седло подо мною —
Цветная косынка.
Уздечка тугая —
Шнурок от ботинка.
Но конь заупрямился,
Остановился...
Эй, стул! Ты забыл,
Что в коня превратился?

СКАЗОЧКА

Маленький мальчик
В маленькой лодке
В маленьком море плывет.
Маленький ветер
По маленьким волнам
Лодочку гонит вперед.
К маленькой пристани
В маленький город
Мальчик приплыл наконец.
Маленький парус
Спущен на мачте,
И маленькой сказке конец.

Смотреть на это яблоко,
Над головой висящее,
Мученье настоящее!
Оно на тонкой ветке
Качается слегка,
И листиков касаются
Румяные бока.
Неслышно тень прозрачная
По яблоку скользит...
Оно такое сочное
И сладкое на вид.
И солнце протянуло
Свои лучи к нему,
А мне не дотянуться
До ветки самому.

СОВЕТЫ ДЯДИ ИОВАНА

Часы у нас воруют лень.
Беречь учитесь каждый день,
Чтоб не жалеть и малости
Потом, в далекой старости.
Прошу вас также не забыть,
Что хорошо прилежным быть,
Чтоб не краснеть за шалости
Потом, в далекой старости.
Старайтесь быть честней, добрей,
Любите преданных друзей,
Чтоб согревали радости
Потом, в глубокой старости.
Кто прожил жизнью трудовой,
Тот крепок телом и душой.
Не знать ему усталости
Потом, в глубокой старости.

Перевод Л. Яхнина

Десанка Максимович

(1898)

Творчество Д. Максимович в течение многих лет определяет развитие детской лирической поэзии. Ее стихи популярны во многих странах мира.

ПРЯТКИ

В прятки играют	— Горы, ищите!
Горы и море	Может, найдется!
На вольном просторе,	А горы зайдут за темные тучи:
Спрячутся горы	— Море, ищи их!
За полы тумана	Ищи их получше!
Вечером рано,	А море порою
А море плащом	Уйдет, затаится,
Золотым обернется:	Как будто себя
	Обнаружить боится.

САДИТСЯ СОЛНЦЕ

Садится солнце. И луч прощальный
Обнял деревья в роще дубовой.
Зовет его роща веткой печальной,
А солнце уходит своей дорогой.
Солнце садится, и тени длинные,
И под лучами тумана пятна.
Напрасно птица кричит с осины,
Напрасно травы зовут обратно.
Солнце садится. И над тропею
Вечерних мушек рои мелькают.
Напрасно травы зовут обратно.
Течет сквозь пальцы и утекает.

Перевод Д. Самойлова

Любимое Ршумович

(1939)

Остроумный сказочник, создатель нетрадиционных форм в литературе.

МИНИАТЮРЫ

ИНСТРУМЕНТ

Перед самым входом в эту книгу был задержан человек, умеющий открывать любую дверь за две секунды. Преступник сознался, что при этом он пользовался особым инструментом. На вопрос, что это за инструмент, он ответил:

— Вежливое слово.

Действительно, оказалось, что перед вежливым словом открываются все двери.

ТКАЧИ

В Түрице под Титовой Ужицей на ткацкую фабрику принято на работу тридцать котят. Давно замечено, что котята любят играть с клубками шерсти и делают это очень хорошо. С тех пор выпуск пряжи на фабрике заметно увеличился.

КАКАО

Одна корова из Панчевáчкого Рйта перестала давать молоко. Она решила давать какао, потому что узнала, что дети его больше любят.

ИГРУШЕЧНАЯ ЛОШАДКА

У Мйлорада Дамьяновича потерялась игрушечная лошадка.

— Лучше бы я сам потерялся, чем лошадка,— говорил Милорад,— потому что я-то знаю дорогу домой, а лошадка — нет.

КАЧЕЛИ

Мне стало известно, Мйлан Милйчевич из Милйчева села сконструировал качели для троих. Пока двое качаются — третий смотрит на них.

Один заяц, убегая от охотника Милёнка Кóстича, поскользнулся и вывихнул ногу. Миленко тут же вызвал «СКОРУЮ ПОМОЩЬ» и отправил зайца в больницу. Они договорились продолжить охоту, когда заяц выздоровеет.

ПЕРСИКОВЫЙ МАЛЬЧИК

Зóран Паскáльевич дружески похлопал по плечу Мýлана Рáдича. От этого похлопывания Милан ушел в землю по пояс. Когда приехали спасатели, он уже пустил корни. Опоздай спасатели еще немного, Милан бы зазеленел и на нем созрели бы персики.

НЕИЗВЕСТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Выведенный из терпения непослушанием своих родителей, трехлетний Пётар Радёнкович из Ниша решил уйти из дома в неизвестном направлении. Не зная точно, где это НЕИЗВЕСТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ, Петар обратился в Министерство Путей Сообщения, чтобы ему сообщили путь. Но ему ответили, что последнее НЕИЗВЕСТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ направилось неизвестно куда и когда будет, неизвестно. Так что Петару поневоле пришлось остаться дома.

НЕВИДАННАЯ ПТИЦА

Тóша Бай, мальчик дошкольного возраста из Бебчина, сообщил нам, что над Фрушкой Горой видел невиданную птицу. По его словам, невиданная птица точь-в-точь, как и виданная. С той только разницей, что она не видна.

ВЕРТОЛЕТ

Тимотийе Пёич из Петровáрдина придумал вертолет на одного человека. Новый вертолет намного лучше существующих — ему не нужен мотор, а пропеллер заменяют руки. Человек крутит ими над головой все быстрее и быстрее, пока не взлетит. Во всем остальном вертолет Тимотийе Пеича не отличается от обычных.

У Ристо Димовски из Скопле есть необыкновенные часы. Это его бабушка. Когда Ристо залеживается в постели, бабушка возмущенно разводит руками. И Ристо знает, что уже без четверти девять. Однажды Ристо опоздал в школу на целый час. Он объяснил это тем, что его часы ушли на базар.

КАК ОТПУСТИТЬ БОРОДУ

Дмитрие Попович, ученик третьего класса из Пánчева, решил отпустить бороду. Не зная, как это делается, он обратился к деду.

— Ухвати меня за бороду,— сказал дед.

Когда Дмитрие ухватил, дед сказал:

— Отпусти!

Так Дмитрие отпустил бороду.

ОБИЖЕННАЯ ДВЕРЬ

С Никóлой Зéкичем из Ужичкой Пóжеги случилась беда. От него сбежала дверь. Однако она вскоре была поймана и возвращена на место. Свой побег дверь объясняет тем, что Никола Зекич каждый день, возвращаясь домой, лупил ее ногами.

СПОСОБ ПРОВЕТРИВАНИЯ

Дóбривое Зéкич из Дóбойя изобрел новый способ проветривания комнат. Если проколоть футбольный мяч с двух сторон одновременно, то из него бьет струя свежего воздуха. Преимущество этого способа проветривания состоит в том, что от него не случается насморка.

СОЛНЕЧНАЯ ЭНЕРГИЯ

Нóвак Лéвкович, ученик первого класса из Тўзле, прослышал, что солнечное тепло теперь используют даже для двигателей самолетов. Он решил тоже использовать солнечное тепло как двигательную силу. Если греет солнышко, он идет в школу. А когда солнца нет, то никакая сила не сдвинет его с места.

ПОЛЬЗА ОТ ТЕЛЕВИЗОРА

Один телезритель из Него́тина уверяет, что его телевизионная антенна ловит все, что ни пожелаешь. Недавно она поймала ему утку на обед.

ФИЛИППЫ

Недавно на Филиппинах произошло из ряда вон выходящее событие. Один человек дал своему сыну имя Марко. Теперь на Филиппинах восемнадцать миллионов Филиппов и один Марко.

ДЕРЕВО

Ра́дош Илич из При́зрена пришел в кондитерскую и там, прямо посреди зала, посадил дерево. На вопрос, почему он посадил дерево именно здесь, Радош ответил, что он действовал по совету дедушки: «Где найдешь подходящее место, там и посади дерево». А лично для него кондитерская — самое подходящее место на свете.

ПОЛ-АВТОМОБИЛЯ

Бережливый Нича Ва́сич из Бе́ле Па́ланки купил пол-автомобиля. Нича был доволен, так как на пол-автомобиля уходит вполровину меньше бензина. Сел он за руль и поехал домой. Все было в порядке, пока он не въехал во двор. Когда Нича хотел остановиться, то увидел, что тормоз остался в другой половине, не купленной. Не имея возможности затормозить, Нича врезался в Комширину сливу. Комширя не поленился вызвать дорожную милицию. И Нича вынужден был заплатить полный штраф, хоть он и врезался в сливу не целым автомобилем, а половиной.

Пересказ Л. Яхнина

ЯПОНИЯ

Томико Инуи

(1924)

Известная писательница, автор рассказов и повестей, переведенных на многие языки.

САБУ

УТРО

В маленьком доме, что стоит на самом берегу голубого моря, живет мальчик Сабу.

Каждый день ровно в пять часов утра над морем раздается пронзительный звук сирены. Это сигнал для тех, кто занимается сбором морской капусты.

Заслышав сирену, мать и двое братьев Сабу тотчас же встают, быстро одеваются и идут к морю. Там их с криком и шумом встречают стаи белоснежных чаек.

Сабу тоже просыпается. Ему очень хочется спать, глаза слипаются. Но сон сразу уходит прочь, как только ноги Сабу ступают на песчаный берег.

На небе — ни облачка. Синее-синее море. Упругий соленый ветер дует в лицо.

«Это ты пришел, Сабу, доброе утро!» — кричит ему ветер.

«Доброе утро!» — шепчут волны.

— Мама! — кричит Сабу в сторону моря.

Неподалеку от берега качается на волнах лодка, в ней работают мама и братья. Лодка у них маленькая, с высоким бортом, такие делают специально для лова морской капусты.

Позади себя Сабу слышит топот. Оглядывается, а это маленький коричневый жеребенок Малыш.

— Подождем здесь, Малыш! Твоя мама скоро придет,— говорит Сабу жеребенку на ухо.

Сабу и маленький пушистый жеребенок стоят на берегу, волны весело играют у их ног, оставляя на песке кружевную кромку пены.

Возвращается лодка.

Старший брат Таро сходит на берег с большой охапкой морской капусты. Длинные стебли далеко тянутся за ним по песку. На берегу, переступая с ноги на ногу, его ждет уже лошадь Ао — мать жеребенка. Таро укладывает тяжелые, мокрые стебли на спину лошади. Под яркими утренними лучами солнца капуста сверкает и переливается радужными бликами.

Вскоре на спине лошади вырастает большая гора капусты, и Ао начинает медленно подниматься с тяжелой ношей в гору.

— Цок, цок...— стучат по берегу ее копыта.

А маленький жеребенок, увидев мать, мчится за нею вскачь. Он догоняет ее и ловко раздвигает свисающие по брюху, словно каскады водопада, стебли капусты и начинает с жадностью сосать. Лошадь останавливается и ждет, когда он насытится.

«Ну и сластена этот Малыш!»— думает про себя Сабу и улыбается.

Мальчик идет за лошадью к тому месту, где сушат морскую капусту.

Это большая открытая площадка. Она хорошо продувается ветром. Здесь работают женщины.

Они снимают с лошади длинные стебли капусты и укладывают их на песчаном берегу полосами, напоминающими шкуру зебры.

Когда с лошади сняли груз, она повеселела, энергично замахала хвостом и придвинулась ближе к жеребенку.

— Хватит тебе сосать, бесстыдник! У тебя и так брюхо раздулось,— говорит Сабу с укоризной жеребенку.

А тот смотрит на него непонимающим взглядом и хлопает длинными пушистыми ресницами.

Лодка, в которой работают мать и братья Сабу, еще раз отошла от берега и снова вернулась с уловом.

Вот уже и вся площадка заполнилась морской капустой.

— Пора завтракать!— слышит Сабу голос мамы.

Он тут же представляет себе, как мама, братья Таро, Дзиро, дядя и он, Сабу, сядут за стол и будут есть вкусную, горячую похлебку из ракушек, и у него сразу потекли слюнки.

ПОЛДЕНЬ

Наступил полдень. Маленький жеребенок, насытившись, уснул в тени под деревом.

Мама и братья разгружают большие лодки, которые непрерывно подходят к берегу. На маленькой лодке они подплывают к этим большим лодкам, перекладывают морскую капусту к себе и везут ее дальше, на место сушки.

Сабу, подражая старшим, берет несколько больших и тяжелых стеблей капусты, кладет их на спину и тащит, приговаривая:

— Взяли, еще раз взяли!

Он покраснел от натуги, а на носу даже выступили капельки пота.

«Держись, Сабу!»— кричат ему с высоты неба чайки.

«Молодец, хороший помощник!»— похвалил его краб, пробегая у самых его ног.

— Взяли, еще раз!..

Пот градом катит со лба, попадает в глаза и щиплет до боли.

— Сабу, это тяжело держать тебя, бросай! Ты еще маленький!— кричит мама, увидев сына с непосильной ношей.

А Сабу тем временем уже принес на место сушки целых три огромных стебля капусты.

— Иди-ка ты к братьям. Видишь, они там у скалы и собираются купаться,— говорит мама.

Сабу снимает трусики, отдает их маме, а сам бежит голышом к морю.

На берегу моря горит костер. Но из-за яркого солнца пламени костра совсем не видно.

«Куда же это братья успели уйти?»— думает Сабо.— Приготовили костер, чтобы печь уни — морских ежей, а сами, наверное, забыли про это и барахтаются себе в море».

— Ой!— испугался вдруг Сабу.

В углублении скалы что-то сверкнуло: присмотрелся — а это блестят стекла очков для подводного плавания старшего брата Таро.

Сабу взял очки и надел их. Тотчас вокруг все преобразилось, приобрело какой-то зеленый, фантастический цвет, словно он попал в подводное царство.

«В очках под водой хорошо! Все видно, как бы глубоко ты ни был. Положить бы в них уни для мамы»,— думает Сабу.

Он сидит, закрыв глаза, пригреваемый ярким полуденным солнцем, и представляет себя на дне моря: вот он заплыл глубоко, а дышать совсем нетрудно. Подражая старшему брату Таро, он сильно бьет ногами по воде и заходит все глубже и глубже. На дне моря — огромные, непроходимые заросли морской капусты. Широкие, зеленые стебли развеваются, словно флаги. Между ними проплывают маленькие, юркие рыбешки. Там и тут лежат на самом дне морские ежи. Пока Сабу раздумывает и выбирает, какого бы ему схватить ежа, что-то большое и пушистое проплыло вдруг совсем близко от него.

«Уж не наш ли это Малыш?»— подумал Сабу.— Ну да, точно! Это он!»

Между зарослями капусты пробирался жеребенок.

«Подожди, Малыш! Куда ты?»

Сабу бросается за жеребенком, но тот мелькнул совсем рядом и скрылся. Сабу успел только заметить, что грива и хвост у Малыша блестят, словно серебряные.

Вдруг Сабу чувствует, что вода в море стала прохладной. Кругом потемнело.

«Малыш, Малыш, подожди!»— закричал Сабу, беспомощно оглядываясь по сторонам.

Где-то совсем над головой в светлом пространстве он снова видит голову жеребенка, его гриву. Потом все пропадает.

«Малыш, Малыш, где же ты?»— громко кричит Сабу и, оттолкнувшись ногами, плывет к тому месту, где светло.

Скоро голова его появилась над ослепительно сверкавшей гладью моря.

И снова где-то совсем близко проплыло что-то пушистое, похожее на жеребенка.

«Да это же совсем и не жеребенок!»— вдруг восклицает Сабу. Он наконец понял, что все это время его преследовала рыба — морской конек, ее голова очень похожа на голову жеребенка.

«Взгляни вон туда!»— говорит ему морской конек.

Сабу видит огромную, яркую радугу, повисшую над морем. А там, где один конец ее опускается в воду, на самом горизонте видно маленькую, белую лодку.

«Уж не лодка ли это моего папы?»— подумал Сабу.

Он все смотрит и смотрит в сторону белой лодки, а тем временем красивая радуга постепенно бледнеет и наконец совсем исчезает.

Темные облака закрыли белую лодку и расплылись по всему небу, как большие чернильные пятна.

«Ах, как жаль, что белой лодки больше не видно!»

Сабу собрался было выйти из моря, как вдруг его накрыла большая волна и потащила в пучину. Сабу испуганно закричал и проснулся.

— Эй, Сабу, что с тобой?

Сабу открыл глаза и увидел братьев, сидевших рядом с ним.

— А где же белая лодка?— спросил он.

— Очнись, Сабу!— тормошит его брат.— Ты надел мои очки для подводного плавания и заснул в них.

Сабу окончательно просыпается и открывает глаза.

«Неужели и вправду я заснул и видел все это во сне?»— с удивлением думает он.

— Сабу, уни уже испеклись. Давай скорее есть!— зовет мама.

Сабу ест вкусные горячие уни и рассказывает братьям, что он видел во сне.

— Я видел белую лодку. И еще большую-большую красивую радугу.

Братья и Сабу долго еще сидели в тишине у моря. И только крик чаек нарушал эту вечернюю тишину.

ВЕЧЕР

Вечером до самой темноты Сабу помогал взрослым разгружать лодки. Оставшуюся на берегу капусту сложили в кучи, чтобы завтра разбросать ее для просушки.

Была уже совсем глубокая ночь, когда семья закончила ужин. Сабу так устал за день, что тотчас же уснул. А братья Таро и Дзиро уселись за тот же самый стол, где они ужинали, разложили свои учебники, тетради и стали готовить уроки. Потом и они пошли спать. Все заснули: и лошадь Ао, и ее пушистый жеребенок.

Вдруг посреди ночи раздался громкий плач Сабу. Мама подошла к нему и стала его успокаивать. Братья тоже проснулись.

А Сабу все всхлипывал, никак не мог успокоиться после тяжелого сна.

— Сабу, Сабу, перестань плакать,— успокаивала его мама.— Не плачь;

говорят, плохой сон к хорошей вести. Значит, наш папа вернется благополучно и с большим уловом.

Вскоре все утихло. Мама поправила матрац, на котором на полу спал Сабу, и стала потихоньку убаюкивать сына. А он, уже совсем засыпая, бормотал про себя:

— Это был настоящий морской конек, и я его видел на самом деле.

— Спи, спи, маленький,— шептала мама.

За окном уютно шуршали волны. Из окон на Сабу глядели яркие звезды, похожие на пуговицы форменной куртки рыбака, которую носил его отец.

НА СЛЕДУЮЩЕЕ УТРО

Рассвет едва только позолотил море, а в пять часов, как обычно, раздался свисток сирены. Сабу вместе со всеми проснулся и начал одеваться.

«Может быть, сегодня вернется мой папа, и мы с ним поедem на лодке за морской капустой»,— думал Сабу, вспоминая вчерашний сон.

Он пришел на берег, сел у песчаных дюн и стал смотреть на море.

Старший брат Таро взял весло, и лодка мигom отошла от берега. Трах-трах-трах...— затрещал мотор. Начался новый рабочий день.

«А Малыш-то, наверное, еще спит!»— подумал про себя Сабу и тотчас услышал позади себя знакомый топот ног.

Жеребенок подошел к Сабу, потянулся к нему теплой, мохнатой мордочкой.

— Здравствуй, Малыш! С добрым утром!

Пересказ А. Коломиец

Ито Масао

МЕШОК ПЕСЕН

Песни, и щебет, и гомон птиц
Спрячу я в красный мешок,
А лепетанье цветов полевых
Спрячу в синий мешок.
Вечером тихо и темно.
Я развяжу мешки.
Сколько вокруг зазвучит голосов!
Сколько песен вылетит вдруг!

'Китахара Хакусю

ЛУННОЙ НОЧЬЮ

Тон.

Тон.

Тон.

— Отворите дверь!

— Кто так тихо стучит?

— Это я — кленовый лист.—

Тон.

Тон.

Тон.

— Отворите дверь!

— Кто так громко стучит?

— Это я — горный ветер.—

Тон.

Тон.

Тон.

— Отворите дверь!

— Кто так поздно стучит?

— Это я — лунный свет.

Сайдзе Ясо

КАНАРЕЙКА

Канарейка взаперти

Разучилась песни петь.

— Может, выпустить тебя

В поле за горою?

— Нет, хозяин, нет, нет, нет!

Это не поможет, нет!

— Может отнести тебя

В заросли бамбука?

— Нет, хозяин, нет, нет, нет!

Это не поможет, нет.

— Может, ивовым прутом

Подстегнуть легонько?

— Нет хозяин, нет, нет, нет!

Это не поможет, нет.

Посади меня в челнок

Из слоновой кости,

Дай весло из серебра

И парчовый парус.

Поплыву в морскую даль

По дороге лунной.

Вот когда я запою,

Все припомню песни.

Перевод В. Марковой

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вы прочитали хрестоматию «Писатели мира детям», ваши дети узнали народные сказки, песенки, потешки, стихи и прозу известных писателей разных стран мира. Первое знакомство с зарубежной детской литературой состоялось. Вы увидели, как едины люди в своем стремлении воспитать детей добрыми, честными, любящими.

Но это только начало. Постарайтесь прочитать вашим детям полностью те произведения, которые здесь даны в отрывках. Не ограничивайтесь одной-двумя сказками Х. К. Андерсена, Ш. Перро, братьев Гримм и др., познакомьте детей и с другими их произведениями — мир каждого писателя глубок и таинствен, постичь его — значит приобщиться к творчеству. Многие писатели, с которыми вы только что познакомили ваших ребят, останутся с ними на всю жизнь. Дети узнают и другие их книги, «взрослые», философские. Пусть перед ними открываются горизонт за горизонтом!

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	3
Древний Египет. Древняя Греция	
Чародей Джеди	5
Дедал и Икар	10
Геракл освобождает Прометея	12
Австралия	
Лесли Ринс. Про коалу Ушастика	14
Австрия	
Откуда в Альпах столько камней (народная сказка)	32
Феликс Зальтен. Бемби. Лесная сказка (отрывок)	34
Мира Лобе. Как было дело с Мохнаткой	35
Кристине Нёстлингер. Черный человек и большая собака	57
Вера Ферра-Микюра. Путешествие в город чудаков (отрывок)	59
Афганистан	
Весельчак Али Мухаммед (народные сказки)	63
Бельгия	
Морис Карем. Радость	67
На травке	—
Растеряшка	68
Болгария	
Асен Босев. Юные натуралисты	69
Осенний ветер	70
Леда Милева. Синяя сказка	—
Николай Зидаров. Лесные фиалки	71
Цветан Ангелов. Гости	72
Зимняя армия	—
Бразилия	
Монтейру Лобату. Орден Желтого Дятла (главы из книги)	73
Великобритания	
Три поросенка (народная сказка)	89

Из английской народной поэзии	95
Из шотландской народной поэзии	—
Эдвард Лир. Чижи-Рики-Воробей	96
Льюис Кэрролл. Приключения Алисы в Стране Чудес (отрывок)	97
Кеннет Грэм. Ветер в ивах (отрывок)	102
Джозеф Редьярд Киплинг. Откуда у кита такая глотка	111
На далекой Амазонке	113
Уолтер де ла Мэр. Перышки в подушке	—
Сыграем в прятки	114
Элеонор Фарджои. Хочу луну!	—
Алан Александр Мили. Баллада о королевском бутерброде	124
Хью Лофтинг. Доктор Айболит (отрывок)	125
Венгрия	
Полушубочек (народная сказка)	127
Эва Яниковская. Сумка тети доктора	129
Давайте искать весну	132
Вьетнам	
Дуракам счастье (народная сказка)	135
Народные песенки	136
Хюи Кан. Утро вернулось	137
Летний полдень	138
Во Куанг. Заходите!	—
Ван Бьен. Дедушкины цветы	139
Германия	
Из немецкой народной поэзии	141
Иоганн Вольфганг Гёте. Лесной царь (баллада)	142
Братья Гримм. Горшок каши	143
Бабушка Метелица	144
Ханс Фаллада. Фридолин, нахальный барсучок (отрывок)	146
Отфрид Пройслер. Шестьсот восемьдесят семь овец	155
Добрый Пумпхут и злой мельник	156
Глупая Августина	159
Джеймс Крюс. Колдун в чернильнице	160
Герхард Хольц-Баумерт. Добрый день, Хопс!	161
Эва Штриттматтер. На качелях	167
Дания	
Саннный поезд (народная сказка)	168
С добрым утром, господин юстиции советник! (народная сказка)	172
Ханс Кристиан Андерсен. Принцесса на горошине	173
Пятеро из одного стручка	—
Йенс Сигсгорд. Палле один на свете	176
Иран	
Счастливым мальчик (народная сказка)	179
Омар Хайам. «Хорошо, если платье...»	180
«Вместо золота и жемчуга...»	180

Испания

Маленький галисиец (народная сказка)	181
Загадки	183
Хуан Антонио Лаиглесия. Полкилограмма сахара	—

Италия

Карло Коллоди. Главы из книги «Приключения Пинокио»	185
Джанни Родари. Чем пахнут ремесла?	192
Какого цвета ремесла?	193
Стишок про летнюю жару и городскую детвору	—
Лежебока	194
Всемирный хоровод	—
Сказки по телефону	195
Сказки, у которых три конца	197

Канада

Эрнест Сетон-Томпсон. Медвежонок Джонни	207
---	-----

Китай

Братья Лю (народная сказка)	219
Го Фэн. Купающийся тигр	221
Геккон	—

Корея

Ивовая дудочка (народная сказка)	222
Дружные братья (народная сказка)	224
Юн Ён Ман. Утро енота (басня)	225

Куба

Мирта Агирре. Морской конек	226
Николас Гильен. Песенка	—
Сахарный тростник	227
А сейчас нам станцует слон!	—
Два олененка	228
Морской напев	—
Басня	—
Элисео Диего. Покой	229

Монголия

Счастье Ананды (народная сказка)	230
Жамбын Дашдондог. Скорей бы подрасти	233
Лодонгийн Тудэв. Музыка	234

Норвегия

Улаф Кушерон. Приключения маленькой трески (отрывок)	237
Ингер Хагеруп. Майский жук	247
Турбьерн Эгнер. Песня юнги	248
Охота на лиса	—

Ловля трески у Лофотенских островов .	249
Мышиная колыбельная	—
Польша	
Юлиан Тувим. Про пана Трулялиńskiego .	250
Ян Бжехва. На Горизонтских островах .	251
Сомнение	—
Ванда Хотомская. Сказка про ёжик	252
Людвик-Ежи-Керн. Стихи про четыре ноги .	253
Румыния	
Соль в кушанье (народная сказка)	255
Тудор Аргези. Горестные переживания	259
Октав Панку-Яш. Придется мечтать о чем-нибудь другом . .	260
Сирия	
Кто умнее? (народная сказка)	263
Закария Тамер. Меч и роза	264
Лейла	—
Даляль Хатем. Авария	265
США	
Джозель Чендлер Харрис. Братец Лис и Братец Кролик	267
Смоляное чучелко	268
Как Братец Кролик перехитрил Братца Лиса	270
Сказка про лошадь Братца Кролика	271
Уолт Дисней. Приключения маленького щенка	273
Доктор Сьюз. Слои Хортон ждет птенца	274
Роберт Макклоски. «Зудесный чапах» (из книги «Приключения Гомера Прайса») .	279
Джон Чиарди. Мистер Жук	287
Лилиан Муур. Крошка Енот и Тот, кто сидит в пруду	287
Вильям Смит. Потехе час	291
Про летающую корову	292
Крокодилов смех	—
Уругвай	
Орасио Кирога. Плешиный попугай	293
Хулио Эррера-и-Рейссиг. Возвращение	297
Финляндия	
Анни Сван. Бельчонок и Елочка	298
Туве Янссон. Шляпа Волшебника (отрывок)	303
Франция	
Народные песенки, шутки, считалочки, небылицы	311
Шарль Перро. Красная Шапочка	315
Робер Деснос. Кит	317
Алэн Боске. Вопросы и ответы	—

Чехо-Словакия

Двенадцать месяцев (словацкая народная сказка)	318
Витезслав Незвал. «Я на всех обижусь...»	323
Мирослав Валек. Мудрецы	—

Швейцария

Как в Альпах петь на тирольский лад научились (народная сказка)	324
Йорг Мюллер. Хочет ли Медведь остаться медведем?	327

Швеция

Охотник Брюте (народная сказка)	330
Из народной поэзии	333
Астрид Линдгрен. Старшая сестра и младший брат	335
Кто вышел!	337
Мария Грипе. Эльвис! Эльвис! (отрывок)	341
Барбру Линдгрен. Как Маттиас хотел продать Филиппу (отрывок из повести «Маттиас и его друзья»)	354

Югославия

Народные песенки. Приговорки и заклички. Загадки. Колыбельные	358
Рубаха счастливого человека (народная сказка)	361
Век живи — век учись (народная сказка)	362
Хозяин и подмастерье (народная сказка)	363
Два ленивца (народная сказка)	—
Звали осла на свадьбу (народная сказка)	—
Котел и слива (народная сказка)	364
Йован Йованович Змай. Божья коровка	365
Часы	—
Конь	366
Сказочка	—
Яблоко	—
Советы дяди Йована	—
Десанка Максимович. Прятки	367
Садится солнце	—
Любимое Ршумович. Миниатюры	368

Япония

Томико Инуи. Сабу	372
Ито Масао. Мешок песен	376
Китахара Хакусю. Лунной ночью	377
Сайдзе Ясо. Канарейка	—
Заклучение	378

Учебное издание

ПИСАТЕЛИ МИРА ДЕТЯМ

Составитель **Иванова Эльвира Ивановна**

Зав. редакцией Л. А. Соколова
Редактор Т. Б. Слиzkова
Младший редактор Т. А. Петрова
Художник Р. Ж. Авотин
Художественный редактор Е. А. Михайлова
Технический редактор Р. С. Невретдинова
Корректоры И. А. Корогодина, Г. И. Мосякина

ИБ № 13518

Сдано в набор 21.02.91. Подписано к печати 12.09.91. Формат 70×90¹/₁₆. Бум. тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,08 + фор. 0,29. Усл. кр.-отт. 57,68. Уч.-изд. л. 30,55 + фор. 0,48. Тираж 358 800 экз. Заказ 625. Цена 2 р. 70 к.
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Министерства печати и массовой информации РСФСР.
129846, Москва, 3-й проезд Марьиной роши, 41.

Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Министерства печати и массовой информации РСФСР. 170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

Larisa_F

